

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

HARVARD COLLEGE LIBRARY

in honor of

ARCHIBALD CARY COOLIDGE

1866 - 1928

Professor of History

Lifelong Benefactor and
First Director of This Library

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

СБОРНИКЪ

Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. И. КАРВЕВА.

(1897 г.).

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1897.

P Slav 381.60 (1897-98)
(9-10)

~~Slav 25,20~~

~~P Slav 381.60~~

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
JULY 1 1922

2592

Печатается по постановленію Комитета Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Спб. 1 сентября 1897 г.

Предсѣдатель проф. Н. Кареев.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
В. А. Тураевъ. Новѣйшіе успѣхи и современное состояніе египто- логін.	1
П. О. Шутиковъ. Аграрный строй Пруссін въ серединѣ XVIII вѣка.	38
С. Л. Пташницкій. Средневѣковыя западно-европейскія повѣсти въ русской и славянскихъ литературахъ	59
А. Г. Ильинскій. Городское населеніе Новгородской области въ XVI вѣкѣ (съ предисловіемъ В. А. Мясотина)	119
В. И. Семевскій. Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка	244

Выпускъ въ свѣтъ IX тома „Историческаго Обзорѣнія“ замедлился по двумъ причинамъ. Средства, которыми располагаетъ Историческое Общество для этого изданія, крайне ограничены, и издержки по изданію сборника покрываются съ большимъ трудомъ, да и не такъ скоро, какъ то было бы желательно. Вотъ почему въ 1896 г. Историческое Общество и не могло выпустить своего „Обзорѣнія“. Второю причиною было то, что къ сроку не была доставлена большая коллективная работа, которая должна заключать въ себѣ обзоръ русской исторической литературы и которая предназначалась для IX тома.

Не желая болѣе задерживать появленія статей, давно уже отпечатанныхъ, мы рѣшаемся теперь же выпустить въ свѣтъ IX томъ, отложивъ обзоръ русской исторической литературы до десятаго тома, въ который войдетъ и „Историческая Хроника“.

Новѣйшіе успѣхи и современное состояніе Египтологіи.

В. А. Тураева.

I.

Еще далеко не прошло столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ изученіе древняго Египта получило новую пищу, стало на новую почву и было выдѣлено въ особый отдѣлъ исторической науки, тѣмъ не менѣе, благодаря постепенному накопленію матеріала, ему пришлось пережить нѣсколько фазисовъ развитія и, можно сказать, мы являемся свидѣтелями третьей главы исторіи египтологіи. Великое открытіе Шампольона далеко не вездѣ и не сразу нашло себѣ довѣріе и сочувствіе, да иначе и быть не могло: наука имѣла слишкомъ много причинъ извѣрнуться въ возможность удачныхъ попытокъ отысканія ключа къ египетской древности. Къ тому же и матеріалъ, находившійся въ ея распоряженіи, былъ слишкомъ ничтоженъ: до самой 2-й половины нашего столѣтія не было научно организованныхъ музеевъ и систематическихъ изданій памятниковъ. Египтологіи пришлось долго еще идти на буксирѣ древне-классическихъ авторовъ или, въ лучшемъ случаѣ, Библіи, а это положило глубокой отпечатокъ на ея характеръ. Чѣмъ былъ Египетъ для этихъ источниковъ? Страной чудесъ, родиной боговъ и наукъ, сѣдалищемъ высшей премудрости; такимъ же онъ долженъ былъ сдѣлаться и для новыхъ ученыхъ. Кромѣ того, классики видѣли его уже въ то время, когда онъ пересталъ быть древнимъ и даже самимъ собою, когда отъ его славнаго государственнаго и политическаго прошлаго не сохранилось даже правильныхъ и точныхъ воспоминаній, когда религія его окончательно

выродилась въ формализмъ и суевѣріе и подверглась синкретизму. По странной случайности, разборъ египетскихъ текстовъ начался съ демотики, розеттскій камень и другіе птолемеовскіе памятники были первымъ знакомствомъ новыхъ ученыхъ; съ произведеній этой позднѣйшей эпохи пришлось начинать также и потому, что ихъ было больше и ихъ можно было легче достать безъ систематическихъ раскопокъ. Добытое изъ этихъ позднѣйшихъ текстовъ считалось обязательнымъ для всѣхъ періодовъ египетской исторіи въ силу господствовавшаго тогда и теперь еще не всѣми оставленнаго мнѣнія о томъ, что Египетъ представляетъ единственное и невозможное въ исторіи явленіе 4000-лѣтней неподвижности и застоя. И вотъ, весь второй періодъ исторіи нашей науки характеризуется этими двумя особенностями: предвзятой мыслью объ египетской премудрости и отсутствіемъ историческаго метода при разработкѣ отдѣльныхъ сторонъ древности. Но это было неизбежно въ виду недостатка матеріала; надо было раньше позаботиться о его собираніи и предварительной разработкѣ. Въ этомъ отношеніи старая школа египтологовъ оказала большія услуги и подготовила почву для своихъ преемниковъ. Стоитъ только упомянуть о работахъ Лепсіуса, Маріетта, Дюмхена въ Египтѣ при раскопкахъ и о трудахъ Руже,—этого великаго француза, которому удалось убѣдить міръ въ научности египтологіи,—Шаба, Гудвина, Бругша, чтобы ясно представить себѣ всю ту массу неутомимой энергіи и усилій, благодаря которымъ наука въ 3—4 десятилѣтія достигла такихъ результатовъ, что въ пониманіи древнѣйшихъ текстовъ мы стоимъ, пожалуй, не ниже самихъ египтянъ болѣе позднихъ временъ; которые, при переписываніи этихъ текстовъ, дѣлали происходящія отъ непониманія ихъ ошибки какъ-разъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ затрудняемся и мы. Останавливаться на разсмотрѣніи этой старой школы египтологовъ не входитъ въ нашу задачу, а потому ограничимся упоминаніемъ о Бругшѣ. Этотъ недавно скончавшійся ученый—наиболѣе типичный представитель ея уже хотя бы потому, что жизнь его—это жизнь ея; онъ всецѣло принадлежитъ ей. Будучи ученикомъ Руже и переживъ всѣхъ своихъ сверстниковъ и сотрудниковъ, онъ и въ трудахъ своихъ былъ болѣе вѣренъ традиціямъ школы, не будучи въ состояніи освоиться съ новымъ теченіемъ и переживъ поэтому самого себя. Дѣятельность его обнимаетъ 40 лѣтъ и, начавшись съ демотической грамматики, охватываетъ всѣ отдѣлы египетской древности. Онъ собираетъ надписи, группируя ихъ по содержанію, но отнюдь не по періодамъ, составляетъ пособія по грамматикѣ, исторіи, географіи, лексикографіи и міеологіи, является дѣятельнымъ сотрудникомъ и часто редакторомъ возникавшихъ въ его время специальныхъ періодическихъ органовъ, способствовавшихъ централизаціи уче-

ныхъ силъ и оживленію ихъ дѣятельности. И вотъ, при всей массѣ положеннаго труда, всѣ работы Бругша носятъ характеръ его школы. Самое цѣнное въ нихъ—собранный сырой матеріалъ; выводы сомнительны, переводы не всегда точны и безупречны, приемы не всегда осторожны и свободны отъ предвзятыхъ идей, историческій методъ отсутствуетъ. Его географія Египта всецѣло покоится на птолемеевскихъ спискахъ номовъ, онъ даже въ 1893 г. читалъ ее въ такомъ видѣ въ берлинскомъ университетѣ; изложеніе египетской религіи предполагаетъ позднѣйшій синкретизмъ нормальнымъ порядкомъ вещей еще въ 1891 г., а грамматика игнорируетъ возможность языка имѣть исторію, хотя бы этотъ языкъ и существовалъ тысячелѣтія. Но это не помѣшало воспитаться на этихъ трудахъ въ стѣнахъ того же Берлинскаго музея новому поколѣнію египтологовъ, которые, располагая новымъ обильнымъ матеріаломъ и имѣя подъ руками готовые, составленные Вругшемъ пособія, могли открыть новый періодъ въ исторіи науки. Характеристиченъ фактъ, случившійся за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Вругша, во время моего пребыванія въ стѣнахъ того же музея. Этотъ ученый, серьезно изучавшій когда-то Книгу Мертвыхъ и основательно знавшій ее, попробовалъ-было попытать свои силы и въ новооткрытыхъ текстахъ пирамидъ. Среди хаоса ничѣмъ не связанныхъ формулъ его привычный взглядъ открылъ знакомыя строки, встрѣчающіяся и въ Книгѣ Мертвыхъ. И что же! Вругшъ не рѣшился взять на себя разсмотрѣніа этого интереснаго обстоятельства; онъ идетъ къ Эрману и указываетъ ему на него, ссылаясь на свою старость и невозможность переучиваться. Въ рукахъ Эрмана это обстоятельство послужило темой ¹⁾ для полнаго интереса историко-литературнаго изслѣдованія. Въ то же время чувствуя приближеніе смерти, Вругшъ печатаетъ свою автобіографію ²⁾, гдѣ мѣстами звучитъ уже скорбная нотка, а предъ самой смертью онъ напечаталъ свою послѣднюю статью ³⁾, которая является довольно краснорѣчивымъ отказомъ отъ проповѣдывавшихся имъ въ теченіе жизни взглядовъ и осужденіемъ приемовъ своей школы. Назвать египетскую премудрость „пустымъ призракомъ“, котораго не могли разоблачить только лжецы и глупцы—греки, и поиски ея—„напрасно потраченнымъ трудомъ“ было слишкомъ радикально и горько для человѣка, который потрудился надъ этими поисками всю свою жизнь и больше всѣхъ своихъ современниковъ и который не далѣе, какъ за 3—4 года

¹⁾ Die Entstehung eines Totenbuchttextes. *Aeg. Ztschr.* 32, 2.

²⁾ Mein Leben und mein Wandern въ *Vossische Ztg.* весной 1893 и отдѣльно.

³⁾ Die altägypt. Weisheit въ *Universum*. Русскій переводъ въ *Сборникъ Новы* 1895, сентябрь.

до этого утверждалъ ¹⁾, что египетская наука, даже при своемъ служебномъ относительно храмовъ положеніи, все-таки стояла на своихъ ногахъ, была независима отъ иноземныхъ вліяній, воспитала великихъ греческихъ ученыхъ и философовъ и не могла быть пустымъ продуктомъ воображенія послѣднихъ. Что слова эти были подсказаны горечью разочарованія, доказывается и тѣмъ, что они были слишкомъ крайни, а потому не вполне справедливы.

II.

Назначеніе въ 1881 г. Масперо директоромъ египетскихъ музеевъ было началомъ цѣлаго ряда важныхъ археологическихъ находокъ, создавшихъ новую эпоху египтологіи. Какъ извѣстно, Саккараскія пирамиды были еще въ 50-хъ годахъ предметомъ работъ Мариетта, но онъ былъ увѣренъ, что въ нихъ нечего искать надписей и успѣлъ въ достаточной степени укоренить это убѣжденіе. И вотъ, предпринятая съ 1880 г., подъ руководствомъ Масперо, раскопки обнаружили въ коннатахъ саркофага и примыкающихъ къ ней помѣщеніяхъ длинныя вертикальныя іероглифическія надписи заупокойнаго содержанія. Были найдены, эстампированы и изданы Масперо съ приложеніемъ предварительнаго перевода тексты пирамидъ: Унаса, Тети, Пени I и II, Меренра. Значеніе этого открытія для науки было громадно. Древнѣе этихъ текстовъ едва ли можетъ что-либо быть; несомнѣнно, что редація многихъ изъ нихъ частей восходитъ къ доисторическимъ временамъ Египта; какъ языкъ ихъ, такъ и разоблачаемыя ими религіозныя и культурныя представленія поражаютъ своею архаичностью. Такимъ образомъ наши изслѣдованія обогатились источникомъ громадной важности, сдѣлавшимся для нихъ немедленно исходнымъ пунктомъ.

Не менѣе важна была другая находка. Уже въ 70-хъ годахъ до Масперо стали доходить слухи о существованіи гдѣ-то группы гробницъ, изъ которыхъ попадали на свѣтъ интересныя древности и папирусы. Онъ употребилъ всѣ усилія, не отступая предъ судебными преслѣдованіями и угрозами по отношенію къ заподозрѣннымъ въ продажѣ и укрывательствѣ древностей феллахамъ, и дѣйствительно, лѣтомъ 1881 г. ему удалось, спустившись вмѣстѣ съ Эмилемъ Бругшемъ въ подземныя пещеры Дейръ-эль-Бахари, открыть тамъ муміи и усыпальницы великихъ фараоновъ времени блеска и упадка Эмванскаго періода египетской исторіи. Здѣсь были и Тутмосы, и Рамзесы и Сети, и смѣнившіе ихъ жрецы со своими семействами. Приложен-

¹⁾ Die Aegyptologie 316.

ния къ муміямъ первыхъ надписи изъ временъ Хирхора говорили, что онѣ перенесены сюда по повелѣнію этого верховнаго жреца Амона. Масперо припомнилъ о процессѣ противъ грабителей, рассказанномъ въ папирусѣ Abbot, и остроумно заключилъ, что муміи древнихъ царей перенесены сюда изъ ихъ усыпальницъ въ Drah abu' l Néggah и Biban-el-Molouk, для укрытія ихъ отъ покушеній воровъ. На это между прочимъ указывалъ интересный фактъ замѣны нѣкоторыхъ исчезнувшихъ мумій искусственными. 11 іюля египетскіе цари на пароходѣ Булакскаго Музея совершали свое посмертное путешествіе по Нилу, причемъ, какъ нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ, потомки ихъ подданныхъ, собираясь толпами по берегу, провожали ихъ жалобными криками, а мужчины даже примѣняли современный обычай при погребеніяхъ—стрѣляли изъ ружей. Нечего и говорить, какое впечатлѣніе произвела эта находка на ученый міръ и какія имѣла она въ наукѣ послѣдствія ¹⁾.—Параллельно съ этимъ Масперо производилъ раскопки въ окрестностяхъ Оивъ и Мемфиса, надѣясь, главнымъ образомъ, найти что-либо для освѣщенія темнаго періода между VI и XII дин. Усилія его увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ: внимательно изслѣдовавъ Таудъ, Рикагатъ, Ермонтъ и Неггаде—пункты, пользовавшіеся извѣстностью до усиленія Оивъ и пришедшіе въ упадокъ съ ихъ возвышеніемъ, онъ нашелъ въ нихъ нѣкоторыя принадлежности древнихъ гробницъ, а также въ послѣднемъ—рядъ интереснѣйшихъ надгробныхъ плитъ варварской своеобразной работы; единственный изъ европейскихъ музеевъ, содержащій образцы ихъ—Флорентійскій. Кромѣ того, недалеко отъ Дейръ эль-Бахари онъ открылъ гробницу временъ сред-

¹⁾ По желанію Хедива 1-го іюня 1886 г. начался осмотръ мумій по освобожденіи ихъ отъ погребальныхъ пеленъ. Результаты были весьма интересны; если онѣ не были ограблены, то сохранились настолько хорошо, что давали возможность распознать черты лица, возрастъ и даже ботѣвъ, отъ которой умеръ царь. Между прочимъ мумія Секенира III, побѣдителя Гиксовъ, обнаружила страшныя раны, полученныя имъ въ бою, и была наскоро приготовлена; одна безымянная мумія молодого человѣка XVIII дин., судя по всѣмъ признакамъ, отравленнаго, принадлежитъ, по мнѣнію Масперо, не царствовавшему сыну Аменготпа I, сдѣлавшемуся, быть можетъ, жертвой придворной интриги. Мумія знаменитой царицы, покровительницы некрополя Аамесъ-нофратри стала немедленно разлагаться. Интересно подмѣтить различія въ обстановкѣ и способѣ бальзамированія различныхъ эпохъ: цари — жрецы, не имѣвшіе средствъ для возведенія дорогихъ усыпальницъ, сосредоточили всю роскошь на убранствѣ мумій, которыя, съ другой стороны, обнаруживаютъ упадокъ искусства бальзамированія. Наконецъ, нѣкоторые муміи были разграблены, обезображены грабителями и въ послѣдствіи „починены“. Иногда эта починка доходила до замѣны исчезнувшей муміи новой искусственной изъ бумаги и дерева. (Отчетъ объ этомъ въ Bulletin del' Institut Egyptien II, VII, 252).

ного царства нѣкоего Горготпа съ текстами одного порядка съ изд. Lepsiusомъ въ его *Älteste Texte*, т.-е. заушочными въ переходной редакціи отъ пирамидъ къ Кн. Мертвыхъ, причемъ, что весьма интересно, 17-я глава еще не нуждалась тогда въ комментаріи. У Мемфиса, къ с. отъ пирамиды Мерира, Масперо нашелъ въ 1884 г. некрополь XI—XII д., между прочимъ одну совершенно цѣликомъ сохранившуюся гробницу съ тремя саркофагами (Хеперкара, Гори и Сибастатъ), опять таки съ подобными же текстами. Сравненіе этихъ саркофаговъ съ древними египетскими убѣдило въ томъ, что искусство Мемфиса и благосостояніе его обитателей во время средняго царства вовсе не было въ особенномъ упадкѣ, а также, что между нимъ и Эгипетскимъ вовсе нѣтъ предполагавшейся Мариеттомъ пропасти ¹⁾. Въ тотъ же промежутокъ времени Масперо и Буріанъ производили работы въ Карнакѣ ²⁾, Луксорѣ, Телль-эль-Амарнѣ и Ахминѣ; въ первомъ много потрудился Мариеттъ, да и бюджетъ Масперо не позволялъ ему начать здѣсь правильныхъ раскопокъ, тѣмъ не менѣе ему удалось сдѣлать интересныя находки, (между прочимъ знаменитую историческую надпись Гор-эмгеба, изд. Bouriant въ *Recueil VI 41* и нѣкоторые памятники 21 дн.), возстановить разрушенныя части ипостили и часовню 25 дн. Кромѣ того онъ произвелъ интересныя изслѣдованія по топографіи древнихъ Оавъ и фізіономіи древне-египетскаго города, который, какъ оказывается, былъ очень похожъ на своего современнаго преемника. Въ Луксорѣ, гдѣ Мариетту не удалось начать правильныхъ раскопокъ, Масперо пришлось преодолѣть значительныя трудности: для открытія храма оказалось необходимымъ снести половину деревни. Подписка, объявленная *Journal des Débats* и *Times* снабдила его очень скоро суммой, необходимой для отчужденія земель и удовлетворенія обывателей, тѣмъ не менѣе все-таки не обошлось безъ содѣйствія полиціи

¹⁾ Вообще Масперо склоненъ предполагать, что Интефы и Монтуготпы XI дн., не носившіе еще титуловъ фараоновъ, современны промежуточнымъ темнымъ династіямъ, т.-е., что конецъ XI д. прямо примыкаетъ къ VI-й. Всѣ старанія Масперо найти въ Мемфисѣ или Эгиптѣ мастабу или гробницу, начатую какимъ-либо вельможей при VI дн. и служившую усыпальницей въ темный періодъ, не увѣнчались успѣхомъ. Точно также были съ этой стороны тщетны работы въ Мейдумѣ, гдѣ мастаба остались неконченными и неотдѣланными, въ Лиштѣ, гдѣ ихъ матеріалъ употребленъ для повѣшенихъ сооружений и остатки указываютъ на XII дн., въ Дашурѣ, гдѣ они, не будучи засыпаны пескомъ, разрушены и, судя по нѣкоторымъ признакамъ, относились къ IV дн.

²⁾ Въ сезонъ 1887/8 г. Буріанъ работалъ въ Карнакѣ и списалъ много текстовъ, особенно въ храмѣ Хонса, Мутъ (интересны падаемые имъ гимны богинѣ), второмъ пилонѣ и т. д. См. *Recueil de travaux relatifs à la philologie égypt.* XI, 131. XIII, 153. XIV, 67.

при ихъ выселеніи. Результаты работъ были вполне благопріятны: величественный храмъ, очищенный, по возможности, отъ слѣдовъ послѣдующихъ вѣковъ, предсталъ во всей красотѣ, вызывая восторгъ путешественниковъ и ученыхъ. Въ Ахмимѣ найдено много интересныхъ древностей, особенно важныхъ для изученія религіи позднѣйшихъ временъ; въ Телль-эль-Амарнѣ (1883 г.) Вуріанъ описалъ гробницы единомышленниковъ Хунатена: Ан, Апіи, Маху, списавъ съ нихъ и перевелъ интересные гимны въ честь Атена; Масперо нашелъ здѣсь около 40 новыхъ гробницъ, но число надписей не соответствовало этой массѣ, такъ какъ не всѣ усыпальницы были отдѣланы. Правильныхъ раскопокъ производить было нельзя: мѣстные жители были заняты войной съ Бедуинами. Въ 1885 г. Масперо продолжалъ работы въ Оивахъ и, несмотря на большія затрудненія, нашелъ нѣсколько гробницъ XVIII дин. съ интересными изображеніями у Ассассифа и Дейръ-эль-Медине.

Великая заслуга Масперо заключается между прочимъ и въ томъ, что онъ не слѣдовалъ приему Мариетта относиться съ предубѣжденіемъ противъ мѣстныхъ безъ громкихъ именъ; онъ считалъ обязанностью посвящать имъ ежегодно 2—3 недѣли, и его изысканія, всегда увѣнчиваясь успѣхами, весьма содѣйствовали расширенію матеріала. Феллахи, которымъ онъ обѣщалъ половину находки, стали мѣнять ремесло грабителей древностей на болѣе надежныя обязанности помощниковъ администраціи музея и нерѣдко указывали ему на мѣстности, содержащія остатки старины. Такъ, напр., въ декабрѣ 1884 г. при копаніи колодца у El-Khozam'a къ с. отъ Оивъ они натолкнулись на развалины заупокойной часовни XI дин., а въ Сіутѣ на кладбищѣ Dongah, по ихъ указаніямъ, была найдена въ древней подземной гробницѣ весьма интересная лабораторія алхимика, судя по устройству печки VII—VIII в. по Р. Х. Интересно при этомъ, что сосудами для него служила утварь древнѣйшихъ гробницъ и между прочимъ Сіутскихъ номарховъ средняго царства. Нашли также немого золота, причемъ мѣстные жители Копты, конечно, старались не допустить другихъ до завладѣнія имъ. На сдѣланное имъ замѣчаніе, что сокровища принадлежатъ правительству, послѣдовалъ отвѣтъ, что они не хотятъ знать правительства, состоящаго изъ иностранцевъ, что сокровища положены ихъ отцами и пусть, если угодно, мусульманское правительство раскапываетъ гробницы своихъ предковъ въ Аравіи. Щепотка лежавшей здѣсь черной земли, брошенная на раскаленную до-красна мѣдъ, окрасила ее въ бѣлое, какъ необходимая принадлежность алхимическихъ лабораторій — философскій мышьякъ. — Къ востоку отъ Эдфу въ горныхъ гротахъ была найдена массовая могила, служившая сначала, судя по испорченнымъ надписямъ на гробовыхъ покрывкахъ, мѣстнымъ владѣтелямъ, управ-

влявшимъ областю отъ имени послѣднихъ Птолемеевъ, а потомъ въ римское время заваленная трупами нѣзшихъ служителей храма. Глубокій интересъ представляютъ эти послѣдніе памятники древне-египетской культуры и въ то же время одного изъ самыхъ знаменитыхъ въ древности святилищъ наканунѣ торжества христіанства. Все выдаетъ, говоритъ Масперо, въ нихъ нищету и невѣжество: ни одной надписи, ни изображенія, ни одного амулета или скарабея, и ихъ нагота столь хорошо извѣстна сосѣднимъ арабамъ, что они даже не трудились ихъ открывать.—Въ *Гебелейт*, др. *Афродитисполъ* (на полпути между Ермонтомъ и Есне) было найдено два некрополя саисской эпохи; болѣе знатные хоронились на другомъ берегу Нила, гдѣ теперь деревня Меала, но уже и здѣсь гробницы болѣею частью массовыя, причемъ изящные саркофаги съ правильными надписями, очевидно Оиванскаго издѣлія, составляютъ меньшинство, остальные — грубой мѣстной работы; что же касается кладбища бѣдняковъ на лѣвомъ берегу, то тамъ даже и гробовъ нѣтъ, и небрежно приготовленные муміи просто брошены въ неглубокія ямы, такъ что многіе изъ нихъ были откопаны и сѣдены шакалами и гіенами. При покойникахъ найдено много сосудовъ и оружія, конечно, „убитаго“.—Въ этомъ же году Масперо опять посѣтилъ *Аджимъ* и здѣсь нашелъ некрополь по указаніямъ окрестныхъ крестьянъ, у которыхъ онъ замѣтилъ передъ избами саркофаги изъ бѣлаго камня, служившіе яслами. Находки превзошли его ожиданія: это былъ, дѣйствительно, городъ покойниковъ всѣхъ эпохъ египетской исторіи. Гробницы болѣею частью и здѣсь были массовыя, часто мѣнявшія обитателей, если за храненіе послѣднихъ родные не вносили условленной платы въ срокъ. Найдены также муміи временъ Антониновъ въ греко-римскихъ костюмахъ, очень крупкія и разсыпавшіяся; только большія предосторожности помогли спасти нѣсколько изъ нихъ изъ огромной массы. — Кромѣ того, изслѣдованы были и другія мелкія мѣста вдоль Нила. Въ деревнѣ *Helleh* найдена гробница кучера Рамзеса III и портреты двухъ боевыхъ коней цара; *Girgeh* оказался преемникомъ древняго *Tunisa*, а лежащій противъ него *Mesheikh* скрывалъ храмикъ, выстроенный Рамзесомъ II и украшенный статуями Сехетъ, взятыми изъ Карнака.

Недалеко отъ послѣдняго было мѣсто упокоенія особихъ чиновниковъ некрополя „сотемъ ашъ емъ нитъ маатъ“, которыми занимался и раньше Масперо на основаніи многочисленныхъ ихъ надгробныхъ надписей, попавшихъ въ европейскіе музеи. Здѣсь онъ нашелъ

¹⁾ Отчеты объ этихъ раскопкахъ Масперо см. Academy 1885, 92 и 109, а также въ Bulletin de l'Institut Egypt. 1885, II, VI, 3 s. q. и Bibliothèque Egyptol. I, 145.

цѣлую нетронутую семейную гробницу, въ которой даже уцѣлѣла большая рѣдкость—сани для ритуальной перевозки муміи; обыкновенно эта мебель попадаетъ въ руки арабовъ, которые ее рубятъ на дрова или продаютъ кусочками туристамъ. Покойный Сенпотуму былъ, очевидно, при жизни любитель литературы; по крайней мѣрѣ родные сочли необходимымъ помѣстить въ его гробницу на камнѣ отрывокъ изъ знаменитыхъ похожденій Синуи; интересно, что камень умышленно разбитъ; это напоминаетъ обычай многихъ народовъ „убивать“ даваемые покойному вещи, чтобы ихъ духъ услаждалъ его духъ за гробомъ. Раскопки въ Гебелейнѣ, (къ югу отъ Омъ на лѣвомъ берегу Нила), обнаружили гробницы мѣстныхъ номарховъ средняго царства; онѣ поражаютъ бѣдностью, отсутствіемъ искусства украшеній и даже тщательности въ погребеніи. Очевидно владѣтели маленькой области не располагали средствами своихъ Бенигассанскихъ коллегъ и современниковъ.—Въ Ахмимѣ Масперо разыскивалъ остатки древняго коптскаго монастыря, упоминаемаго у Покока, и его поиски увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Кромѣ монастыря и христіанскаго кладбища, гдѣ были найдены высушенные тѣла духовныхъ лицъ въ полномъ облаченіи, обнаружена скала съ *graffitti* всѣхъ эпохъ египетской исторіи, начиная съ іератическихъ и греческихъ и кончая коптскими и арабскими. (Между прочимъ часто попадаетъ имя Несторія; извѣстно, что знаменитый еретикъ былъ сюда сосланъ). Въ Элефантинѣ, кромѣ некрополей римскаго и коптскаго и развалинъ коптскаго монастыря, сопутствовавшіе Масперо генералъ Гренфелль и туземецъ Мустафа нашли гробницы мѣстныхъ номарховъ времени VI и XII дин.¹⁾ Первые обнаруживаютъ много богатства и вкуса; по своей живописи (скульптуры въ нихъ нѣтъ) нѣкоторыя изъ нихъ могутъ выдержать сравненіе съ Бенигассанскими; вторыя также представляютъ глубокий интересъ. Къ сожалѣнію, большая часть египетскихъ гробницъ служила въ послѣдствіи келліями для монаховъ, которые, раскладывая

¹⁾ Изд. Bouriant, въ X т. *Recueil* (стр 181 в. q.) ср. статью *Scheil ib.* XIV, 94. Въ февралѣ 1891 г., по желанію шведской принцессы, здѣсь была открыта гробница номарха Херхуфа. Проф. Скиапарелли занялся изданіемъ и изученіемъ ея надписей, полныхъ глубокаго интереса и рассказывающихъ объ экспедиціи на дальній югъ, предпринятой покойнымъ, о доставленіи имъ оттуда сокровищъ и между прочимъ картинка для увеселенія двора, за что получилъ благодарственный рескриптъ. Въ своей статьѣ, помѣщенной въ запискахъ академіи, Скиапарелли помѣщаетъ нѣсколько экскурсовъ объ африканскихъ народахъ и, между прочимъ приводитъ рядъ свидѣтельствъ новыхъ путешественниковъ о существованіи въ центральной Африкѣ малорослаго населенія, которое будто даже и по имени подходитъ къ упоминаемому въ надписи Дангъ—Dongos, Donkos. Надпись возбудила въ наукѣ большой интересъ и сдѣлалась предметомъ многихъ статей.

огонь, а иногда и умышленно сильно повреждали изображенія и нерѣдко покрывали своими graffiti древнія надписи.

Наконецъ въ тотъ же сезонъ Масперо продолжалъ раскопки въ Саккараскомъ некрополѣ и началъ очистку отъ песка великаго сфинкса, надѣясь найти подъ нимъ шедесталь съ камерами. Интересно, что, затруждаясь въ средствахъ и источивъ ресурсы Музея, онъ объявилъ во Франціи подписку, и *Journal des Débats* въ три дня собралъ для него требуемую сумму¹⁾. Работы по открытію этого сфинкса продолжалъ и преемникъ Масперо въ званіи директора древностей — Гребо, который также производилъ раскопки и въ другихъ мѣстахъ, обратившихъ на себя вниманіе его предшественника: Карнахъ, Мединетъ-Абу, Луксоръ Дейръ-Эль-Вахри, онъ открылъ между прочимъ могилы жрецовъ Амона. Масса открытыхъ новыхъ текстовъ и памятниковъ переполнила залы музея въ Гизѣ. Новому директору Моргану, назначенному въ 1892 г., пришлось на первыхъ же порахъ заняться приведеніемъ ихъ въ порядокъ и каталогизаціей. Раскопки, предпринятія подъ его управленіемъ, были вполнѣ успѣшны. Въ первый сезонъ на саккараскомъ полѣ у пирамиды Тети I были раскопаны мастаба его двухъ вельможъ: Меру-ка и Кагемни съ обычными въ погребальныхъ памятникахъ изображеніями и интересными прекрасно сохранившимися надгробными плитами. Здѣсь же нашли въ одной анонимной мастаба прекрасную статую сидящаго писца, соперницу Луврской. Кромѣ того открытъ памятникъ, отмѣченный Лепсіусомъ, какъ пирамида № 18, который также оказался мастаба Пташепсу, вельможи царя Сахура (V дин.); особенность его — лотосовыя колонны, которыя до сихъ поръ считались не свойственными такому раннему времени. Въ самомъ Мемфисѣ былъ раскопанъ выстроенный Рамзесомъ II храмъ Пта, причемъ найдена статуя этого царя и двѣ колоссальныя статуи бога. Не были оставлены безъ вниманія и другія мѣстности, давшія также кое-гдѣ интересныя находки²⁾. Въ слѣдующемъ году работы производились на Дашурскомъ полѣ; было и здѣсь изслѣдовано много мастаба XX д. и открыта пирамида, бывшая мавзолеемъ Усертесеновъ II и III и Аменемга III, причемъ найдено два уцѣлѣвшихъ отъ воровъ ящичка съ украшеніями царевенъ. Въ февралѣ 95 г. въ сосѣднихъ могилахъ въ в. отъ пирамиды Аменемга II открыты также сокровища царевенъ Иты и Хнумитъ. Искусство древнихъ ювелировъ, не смотря на протекшія тысячелѣтія, поражаетъ изяществомъ, тонкостью, лег-

¹⁾ Отчетъ о работахъ въ теченіе сезона 1885—6 года см. въ *Bulletin de l'Institut Egypt.* II, 7, 196 sq.

²⁾ См. отчетъ Моргана въ *Bullet. de l'Institut Egypt.* 1893.

костью. Вещицы сохранились прекрасно ¹⁾). Наконецъ, подъ руководствомъ Моргана, совершенно еще одно важное открытіе въ одной анонимной гробницѣ Drag-abul-neggah: найдено изображеніе семействъ финикіанъ, прѣхавшихъ съ товарами и дарами въ египетскую гавань ²⁾).

Кромѣ раскопокъ, французы занялись также за подробныя описанія отдѣльных храмовъ, гробницъ и т. п. и изданія in extenso ихъ надписей и изображеній. Это важное предпріятіе, которое снабдитъ ученыхъ необходимымъ пособіемъ, ведется какъ французской археологической школой въ Каирѣ, такъ и дирекціей Гизскаго музея. Къ сожалѣнію, масса матеріала и желаніе поскорѣе сдѣлать его общимъ достояніемъ весьма часто вліяетъ неблагоприятно на исправность изданій и тщательность переводовъ.—Въ ряду работъ этого рода на первомъ планѣ слѣдуетъ упомянуть объ описаніи царскихъ гробницъ Biban-el-Molouk'a, составленномъ Лефебуромъ. Могила Сети I и его преемниковъ неоднократно были предметомъ описаній: здѣсь работали и Шампольонъ, и Лепсіусъ, но работы ихъ далеко не отличаются полнотой и точностью, которая до извѣстной степени достигнута новымъ изданіемъ. Главный интересъ гробницъ царей XIX и XX дин.—заупокойно-религиозные тексты и масса изображеній. Масперо пришелъ къ убѣжденію, что они древнѣйшаго происхожденія; разница между этими гробницами и мемфисскими въ томъ, что они изображаютъ въ картинахъ то, что послѣдніе выражаютъ въ текстахъ и молитвахъ, а также, изъ всей массы представленій, египетскія гробницы отдають предпочтеніе такимъ, которыя были болѣе близки къ господствовавшей тогда безраздѣльно религіи солнца, и обходятъ то, что касается блужданія души по землѣ. Имъ мы обязаны цикломъ книгъ: „словословія солнцу“ ³⁾), „книга о томъ, что въ Дуатѣ“ ⁴⁾), рассказывающая о прохожденіи богомъ Ра 12 ночныхъ часовыхъ мытарствъ и пребываніи въ нихъ покойниковъ; „книга объ отверстіи устъ“, „книга о томъ свѣтѣ“, обрывки мифологическихъ сказаній о старости Ра, наказаніи имъ людей, такъ наз. „книга о небесной коровѣ“ и магическая книга противъ ⁵⁾ змѣй нашли себѣ мѣсто въ царскихъ гробницахъ, сопровождаемая массой интересныхъ мистическихъ и магическихъ изображеній. Кромѣ того въ нихъ находятся таблицы звѣзднаго неба ⁶⁾).

¹⁾ Fouilles à Dachour. 1 t. 4e 1894. Second trésor de Dachour. Liste sommaire.

²⁾ Статья Daressy въ *Rev. Arch.* 1896. дек.

³⁾ Изд. Naville-Litanies du Soleil. 1875. Lpz.

⁴⁾ Изд. Jéquier: le livre de ce qu'il y a dans l'Hades въ *Bibliothèque de l'Ecole des Hautes Etudes* 97 выпускъ.

⁵⁾ Naville-Inscription de la destruction des hommes. Lond. 1885.

⁶⁾ Bilfinger-die Sterntafel in d. ägyptischen Königsgräbern Stuttg. 1891.

Издание Лефевюра, будучи впервые полнымъ, значительно облегчило изученіе египетской міеологіи и искусства.

Гробницы вельможъ новаго царства также были предметомъ внимательныхъ изслѣдованій. Мѣстности Шейхъ-абдъ-эль-Гурна и Драгъ-абуль-Неггагъ заключаютъ въ себѣ могилы цвѣта оиванскаго высшаго жречества и чиновничества; адѣсь лежали и визири, и военные министры, и номархи, и художники; само собой разумѣется, какой богатый матеріалъ для политической, религіозной и бытовой исторіи заключается въ обязательныхъ для каждой египетской гробницы изображеніяхъ. Визири Рехмара и Рамеухенерсенбъ (гробница послѣдняго издана впервые; первая была уже отчасти извѣстна Вилькинсону и Шампольону) представлены въ различныхъ сферахъ своей широкой государственной дѣятельности, особенно какъ завѣдующіе украшеніями Карнака и представители царя при пріемѣ депутацій отъ подчиненныхъ племенъ всѣхъ 4-хъ странъ свѣта. Полководцы Аменемгебъ и Пехсукхъ ¹⁾ присутствуютъ при вербовкѣ рекрутъ и фуражировкѣ; номархъ Хемъ ²⁾ изъ Тиниса тоже похоронилъ себя въ Оивахъ вблизи двора, хотя могъ лечь у себя дома, вблизи рельева Осириса въ Абидосѣ, обѣтованной землѣ покойниковъ; Оиванскій номархъ Монтумегетъ ³⁾, вѣроятно, тождественъ съ даппикомъ Ассурбанипала, упоминаемымъ въ исторіи его похода на Египетъ. Художники ⁴⁾ изображены наблюдающими за работами по приготовленію амулетовъ, золотыхъ вещей, сфинксовъ, произведеній керамики и т. д. Много гробницъ другихъ чиновниковъ, частью извѣстныхъ раньше, частью описанныхъ вновь, не представляютъ особеннаго интереса, или будучи повреждены, или давая въ своихъ изображеніяхъ варіаціи на извѣстныхъ темахъ земледѣлія, охоты, рыбной ловли, винодѣлія и пиршествъ ⁵⁾, но одна, а именно принадлежащая Монтугихопшфу въ Драгъ-абуль-Неггахъ ⁶⁾, является въ этомъ отношеніи исключеніемъ и представляетъ глубокий интересъ. Она даетъ единственное по полнотѣ изображение похоронной процессіи и погребальныхъ обрядовъ, поражающихъ своею странностью и варварствомъ. Здѣсь между прочимъ изображено ломаніе погребяемаго съ покойнымъ оружія, „открытіе земли для устройства печи для всесоженія и, что особенно поразительно, два

¹⁾ Изд. in extenso Virey, *Mission* V, 1 sq. довольно небрежно.

²⁾ *ibid.* cf. le tombeau d'un seigneur de Thini dans la necropole de Thèbes. *Recueil* IX, 27.

³⁾ Изд. Scheil *ibid.*

⁴⁾ *Ibid.*

⁵⁾ Напр., классическій типъ пзациной, хорошо сохранившейся гробницы богача—могила мірскаго служителя Амона Нахта, изд. Масперо *ibid.*

⁶⁾ Изд. Масперо *ibid.*

человѣка, удавливаемые съ ритуальной цѣлью. Конечно, ничто не дастъ права говорить, что оно не было фиктивнымъ, но все же фактъ существованія когда-либо въ Египтѣ человѣческихъ жертвоприношеній уже не можетъ болѣе подлежать сомнѣнiю, и Масперо вполне справедливо думаетъ, что обрядъ, изображенный на описанной имъ гробницѣ, вовсе не былъ единичнымъ; отсутствiе его въ ряду картинъ на другихъ объясняется, по его мнѣнiю, просто ненужностью его для магическихъ цѣлей.—Наконецъ, французская экспедиція ознаменовала свою дѣятельность полными изданiями храмовъ. Пока еще они въ началѣ, издается храмъ въ Эдфу ¹⁾, Филѣ ²⁾ и Луксорскiй ³⁾; въ послѣднемъ пока описаны только сооруженiя Аменготпа III. Пришлю этому послѣдовала дирекцiя гизэскаго музея, начальникъ которой Морганъ, немедленно послѣ своего назначенiя въ май 1892 г., рѣшился взяться за составленiе полнаго каталога—корпуса разсѣянныхъ по Египту надписей. Начавъ съ юга, она успѣла только недавно выпустить часть, относящуюся къ дорогѣ изъ Филѣ въ Омбѣ, по которой направлялись походы фараоновъ и которая полна ихъ надписей и graffiti. Несомнѣнно, что этотъ колоссальный трудъ займетъ много лѣтъ ⁴⁾.

Успѣшный ходъ французскихъ раскопокъ возбудилъ соревнованiе нацiй, которая никогда не желала отставать отъ другихъ въ изслѣдованiяхъ Востока. Англичане вспомнили, что до сихъ поръ они, соотечественники Юнга, почти не участвовали въ археологическихъ работахъ въ Египтѣ, что ихъ главный египтологъ Birch ни разу даже не былъ тамъ. И вотъ весной 1883 г. въ Лондонѣ организуется общество Egypt Exploration Fund подъ предсѣдательствомъ Эраяма Уильсона, при участiи видныхъ представителей духовенства, науки и аристократiи; пожертвованiя на него стали быстро стекаться изъ Англiи и Америки. Предметомъ изслѣдованiй общество избрало Дельту. Причинами этому было, во-первыхъ, желанiе предоставить Верхнiй Египетъ работавшимъ тамъ со славой французамъ, во-вторыхъ—полная неизслѣдованность Дельты, этой тогда еще terra incognita для археологовъ, заключавшей въ себѣ однако много славныхъ городовъ и интересныхъ пунктовъ. Особенно были привлекательны для англичанъ, этихъ крайнихъ апологетовъ и буквѣдовъ, города и пункты, связанные съ биб-

¹⁾ Rochmontcix въ X томѣ *Mission* (1892).

²⁾ Bénédict вѣ XII т. *ibid*.

³⁾ Gayet *ibid*. XV т.

⁴⁾ Catalogue des Monuments et d'inscriptions de l'Egypte Antique. I serie Haute Egypte. T. I. Par Morgan, Bouriant, Legrain, Yequier, Barsanti. Vienne. 1894.

лейскими событіями; всѣ они находятся въ Дельтѣ. Раскопки въ этой части Египта носятъ совершенно своеобразный характеръ. Въ то время, какъ на Югѣ приходится копаться подъ землей или списывать надписи со скалъ и грандіозныхъ развалинъ храмовъ, здѣсь изслѣдователь имѣетъ дѣло съ холмами, величиной отъ 20 до 70 футовъ, состоящими изъ обломковъ всѣхъ эпохъ и покрывающихъ мѣста древнихъ городовъ. Egypt Exploration Fund энергично принялся за дѣло, командуя ежегодно агентовъ и производя нерѣдко раскопки въ нѣсколькихъ мѣстахъ варазъ. Проф. Масперо отнесся къ новому предпріятію вполне сочувственно и содѣйствовалъ его успѣхамъ своими совѣтами. Въ первый же годъ, по порученію общества, раскопки началъ извѣстный женевскій египтологъ Навилль. Выборъ палъ, конечно, на область, упоминаемую въ Вибліи. Еще Лепсіусъ считалъ холмъ Wadi Tūmilāt между Zagazig'омъ и Измаиліей мѣстомъ Раамсеса, города-сокровищницы, плода каторжныхъ работъ евреевъ. Даже выстроенная въ 1860 г. французами ближайшая станція желѣзной дороги носила это громкое имя. Но раскопки не оправдали его. Уже найденныя раньше вещи и выставленныя въ скверѣ въ Измаиліи, въ своихъ надписяхъ то и дѣло говорили о Тумѣ. Открытый холмъ обнаружилъ остатки храма, развалины города и рядъ интересныхъ подземныхъ камеръ своеобразной архитектуры, не сообщавшихся и доступныхъ только сверху. Надписи называли мѣстнаго бога Тума и указывали на существованіе въ городѣ хлѣбныхъ магазиновъ. Было очевидно, что найденный городъ—Пнеомъ, храмъ-святиня Тума, подземныя камеры—закрома. Найдены надписи и картуши Рамзеса II, основателя города. Нѣтъ памятниковъ предшествовавшихъ ему царей, зато сохранилось ихъ много отъ всѣхъ послѣдующихъ эпохъ, особенно Вубастидской (обѣтная надпись Шешенка I, колоссъ Озоркона II), Персидской (золоченый наосъ Нектанеба I съ прекрасными скульптурами) и Птолемеевской (знаменитая Пнеомская стѣла, повѣствующая о работахъ при Птолемеѣ II надъ каналомъ къ Красному морю, основаніи Арсинои, походѣ въ Египцію etc.). Отъ римскаго времени между прочимъ сохранился graffiti одного солдата „Ero castra“, что дало возможность отождествить городъ съ позднѣйшимъ, упоминаемымъ у 70—Ироополемъ. Интересно также, что кирпичи оказались приготовленными изъ ила и соломы.—Въ слѣдующемъ году Навилль, занятый работами по изданію „Книги Мертвыхъ“, не могъ принимать дѣятельнаго участія въ раскопкахъ, и онѣ были поручены неутомимому Флиндерсу-Питри, который началъ ихъ въ другомъ городѣ восточной Дельты—Танисѣ, также извѣстномъ въ Вибліи (подъ именемъ Цоана, Тенеоса) и, кромѣ того, славномъ въ египетской исторіи, какъ столица или резиденція нѣсколькихъ династій. Современное имя арабской деревни „Санъ“ указывало на мѣсто древняго

города, и, дѣйствительно, археологу удалось открыть остатки древняго храма, заключавшаго въ себѣ древности всѣхъ эпохъ, начиная съ пирамидной. Онъ изслѣдовалъ и описалъ каждый камень, скопировалъ каждую надпись, привелъ въ извѣстность всѣ обелиски, скульптуры и статуи. Оказалось множество переработанныхъ камней, узурпированныхъ надписей; многіе изъ нихъ были „каменными палимсестами“. Кромѣ того найденъ кусокъ колосса Рамзеса II изъ ассуанскаго гранита и масса драгоценныхъ вещей въ развалинахъ частныхъ домовъ, особенно нѣкоего Бакахіу и его сосѣда: замѣчательная статуя хозяина, водіакъ, писанный золотомъ по стеклу (единственный образецъ) и масса папирусовъ разнообразнаго содержанія на египетскомъ, демотическомъ и греч. яз. Между первыми выдѣляются географическій, содержащій въ себѣ списокъ номовъ, городовъ, храмовъ, боговъ и священныхъ животныхъ, праздниковъ и т. д., возводимый по распоряженіямъ самого бога Ра, и силлабаръ іероглифовъ съ іератическими транскрипціями и объясненіями, расположенный въ томъ же порядкѣ, какой принятъ современными учеными. Это пока единственный дошедшій до насъ египетскій силлабаръ ¹⁾.

Въ слѣдующемъ году были раскопки въ Навкратисѣ, а въ 1886 г. Флиндерсъ-Питри производилъ изысканія въ Tell-Defenneh, др. Daphnae, военномъ поселеніи греческихъ наемниковъ Псаметиха, упоминаемомъ и въ Библии, какъ мѣсто убѣжища іудеевъ послѣ паденія Іерусалима. Развалины стоящей здѣсь башни до сихъ поръ носятъ у арабовъ имя: El-Kasr Bint el Iahudieh (башня дочери евреевъ). Были открыты казармы — крѣпость съ царскими комнатами, въ числѣ которыхъ нашли кухню, винную кладовую и умывальную. Все это носитъ слѣды пожара и разрушенія, что даетъ археологу поводъ заключать о дѣйствительности нашествія на Египетъ Навуходоносора. Въ томъ же году Ф. Питри съ Griffith'омъ изслѣдовали Tell-Nebescheh съ его некрополемъ XX дин., нашли прекрасный саркофагъ сѣраго гранита XXVI д., гранитный алтарь Аменмта II, два трона изъ краснаго песчаника, сидящій колоссъ Рамзеса II и гранитный сфинксъ, оказавшійся тоже палимсестомъ, такъ какъ на немъ вырѣзали свои картуши цари многихъ эпохъ.

1887 г. Ф. Питри употребилъ на путешествіе въ Верхній Египетъ, Въ Оивахъ онъ сдѣлалъ прекрасныя фотографическія снимки съ изображенныхъ на стѣнахъ храмовъ и гробницъ типовъ различныхъ народовъ, извѣстныхъ древнимъ Египтянамъ. Этотъ трудъ весьма важенъ для историка и антрополога какъ въ виду своей относительной полноты и систематичности, такъ особенно и потому, что до его появ-

¹⁾ Griffith-Petrie-Two Hierogl. Papyri from Tanis. Lond. 1890 г.

ленія приходилось довольствоваться несовершенными и неточными рисунками, разбросанными по различнымъ огромнымъ надавіямъ. Подобную же услугу онъ оказалъ затѣмъ, воспроизведи виѣстѣ съ Гриффитомъ самымъ точнымъ образомъ надписи и graffiti на Ассуанскихъ скалахъ, Это была не транскрипція, а почти факсимиле со всѣми особенностями почерковъ и пошибовъ всѣхъ эпохъ. Интересно было замѣтить частое появленіе іератическихъ формъ и даже цѣлыхъ надписей въ эпоху средняго царства, несмотря на большую трудность употребить это письмо на камнѣ. Очевидно, что въ эту эпоху къ іератическому письму египтяне привыкли гораздо болѣе, чѣмъ мы думаемъ, судя по числу сохранившихся папирусовъ.—Затѣмъ Ф. Питри произвелъ въ тотъ же сезонъ изслѣдованіе и измѣреніе Дашурскихъ пирамидъ, примѣнивъ къ нимъ тѣ же приемы, какъ нѣкогда къ Гизесскимъ, и изслѣдовалъ мемфисскія мѣры вѣса ¹⁾.—Въ томъ же году Griffith занялся изученіемъ гробницъ сіутскихъ номарховъ, и частью свѣрилъ, частью вновь списалъ ихъ интересныя надписи. Важность ихъ для науки будетъ ясна, если мы вспомнимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ темному переходному Ираклеопольскому періоду, и хотя до извѣстной степени содѣйствуютъ его освѣщенію. Посылая въ общество отчетъ о своихъ находкахъ, Griffith предлагалъ, въ виду важности подобныхъ изслѣдованій, расширить его планъ и включить въ него приведеніе въ извѣстность, подробное описаніе съ новой точки зрѣнія и полныя изданія уже извѣстныхъ отчасти раньше памятниковъ Верхняго Египта, провѣрку прежнихъ извѣстій и пополненіе прежнихъ изданій отдѣльныхъ храмовъ, гробницъ и городовъ, однимъ словомъ, „*Archaeological survey of Egypt*“. Планъ этотъ въ настоящее время осуществляется. Предметомъ изслѣдованія были избраны гробницы номарховъ-феодаловъ средняго царства, т.-е. дѣло стало продолжаться въ томъ же направленіи, какое далъ ему Griffith. Были описаны и изданы вполнѣ извѣстныя гробницы могущественныхъ Бенигассанскихъ номарховъ ²⁾, причемъ нѣкоторые тексты и изображенія и одна цѣлая гробница (14) появились вновь. Въ послѣдней интересно изображеніе семитовъ-солдатъ, данниковъ-ливійцевъ, упоминанія о войнѣ съ азіатами и морскомъ походѣ.

Въ одной изъ гробницъ находимъ иллюстрацію къ другимъ источникамъ, указывающимъ на смуты въ Египтѣ во время между VI и XII дин.: изображена египетская крѣпость, осаждаемая египтянами же.—Гробницы Ермопольскихъ номарховъ въ Шейхъ-эль-Саидъ и Эль-Берше также были предметомъ изученія: первыя заключали въ

¹⁾ О работахъ въ этомъ году: *A season in Egypt. 1887* by Fl. Petrie.

²⁾ Изд. Fraser-Newberry. 2 m. 189°/₂.

себѣ могилы современниковъ VI дин., вторыя—временъ средняго царства и предшествовавшаго ему Ираклеопольскаго періода. Послѣднія уже не разъ бывали замѣчаемы и описываемы, по полное изданіе появилось только теперь ¹⁾. Они свидѣлствуютъ о богатствѣ, могуществѣ и вкусѣ своихъ хозяевъ, которые долго разыгрывали роль фараоновъ въ миниатюрѣ и даже датировали надписи по годамъ своихъ княженій; оказалось возможнымъ составить полныя генеалогіи владѣтельныхъ фамилій, доходяція до Усертесена III. Надписей особенно много въ принадлежавшихъ имъ алебастровыхъ копяхъ Хатъ-Нуба; онѣ написаны древнимъ іератическимъ шрифтомъ и очень трудны. Нечего и говорить, что онѣ, какъ и особенно изображенія на гробницахъ,—нашъ главный источникъ для изученія этого періода.

Между тѣмъ дѣятельно продолжалъ раскопки и Навилль. Въ 1887 г. онъ работалъ въ Бельбеисѣ и его окрестностяхъ. Мѣстность эту онъ считалъ тождественной съ Пибайросомъ наипр. Harris, а также и съ Гесемомъ. На послѣднее его паталкинали современныя имена, напр. колодезь Моисея, холмъ Іудеевъ и т. п. Подъ именемъ Tell el Jahudieh извѣстенъ также холмъ близъ Schibin-el-Kanatir. Здѣсь было найдено много эмалированныхъ іероглифовъ и орнаментовъ, попавшихъ въ европейскіе музеи и обратившихъ вниманіе ученыхъ. Послѣдніе были также заинтересованы найденнымъ здѣсь камнемъ съ планомъ древняго храма Рамзеса III и надписями, въ которыхъ постоянно упоминается городъ Онъ-Иліополь. Возникло предположеніе, что здѣсь было знаменитое поселеніе евреевъ при Птолемахъ Филоматорѣ съ первосвященникомъ Оніей во главѣ. Потребовались раскопки, которыя дѣйствительно обнаружили еврейское кладбище съ эллинизированными еврейскими именами. Навилль не нашелъ однако эмалированныхъ изображеній; они всѣ были уже растасканы, но открылъ на нѣкоторыхъ доскахъ, украшавшихъ фризъ малой комнаты, греческія буквы, изъ чего онъ заключилъ о реставраціи храма въ старомъ стилѣ въ позднѣйшія времена. Затѣмъ найдены слѣды почитанія здѣсь Сета (признакъ XIX дин. и Вост. Дельты) и Тума-Гармахиса (признакъ принадлежности къ Иліопольскому ному).—Наконецъ, что особенно интересно, въ числѣ находокъ былъ кубъ изъ розоваго гранита, въ квадратный метръ въ основаніи; на немъ изображенъ царь, подпослщій сидѣвшему на кубѣ божеству елей. Имя царя было ново, и Навилль прочелъ его Іупатъ, видя здѣсь упоминаемаго въ надписи Шанхи царя города Тентрему или одноименнаго съ нимъ. Такимъ образомъ Додекархію стало возможнымъ провѣрять по туземнымъ памятникамъ. Дельта начала сама свидѣлствовать о своемъ прошломъ.

¹⁾ Griffith-Newberry-Fraser. 2 т. въ той же коллекціи
потогич. овозраженія, т. IX.

Увлечшись этимъ открытіемъ, Навилль рѣшился посѣтить и другія упоминаемыя у Піанхи резиденціи мелкихъ царьковъ. Саманудъ былъ мѣстомъ древняго знаменитаго Севенниты, и здѣсь Навилль нашелъ сидящую статую жреца мѣстнаго бога—Анхура Аакануша, навѣрное, внука одноименнаго съ нимъ современника Піанхи. Статуя служила сѣдалищемъ при входѣ въ полицію, и работать надъ ней было не легко въ виду суевѣрія массы, видѣвшей въ приготовленіи эстампажей магію. Вблизи находился третій интересный и упоминаемый у Піанхи городъ—Абусиръ, древній Бусирисъ. И здѣсь работы Навилля увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Кромѣ памятника временъ Дарія съ изображеніемъ до тѣхъ поръ неизвѣстной богини Менхетъ и другихъ мелкихъ древностей, найденъ черепокъ съ именемъ Шешонха; ния это, очевидно, было здѣсь ходячимъ. Имя Пуармы, предводителя Ма, упоминаемое также у Піанхи, найдено Навиллемъ на вазѣ въ Tukh-el-Karthus, и въ El-Agîš—кивотъ, относившійся къ ситинѣ 20 нома (Аравія). Длинная интересная птоломеевская надпись на немъ рассказываетъ исторію Гесемскаго святилища во время царствованія миеническихъ династій боговъ: Ра, Шу, Кеба. Любопытно постоянное упоминаніе о нападеніяхъ на Египетъ восточныхъ враговъ, „дѣтей Анепу“ (т.-е. дьявола) уже въ это время.

Зимой 1887, а также въ сезонѣ 1888/9 года Навилль производилъ интересныя и плодотворныя раскопки въ Бубастѣ, религіозномъ центрѣ, бывшемъ нѣкоторое время и политическимъ и во всякое время важнымъ стратегическимъ пунктомъ; найдены развалины знаменитаго храма съ надписями и памятниками всѣхъ эпохъ, начиная съ Хеопса и Пепи и кончая греческой. Особенно интересны статуи и картуши царя Гиксовъ—Анепи, фараона Іосифа по христіанскому преданію. Масса памятниковъ идетъ отъ Рамзеса II, который придавалъ особенное значеніе городу и хотѣлъ слѣть основателемъ его храма, для чего даже прибѣгалъ къ узурпаціи чужихъ памятниковъ. Отъ Озоркона II сохранилась цѣлая „праздничная зала“ съ важными для исторіи культа изображеніями и надписями о великой процессіи въ честь Амона, 1-го хойака. Найдено также кладбище кошекъ, причѣмъ обнаружилось, что обычай балзамировать это священное животное богини Бастъ не позже XXII дин., при которой перестроенъ храмъ съ посвященіемъ именно этой богинѣ, вмѣсто Амона.

Флиндерсъ Питри состоялъ всего 3 года агентомъ Egypt Exploration Fund. Не поладивъ съ нимъ, онъ продолжалъ раскопки на свой страхъ. Въ 1888 г. по собственному желанію и согласію Гребо, тогдашняго директора Булакскаго Музея, онъ началъ свои знаменитыя и плодотворныя раскопки въ Фаюмѣ, остановившись прежде всего на др. Крокодилополѣ—Арсиноѣ и Біахму. Здѣсь онъ нашелъ, что т. наз.

пирамиды этой мѣстности не что иное, какъ пьедесталы царскихъ колоссовъ, видѣнныхъ Геродотомъ. Перейдя затѣмъ къ Гаварѣ, онъ, послѣ большихъ усилій, раскопалъ и изслѣдовалъ ея пирамиду Аменемга III и открылъ вблизи ея обширные остатки, по его мнѣнію, лабиринта. Кромѣ того найдены гробницы позднѣйшихъ эпохъ. Усыпальница Горуты 26 дин. дала ему совершенно уцѣлѣвшую мумію съ рѣдкою сохранностью полного убора, а кладбище римскаго времени — муміи съ золочеными масками и знаменитыми портретами, исполненными восковыми красками. Эти прекрасныя произведенія греко-египетской школы живописи украшаютъ въ настоящее время всѣ болѣе или менѣе извѣстныя европейскія коллекціи. При покойникахъ найдены ихъ вещи, при дѣтяхъ игрушки изъ слоновой кости и терракоты. — Въ слѣдующемъ году Ф. Питри изслѣдовалъ Иллахунскую пирамиду Усертесена II, замѣчательную тѣмъ, что нижнюю часть ея была живая скала. Лежавшій неподалеку городъ Кагунъ весьма важенъ для египетской археологіи. Будучи на мѣстѣ На-Usertesen-Notr города, выстроеннаго царемъ для рабочихъ и оставленнаго вскорѣ послѣ его смерти, этотъ городъ является типичнымъ представителемъ XII дин. и снабжаетъ насъ богатыми свѣдѣніями относительно культуры этой эпохи. Найдены развалины домовъ, много вещей домашняго обихода, земледѣльческихъ орудій, предметовъ искусства, причемъ почти все изъ кремня, глины, слоновой кости или мѣди; бронзы нѣтъ совсѣмъ. Весьма важна находка папирусовъ средняго царства, самаго разнообразнаго содержанія, начиная отъ похвальной оды Усертесену III и кончая медицинскими трактатами, письмами, счетами и т. п. Къ сожалѣнію, эти драгоценныя находки до сихъ поръ не изданы. Кромѣ того, въ гробницахъ найдено много гирляндъ, дающихъ возможность отлично ознакомиться съ флорой древняго Египта и значительно пополнить свѣдѣнія на этотъ счетъ. — Затѣмъ начались работы при выходѣ изъ Фаюма, напротивъ Иллахуна въ Гуробѣ, на мѣстѣ города, возникшаго при Тутмесѣ III и пришедшаго въ упадокъ при Меренптѣ. Такимъ образомъ онъ является типичнымъ представителемъ провинціальной жизни лучшаго времени Новаго царства. По мнѣнію археолога, особый интересъ представляютъ гробницы лицъ иностраннаго происхожденія, судя по именамъ и, если онъ не ошибается, по типу. Дѣйствительно, иностранный элементъ, эта язва древняго Египта, которая свела его въ могилу, былъ, кажется, довольно замѣтенъ въ Гуробѣ: по крайней мѣрѣ нѣкоторые издѣлія носятъ совершенно не-египетскій типъ, а многія вазы положительно напоминаютъ микенскія и приготовлены не изъ египетской глины. Какъ здѣсь, такъ и въ Кагунѣ найдены на посудѣ знаки, повидимому, не имѣющіе ничего общаго съ іероглифами. Сохранились также муміи

позднѣйшихъ эпохъ—онѣ безъ украшеній и именъ, гробы поражаютъ варварствомъ.—Въ 1891 г. Ф. Питри изслѣдовалъ и измѣрилъ открытую въ 1882 году Масперо Медумскую пирамиду, болѣе древнюю, чѣмъ великія пирамиды 4-й династіи и отличающуюся интересной постройкой—она развилась изъ мастаба. Вокругъ нея гробницы вельможъ и слугъ; послѣдніе отличаются и типомъ, и способомъ погребенія. Ф. Питри видитъ въ этомъ явленіи двѣ различныя расы; Масперо, вѣроятно, болѣе правъ, считая слугъ иностранцами—плѣнными. Подобныя же гробницы нашли Питри и Quibell на всемъ протяженіи между Гебелейномъ и Абидосомъ. Масса небальзамированныхъ тѣлъ, лежащихъ головой на югъ и лицомъ на западъ при полномъ отсутствіи египетскихъ принадлежностей погребенія и отличающихся отъ египтянъ въ антропологическомъ отношеніи, увлекаетъ археолога, и онъ хочетъ видѣть въ нихъ ливійцевъ-амореевъ (?), виновниковъ темнаго періода VI—XI дин. При трупахъ найдены мѣдные инструменты: иглы, бурава, охотничьи принадлежности, прекрасно обработанные, причемъ, изящные сосуды изъ самыхъ разнообразныхъ сортовъ камня отъ алебаstra до гранита и массы художественныхъ произведеній керамики. То, что многіе горшки наполнены пепломъ, опять-таки отсылаетъ Питри къ аморейцѣмъ (Паралип. II, 16, 14. 21, 19. Іерем. 34, 5) ¹⁾.

Затѣмъ Питри занялся городомъ, аналогичнымъ по судьбѣ и интересу съ открытымъ имъ въ Фаюмѣ и, кромѣ того, обратившимъ въ послѣднее время на себя особенное вниманіе ученыхъ—Телль-эль-Амарной. Уже давно были извѣстны необычныя изображенія, находимыя въ его развалинахъ и свидѣтельствовавшія о томъ, что египетское искусство, освободившись здѣсь на короткое время отъ традиціонныхъ оковъ жреческихъ столицъ, зажило болѣе широкою жизнью и египетская культура развернулась болѣе свободно и непринужденно. Зимой 1888/9 г. здѣсь копала дирекція Булакскаго музея и нашла интересные развалины дворца Аменготпа IV. Неутомимый Питри явился и здѣсь, очистилъ ареалъ храма и дворца отъ обломковъ, собралъ остатки колоннъ, архитектурныхъ орнаментовъ и сосудовъ. Все это было весьма необычнаго типа и стиля и поражало роскошью и изяществомъ. Точно также изслѣдованію его подверглись и остатки частныхъ домовъ, обнаружившіе интересные образцы живописи и посуды. Найдено не мало произведеній керамики „островнаго“ и „микенскаго“ типа и матеріала ²⁾. Въ сезонъ 1893/4 г. Питри копалъ въ развалинахъ интереснаго города Копта, стоявшаго на пути изъ Средняго Египта въ Хаммаматскіе рудники чрезъ Аравійскую пустыню. Изслѣдовалъ храмъ мѣстнаго

¹⁾ Academy 1895, 342.

²⁾ Tell-el-Amarna by Flinders Petrie.

божества Мина, Питри нашелъ три монолитныхъ колосса его съ атрибутами изъ раковинъ, животныхъ и т. д. Онъ считаетъ ихъ до- историческими и строитъ теорію о вторженіи египтянъ въ Ниль- скую долину именно чрезъ этотъ городъ. Болѣе надежными въ исто- рическомъ отношеніи, конечно, слѣдуетъ считать найденныя здѣсь надписи XI дин., въ одной изъ которыхъ говорится о смѣнѣ фарао- номъ Интефомъ V мѣстнаго номарха.

Въ 1891 г. Навилль производилъ раскопки въ Ahnas el Medinet, мѣстѣ древняго Ираклеополя (Хененсу). Надежда открыть остатки загадочныхъ IX—X дин. не осуществилась — нашли только некрополь съ небальзамированными тѣлами безъ гробовъ и развалины римскихъ и коптскихъ храмовъ, скульптуры отъ этихъ же позднихъ временъ да древне-египетскій храмъ покровителя нома Хершефи, причѣмъ самыми древними картушами оказались Усертесена II.

Въ слѣдующемъ году производились раскопки холмовъ, покрывав- шихъ остатки древнихъ Мендеса (Tmei-el-Amdid), Ермополя малаго (Baklieh), Леонтополя въ Атрибскомъ номѣ (Tell-Mokdam). Въ пер- вомъ изслѣдованіи остатки древняго храма, причѣмъ найдены обломки временъ Рамзеса II и Саятской эпохи, между прочимъ большая статуя одного изъ царей послѣдней, передѣланная въ Каракаллу и гаторова капитель совершенно особеннаго стиля; еще разъ подверглось изученію кладбище священныхъ овновъ, а въ римской части города найдена библіотека съ массой греческихъ папирусовъ; въ сожалѣнію, они или сгорѣли и обуглились, или съѣдены сыростью и почвенной солью и представляютъ еще болѣе жалкій видъ, чѣмъ геркуланскіе. — Въ Ермо- полѣ маломъ также раскопанъ древній храмъ, давшій нѣсколько эпигра- фическихъ обломковъ саисской эпохи (между прочимъ одинъ параллель- ный надписи на ватиканскихъ львахъ Нектанеба), городъ вездѣ назы- вается Bah, встрѣчаются титулы жрецовъ Тота „лысоголовые“; изслѣ- довано кладбище священныхъ ибисовъ, изъ котораго давно уже ту- земцы продавали бронзовые статуетки этихъ птицъ, наполняющія му- зеи. — Въ Леонтополѣ найдены развалины святилища временъ XII дин., узурпированнаго Озоркономъ II, наконецъ, въ Tell-Mokdam Навилля привлекала найденная еще давно статуя царя, на которой читали картушъ съ именемъ Сета, что относилъ ее ко времени Гиксовъ. На- вилль доказалъ, что читать надо Нехси-Негръ. Такое имя, дѣйствительно, встрѣчается среди царей XIV дин., но дѣлать отсюда заключенія о національности царя и о нашествіяхъ въ это время на Египетъ съ юга, я думаю, слишкомъ смѣло ¹⁾. — Затѣмъ Навилль обратился вмѣстѣ

¹⁾ Cp. Naville, le Roi Nhasi *N Recueil* XV, 97.

съ Гогартомъ и др. къ интересному храму Дейръ-эль-Бахари, уже бывшему неоднократно предметомъ работъ археологовъ. Исслѣдованія его на этомъ мѣстѣ продолжаются до сихъ поръ. Въ теченіе трехъ зимъ 1893—95 г. развалины этого храма были очищены отъ цѣлыхъ холмовъ мусора, вѣковыхъ наслоеній и вандализма пріютившихся здѣсь въ византійское время коптскихъ монаховъ, и въ настоящее время величественные остатки его производятъ уже изъ Луксора грандіозное зрѣлище. Прото-дорійскія колонны, а также бѣлый известнякъ, изъ котораго онѣ сдѣланы, переносятъ путешественника въ Грецію. Наиболѣе важными находками здѣсь были слѣдующія: скульптуры въ сѣверной жертвенной залѣ, срисованныя Howard Carter'омъ (царица Гатшепсу предъ Амономъ), алтарь, почему-то посвященный Гармахису на дворѣ близъ этой залы, много гробницъ и мумій позднѣйшихъ эпохъ, въ которыя храмъ служилъ не столько мѣстомъ культа, сколько кладбищемъ, скульптуры на зап. части средней платформы, къ сожалѣнію, поврежденныя преслѣдовавшими память царицы Тутмесомъ III и представляющія ея рожденіе, воспитаніе и вступленіе на престолъ; царица изображается всегда мужчиной, но сопровождающіе изображеніе тексты, по забывчивости, иногда редактированы въ женскомъ родѣ. Изъ послѣднюю зиму раскопокъ найдены во святилѣ святыхъ поврежденные коптами скульптуры, представлявшія сады храма съ прудами и ихъ флорой и фауной. Открытіе было сюрпризомъ: никакъ нельзя было ожидать этого въ Дейръ-эль-Бахари, отстоящемъ по крайней мѣрѣ на милю отъ ближайшаго колодца. Но скоро дѣло объяснилось: на верхней террасѣ были найдены углубленія, въ которыя трудолюбивые египтяне клали привезенный издалека нильскій илъ. Наконецъ, въ гробницахъ и при муміяхъ найдено множество скарабеевъ, папирусовъ и разныхъ мелкихъ древностей. Всѣ скульптуры и надписи были срисованы и скопированы членами экспедиціи, обломки ихъ были, по возможности, прилажены на прежнія мѣста ¹⁾).

Въ археологическихъ изысканіяхъ на почвѣ древняго Египта приняло участіе и наше отечество въ лицѣ многоуважаемаго В. С. Голенищева. Во время своихъ неоднократныхъ поѣздокъ въ Нильскую долину онъ не только старался пополнить свою прекрасную коллекцію путемъ покупокъ рѣдкихъ, а иногда единственныхъ въ своемъ родѣ вещей, но и приступалъ не разъ къ самостоятельнымъ раскопкамъ. Особенно важно было при этомъ то, что интересъ его привлекали большею частью мѣстности, лежавшія внѣ предѣловъ собственно Египта и не бывшія до сихъ поръ предметами изслѣдованій французовъ и англичанъ, а именно: Уади Хаммаматъ, Нубія, дорога отъ Копта къ

¹⁾ The temple of Deir el Bahari, by Ed. Naville

городу Вереника, Телль-эль-Масхута, недалеко отъ Суэзскаго канала, Великій оазъ. Въ Хаммаматъ и по дорогѣ къ нему онъ списалъ надписи, graffiti и срисовалъ пацарапанныя изображенія, на которыя впервые обратилъ вниманіе, какъ на содержащія въ себѣ цѣнныя культурно-историческія указанія. (Напр., рисунокъ борьбы человѣка со страусомъ указываетъ на происходившую въ этихъ мѣстахъ въ древне-египетское время охоту на этихъ птицъ; тутъ же онъ нашелъ изображеніе, по его мнѣнію, верблюда, послужившее ему исходной точкой для интересныхъ замѣтокъ). Нѣкоторыя изъ списанныхъ надписей были раньше изданы Лепсіусомъ, но неудовлетворительно. — Изъ результатовъ поѣздки В. С. въ Нубію только немногимъ суждено было, къ сожалѣнію, увидѣть свѣтъ и обогатить науку; я укажу между прочимъ на интересное изображеніе Тота Панубскаго. По дорогѣ въ Вереника, куда его, по его собственнымъ словамъ, увлекало не ожиданіе интересныхъ археологическихъ находокъ, сколько желаніе увидѣть дорогу, по которой совершались сношенія Египта съ Чернымъ моремъ, онъ списалъ надписи лежавшаго въ началѣ пути храма, выстроеннаго Сети I (двѣ изъ нихъ были раньше изданы Лепсіусомъ, но опять-таки не безъ ошибокъ), срисовалъ graffiti, снялъ планы и изображенія веренинскаго храма временъ Тиверіа и такъ же, какъ и по дорогѣ въ Хаммаматъ, замѣчалъ и описывалъ остатки римскихъ станцій. — Раскопки въ Телль-эль-Масхута, предпринятія по указанію инженера, сотрудника Лессепса Jaillon, были весьма успѣшны и дали громадную плиту съ іероглифической надписью Дарія, повѣствующей о какой-то морской экспедиціи этого царя. Тутъ же найденъ обломокъ съ нѣсколькими клинообразными знаками, но большой надписи на персидскомъ языкѣ найти не удалось. — Наконецъ, изданія его послѣдняго путешествія (въ началѣ 1891 г.) въ Великій Оазъ мы ждемъ съ нетерпѣніемъ; это будетъ трудъ, который, несомнѣнно, отгѣснитъ несовершенное изданіе Вругша, какъ полнотой, такъ и исправностью. Кромѣ этихъ мѣстъ, неутомимая энергія Владимира Семеновича не позволяла ему забывать и собственно Египта и, особенно, тѣхъ частей его, которыя въ данное время занимали ипостранныхъ археологовъ. Онъ посѣщалъ всѣ мѣста большихъ раскопокъ, разбивая перѣдко фантастическія теоріи производившихъ ихъ и высказывая свои, весьма часто остроумныя и основательныя предположенія ¹⁾. Равнымъ обра-

¹⁾ Такъ онъ посѣтилъ Ахмимъ, гдѣ приобрѣлъ прекрасное собраніе коптскихъ тканей, которыя, по его мнѣнію, относятся къ IV — V в. по Р.Х., нѣсколько досокъ деревянныхъ саркофаговъ XI вѣка; въ Луксорѣ ему удалось удѣлать много цѣнныхъ приобретеній: конье, отбитое Аамесомъ у гиксовъ, лукъ спотреблявшійся при церемоніяхъ въ честь Мина, могильные ящики отъ вре-

зомъ опъ неутомимо и въ самомъ Египтѣ списывалъ и провѣрялъ ¹⁾ надписи; къ сожалѣнію, онъ только въ рѣдкихъ случаяхъ дѣлалъ свои копіи достояніемъ науки, благодаря этому, изданіе, наир., сіутскихъ гробницъ, списанныхъ имъ задолго до Гриффиса, предвосхищено у русскаго ученаго этимъ послѣднимъ.—Въ разное время Владиміромъ Семеновичемъ приобрѣтено въ Египтѣ много чрезвычайно интересныхъ папирусовъ всѣхъ эпохъ египетской исторіи, и его собраніе заключаетъ въ себѣ весьма важные памятники. Сообщенное ученому міру содержаніе одного изъ нихъ, приобрѣтеннаго въ сезонъ 189⁰/₁ г., а именно исторія приключеній египтянина ХХІ дин. въ Сиріи, помогло рѣшенію нѣкоторыхъ вопросовъ древней географіи и исторіи. Кромѣ того, въ его собраніи имѣется экземпляръ древне-египетской справочной книги, подобныя которой стали попадаться въ послѣднее время изъ позднихъ эпохъ Египта. По полнотѣ и интересу папирусь В. С. значительно превосходитъ другіе этого рода ²⁾.

Таковы были результаты дружныхъ усилій энергичныхъ и самоотверженныхъ ученыхъ, принадлежащихъ къ тремъ великимъ націямъ, наиболѣе близко стоящимъ къ древнему Востоку по своимъ политическимъ интересамъ, культурѣ, исторіи. Ихъ плодотворная дѣятельность далеко еще не закончена; древній Египетъ таитъ въ своихъ нѣдрахъ еще много сокровищъ, и много лѣтъ потребуется, пока они будутъ извлечены и пополнять пробѣлы нашихъ свѣдѣній. Къ сожалѣнію, энергическія раскопки и изслѣдованія на всемъ протяженіи Нильской долины и даже внѣ ея, веденыя въ послѣдніа 15

меліи извѣстнаго до тѣхъ поръ лишь по одному скарабею фараона Суаг-ен-Ра (конецъ средняго ц.) и м. др. Въ Фаюмѣ онъ нашелъ колонну съ надписью Аменготпа I (?) и опровергъ мнѣніе Питри о найденномъ будто бы имъ лабиринтѣ. Въ Бубастѣ онъ опровергъ сопоставленія Навилля — Раіана съ фараономъ Іосифа.—Точно также ему удалось покончить съ теоріей Маріетта о происхожденіи танисскихъ сфинксовъ отъ гяксовъ. Онъ доказалъ, что они принадлежатъ Аменемта III (*Recueil*, 131).

¹⁾ Наир., извѣстную интересную надпись Stahel-Antara (*Recueil*, III, 1), повѣствующую о возстановленіи царицей Гатменсу разрушенныхъ семитами храмовъ.

²⁾ Результаты экспедицій Владиміра Семеновича наложены имъ въ слѣд изданіяхъ:

а) Эпиграфич. результаты поѣздки въ Уади Хаммаматъ. (*Записки Восточн. отд. Арх. общ. II*, 65.).

б) Археологич. результаты путешествія по Египту зимой 1888—89 г. (*ibid.* V, 1).

с) Une excursion à Bérénice. Stèle de Darius. *Recueil*. XIII, 1.

д) Extrait d'une lettre de M. Golénischeff sur les dernières découvertes. *Recueil* XII, 214.

лѣтъ, ожививъ интересъ къ прошлому страны не только у археологовъ, но и у простыхъ туристовъ и открывъ массу новыхъ обильныхъ рудниковъ древностей, сильно подогрѣли аппетитъ туземцевъ, промышляющихъ ихъ сбытомъ. Несмотря на всѣ усилія египетскихъ властей и дирекціи музея ограничить послѣдній, онъ не поддается никакому регулированію, феллахи упорно продолжаютъ копать безъ всякой системы, скрывая мѣста и сбывая древности безъ обозначенія мѣста ихъ происхожденія. Они нерѣдко даже бьютъ ихъ на части и продаютъ въ разныя руки; купившій одинъ кусокъ папируса или одну половину надписи не имѣетъ возможности знать, гдѣ другіе куски и другая половина, поступили ли они въ музей, или совершили путешествіе за океанъ, чтобы украсить одну изъ многочисленныхъ американскихъ частныхъ коллекцій. Наплывъ за-атлантическихъ крестовъ подѣйствовалъ въ значительной степени на поднятіе цѣнъ на древности. То, что прежде оцѣнивалось франками, теперь идетъ за гинеи, за простые экземпляры Книги Мертвыхъ просятъ сотни фунтовъ, за скарабей—десятки. Конечно, при такомъ положеніи дѣлъ является большой соблазнъ для фальсификаторовъ, число которыхъ постоянно увеличивается, и требуется большая археологическая опытность, чтобы не сдѣлаться ихъ жертвой. Мнѣ самому неоднократно приходилось наталкиваться въ западно-европейскихъ музеяхъ на продукты этихъ поддѣлокъ, напр. въ Брюсселѣ, Венеціи, даже Ватиканѣ и Мюнхенѣ; поддѣлки эти были настолько грубы, что поражали съ перваго взгляда; несомнѣнно, что витрины содержали въ себѣ не мало другихъ сомнительныхъ вещей, для забракованія которыхъ необходимо внимательное разсмотрѣніе. При легкой въ настоящее время доступности тайнъ египтологіи и при усовершенствованіи техническихъ способовъ, поддѣлки дѣлаются все болѣе легкими, а увеличивающаяся масса матеріала и сложность обзорѣнія его дѣлаютъ въ такой же мѣрѣ затруднительнымъ немедленное изобличеніе ихъ.

III.

До сихъ поръ мы занимались главными двигателями прогресса египтологіи—раскопками, увеличившими научный матеріалъ и обусловившими возможность серьезныхъ успѣховъ науки. Въ какой степени возросъ этотъ матеріалъ, можно видѣть изъ того, что въ 1889 г. помѣщеніе Булакскаго музея оказалось недостаточнымъ для всей массы поступленій, пришлось перенести его въ Гизу, гдѣ онъ занялъ около 90 залъ и притомъ временно. Слѣдуетъ желать, чтобы скорѣе было окончено постоянное помѣщеніе для него въ Каирѣ и онъ выбрался бы

изъ деревяннаго дворца, въ которомъ драгоцѣннѣйшія собранія могутъ постоянно сдѣлаться жертвой пожара.

Но кромѣ открытія новыхъ памятниковъ, провѣрки и классификаціи старыхъ, находившихся въ Египтѣ, наукѣ предстояла еще одна, гораздо болѣе легкая задача. Необходимо было привести въ извѣстность и сдѣлать общимъ достояніемъ богатый запасъ древностей, хранимый въ европейскихъ музеяхъ и частныхъ собраніяхъ. Для историка мелочей не существуетъ, а для оріенталиста тѣмъ болѣе: часто ничтожный камень съ нѣсколькими попорченными буквами можетъ навести его на интересные выводы, всякая наиболѣе обычная въ музеяхъ вещь можетъ, при случаѣ, пригодиться. И вотъ, въ виду крайней разбросанности древностей по всему міру и невозможности оріентироваться въ нихъ, оказалась настоящая потребность въ полныхъ изданіяхъ музеевъ или, по крайней мѣрѣ, справочныхъ книгахъ. Еще старинные египтологи сознавали это; Британскій и Лейденскій музей были первыми, сдѣлавшими общимъ достояніемъ свои сокровища. Sharpe издалъ въ 1837—1855 г. іероглифическія надписи перваго, за этимъ послѣдовали труды Birch по изданію іератическихъ и собраніе избранныхъ папирусовъ. Лейденскій Музей началъ издавать свои памятники съ 1839 г. и продолжаетъ до сихъ поръ, причемъ всѣ они являются въ факсимиле и въ краскахъ, чего не даютъ другіе музеи. Луврскія египетскія древности также были неоднократно предметомъ изданій. Богатые итальянскіе музеи также, въ сравнительно недавнее время, обратили на себя вниманіе правительства, которое начало издавать пространные каталоги ихъ съ изданіями текстовъ. Къ сожалѣнію, дѣло ведется довольно вяло; въ теченіе 14 лѣтъ успѣло пока выйти только два такихъ каталога, да и то не вполне законченныхъ: Флорентійскаго Музея, составленный проф. Скиапарелли и Туринскаго—проф. Росси. Египетское собраніе Императорскаго Эрмитажа также обладаетъ прекраснымъ каталогомъ, составленнымъ В. С. Голенищевымъ. Въ настоящее время Берлинскій Музей выпустилъ, кромѣ прекраснаго справочнаго каталога, роскошное фототипическое изданіе наиболѣе интересныхъ изъ своихъ памятниковъ.—Кромѣ дирекцій Музеевъ, за изданіе разсѣянныхъ въ нихъ древностей, а также списываніе надписей въ самомъ Египтѣ брались и посторонніе ученые, особенно принадлежащіе къ націямъ, не принимавшимъ активнаго участія въ изслѣдованіи почвы древняго Египта. Сюда, прежде всего слѣдуетъ отнести даровитаго шведа Пили ¹⁾, то-и-дѣло выпускающаго

¹⁾ K. Piehl, Inscriptions hieroglyphiques, recueillies en Europe et en Egypte. Лpz. 1886—3 т.

сборники списанныхъ имъ текстовъ, нѣмцевъ Видемана ¹⁾ и Шингельберга, австрійца Бергмана ²⁾ и др. Впрочемъ, до начала своей дѣятельности въ Египтѣ со славой поработали въ европейскихъ музеяхъ и такіе дѣятели, какъ Масперо и В. С. Голенищевъ. Это послужило для нихъ подготовительной школой. Къ сожалѣнію, В. С. издалъ весьма немногіе изъ собранныхъ имъ текстовъ, великодушнo предоставляя свои копіи и фотографіи въ распоряженіе другихъ, а часто и совершенно предавая забвенію. Если бы не это обстоятельство, то мы бы теперь обладали изданіемъ, не уступающимъ по полнотѣ сборникамъ Циза, но значительно превосходящимъ ихъ по выбору памятниковъ, тщательности копій и правильности переводовъ. Что касается Масперо, то онъ былъ командированъ министромъ народнаго просвѣщенія Ферри въ сѣверную Италію для собиранія въ тамошнихъ музеяхъ матеріаловъ, служащихъ для освѣщенія исторіи Египта. Но онъ взглянулъ на дѣло шире: найденныя имъ въ Туринѣ надгробныя надписи особаго класса служителей при царскихъ гробницахъ Оиванскаго некрополя „*Stm aš in St maat*“ возбудили въ немъ желаніе основательно изучить характеръ этой должности и направили его для собиранія ихъ надписей въ другіе европейскіе музеи, особенно Британскій. Имъ списана и издана масса текстовъ, особенно изъ Туринскаго, Болонскаго и Флорентійскаго музеевъ.—Наконецъ, въ настоящее время ученые стараются собирать и издавать всѣ коллекціи, какъ провинціальныя, такъ и частныя.

Привожу, не ручаясь однако за безусловную полноту, списокъ каталоговъ и изданій отдѣльныхъ музеевъ и собраній, принимая во вниманіе только спеціально египтологическіе каталоги.

Россія. *Ermitage Impérial. Inventaire de la collection Egyptienne*. 1891 (принадлежитъ перу В. С. Голенищева). *Die Aegyptische Denkmäler in St. Petersburg, Helsingfors etc. von Lieblein*. Christiania 1873. *Egyptian Monuments at Dorpat by A. Wiedemann* (Proceedings of the Society of Biblical Archeology XVI, 150) *Sammlung aegyptischer Alterthümer des Grafen Gregor Stroganoff*. Aachen 1880. Отдѣльныя статьи В. С. Голенищева о петербургскихъ памятникахъ, кромѣ указанныхъ выше см. еще въ *Aegypt. Zeitschr.* 12, 83 и 14, 107.

Австрія. Вѣнскіе памятники придворнаго музея изданы Reinisch'омъ: *Ueber die ägyptische Denkmäler in Miramar* (1865), Bergmann'омъ (въ *Aegypt. Zeitsch.*: 18, 49 и 20, 30; въ *Recueil de travaux* III, 148.

¹⁾ Рядъ статей въ *Aegypt. Zeitschr.* *Recueil*, *Proceedings*. Подробнѣе см. ниже въ библиографическомъ указателѣ.

²⁾ *Hieroglyph. Inschriften*. Wien 1879.

IV, 33; VI, 131; VII, 177; IX, 32. XII. 1 и 23; иератические тексты изданы отдѣльно: Бергманомъ (Hierat. und demotische Texte. Wien 1886). Вругшемъ (Aegypt. Zeitschr. 14, 1) и Краллемъ (Recueil V, 76). Нѣкоторые памятники *Заиребская* музея изд. Видеманомъ въ Recueil VIII, 63.

Англія. *British Museum.* Arundal—Bonomi, Gallery of Antiquities, Selected from... (роскошное изданіе). Belmore-Papyri in Hieroglyphic and hieratic Character from... Ero-же Tablets etc. 1843. Sharpe—Egyptian inscriptions from... Lond. 1853. Select papyri in the hieratic character etc... Birch—Inscriptions in the hieratic and demotic Character in... 1868. — *Budge* Catalogue of the Fitzwilliam Museum at *Cambridge* 1893. Имъ же изд. памятн. музея въ *Бамъ* (Proceed. 8, 213). Ero-же: Egypt. antiq. in the possession of Lady Meux at *Theobald's Park*. 1892. *Birch*. Catalogue of the collection of Egyptian Antiquities at *Alwick Castle*. 1880. *Edwards* Amelia—The provincial and private collections of Egypt. antiq. in Great Britain, Recueil X, 121.

Бельгія. Eisenlohr—Egypt. Antiquities at *Bruxelles*. Proceedings, XI, 254.

Германія. Aegypt. und vorderasiatische Alterthümer aus d. königl. Museen zu *Berlin* (роскошное фотографическое изданіе) 1895. Ausführliches Verzeichniss d. Aegypt. Alterthümer. K. Museen zu *Berlin*. 1894. Lauth—Erklärendes Verzeichniss d. in *München* befindl. Denkmäler ägypt. Alterthums. 1865. Ebers—gemmingsche Sammlung zu *Dresden* (Aegypt. Zeitsch. 19, 66). Wiedemann. The monuments at *Karlsruhe* (Proceed. 9, 5) Ero-же—Textes of the collection of Lee (*Bonn*) ibid. 11, 417. Ero-же—Die ägypt. Denkm. zu *Bonn und Köln* 1884. (Jahrbucher des Vereins von Alterth. im Rheinlande). Marsoille—Beschreibung der ägypt. Alterth. zu *Pyrits*. 1890. Нѣкоторые *франкфуртскіе* памятн. изданы Видеманномъ въ Recueil VIII, 63. Нѣкоторое *инновверскіе* — Видеманомъ въ 17 т. Recueil. (Varia).

Голландія. Leemans—Monuments égyptiens du musée d'antiquités des Pays Bas á *Leyde* (роскошное полное изданіе, продолжающееся до сихъ поръ; кромѣ него существуетъ краткій каталогъ—Description raisonnée... 1840. Spiegelberg—Die ägypt. Sammlung des Museums im *Haag*. 1895).

Греція. Многіе *афинскіе* памятники изд. Piehl'емъ въ Proceed. X, 530 Mallet въ Recueil, 18, 1.

Данія. Кромѣ указаннаго сборника Lieblein'a W. Schmidt—Textes hierogl. du Musée de *Copenhague*. 1879.

Италія. Кромѣ указаннаго отчета Масперо (Recueil 2. 3. 4.). Schiaparelli—Real Museo Archeologico di *Firenze*. Roma 1887, Rossi.

Regio museo di *Torino*. Antichità Egizie. Torino. 1886. 2 том. (въ продажу по поступили). *Ватиканскіе* памятники изд. Видеманомъ (Recueil VI, 1-15), Пилемъ въ Inscr. hierogl., и Марукки—въ запискахъ папской академіи. (М. пр. Monumenta papyracea въ 1891.) Wiedemann-The egypt. Monum. at *Venise* (Proceed. 8,87). *Болонскіе* памятники издавались Kminek-Szedlo (Saggio filosofico. 1877. Le grand Sarcophage 1876); папирусы—Chabas въ Mélanges égyptologiques и Линке. Памятники *Несономт.* музея—Wiedemann (Proceed. VIII, 63) и Пилемъ-Inscr. hierogl. I. Schiaparelli, antichità egiziane del Museo di *Cortona*. (Giornale d. Società Asiatica 7, 317) Levi-dell, antichità egiz. di *Brera*. 1887. Ac. dei Lincei ¹⁾).

Турція. Памятники *Константинопольскаго* музея изд. Scheil въ Recueil XV, 195.

Франція. Pierret-Recueil d'inscription du Musée du *Louvre* 1874—78. Maspero-Memoires s. quelques papyrus du *Louvre* 1875. Rougé-Notice sommaire des monuments du *Louvre*. Dvéria-Catalogue des manusc. hierogl., hierat., demotiq. grecs. du *Louvre*. Spiegelberg, ostraca hierat. du *Louvre* (Recueil. XVI, 64), papyrus ined. (ilid). Loret-Monum. égypt. du Musée de *Havre* (Recueil II, 89, 94). Mon. ég. du Musée de *Rouen* (ibid. 151) Devéria-Notice sur les antiq. ég. du musée de *Lyon*. 1857. Rougé-Notes sur la collection égypt. Musée de la Loire Inferieure (*Nantes*). Maspero-Monum. ég. du Musée de *Marseille* (Recueil XIII, 113). Нѣсколько частныхъ коллекцій, частью распроданныхъ издано въ XVI т. Recueil.

Швеція. Katalog öfver egyptiska Fornlemningar. Stockholm 1874. Piehl-Quelques textes égypt. empruntés à des monum., couservés au Musée de *Stockholm*. Actes VIII Congress Orient. Sect. afr. 43.

¹⁾ Въ 1883 г. египетскія древности были найдены въ самой Италиі. Сначала въ Фиволѣ нашли статуи Осприса и Исиды, очевидно, принадлежавшія находившемуся здѣсь храму этихъ божествъ и теперь выставленныя въ мѣстномъ музеѣ, а вѣдѣть подобную же статую открыли и на Эсквилинѣ между Via Principe Amedeo и Via Napoleone III. Потомъ интересныя находки дала мѣстность у храма Santa Maria Sopra Minerva, гдѣ въ древности находилось капище Исиды и дѣлались неоднократныя археологическія находки еще въ XVI в. Въ одномъ изъ окрестныхъ садовъ нашли статую, сфинкса и гранитный обелискъ съ обычными надписями. Нѣсколько времени спустя произведены раскопки на Via S. Ignazio; найденъ базальтовый сфинксъ (XXVI в.?), украшающій теперь Капитоліискій Музей, обелискъ Рамзеса II и два гранитныхъ кинокефала съ картушами Пектавеба. Изученіемъ этихъ древностей занялся проф. Скиапарелли.

IV.

Располагая такимъ богатымъ матеріаломъ, наука получила возможность провѣрить свои результаты, пополнить нѣкоторые пробѣлы своихъ свѣдѣній, объяснить многое въ старыхъ источникахъ. Что касается послѣднихъ, то они, какъ извѣстно, распадаются на библейскіе и классическіе. Первые, послѣ неоконченной и преждевременной попытки Эберса объяснить ихъ цѣликомъ, не подвергались разработкѣ въ полнотѣ, если не считать произведеній библейскихъ комментаторовъ по профессіи, разсмотрѣніе которыхъ не относится къ нашей задачѣ, да отдѣльныхъ, часто весьма цѣпныхъ статей и замѣтокъ, останавливаясь на которыхъ также не приходится изъ опасенія зайти слишкомъ далеко ¹⁾. Что касается греческихъ, то нельзя не сказать нѣсколько словъ о вышедшемъ въ 1890 г. прекрасномъ комментаріи Видемана ко второй книгѣ Геродота. Положивъ въ основу текстъ Штейна съ нѣкоторыми конъектурами, большинство которыхъ сообщено послѣднимъ автору изъ числа не вошедшихъ въ печатное изданіе, онъ, со свойственнымъ ему удивительнымъ знаніемъ источниковъ не только іероглифическихъ и іератическихъ, но и демотическихъ и греческихъ, воспользовался всѣми, по возможности, данными египтологіи до самыхъ новѣйшихъ въ его время открытій включительно для объясненія текста Геродота, который, наконецъ, получилъ въ его трудѣ должную оцѣнку и реабилитацию, какъ добросовѣстнаго автора. Конечно, безъ недомолвокъ и пропусковъ не обошлось и здѣсь, и это вполне естественно; равнымъ образомъ не всегда съ авторомъ можно согласиться, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ во что бы то ни стало хочетъ итти своей дорогой и отвергаетъ правдоподобныя мнѣнія предшественниковъ. Во всякомъ случаѣ книга является настольной для занимающихся не только извѣстіями Геродота объ Египтѣ, но и вообще греческими источниками, такъ какъ авторъ приводитъ постоянно параллельные рассказы другихъ древнихъ писателей ²⁾.

Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, открытіе текстовъ пирамидъ начало новую эпоху въ наукѣ, давъ возможность прослѣдить

¹⁾ Укажу, впрочемъ, на цѣнныя замѣтки Штейндорфа и гр. Шаха къ 41 гл. кн. Бытія въ *Aeg. Zeitschr.* 27, 41 и 30, 49 sq., а также многочисленныя замѣтки Halévy подъ рубрикой „Recherches bibliques“ въ *Révue des études juifs* и *Révue Sémitique*.

²⁾ Изъ другихъ работъ по источниковѣднію нельзя пройти молчаніемъ попытки Маснею разобраться въ манеоническихъ спискахъ первыхъ династій. См. *Notes sur différents points de grammaire et d'histoire. Recueil* 17, 56 и 121.

исторію развитія отдѣльныхъ сторонъ ея съ древнѣйшихъ временъ. Въ области грамматики эта задача выполняется Берлинской школой египтологовъ, предводимой проф. Эрманомъ, который, какъ извѣстно, впервые провелъ въ исторіи языка дѣленіе на періоды, намѣченное его учителемъ Лепсіусомъ для другихъ сторонъ египетской жизни. Еще въ 1880 г. онъ подѣлился съ учеными результатами своихъ изслѣдованій по языку памятниковъ такъ называемаго Новаго царства; особенности его дали ему возможность выпустить свою книгу подъ заглавіемъ „*Neuägyptische Grammatik*“. Черезъ нѣсколько лѣтъ, работа надъ пожертвованнымъ Лепсіусомъ въ Берлинскій музей интереснымъ во всѣхъ отношеніяхъ *papyrus Westcar* открыла ему переходную стадію между классическимъ и ново-египетскимъ языкомъ и послужила вмѣстѣ съ рядомъ изслѣдованій по памятникамъ средняго царства подготовительной работой къ составленной имъ при сотрудничествѣ своихъ учениковъ Штейндорфа и Зете, *Aegyptische Grammatik*“, которая въ настоящее время является единственно пригоднымъ, строго-научнымъ учебникомъ египетскаго классическаго языка, пригоднымъ впрочемъ только для начинающихъ, въ виду своей чрезмѣрной сжатости и краткости. Приложенная хрестоматія отличается вполне удачнымъ выборомъ текстовъ; въ ней собрано наиболѣе интересное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполне допускающее переводъ и пониманіе; словарь свободенъ отъ недостатковъ, свойственныхъ трудамъ подобнаго рода: онъ отличается научностью и осторожностью. Конечно, синтаксическіе выводы автора далеко не вездѣ безспорны, и, вѣроятно, еще пройдетъ много времени, пока эта часть грамматики будетъ ясно и вполне разработана, но нельзя забывать, что до Эрмана ея вовсе не существовало. Большого упрека берлинская школа заслуживаетъ за введеніе неудобной транскрипціи, но великая ея заслуга состоитъ въ постоянномъ указаніи на семитическіе языки ¹⁾ и строгомъ различеніи формъ и словъ по отдѣльнымъ эпохамъ исторіи языка. Последняго слова она еще не сказала, и мы ждемъ въ настоящее время колоссальнаго труда объ египетскомъ глаголѣ отъ талантливаго изслѣдователя египетской грамматики Sethe.—Что касается Штейндорфа, то ему принадлежитъ честь открытія новаго періода въ изслѣдованіи коптской грамматики. Отъ берлинскихъ ученыхъ мы вправѣ также ожидать словарей, какъ египетскаго, такъ и коптскаго, построенныхъ на основаніи новыхъ данныхъ науки. Всѣ существующіе до сихъ поръ словари или устарѣли, или лишены всякаго научнаго значенія ²⁾.

¹⁾ Въ этомъ отношеніи чрезвычайно важна статья Эрмана: *Das Verhältniss d. ägypt. zu d. semitischen Sprachen*. Z. D. M. G. 46, 1, 98.

²⁾ См. интересный разборъ изъ Piehl'я въ актахъ VIII-го международнаго конгресса ориенталистовъ (въ Стокгольмѣ). Пиллю также принадлежитъ

Въ области изученія египетской религіи болѣе плодотворными оказались труды Парижской школы съ Масперо во главѣ. Правда, нѣмецкіе ученые пробовали и пробуютъ свои силы на этомъ поприщѣ, но пока безъ особаго успѣха. Мы можемъ, конечно, совершенно игнорировать труды Бругша, стоящіе, несмотря на свою дату, всецѣло на почвѣ старой школы, равно какъ и книжку Видемана: „Die Religion der alten Aegypter“ (Münster 1890), которая, страдая сухостью и безцвѣтностью, свойственными трудамъ этого автора, не имѣетъ ихъ достоинствъ — полноты ученаго аппарата и вообще не представляетъ шага впередъ по отношенію къ трудамъ предшественниковъ. Примѣнить историческій методъ къ изученію египетской религіи изъ нѣмцевъ пытались Эд. Мейеръ и В. Штраусъ-Торней, но оба, несмотря на много отдѣльныхъ удачныхъ замѣчаній, не достигли ея въ цѣломъ. Первый слишкомъ увлекся солнечной теоріей и объяснилъ ею даже мифъ объ Осирисѣ, второй попалъ въ теософическія дебри, и напелъ въ древнемъ Египтѣ что-то въ родѣ христіанскихъ представленій въ черновомъ видѣ. Но нельзя отрицать за нимъ великой заслуги — строгаго пользованія источниками и, притомъ, что особенно важно, въ хронологическомъ порядкѣ, начиная отъ текстовъ пирамидъ, переходя затѣмъ къ Книгѣ Мертвыхъ и другимъ памятникамъ до-эллинистическаго Египта. Онъ пытается всюду прослѣдить ходъ развитія представленій объ отдѣльныхъ божествахъ и мифологическихъ событіяхъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ неутомимо послѣдователенъ и иногда даже сверхъ мѣры, стараясь вездѣ за мифами видѣть исторію, за чередованіемъ господствующихъ божествъ смѣну періодовъ народнаго міросозерцанія и развитія. Къ сожалѣнію, научный матеріалъ далеко не такого рода, чтобы можно было проводить этотъ методъ безъ натяжекъ, односторонности и увлеченій. — Французы въ работахъ надъ вопросами египетской мифологіи были счастливы. Еще Лефевбуръ и Гребо дали цѣнныя монографіи; первый — о мифѣ Осириса второй — Амона; молодой, рано похищенный смертью Робіу, кромѣ интересныхъ статей о культѣ и отдѣльныхъ божествахъ, взялъ на себя также плодотворную задачу прослѣдить исторію мифа объ Осирисѣ во всѣ періоды исторіи Египта, начиная, конечно, съ пирамидъ. Работа его, предназначенная для 8 конгресса ориенталистовъ, не могла отличаться ни полнотой, ни обстоятельностью, но она указала путь, по которому должны идти изслѣдованія въ настоящее время, когда масса накопившагося матеріала положила предѣлъ попыткамъ обни-

масса работъ и мелкихъ весьма цѣнныхъ замѣтокъ грамматическаго и локонического характера, помещаемыхъ имъ болѣею частью подъ рубрикой „Varia“ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ по востоковѣднію.

нать необъятное и сдѣлала необходимымъ обратиться къ детальнымъ разработкамъ отдѣльныхъ вопросовъ ¹⁾). Но болѣе всѣхъ другихъ разработкою этого отдѣла египтологія обязана гениальному Масперо. Въ своихъ рецензіяхъ на труды предшественниковъ и во многихъ самостоятельныхъ статьяхъ онъ впервые не только высказалъ, но и обосновалъ вѣрные взгляды на египетскую религію, какъ на стоявшую даже въ лучшія времена исторіи на сравнительно низкой ступени развитія и мало заключающую въ себѣ нравственнаго элемента. Въ этомъ отношеніи онъ былъ гораздо рѣшительнѣе Эд. Мейера, также вопреки большинству своихъ современниковъ смотрѣвшаго на египетскую религію довольно низко. Фетишизмъ, грубый матеріализмъ, магія—вотъ къ чему она сводится, по его мнѣнію. Конечно, и онъ далеко несвободенъ отъ увлеченій и крайностей и весьма часто не замѣчаетъ фактовъ, если не противорѣчащихъ его выводамъ, то, по крайней мѣрѣ, смягчающихъ ихъ ²⁾). Но эти увлеченія для всякаго ясны, и, если ихъ отбросить, то все-таки окажется, что настоящимъ образомъ проникнуть въ тайны египетской религіи удалось все-таки ему гораздо больше, чѣмъ другимъ, и что съ него только и началось настоящее ея пониманіе, особенно въ вопросахъ эсхатологіи, космологіи и ученія о загробномъ мірѣ. Весьма характеристично для оцѣнки работъ Масперо, что представитель противоположныхъ взглядовъ—Бругшъ, послѣ многолѣтней полемики, въ своей предсмертной статьѣ торжественно призналъ его мнѣнія.

Новый матеріалъ далъ также возможность стать на новую почву и изученію географіи древняго Египта. Труды Бругша и отчасти Дюмихена, построенные, какъ мы уже видѣли, на данныхъ болѣею частью позднѣйшихъ эпохъ и не различавшіе между источниками, сдѣлались мало пригодными, а для географіи Дельты и даже совершенно недостаточными. Новыя раскопки, перевернувшія вверхъ дномъ именно эту часть древняго Египта, которая до тѣхъ поръ была весьма мало изслѣдована, рѣшили нѣсколько географическихъ проблемъ и дали возможность Jacques de Rougé резюмировать ихъ результаты въ старательно, хотя страшно сухо составленной „Géographie de la Basse

¹⁾ Ему же принадлежитъ небольшая работа объ иностранныхъ вліяніяхъ на религію египтянъ: „La religion de l'ancienne Egypte et les influences étrangères“ 1888. Авторъ приписываетъ тлетворному воедѣйствию Азіи крайнее развитіе въ Египтѣ дуализма и пантеизма.

²⁾ Въ этомъ отношеніи удалось пойти среднимъ путемъ талантливому изслѣдователю религіи древняго міра Tiele въ вышедшемъ 1895 г. первомъ томѣ его *Geschichte der Religion im Alterthum*. (Стр. 1—124). Выводя египетскую религію также изъ анимизма и фетишизма, авторъ однако не отказываетъ ей въ нѣвѣстной высокой степени развитія въ историческое время.

Egypte", представляющей перечень именъ съ ихъ именами, подраздѣленіями, святилищами, титулами жрецовъ и т. п., а также списками мѣстностей коптскихъ и арабскихъ. Весьма плодотворной задачей является разсмотрѣніе исторіи развитія географическихъ понятій древнихъ египтянъ. Ученые старой школы любили обращаться къ этой области, но и здѣсь впадали въ недостатки своего времени, игнорируя именно историческій методъ изслѣдованія. Часть задачи довольно успѣшно выполнилъ нѣмецко-американскій египтологъ Max Müller въ своей „Asien und Europa nach altägyptischen Denkmälern" (Lpz. 1893), которая представляетъ цѣнное изслѣдованіе о географическихъ свѣдѣніяхъ египтянъ на счетъ иностранныхъ народовъ, главнымъ образомъ, азиатскихъ и европейскихъ. Изучивъ добросовѣстно памятники, какъ искусства, такъ и литературы, примѣнивъ къ нимъ строгую критику, онъ пришелъ ко многимъ новымъ и даже неожиданнымъ результатамъ, отвергнувъ многое изъ того, что раньше или считалось безусловнымъ, или только подвергалось сомнѣнію. Къ сожалѣнію, желаніе вездѣ говорить только свое повлекло автора, кромѣ слишкомъ пренебрежительнаго отношенія къ предшественникамъ, благодаря трудамъ которыхъ только и могло появиться его изслѣдованіе, въ осужденіе многихъ хорошихъ старыхъ мнѣній, а также и въ нѣкоторые скороспѣлые выводы. Такъ, онъ совершенно напрасно бракуетъ старое сопоставленіе египетскаго имени семитовъ Аму съ семитическимъ словомъ, обозначающимъ „народъ"; имя кочующаго народа Синайскаго полуострова „Шасу" производитъ отъ семитическаго корня „грабить", т.-е. выходитъ такъ, что народъ самъ называлъ себя ворами, тогда какъ нѣтъ сомнѣнія, что имя происходитъ отъ египетскаго корня и значить „бродяги", кочевники, гиксы Маневона. Въ этихъ и подобныхъ случаяхъ авторомъ руководятъ также фонетическія соображенія, и онъ пытался строго формулировать законы транскрипціи иностранныхъ, особенно семитическихъ именъ въ египетскомъ языкѣ; но эти попытки едва-ли могутъ быть названы удачными уже хотя бы потому, что для строгаго проведенія ихъ необходимы натажки и противорѣчія. Не останавливаясь на другихъ пунктахъ, болѣе или менѣе спорныхъ, я позволю себѣ коснуться одного, наиболѣе для меня близкаго, а именно—вопроса о народѣ Кефты, послужившаго еще раньше темой для моего небольшого изслѣдованія¹⁾. М. Мюллеръ рѣшаетъ его иначе, видя въ народѣ—Киликіянъ. По этому поводу зародилась цѣлая литература, и я могу только утѣшить себя мыслью, что такіе осторожные ученые, какъ Пиль²⁾ и Масперо³⁾, совершенно незави-

¹⁾ Ж. М. II. Пр. 1893 г. Септ. 174.

²⁾ Museon XII, 352 сл.

³⁾ Recueil, 17, 1895 г.

сию пришли къ результатамъ, весьма близкимъ къ моимъ. При всемъ томъ, книга М. Мюллера обладаетъ огромными достоинствами— это единственное, строго научное пособіе по древней географіи вѣ-египетскихъ странъ; остается только пожелать, чтобы авторъ когда-нибудь посвятилъ подобный же трудъ и Африкѣ ¹⁾ и, особенно, собственному Египту, гдѣ масса новаго матеріала требуетъ детальной разработки при примѣненіи строго историческаго метода и, несомнѣнно, вознаградить изслѣдователя совершенно неожиданными результатами.

Наконецъ, результаты раскопокъ и археологическихъ изысканій дали много новаго матеріала для изученія египетскаго искусства во всѣ періоды его развитія. Въ этомъ отношеніи наука многимъ обязана опять-таки Ф. Питри, который, кромѣ раскопокъ, занимался также изученіемъ результатовъ своихъ археологическихъ занятій съ научной и художественной стороны. Кромѣ вступительныхъ главъ къ своимъ изданіямъ, онъ составилъ также книжку объ египетскомъ орнаментѣ: *Decorative Art in Egypt* (1896). Весьма цѣнныя замѣтки въ области египетскаго искусства принадлежатъ также берлинскому архитектору и талантливому египтологу, ученику Эрмана, Борхардту. Затѣмъ Штейндорфъ также обладаетъ большими археологическими дарованіями; въ своихъ лекціяхъ онъ замѣчательно искусно проводитъ историческій методъ при изученіи на памятникахъ египетскихъ ремеслъ и искусства; жаль только, что плодами своихъ изысканій онъ дѣлится исключительно со своими немногочисленными слушателями. Несомнѣнно, что новая полная исторія египетскаго искусства, принявшая во вниманіе всѣ данныя, сдѣлавшіяся доступными въ послѣднее время, дѣло ближайшаго будущаго: матеріала накопилось много, и огромный первый томъ „*Histoire de l'art dans l'antiquité*“ Perrot-Chipiez оказывается неполнымъ и устарѣвшимъ.

Что касается попытокъ воспользоваться новыми данными для составленія общихъ трудовъ по всѣмъ отдѣламъ египетской древности, то въ нихъ тоже не было недостатка; на всѣхъ языкахъ вышли и продолжаютъ выходить какъ популярныя, такъ и имѣющія претензію на ученость книжки по исторіи и археологіи Египта. Конечно, останавливаться на нихъ нѣтъ ни возможности, ни надобности, и я позволю себѣ только упомянуть о прекрасномъ трудѣ Эрмана— „*Aegypten und aegyptisches Leben im Alterthum*“, выходящемъ въ

¹⁾ До сихъ поръ приходится пользоваться статьей: Brugsch. Die Negerstämme въ *Alg. Zeitschr.* 20, 30, статьями Штерна о Ливійцахъ въ *Zeitschr.* 21, 17 и *Allgem. Ztg.* (нѣтомъ 1882) и Скиапарелли въ приложеніи къ статьѣ: *Una tomba della VI din.*

настоящее время вторымъ изданіемъ. Трудъ этотъ появился уже больше десяти лѣтъ тому назадъ, переведенъ на нѣкоторые иностранные языки и пользуется уже давно подобающей ему извѣстностью, а потому распространяться о немъ и несвоевременно, и излишне. Но нельзя не напомнить, что въ немъ мы имѣемъ единственно полную энциклопедію египетской древности, гдѣ источники изучены добросовѣстнѣйшимъ въ грамматическомъ отношеніи египтологомъ, гдѣ строгій историческій методъ послѣдовательно проведенъ по всѣмъ отдѣламъ. Крупнымъ недостаткомъ остаются: отсутствіе позднѣйшихъ эпохъ и полного разсмотрѣнія египетской религіи, важнѣйшаго элемента этой культуры.— Что касается книги Бругша „Die Egyptologie“, то о ней лучше не говорить: она годится только для специалистовъ, и то потому, что въ ней есть новый сырой матеріалъ. Всѣ разсужденія и выводы автора покоятся на старыхъ теоріяхъ, отличаются односторонностью и могутъ только ввести въ заблужденіе неопытныхъ читателей. Трудъ Эд. Мейера, помѣщенный въ сборникъ Онкена положительно прекрасный; онъ написанъ съ рѣдкой для нѣмецкаго ученаго широтой и увлекательностью, касается всѣхъ сторонъ египетской жизни и, если будетъ изданъ вторично, съ привлеченіемъ всего новаго, накопившагося за 9 лѣтъ матеріала, то сдѣлается самымъ удобнымъ и надежнымъ пособіемъ для изученія египетской древности.

Наконецъ, въ послѣднее время начали выходить два труда, поставившіе себѣ задачей воспользоваться всѣмъ новымъ матеріаломъ. Они принадлежатъ самымъ главнымъ виновникамъ увеличенія этого матеріала—Флиндерсу Питри и Масперо. Книга перваго „A history of Egypt“ доходитъ до времени Гиксовъ; первый томъ „Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique“ второго доводитъ Египетъ до конца средняго царства. Оба эти труда стараются воспользоваться всѣми новѣйшими успѣхами науки, оба они отличаются также большими достоинствами изложенія и положительно прекрасными иллюстраціями, давая между послѣдними довольно много неизданныхъ въ другихъ мѣстахъ. Но по методу и характеру изложенія замѣчается разница. Въ то время, какъ Масперо остался вѣрнымъ своимъ прежнимъ приѣмамъ и даетъ намъ попытку прагматической исторіи, Питри задался мыслью изложить исторію фараоновъ; съ этой стороны его книга во многомъ напоминаетъ трудъ Видемана, служа къ нему какъ-бы дополненіемъ. Какъ и слѣдовало ожидать, у автора не могло обойтись безъ послѣднихъ заключеній и скороспѣлыхъ теорій (особенно, напр., о происхожденіи египтянъ съ юга, причемъ снова откапываются сданныи въ архивъ сопоставленія Пунта съ финикиянами и т. п.), но на нихъ мы не будемъ останавливаться; многіе изъ вы-

водовъ авторъ даетъ съ оговорками, другіе же, являясь результатами его собственныхъ раскопокъ, слишкомъ новорожденны, чтобы быть прочными и, навѣрное, послѣдующія археологическія изысканія не останутся на нихъ безъ вліянія.—Что касается Масперо, то въ большинствѣ случаевъ въ его книгѣ мы встрѣчаемся съ взглядами, уже извѣстными намъ изъ другихъ его трудовъ и рецензій; особенно интересной является глава объ Ираклеопольскомъ періодѣ, изученіе котораго, какъ мы видѣли, было всегда предметомъ интереса автора. Весьма цѣнны постоянныя подстрочныя указанія на литературу по отдѣльнымъ вопросамъ: при томъ основательномъ знаніи ея, какимъ обладаетъ авторъ, мы были въ правѣ ожидать отъ него этой необходимой услуги; по мѣткому выраженію Моргана, въ настоящее время знаніе библіографіи египтологіи едва ли не столько же трудно, какъ и знаніе ея самой. Нельзя, однако, не сознаться, что отъ Масперо все-таки можно было ожидать большаго, особенно зная его талантъ и дѣятельность. Далеко не вездѣ мы встрѣчаемъ желательную полноту; кромѣ того свойство старыхъ изданій его труда, замѣченное всѣми историками,—смышеніе гипотезы съ безусловно доказаннымъ,—осталось и въ новомъ. Трудъ еще далеко не оконченъ, а потому о немъ и распространяться преждевременно.

Итакъ, за послѣднія 25 лѣтъ египтологія, какъ мы видимъ, двинулась значительно впередъ. Многое изъ того, что прежде считалось потеряннымъ, найдено, — что считалось темнымъ, выяснено, — что было болѣе извѣстно, получило новое освѣщеніе. Пришлось даже изменить и самый взглядъ на египетскую древность и культуру въ цѣломъ. Все это даетъ намъ право возлагать надежды на будущее науки и ждать данныхъ для выясненія другихъ темныхъ пунктовъ, которыхъ и въ настоящее время еще не мало.

Аграрный строй Пруссіи въ серединѣ XVIII-го вѣка.

Н. О. Шутякова.

Въ настоящемъ очеркѣ намъ придется имѣть дѣло съ учрежденіемъ, которое уже не существуетъ болѣе, но которое представляетъ немало интереса и теперь, какъ въ силу своего историческаго значенія, такъ и въ качествѣ своеобразной формы общественнаго быта, недоступной уже для непосредственнаго наблюденія, но вполне доступной для научнаго изслѣдованія. Относящіяся сюда установленія въ своей совокупности получали въ исторіи общее названіе несвободы или неволи¹⁾, въ примѣненіи же къ рассматриваемому нами періоду мы можемъ формулировать сущность ихъ точнѣе, какъ прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ (*glebae adscriptio*). Связаннаго съ такимъ прикрѣпленіемъ подчиненія крестьянъ привилегированному сословію дворянъ-помѣщиковъ не избѣжалъ волишь ни одинъ изъ европейскихъ народовъ. Память о немъ жива еще. И тѣмъ не менѣе оно, въ сущности, уже перестало быть намъ понятно. Для того, чтобы уразумѣть его смыслъ, его хозяйственное и социальное значеніе, намъ необходимо не только изученіе самой неволи въ ея историческомъ развитіи и въ ея формальныхъ развѣтвленіяхъ, но точно также и внимательное изслѣдованіе структуры общества интересующей насъ эпохи, равно какъ и всѣхъ условій, которыя такъ или иначе вліяли на его жизнь. Однако едва ли не важнѣе всего устранить при изслѣдованіи всѣ тѣ неточности и несообразности, которыя могутъ произойти отъ внесенія въ изслѣдуемую эпоху чуждыхъ ей, хотя и привычныхъ для насъ, попятій и представлений. Съ этой именно цѣлью мы намѣрены выис-

¹⁾ Ср. статьи Grünberg'a: Unfreiheit и Knapp'a Bauernbefreiung въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften.

нить прежде всего организацію поземельной собственности въ Пруссіи, XVIII в., такъ какъ перенесеніе современныхъ представленій объ этой собственности въ XVIII в. можетъ сдѣлать пониманіе тогдашнихъ учрежденій совершенно недоступнымъ. Потому уже мы перейдемъ къ самому институту крестьянской зависимости. Тогда намъ останется только выяснитъ еще отношеніе общественнаго самосознанія и государственной власти къ интересующимъ насъ явленіямъ, — и наша задача будетъ выполнена ¹⁾).

I.

Поземельная собственность еще не имѣла въ XVIII в. того однообразнаго, упрощеннаго вида, какой она пріобрѣла, вслѣдствіе крестьянской реформы, когда помѣщичьи имѣнія, представлявшія прежде одно юридическое цѣлое, распались на болѣе или менѣе значительное количество юридически обособленныхъ участковъ. Были, правда, и въ то время отдѣльныя имѣнія, которые по своему юридическому характеру очень сильно напоминали современные формы землевладѣнія: таковы были участки вольныхъ крестьянъ (къ слову сказать—весьма немногочисленныхъ); таковы же были и владѣнія нѣкоторыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ преимущественно мѣщанскаго происхожденія, у которыхъ не было обязанныхъ крестьянъ. Но огромное большинство помѣстій включало владѣнія двоякаго рода: помѣщичьи въ узкомъ смыслѣ этого слова и крестьянскія, которыя, не будучи вполнѣ самостоятельными, не слипались однако и съ владѣніями помѣщика.

Особенности поземельнаго строя прошлаго столѣтія чрезвычайно ярко отразились въ податныхъ кадастрахъ, составленныхъ для цѣлей обложенія. Изъ нихъ мы видимъ, что земли, входившія въ составъ тогдашнихъ помѣстій, не только не состояли въ фактическомъ владѣніи одного и того же лица, но даже несли неодинаковые налоги, смотря по тому, кто владѣлъ ими. Крестьянскія земли были обложены гораздо тяжелѣе; крестьяне несли собственно почти всѣ государственные рас-

¹⁾ Главнѣйшими пособіями являются для насъ: G. F. Knapp, *Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Provinzen Preussens*, 2 Bde, 1887,—сочиненіе слѣдуетъ замѣтить, чтобъ о немъ распространяться подробно, затѣмъ A. Lette und L. v. Rönne, *Die Landeskulturgesetzgebung des preussischen Staates*, 3 Bde, 1853—1854, Einleitung, и, наконецъ, A. Meitzen, *Der Boden u. s. w. des preussischen Staates*, B. I. Оба послѣднія—скорѣе собранія источниковъ, чѣмъ обработанныя изслѣдованія. Другіе источники и пособія указаны ниже.

ходы, тогда какъ дворяне-собственники платили сравнительно очень легкій налогъ, замѣнившій собою обязательную военную службу дворянъ и называвшійся поэтому „Lehnspferdegeld“¹⁾.

И этого, разумѣется, было вполне достаточно для того, чтобы провести между помѣщичьей усадьбой и крестьянскимъ участкомъ рѣзкую территориальную границу²⁾. При томъ же едва ли не всѣ кадастры начинаются или, по крайней мѣрѣ, оканчиваются торжественнымъ обѣщаніемъ законодателя сохранить навсегда разъ установленную норму налоговъ, откуда слѣдуетъ, что и отдѣльные помѣстья не подвергались переоцѣнкѣ. Легко подумать поэтому, что податное законодательство придавало существующему распределенію земли юридическій характеръ. Но на самомъ дѣлѣ ни кадастровыя записи, ни другія законодательныя нормы нисколько не препятствовали помѣщику въ произвольномъ распоряженіи своей землей. Подъ условіемъ уплаты податей въ прежнемъ размѣрѣ помѣщикъ могъ всегда присвоить себѣ любую часть крестьянской земли, и законъ ему въ этомъ не препятствовалъ. По этой причинѣ и кадастрамъ не слѣдуетъ придавать безусловнаго значенія. Нечего удивляться также, если кадастры, составленные въ разное время, расходятся въ своихъ показаніяхъ; на нихъ слѣдуетъ смотрѣть только какъ на статистическія записи.

Такимъ образомъ можно сказать положительно, что черта, которую податное законодательство проводило между помѣщичьей усадьбой и крестьянской землей, юридическаго значенія не имѣла. Тѣмъ не менѣе, каждый крестьянскій участокъ, уже по самой природѣ своей, представлялъ точно обозначенную и вполне установленную полосу земли, или, вѣрнѣе, группу земельныхъ полосъ, такъ какъ каждое поле лежало отдѣльно, не говоря уже о томъ, что и въ одномъ и томъ же полѣ у нѣкоторыхъ крестьянъ бывало подчасъ по нѣскольку такихъ полосъ. Чрезполосица мѣшала юридическому дробленію крестьянскихъ владѣній. Потому-то мы и видимъ, что крестьянскій надѣлъ сложился даже въ своеобразную земельную мѣру—Hufe. Въ XVIII-мъ столѣтіи Hufe уже не была неизмѣнной мѣрой крестьянскихъ владѣній; были надѣлы въ 2, въ 3 и болѣе гуфъ, были также и составлявшія только дроб-

¹⁾ Въ частностяхъ податныя системы отдѣльныхъ провинцій были весьма разнообразны. Ср. J. R. Roden, Kurzgefasste Nachricht von dem Finanzwesen, etc., напечатано въ сочиненіи Preuss'a, Friedrich d. Grosse, B. IV, Anh. II.

²⁾ Тотъ же самый Roden, котораго мы только что цитировали, даетъ въ своей запискѣ весьма любопытный примѣръ крестьянскаго бюджета, изъ котораго явствуется, что всего дохода съ земли едва хватало на уплату податей и оброка, а свое существованіе крестьянинъ долженъ былъ обзавести инымъ путемъ (къ сожалѣнію, Roden не говоритъ ничего о барщинѣ).

ную часть одной гуфы, но гуфа все же оставалась количественнымъ идеаломъ крестьянскаго владѣнія, пормой, къ которой приближалось большинство ихъ. Гуфами измѣрялись обыкновенно и помѣщичьи усадьбы, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Не говоря уже о томъ, что объединеніе помѣщичьихъ усадебъ въ территоріальныя единицы было дѣломъ сравнительно недавняго времени, дальнѣйшее увеличеніе ихъ могло происходить только на счетъ крестьянскаго землевладѣнія, а чрезполосица вела къ тому, что помѣщикъ долженъ былъ присоединять къ своему владѣнію или какой-нибудь отдѣльный участокъ, или нѣсколько ихъ, или же, наконецъ, присвоить себѣ прямую-какой-нибудь клинъ, безъ котораго крестьяне могли обойтись. Иначе-каждый случай захвата земли помѣщикомъ имѣлъ бы слишкомъ разо-рушительныя послѣдствія. И вообще, какъ намъ кажется, именно чрезполосность придавала крестьянскому землевладѣнію чрезвычайно консервативный характеръ, установивъ между прочимъ тотъ способъ наслѣдованія, по которому земля переходила только къ одному изъ сыновей, а именно къ старшему или младшему ¹⁾).

Но препятствуя дробленію крестьянскихъ участковъ, чрезполосица не мѣшала концентраціи земель, не мѣшала ей потому, что богатый крестьянинъ могъ легко соединить въ своихъ рукахъ два, три и болѣе участковъ. Поэтому равенства въ нѣмецкой деревнѣ не было.

Кромѣ помѣщичьей усадьбы и обособленныхъ крестьянскихъ участковъ, въ чертѣ помѣстья находились еще выгонныя земли и часть лѣса. Что касается выгона, то онъ находился въ общинномъ пользованіи у крестьянъ, такъ что каждый могъ кормить на немъ свой скотъ. Лѣса же были всецѣло владѣніемъ помѣщика, и крестьяне пользовались только извѣстными сервитутами, напр. правомъ собирать хворостъ.

II.

Во многихъ отношеніяхъ крестьянинъ былъ почти полнымъ хозяиномъ своей земли. Съ согласія помѣщика онъ могъ даже продавать ее, какъ въ цѣломъ, такъ и по частямъ. Но владѣлецъ cadaго изъ входящихъ въ сферу помѣщичьей собственности крестьянскихъ участковъ, кто бы онъ ни былъ, находился въ опредѣленномъ отношеніи къ помѣщику, которое связывало крестьянскіе участки въ одно хозяйственное цѣлое съ господской усадьбой.

¹⁾ Нужно принять во вниманіе, что общинное землевладѣніе въ Германіи исчезло рано. Въ общинномъ пользованіи оставались только луга.

Отношеніе это не покрывалось состояніемъ личной зависимости, въ которомъ могъ находиться крестьянинъ. Сплошь и рядомъ оно возникало путемъ контракта. Но личная зависимость, даже если она не составляла причины возникновенія юридическаго отношенія между крестьяниномъ и помѣщикомъ, составляла необходимое послѣдствіе такого отношенія. Это затрудняетъ точное разграниченіе понятій объ этихъ отношеніяхъ. Но если мы всмотримся внимательнѣе въ сущность личной зависимости крестьянина, то намъ станетъ ясно, какіе элементы входили въ отношеніи крестьянъ къ помѣщику черезъ нее и какіе происходили изъ иныхъ источниковъ.

Едва-ли нужно говорить о томъ, что состояніе личной зависимости въ огромномъ большинствѣ случаевъ было прирожденнымъ. Положеніе это претерпѣваетъ нѣкоторое ограниченіе только потому, что прусскіе крестьяне весьма нерѣдко переходили отъ одного помѣщика къ другому, для чего зависимость ихъ отъ прежняго господина, какъ мы увидимъ, не была безусловнымъ препятствіемъ. Любопытно, что по прусскому закону личная зависимость могла быть обусловлена путемъ особаго контракта и, слѣдовательно, даже помимо всякихъ поземельныхъ отношеній. Между тѣмъ она вовсе не означала безусловной подчиненности помѣщику и выражалась въ рядѣ весьма точно опредѣленныхъ обязательствъ, имѣвшихъ близкое отношеніе къ крестьянскому хозяйству.

Главнѣйшими ея ингредиентами были: 1) обязанность нести дворовую службу и 2) обязанность принимать крестьянское хозяйство, если къ тому представлялись случай и надобность. Въ силу первой обязанности молодые крестьянскіе пары и дѣвушки должны были, по достиженіи зрѣлаго возраста, прослужить извѣстное время на господскомъ дворѣ. Служба эта обыкновенно была ограничена извѣстнымъ срокомъ, большею частью тремя, иногда пятью годами, но иногда опредѣленнаго срока установлено не было, и тогда пары служили вплоть до того времени, пока имъ не приходилось приняться за веденіе самостоятельнаго хозяйства, дѣвушки же до выхода замужъ. Съ прикрѣпленіемъ къ землѣ *an und für sich* эта обязанность имѣла мало общаго, такъ что все значеніе прикрѣпленія сводилось къ второй изъ названныхъ обязанностей, которая заключалась въ томъ, что каждый крестьянинъ, по требованію помѣщика, долженъ былъ принять на себя веденіе хозяйства на одномъ изъ крестьянскихъ участковъ, находившихся въ чертѣ помѣстья. Этимъ обосновывалось и ограниченіе относительно мѣстопребыванія крестьянина. Уйти на сторону онъ могъ только тогда, когда въ немъ не было надобности у помѣщика и когда помѣщикъ соглашался на его уходъ. Но власть помѣщика и тутъ не была безгранична. Ремесленники, напримѣръ, могли жить на сторонѣ безъ

всяких степеней и платили только сравнительно очень небольшой оброкъ, разъ на всегда установленный и для всѣхъ одинаковый. Въ этомъ заключалось существенное отличіе прусской системы отъ существовавшей одновременно въ Россіи.

Оброкъ платили не одни уволенные помѣщикомъ крестьяне, ибо на оставшихся дома и получившихъ во владѣніе землю тоже лежали разныя повинности, которыя были опредѣлены частью въ денежной формѣ, частью должны были отбываться натурой; къ послѣднимъ принадлежали грибныя и ягодныя оброки, обязательныя приношенія лицъ и т. д. Въ общемъ и денежныя, и натуральныя повинности были, однако, до того ничтожны, что никогда не были даже объектомъ неудовольствія крестьянъ и не имѣли никакого самостоятельнаго экономическаго значенія. Едва ли мы ошибемся, если причислимъ ихъ къ переживаніямъ изъ той эпохи, когда подобныя приношенія были для помѣщика главными, если не единственными, источникомъ дохода.

Послѣ всего сказаннаго насъ нисколько не удивить, что прекращеніе отношенія зависимости и условія, на которыхъ могло состояться подобное прекращеніе, не зависѣли исключительно отъ доброй воли помѣщика, а были въ довольно широкой степени регламентированы мѣстными законами, при чемъ въ извѣстныхъ случаяхъ крестьянину давалось даже право требовать увольненія вопреки желанію помѣщика. Положимъ, такъ было не вездѣ, но отсутствіе законодательныхъ нормъ для увольненія обязанныхъ крестьянъ въ нѣкоторыхъ изъ прусскихъ провинцій едва ли не слѣдуетъ приписать одной только неполнотѣ законодательства, той же самой неполнотѣ, благодаря которой не вездѣ была запрещена продажа крестьянъ *безъ земли*. Этимъ отнюдь не сказано, что подобная неполнота была случайнымъ явленіемъ: она была, несомнѣнно, обусловлена преобладаніемъ дворянскихъ интересовъ на провинціальныхъ ландтагахъ, но дѣло въ томъ, что, несмотря на все это, случаи продажи крестьянъ безъ земли были чрезвычайно рѣдки, а полное освобожденіе было для крестьянъ столь же возможно и доступно, какъ были нерѣдки въ то же время переходы отъ одного помѣщика къ другому.

Несмотря на это, вопросъ объ увольненіи крестьянъ изъ неволи сдѣлался въ XVIII в. большимъ мѣстомъ аграрнаго строя. Законодательство отдѣльныхъ провинцій было слишкомъ разнообразно и слишкомъ недостаточно, чтобы удовлетворить потребности времени, а помѣщики дѣлали съ своей стороны все, чтобы еще болѣе затѣннить и запутать дѣло. Только въ трехъ провинціяхъ вопросъ объ увольненіи крестьянъ подвергся точной регламентаціи. Эти провинціи были Alt-Mittel и Neumark, гдѣ помѣщикъ не имѣлъ права отказать крестьянину въ увольненіи, разъ крестьянинъ при помощи перехода къ дру-

тому помѣщику могъ бы обзавестись собственнымъ хозяйствомъ или разъ онъ вообще долженъ былъ искать себѣ занятія внѣ помѣстья своего господина. Помѣщикъ могъ только требовать отъ крестьянина, чтобы онъ отслужилъ опредѣленное время на господскомъ дворѣ (въ случаѣ если онъ этого еще не сдѣлалъ), и чтобы уходящій нашелъ себѣ замѣстителя, если только онъ владѣлъ земельнымъ участкомъ¹⁾.

Не такъ было въ Помераніи и Восточной Пруссіи: тамъ увольненіе крестьянина зависѣло почти исключительно отъ воли помѣщика. Но и тамъ установившійся обычнымъ путемъ выкупъ вовсе не былъ эквивалентомъ рабочей силы крестьянина, ибо представлялъ изъ себя скорѣе вознагражденіе за отказъ отъ исполненія крестьянской обязанности принять на себя веденіе хозяйства. На это указываютъ не только незначительные сравнительно размѣры выкупной суммы, встрѣчающіеся въ современныхъ источникахъ, но также и то обстоятельство, что увольняемый крестьянинъ здѣсь, точно также какъ въ Бранденбургѣ, обязанъ былъ представить замѣстителя, что при существованіи безпредѣльной помѣщичьей власти, было бы, конечно, и излишне, и въ высшей степени затруднительно.

Сказаннымъ исчерпывается значеніе личной зависимости крестьянъ какъ въ ея непосредственныхъ экономическихъ проявленіяхъ, такъ и въ ея отношеніяхъ къ организаціи помѣщичьего хозяйства. На ея чисто юридическихъ выраженіяхъ и послѣдствіяхъ мы останавливаться не будемъ; она была важна для насъ, какъ составная часть сложнаго юридическо-экономическаго отношенія, которое существовало въ прошломъ вѣкѣ между прусскимъ помѣщикомъ и его крестьянами. Какъ мы уже видѣли, ея главнѣйшими послѣдствіями были прикрѣпленіе къ землѣ крестьянина и обязанность нести дворовую службу. Въ хозяйствѣ помѣщика и то, и другое имѣло, конечно, свое значеніе, но главной его опорой, его необходимымъ жизненнымъ элементомъ, была *барщина*, которая не имѣла ничего общаго съ личной зависимостью крестьянъ.

Тогда какъ вся земля, находившаяся во владѣніи помѣщика и его крестьянъ, составляла его собственность, роль крестьянъ сводилась къ тому, что вся эта земля, независимо отъ того, чье владѣніе она составляла, обрабатывалась ихъ руками. Та часть труда, которая уходила на обработку господскаго поля, именно и называлась барщиной. Само собой разумѣется, что это былъ принудительный трудъ; онъ раскладывался на крестьянъ сообразно съ величиной ихъ владѣній и представлялъ какъ-бы натуральную плату за пользованіе своими

¹⁾ Mylius, Corpus Constitutionum Marchicarum. t. V, 3, въ особенности 1-я глава.

участками. Это послѣднее обстоятельство еще болѣе усложняло и запутывало юридическія отношенія между помѣщикомъ и крестьянами.

Барщинный трудъ едва-ли не одинъ только и придавалъ цѣнность помѣщичьимъ усадьбамъ. Хотя онъ, собственно, и не былъ слѣдствіемъ личной зависимости крестьянъ, но послѣдніе не могли безъ предварительнаго согласія помѣщика ни замѣнить барщину денежнымъ оброкомъ, ни измѣнить формы ея отбыванія. Установившійся въ этомъ отношеніи обычай былъ обыкновенно обязателенъ и для помѣщика. Послѣдній не имѣлъ законнаго права измѣнить норму барщины, разъ она была установлена мѣстнымъ законодательствомъ. Но въ томъ-то и дѣло, что именно въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ власть помѣщика была шире и злоупотребленія его гораздо чаще, для барщины не было установлено никакой нормы, и помѣщику представлялась полная воля (*ungemessene Dienste*). Впрочемъ, въ дѣйствительности различіе между обоими названными видами барщины — нормированной и ненормированной — было вовсе не такъ велико. Нормированная барщина была дѣйствительно опредѣлена какъ въ количествѣ, такъ и въ качествѣ: но, съ другой стороны, и при ненормированной барщинѣ родъ труда былъ вполне установленъ; установлено даже было до извѣстной степени и его назначеніе¹⁾, — какъ и вообще характеристическая особенность крестьянскихъ повинностей въ Пруссіи заключалась въ томъ, что всѣ онѣ были обязательны только при условіи непосредственнаго пользованія ими со стороны помѣщика. Ни одному прусскому помѣщику не пришлось бы въ голову потребовать подъ видомъ барщины личныхъ услугъ. И даже въ сферѣ чисто крестьянскихъ работъ барщина представляла консервативный элементъ, который не легко было сообразовать съ требованіями хозяйства, такъ что его приходилось пополнять трудомъ рабочихъ, жившихъ постоянно на помѣщичьемъ дворѣ.

Относительно этихъ послѣднихъ мы уже знаемъ, что они вербовались главнымъ образомъ изъ дѣтей крестьянъ, обязанныхъ дворовой службой, но были и наемные рабочіе. Характерная черта всѣхъ этихъ рабочихъ, независимо отъ того, служили ли они добровольно или по обязанности, заключалась въ томъ, что ихъ трудъ всегда оплачивался не только натурой, но и деньгами, хотя бы въ весьма скромныхъ размѣрахъ, тогда какъ барщина была трудомъ бесплатнымъ.

¹⁾ Большинство историковъ придаютъ формальной противоположности между нормированной и ненормированной барщиной слишкомъ много значенія. Всего ближе къ принятой здѣсь точкѣ зрѣнія стоитъ Brünneck. въ своей статьѣ „Fronden“ (*Handwörterbuch des Staatswissenschaften*, B. III).

III.

Благодаря изображенной организаціи труда, основывавшейся на бесплатной барщинѣ крестьянъ, помѣщичья усадьба объединялась въ одно хозяйственное цѣлое съ крестьянскими надѣлами, которые служили для крестьянъ источникомъ средствъ къ существованію и заставляли поддерживать хозяйственный инвентарь. Понятно поэтому, что крестьянскіе участки были въ глазахъ помѣщика лишь средствомъ для поддержанія рабочей силы, доставляемой ему барщиною. И барщина, какъ мы видѣли, была дѣйствительно эквивалентомъ за пользованіе землей. Но, съ другой стороны, организація крестьянскаго землевладѣнія не была вполне однообразною и зависѣла не только отъ его непосредственныхъ отношеній въ помѣщичьей усадьбѣ, но также и отъ условій историческаго характера, которыми мы теперь и займемся.

Прежде всего мы должны сказать, что самое отношеніе крестьянъ къ помѣщику не было одинаковымъ, измѣняясь то сообразно съ *правомъ владѣнія* крестьянина на землю, то съ *величиной* его надѣла. Въ зависимости отъ этихъ измѣненій какъ хозяйственное, такъ и юридическое положеніе крестьянъ должно было то подниматься надъ среднимъ уровнемъ, то опускаться ниже его.

Высшій классъ крестьянскаго населенія составляли такъ называемые наследственные крестьяне, которые спорадически были разсѣяны по всѣмъ прусскимъ провинціямъ, но въ сплошныя массы сливались только въ немногихъ мѣстахъ. Къ этому классу принадлежали обыкновенно старосты, кабатчики и мельники, право которыхъ обозначалось уже ихъ социальнымъ положеніемъ: они-то и представляли главный типъ наследственныхъ крестьянъ. Разъ крестьянинъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ, то наследственнымъ владѣльцемъ онъ признавался только тогда, когда у него былъ въ рукахъ контрактъ, подписанный помѣщикомъ или однимъ изъ его предковъ.

Контракты бывали разнаго рода. Но различія между ними въ XVIII в. имѣли лишь историческій характеръ, не касаясь сущности права владѣнія и мало отражаясь на социальномъ положеніи наследственныхъ крестьянъ. Существовало два преобладающихъ вида наследственнаго права владѣнія: *Erbzinsrecht* и *Erbpacht*. Въ первомъ случаѣ крестьянинъ платилъ установленный оброкъ (*Kanon*), не имѣвшій никакого отношенія къ цѣнности надѣла. Эта своеобразная черта объясняется, повидимому, тѣмъ, что первоначально участки, предоставляемые крестьянамъ въ наследственное владѣніе, не имѣли ни опредѣленнаго объема, ни опредѣленной стоимости, такъ какъ *Erbzinsrecht* давалось, по миѣнію Кнаппа, тѣмъ крестьянамъ, которые сели-

лись на новыхъ земляхъ ¹⁾.—Что касается Erbbracht, то при существовании соответствующаго контракта крестьянинъ платилъ раннимъ образомъ денежный оброкъ (Erbzins). Въ противоположность вышеупомянутому канону Erbzins нѣкогда дѣйствительно былъ рентой съ известнаго участка земли, но съ теченіемъ времени онъ сталъ столь же недвижимъ, какъ и Капон, и столь же мало соответствовалъ цѣнности участка. Былъ ли онъ въ среднемъ выше или ниже канона—объ этомъ у насъ нѣтъ данныхъ.

Спрашивается, какое же значеніе имѣло вообще наследственное право владѣнія? Было бы очень ошибочно думать, что его главная характерная черта состояла въ томъ, на что намекаетъ названіе. т. - е. въ наследственности. Наследственность, т. - е. независимость порядка наследованія отъ помѣщика, въ XVIII в. встрѣчалась едва ли не при всякомъ правѣ владѣнія. Но наследственный контрактъ создавалъ прочное и неизмѣнное отношеніе между помѣщикомъ и крестьяниномъ, опредѣлялъ разъ навсегда крестьянскія повинности и обыкновенно былъ обязателенъ для обѣихъ сторонъ. Послѣ этого неудивительно, что въ XVIII в. наследственное право считали равносильнымъ полной собственности. Даже и личная независимость наследственныхъ крестьянъ была, несомнѣнно, значительно слабѣе зависимости крестьянъ ненаследственныхъ. Она проявлялась едва ли не исключительно въ необходимости согласія помѣщика при женитьбѣ и выходѣ замужъ (Eheconsens). Прикрѣпленія къ землѣ наследственные крестьяне собственно не знали, такъ какъ имъ было сравнительно очень нетрудно отыскать себѣ замѣстителя и заплатить установленный выкупъ. Обязанность нести дворовую службу по отношенію къ дѣтямъ такихъ крестьянъ тоже едва ли примѣнялась въ столь же обширныхъ размѣрахъ, какъ по отношенію къ дѣтямъ крестьянъ ненаследственныхъ. А гдѣ было возможно замѣнять натуральную службу на помѣщичьемъ дворѣ оброкомъ, наследственные крестьяне, навѣрное, одни только и пользовались этимъ преимуществомъ. Положительныхъ данныхъ по этому вопросу мы, однако, привести не можемъ, что объясняется, впрочемъ, весьма понятнымъ молчаніемъ источниковъ.

Характерной чертой наследственнаго права является такимъ образомъ рѣзкое выдѣленіе крестьянскаго хозяйства изъ сферы собственности помѣщика. Такое выдѣленіе могло быть нѣкогда даже выгоднымъ для помѣщика. Не гоноря уже о томъ періодѣ, когда помѣщикъ ограничивался полученіемъ известнаго оброка и поэтому былъ радъ, если, заполучивши слѣдующія приношенія, онъ былъ сво-

¹⁾ Knapp, Bauernbefreiung, Einleitung S. 40 (Anmerkung).

боденъ отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ крестьянину, подобная организація соотвѣтствовала, пожалуй, и той стадіи развитія помѣщичьего хозяйства, когда конвульсіи непостояннаго рынка дѣлали дифференцированіе отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ существенно необходимымъ для сохраненія хозяйственной организаціи. Помѣщику важно было тогда имѣть утѣренность, что его крестьяне на будущій годъ точно также вспашутъ и засеютъ всю землю, какъ они сдѣлали въ предшествующій годъ. И лучшую гарантію трудно себѣ представить! Намъ, русскимъ, легко понять, какъ сильно могутъ расходиться другъ съ другомъ крестьянскіе и помѣщичьи интересы въ подобныхъ случаяхъ, такъ какъ мы переживаемъ точно такой же періодъ. Вѣда хозяйство на собственный рискъ лишь въ одной своей усадьбѣ, которая обрабатывалась бесплатнымъ крестьянскимъ трудомъ, помѣщикъ несъ лишь часть общаго риска, хотя и старался утилизировать весь свободный крестьянскій трудъ. Понятно послѣ этого, почему помѣщикамъ въ неурожайные годы приходилось брать на себя пропитаніе крестьянъ. Вѣдь помѣщикъ рисковалъ вообще только *избыткомъ*, а крестьянинъ *всѣмъ своимъ существованіемъ*. Но въ то время, о которомъ мы говоримъ, условія были уже иные. Помѣщикъ помышлялъ лишь о томъ, какъ бы сплавить возможно больше хлѣба на рынокъ, и такое желаніе плохо согласовалось съ наследственностью крестьянскаго землевладѣнія. Единственно, что удерживало помѣщика отъ уничтоженія наследственности, были письменные контракты. Наследственности по обычному праву помѣщикъ, разумѣется, не признавалъ. Не признавали ея и суды, что давало право помѣщику пользоваться всякимъ сколько-нибудь благопріятнымъ случаемъ. Ряды наследственныхъ крестьянъ рѣдѣли. Оставались именно главнымъ образомъ всѣ эти старосты, мельники и кабатчики, о которыхъ мы говорили выше: наследственность ихъ мало вредила помѣщику и выдѣляла ихъ изъ деревенскаго населенія, побуждая ихъ этимъ дѣйствовать въ интересахъ господина.

Что же касается до большинства крестьянскаго населенія, то право ихъ владѣнія обыкновенно не имѣло формальной определенности. Установлены были только крестьянскія повинности, а право владѣнія выводилось на основаніи общихъ соображеній, при чемъ предполагалось, что повинности представляли лишь эквивалентъ за пользованіе предоставленнымъ крестьянину земельнымъ участкомъ. Единственной юридической нормой при опредѣленіи права владѣнія такихъ крестьянъ было провинціальное законодательство, которое само развилось одновременно съ увеличеніемъ числа такихъ крестьянъ и не могло, вслѣдствіе этого, помѣшать ухудшенію ихъ положенія. Говорить о каждой прусской провинціи отдѣльно мы не имѣемъ здѣсь

надобности, такъ какъ, несмотря на нѣкоторыя частныя различія, по отношенію къ крестьянскому вопросу, большая часть провинціальныхъ законодательствъ высказывалась весьма сходно. Въ качествѣ типичнаго примѣра мы возьмемъ Померанію, такъ какъ документальныя данныя позволяютъ довольно рельефно обрисовать положеніе ненаслѣдственныхъ крестьянъ въ этой провинціи.

Всѣ виды крестьянскаго землевладѣнія, при которыхъ наслѣдственность отсутствовала, мы назовемъ, сообразно съ терминологіей прошлаго вѣка, прекарისტическими (*precarium*), понимая этотъ эпитетъ въ смыслѣ необеспеченнаго, произвольнаго, недостаточнаго. Перехода къ ихъ характеристикѣ, скажемъ, что особенно яркимъ признакомъ прекаристическаго права владѣнія была принадлежность помѣщику крестьянской избы и хозяйственнаго инвентаря. Разъ эти условія были на лицо, крестьянина всѣ считали прекаристомъ. Однако, дѣло было далеко не всегда просто. Очень часто было положительно невозможно опредѣлить, кому принадлежать изба и орудія; такъ тѣсно переплетались правоотношенія между крестьяниномъ и помѣщикомъ. И еще чаще случалось, что помѣщику принадлежала или изба, или инвентарь, но не та и другой вмѣстѣ ¹⁾).

Въ общемъ вопросъ о принадлежности избы и инвентаря былъ часто до того сомнительнымъ, что приходилось обращаться за его разрѣшеніемъ къ праву владѣнія крестьянина, т. е., если онъ былъ прекаристомъ, то изба и инвентарь шли къ помѣщику, если нѣтъ—оставались за крестьяниномъ.

Слѣдовательно, одного этого признака было еще недостаточно. Другихъ несомнѣнныхъ признаковъ тоже не было. Но вотъ на помощь помѣщикамъ приходитъ, такъ называемый, крестьянскій уставъ 1616 г., имѣвшій рѣшающее значеніе для всего аграрнаго строя Помераніи. Въ уставѣ этомъ а priori опредѣлялось, что померанскіе крестьяне

¹⁾ Кнаппъ, а вслѣдъ за нимъ и его ученики установили особый терминъ „*Lassbesitz*“, обозначая этимъ именемъ всѣ виды крестьянскаго землевладѣнія, при которыхъ помѣщикъ имѣлъ право распоряженія крестьянской землей или полученіи эквивалента за пользованіе ею, а право крестьянина могло быть охарактеризовано, какъ „*beschränktes Nutzungsrecht am fremden Grundstücke*“ (Кнаппъ). Мнѣ кажется, что установленная Кнаппомъ категорія имѣетъ нѣсколько произвольный характеръ, что Кнаппъ, желая охарактеризовать то право владѣнія, которое мы называли прекаристическимъ, изобразилъ его въ чересчуръ мрачныхъ краскахъ. „Ограниченнымъ правомъ пользованія“ прекаристическое владѣніе, въ сущности, не было уже потому, что оно, какъ признаетъ и Кнаппъ, могло быть наслѣдственнымъ. Сверхъ того самый терминъ „*Lassbesitz*“ употреблялся только въ Бранденбургѣ, въ другихъ провинціяхъ его не существовало.

²⁾ Padberg, Die ländliche Verfassung in der Provinz Pommern, S. 270 f.

историч. обозрѣніе, т. IX.

правомъ собственности не пользуются. Исключеніе представляютъ, по словамъ устава, лишь крестьяне, обладающіе ненарушимыми наслѣдственными контрактами, т. е. опять-таки старосты, мельники и кабатчики. Вся же остальная масса крестьянскаго населенія—прекаристы, за которыми уставъ не признаетъ ни наслѣдственности, ни права собственности¹⁾. Нужно замѣтить, однако, что подъ собственностью здѣсь разумѣется не поземельная собственность, а лишь изба и инвентарь, такъ что уставъ 1616 г. рѣшаетъ принципиально въ пользу помѣщиковъ и вопросъ о принадлежности избы и инвентаря, вопросъ, какъ мы видѣли, далеко не всегда ясный. Съ другой стороны отсутствіе наслѣдственности нисколько не мѣшаетъ уставу заняться порядкомъ наслѣдованія крестьянскихъ участковъ, при чемъ оказывается, что послѣдніе легко могли переходить по наслѣдству даже къ крестьянамъ другого помѣщика. Поэтому, нельзя думать, что уставъ этотъ являлся выраженіемъ исключительномъ исторически сложившихся правоотношеній. Напротивъ онъ стремился, несомнѣнно, сгладить установившіяся различія въ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками, подвести эти отношенія подъ одну общую норму. Что при этомъ открывался большой просторъ произволу, — не подлежитъ сомнѣнію. И потому не слѣдуетъ удивляться, если померанскіе крестьяне оказываются по уставу 1616 г. не только лишенными наслѣдственного права на землю, но даже „крѣпостными, *homines proprii, coloni glebae adscripti*“. Къ чему все это сводилось, самъ уставъ опредѣляетъ весьма ясно и точно, добавляя, что крестьяне „уплачиваютъ лишь небольшой оброкъ, но зато обязаны исполнять всякаго рода службы безъ какого бы то ни было ограниченія и опредѣленія“ („ohne Limitation und Gewissheit“) и что „ни они, ни ихъ сыновья не могутъ, безъ согласія господина и освобожденія отъ зависимости, уйти со своихъ надѣловъ“²⁾. Все дѣло было въ томъ, чтобы болѣе выдвинуть, сильнѣе подчеркнуть ихъ зависимое отношеніе къ господину, хотя, въ сущности, ни одно изъ опредѣленій названнаго устава не свидѣтельствуетъ о томъ, что личная зависимость въ Помераніи была въ то время очень строга. Одинаковая тенденція характеризуетъ и послѣдующее поме-

¹⁾ Уставъ 1616 г. напечатанъ у Dähnert'a, *Sammlung gemeiner und besonderer pommerscher und rügischer Landesurkunden etc.*, B. III.

²⁾ Ib. Уставъ признаетъ за помѣщиками право выселять крестьянъ, но замѣчаетъ при этомъ: *In solchem Falle ist aber die Herrschaft altem Herkommen nach schuldig, sie mit aller lebendiger und todter Habe, darunter die Hofwehr mitbegriffen, frei ziehen, auch sie und ihre Kinder der Leibeigenschaft ohne Entgeltmiss zu erlassen (§ 16)*. Впослѣдствіи это условіе помѣщики, какъ мы увидимъ, не считали обязательнымъ.

ранское законодательство. Мы, однако, не будемъ слѣдить за его дальнѣйшимъ развитіемъ и скажемъ только, что подобныя попытки не имѣли и не могли имѣть рѣшающаго значенія. Какъ ни усиливалась личная зависимость крестьянина, историческая форма крестьянскаго хозяйства была такова, что оно не могло утратить своей самостоятельности, и всѣ попытки превратить его въ простую составную часть помѣщичьяго хозяйства, подчинить всецѣло волѣ и интересамъ помѣщика, отражались лишь бесполезной тратой труда и уменьшеніемъ относительной доходности хозяйства.

Граница, черезъ которую помѣщикъ не могъ переступить въ своемъ урѣзываніи хозяйственной самостоятельности крестьянина, явственно обозначалась обязанностями, лежавшими на самомъ помѣщикѣ. Такими обязанностями были: уплата податей за несостоятельнаго крестьянина, вспомошествованіе при постройкѣ новыхъ хозяйственныхъ строеній и при починкѣ старыхъ, матеріальная помощь въ случаѣ пожаровъ и неурожаевъ и, наконецъ, поддержка стариковъ и неспособныхъ къ труду. Всѣ эти обязанности были установлены закономъ и вовсе не были номинальными; помѣщики постоянно ссылались на нихъ, чтобы выставить свѣтлыя стороны существующаго строя, но въ то же время горько жаловались на тяжесть ихъ ¹⁾).

Какъ ни было шатко положеніе прекаристовъ, существовалъ еще цѣлый классъ крестьянскаго населенія, который могъ позавидовать имъ. Классъ этотъ былъ всецѣло продуктомъ крупнаго земледѣльческаго производства. Составъ его былъ довольно равнообразенъ, что и не позволяетъ назвать его однимъ общимъ именемъ. Характерной чертой этого класса было отсутствіе поземельнаго владѣнія, достаточнаго для веденія самостоятельнаго земледѣльческаго хозяйства. Это были, собственно, уже не крестьяне, а земледѣльческіе рабочіе, хотя они и не утрачивали своей связи съ крестьянствомъ. Подобно крестьянамъ, они точно также отбывали барщину. Но жили они главнымъ образомъ платой за трудъ на помѣщика. Барщина ихъ не была бесплатной, и сверхъ того на работу они выходили безъ рабочаго скота. Были у нихъ, правда, небольшіе кусочки земли, на которыхъ они разводили обыкновенно картофель и другія огородныя растенія. Но о какомъ-нибудь правѣ владѣнія не было и рѣчи: всѣ видѣли въ подобныхъ „мелкихъ людяхъ“ лишь рабочую силу. Въ помѣщичьей экономіи роль ихъ была довольно скромная. Покуда существовала бесплат-

¹⁾ Яркій примѣръ представляетъ отвѣтъ померанскаго сейма на инструкцію, данную въ 1763 г. Фридрихомъ В. Онъ напечатанъ у Preuss'a, Friedrich d. Grosse, B. III, S. 90—104.

ная барщина, они составляли лишь часть тѣхъ рабочихъ, задачей которыхъ было приноравливать барщинный трудъ къ потребностямъ помѣщика. Но при измѣнившихся условіяхъ они легко могли бы сдѣлаться главной опорой помѣщичьего хозяйства, такъ какъ безземельный рабочий гораздо болѣе соответствовалъ потребностямъ помѣщика, стремившагося прежде всего къ возможно большей концентраціи своего хозяйства. Для такого рабочего даже не было надобности въ личной зависимости, чтобы сдѣлать его слѣпымъ орудіемъ господина. А разъ она существовала, то власть помѣщика, становилась всесторонней и почти безграничной.

IV.

Нужно сказать, что какъ разъ въ описываемое нами время въ условіяхъ сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ произошелъ цѣлый переворотъ. Размѣры сбыта увеличились, и цѣны на хлѣбъ сильно поднялись. Особенно сильно чувствовалась совершившаяся перемена въ крупныхъ помѣщичьихъ хозяйствахъ. Подъ вліяніемъ измѣнившихся условій помѣщики еще сильнѣе, чѣмъ прежде, начали стремиться къ увеличенію интенсивности обработки и производительности своей земли. Земля приобрѣтала въ его глазахъ новую цѣнность, а барщинный трудъ становился недостаточнымъ. Даже въ Голштиніи, этой классической странѣ крупнаго помѣщичьего хозяйства, гдѣ помѣщикъ держалъ крестьянъ въ ежовыхъ рукавицахъ и могъ, поэтому, видоизмѣнять свою хозяйственную систему по произволу, даже и такъ барщина стала считаться самымъ непроизводительнымъ видомъ труда. Что же касается прусскихъ провинцій, то хотя они и начали перенимать голштинскую систему хозяйства (травосѣяніе, *Feldgrasswirtschaft*), но для полнаго хозяйственного переворота имъ необходимо было видоизмѣнить всю хозяйственную организацію, правда, уже и безъ того потрясенную во всѣхъ ея основахъ. За ея реформу, другими словами, за реформу своихъ отношеній къ крестьянамъ, и хватаются помѣщики. О радикальномъ преобразованіи сельско-хозяйственной техники въ Пруссіи въ это время не могло быть и рѣчи, такъ какъ не существовало необходимыхъ для этого условій: капитала, знанія и даже труда. Все, что оставалось дѣлать помѣщику, было добиться объединенія поземельнаго владѣнія и средствъ производства въ своихъ рукахъ. Въ этомъ направленіи, какъ мы уже видѣли, и работали помѣщики, такъ что на первый планъ выдвигалось ихъ юридическое отношеніе къ крестьянамъ, на которое помѣщики старались оказать соответствующее вліяніе.

Съ наслѣдственными крестьянами, разъ права ихъ были установлены, трудно было что-нибудь подѣлать. Оставалось развѣ выжидать благопріятнаго случая для захвата крестьянскихъ участковъ и рассчитывать на безнаказанность противозаконныхъ поступковъ. Но въ иномъ положеніи были прекаристы. Помѣщикъ принималъ въ соображеніе всѣ тѣ неудобства и всѣ матеріальныя убытки, которые причиняло ему существованіе самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ на землѣ, представлявшейся ему его собственностью. И онъ думалъ, что виною всему лишь крайне нецѣлесообразная организація крестьянскаго хозяйства. А такъ какъ барщина казалась ему лишь слѣдствіемъ господскаго права на крестьянскія земли, лишь эквивалентомъ за пользованіе ими, то онъ считалъ себя безусловно въ правѣ присоединять ихъ къ своимъ владѣніямъ, и захватъ этотъ казался ему однимъ лишь техническимъ видоизмѣненіемъ системы хозяйства. Крестьянскія притязанія на непрерывное и неизмѣнное владѣніе землей помѣщикъ считалъ устарѣлыми предразсудками, переживаниями какихъ-то обычаевъ, не могущихъ итти въ сравненіе съ его несомнѣннымъ абсолютнымъ правомъ собственности на землю.

И дѣйствительно юридическая обстановка прекарнаго владѣнія имѣла крайне жалкій видъ. Крестьянинъ не могъ предъявлять никакихъ притязаній на право поземельной собственности. Все свидѣтельствовало противъ него: его прекарнаго права толковалось въ смыслѣ отсутствія всякаго права, хозяйственный инвентарь приписывался къ помѣщику, тогда какъ всѣ права и обязанности, вытекавшія изъ отношеній прекариста къ господину, указывали на матеріальную и личную подчиненность, на отсутствіе самостоятельнаго юридическаго существованія. Это было слѣдствіемъ своеобразнаго развитія аграрныхъ отношеній, которое выразилось въ томъ, что тогда какъ господскія владѣнія пріобрѣли значительно большую цѣнность, чѣмъ они имѣли прежде, крестьянская доля въ продуктѣ, получавшемся съ обрабатываемой ими земли, все понижалась и понижалась. То, что теперь доставалось крестьянину, не превышало обычной заработной платы, и его субъективное право на землю сохраняло за собой лишь крайне незначительныя объективно-юридическія послѣдствія. Почва, такъ сказать, колебалась подъ ногами крестьянина. Потому-то онъ и не могъ оказать сопротивленія, если помѣщику приходило въ голову отнять у него его земельный надѣлъ.

Отдѣльные случаи снесенія крестьянскихъ дворовъ встрѣчались и раньше. Крестьянина охраняло, однако, до поры, до времени то обстоятельство, что его трудъ цѣнился выше земли, находившейся въ его владѣніи. Теперь же это переимѣнилось. Начались *системати-*

ческія изманиа крестьянъ ¹⁾), къ которымъ скоро присоединилось *систематическое давленіе* на крестьянское хозяйство, составлявшее *необходимую прелюдію изгнаній*, такъ какъ подобная операція могла быть произведена безъ ущерба для помѣщика только при условіи *полнаго разстройства* крестьянскаго хозяйства. Отношенія между помѣщикомъ и крестьянами обострились. Обычное право потеряло *последнее вліяніе*. И вотъ передъ нами начинаютъ проходить факты, которымъ мы напрасно стали бы искать объясненія, еслибы не *приняли во вниманіе совершенно исключительнаго характера* разсматриваемаго нами времени.

Особенно много можно было бы сообщить о порядкахъ, господствовавшихъ въ Помераніи, такъ какъ померанскій юнкеръ, подражая примѣру своихъ мекленбургскихъ и голштинскихъ сосѣдей, не церемонился съ крестьянами. Мы, однако, не будемъ останавливаться на этой *мартирологіи* и приведемъ только одинъ, правда весьма характерный фактъ. Въ книгѣ Кнаппа (*Bauernbefreiung*, B. II, S. 55) встрѣчается указаніе на то, что въ Помераніи около середины прошлаго вѣка сдѣлалось обычнымъ, при изгнаніи крестьянъ, превращать ихъ немедленно въ простыхъ рабочихъ, а не отпускать на волю, какъ было принято повсемѣстно ²⁾). Уже одно то, что помѣщики считали себя въ правѣ поступать такъ и не стѣснялись сообщать объ этомъ королевскимъ министрамъ,—само по себѣ весьма характерно. Достаточно хоть немного вдуматься въ положеніе крестьянина, чтобы понять, что онъ испытывалъ при такомъ превращеніи изъ самостоятельнаго хозяина въ *подневольнаго батрака*. Немудрено, что крестьянинъ послѣ такого превращенія и самъ считалъ себя совершенно *безправнымъ существомъ*. Что же касается померанскихъ помѣщиковъ, то они конечно и не сомнѣвались въ своемъ правѣ на людей и на землю, и не задумывались облекать это право въ новія, все болѣе тяжелыя для крестьянъ формы.

V.

Одновременно съ переворотомъ въ хозяйственномъ развитіи страны измѣнилось и отношеніе государственной власти къ крестьянскому вопросу. Тогда какъ раньше государство было почти всегда на сто-

¹⁾ Fuchs, der Untergang des Bauernstandes und das Aufkommen der Gutsherrschaften in Neu-Vorpommern und auf Rügen Abhandlungen aus d. Staatswissenschaftl. Seminar zu Strassburg i. E. H-ft. VI, Anhang.

²⁾ Такой же обычай существовалъ раньше и въ Помераніи, см. выше стр. 50.

ронъ помѣщиковъ и, на примѣръ, явно покровительствовало начавшемуся еще въ XVI столѣтіи увеличенію барщины, теперь къ сносу крестьянскихъ дворовъ оно не могло отнестись равнодушно. Крестьяне несли на себѣ почти всю тяжесть податей и доставляли главный контингентъ арміи. Дворянство же съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе теряло политическое значеніе. Отдѣльныя провинціи съ ихъ строго сословной конституціей слились въ одно сплоченное государство, во главѣ котораго стоялъ абсолютный монархъ. Королевская власть сдѣлалась связующимъ звеномъ, между тѣмъ, какъ дворянство уже въ силу своего сословнаго обособленія и корпоративныхъ привилегій стояло внѣ власти короля и не могло отрѣшиться отъ непріязненнаго отношенія къ ней.

Попытки вмѣшательства въ отношенія между помѣщиками и крестьянами со стороны королевской власти начинаются въ Пруссіи уже въ XVII столѣтіи; но сколько-нибудь серьезное значеніе онѣ приобрѣли только въ XVIII в. въ царствованіе Фридриха Вильгельма I, который издалъ безусловное запрещеніе выселять крестьянъ, высказавъ одновременно пожеланіе превратить крестьянъ въ наслѣдственныхъ собственниковъ. Онъ подумывалъ даже серьезно объ уничтоженіи самого „крѣпостничества“, свидѣтельствомъ чему служить весьма энергичный приказъ его „отмѣнить крѣпостное право безъ всякихъ разсужденій“, данный померанскому сейму по поводу нѣсколькихъ случаевъ отнятія у крестьянъ ихъ участковъ.

Какъ бы то ни было, мѣропріятія эти стояли внѣ всякой взаимной связи и сверхъ того не были въ достаточной степени разработаны и продуманы, такъ что и практическое осуществленіе ихъ не представлялось возможнымъ. Иной видъ попытки улучшить положеніе крестьянъ принимаютъ лишь съ воцареніемъ Фридриха В., подъ руками котораго крестьянское законодательство разрастается мало по малу въ цѣлую систему, группируясь вокругъ одной изъ самыхъ популярныхъ идей XVIII в.—идеи „пеплированія“ (Peuplierung — галлицизмъ, весьма неудобоваримый для современнаго нѣмца, но сплошь и рядомъ встрѣчающійся въ приказахъ Фридриха В.).

Остаемся на этой идеѣ. Какъ уже сказано, это одна изъ самыхъ популярныхъ идей того времени. Но не въ XVIII в. слѣдуетъ искать ея возникновенія. Она была едва-ли не самымъ дѣйствительнымъ аргументомъ въ діалектическомъ арсеналѣ меркантилизма съ самаго его появленія, т.-е. приблизительно съ конца XIV в. Выдержавъ нѣсколько столѣтій самаго разносторонняго примѣненія въ законодательной и административной сферѣ, и избѣгавъ участи другихъ меркантильныхъ идей, она безъ всякихъ оговорокъ была принята физиократами. Послѣднихъ Фридрихъ В. не долюбивалъ, но зато

онъ былъ никогда не прочъ испробовать мѣропріятія, рекомендованныя меркантилистами. И во всякомъ случаѣ онъ не могъ предугадать, что эта своеобразная доктрина, которая въ наше время одинаково мало говоритъ какъ сердцу, такъ и уму, не болѣе, какъ черезъ полъ-столѣтія сдѣлается предметомъ ожесточенныхъ нападокъ. Онъ былъ всецѣло на сторонѣ „пеплированія“. Но въ противоположность Мальтусу Фридрихъ представлялъ себѣ „пеплированіе“ не въ видѣ умноженія пролетаріата, а въ видѣ увеличенія платящаго и, слѣдовательно, зажиточнаго населенія. Для полнаго уразумѣнія его стремленій необходимо вдуматься въ социальныя условія того времени; нужно принять во вниманіе, что техническій подъемъ промышленности и земледѣлія не могъ не оказать разрушительнаго вліянія на созданный вѣками сословный строй общества, который, разумѣется, не былъ въ состояніи выдержать напоръ новыхъ производительныхъ силъ. А вмѣстѣ съ общественными устоями колебалось и благосостояніе отдѣльныхъ лицъ. Нѣкоторые пробивались выше, но большинство теряло даже свой прежній достатокъ. Къ этому присоединялись еще непрестанныя войны, которыя уносили людей и разрушали ихъ благосостояніе. Между тѣмъ именно экономическій переворотъ вселялъ надежду на возможность значительнаго увеличенія производительнаго населенія. При такихъ условіяхъ вмѣшательство административной власти становилось вполне понятнымъ и возможнымъ. Сливаясь съ стремленіемъ къ охранѣ хозяйственной организаціи общества, принципъ „пеплированія“ пріобрѣталъ широкое социальное значеніе; онъ давалъ разумное основаніе даже такимъ мѣропріятіямъ, которыя, повидимому, не имѣли ничего общаго съ нимъ. Что сказать, напримѣръ, о запрещеніяхъ продажи дворянскихъ имѣній въ руки бургеровъ? Казалось бы, что подобная мѣра могла имѣть источникомъ только пристрастное отношеніе къ дворянскимъ интересамъ. Но точно такія запрещенія существовали и по отношенію къ крестьянскимъ дворамъ. И послѣдніе подлежали даже болѣе строгой регламентаціи: не только было воспрещено продавать ихъ горожанамъ, но точно также запрещалось соединять по нѣскольку крестьянскихъ дворовъ въ одинъ и тѣхъ же рукахъ. Цѣлью подобныхъ мѣропріятій могло быть только одно, а именно охрана существующаго общественнаго строя и обузданіе стремленій къ наживѣ, поскольку они представляли опасность для общественнаго благосостоянія.

Тоже самое стремленіе легло въ основу всего крестьянскаго законодательства Фридриха. Но ярче и полнѣе всего оно выразилось въ такъ называемой внутренней колонизаціи, уже по одной этой причинѣ представляющей для насъ не малый интересъ и игравшей вообще крупную роль въ аграрной политикѣ Фридриха В. Внутрен-

няя колонизація ставила себѣ двойную цѣль: во-первыхъ, увеличеніе числа свободныхъ собственниковъ и, во-вторыхъ, умноженіе рабочихъ рукъ. Обѣ эти цѣли обрисовываются чрезвычайно ясно въ каждой колонизаціонной попыткѣ. Первой изъ нихъ Фридрихъ думалъ достигнуть путемъ раздачи земель въ собственность колонистамъ, при чемъ послѣдніе освобождались отъ всякой личной зависимости. Число такихъ колонистовъ составляло, по нѣкоторымъ вычисленіямъ, болѣе 47,000 семействъ ¹⁾. Но не изъ нихъ однихъ составлялись колоніи. Дополненіемъ къ колонистамъ-собственникамъ являлись колонисты-рабочіе, которые и должны были образовать рабочій контингентъ. Фридрихъ В. видѣлъ въ нихъ главнымъ образомъ средство облегчить обязанныхъ крестьянъ. Поэтому онъ рекомендовалъ и помѣщикамъ увеличить число барщинныхъ рабочихъ. Но по той же причинѣ колонисты-рабочіе даже въ доминальных имѣніяхъ приравнялись юридически къ подневольнымъ.

Значеніе внутренней колонизаціи чрезвычайно жѣтко опредѣлилъ Мирабо, знаменитый впослѣдствіи дѣятель великой революціи, написавшій о Пруссіи большое сочиненіе, гдѣ онъ, на основаніи личныхъ наблюденій, даетъ довольно точную и обстоятельную характеристику общественнаго и политическаго строя Прусскаго королевства. Онъ говоритъ:

„Obligez les seigneurs à affranchir leur serfs, c'est un acte de despotisme, utile à la vérité, mais souvent dangereux, et toujours difficile à exécuter. Quoiqu'en général il soit plus avantageux de faire naître les sujets chez soi que d'en faire venir du dehors, il peut être fort salutaire de former une nouvelle race d'hommes sous des auspices plus favorables" ²⁾.

Что Мирабо вѣрно понималъ мысль Фридриха, не подлежитъ сомнѣнію. Съ какими трудностями было соединено улучшеніе условій крестьянской жизни, въ достаточной степени показываютъ попытки дарованія крестьянамъ наслѣдственной поземельной собственности. О свободѣ тутъ не было и рѣчи; дарованіе наслѣдственного права имѣло цѣлью лишь устранить коллизію помѣщичьихъ и крестьянскихъ интересовъ. Несмотря на то осуществленіе реформы грозило

¹⁾ Beheim-Schwarzbach, hohenzollernsche Kolonisationen S. 624. Tabelle.

²⁾ Mirabeau, De la monarchie prussienne sous Frédéric le Grand, 1788.

I, p. 341 sq. Любопытно, что изъ новѣйшихъ изслѣдователей никто не ассимилировалъ основной идеи внутренней колонизаціи. Ни Шмоллеръ (Schriften des Vereins für Social-Politik Bd. XXXII), ни Римшлеръ (Domänenpolitik und Grundeigentumsverteilung vornehmlich in Preussen, 1888, S. 141 ff.), ни только что цитированный Beheim-Schwarzbach не выясняютъ ея соціальнаго значенія.

затянуться въ безконечность, такъ какъ государство могло представить въ свою пользу лишь соображенія цѣлесообразности и гуманности, а на сторонѣ помѣщиковъ было положительное право, за которое они держались чрезвычайно цѣпко и котораго въ принципѣ у нихъ никто не оспаривалъ.

Велико значеніе права, даже когда оно не является воплощеніемъ справедливости, а только мирится съ повседневной дѣйствительностью. Что укрѣпляло рѣшимость Фридриха въ борьбѣ съ нимъ, — такъ это увѣренность, что индивидуализація поземельной собственности будетъ выгодной не для однихъ крестьянъ, но и для самихъ помѣщиковъ, что только невѣжество препятствуетъ немедленному осуществленію раціональной экономической организаціи. Увѣренность въ этомъ была у него непоколебима. Онъ возлагалъ столь обширныя надежды на введеніе болѣе интензивной земельной культуры, что считалъ всякія жертвы, которыя приходилось приносить для этой цѣли, по сравненію съ конечнымъ результатомъ, совершенно ничтожными. Ему, повидимому, было суждено разрубить этотъ гордіевъ узелъ.

Но на самомъ дѣлѣ оказалось иначе. Быть можетъ, намъ удастся посвятить еще одну статью развитію прусскаго освободительнаго законодательства, и тогда мы увидимъ, что понадобилось еще немало усилій, чтобы предотвратить полное вытѣсненіе прекаристическихъ крестьянъ помѣщиками и что юридическая неустойчивость прекаристическаго права владѣнія оказалась уживчивѣе самой неволи.

Средневѣковыя западно-европейскія повѣсти въ русской и славянскихъ литературахъ.

С. Л. Пташницкаго.

Исторіи изъ римскихъ дѣяній (*Gesta Romanorum*) ¹⁾.

7. Русскіе сворники Исторій изъ римскихъ Дѣяній.

Въ русской рукописной литературѣ списки, такъ называемыхъ, Римскихъ Дѣяній находятся въ довольно большомъ количествѣ. О происхожденіи этого сборника сохранилось литературное преданіе отъ XVII вѣка, свидѣтельствующее о переводѣ его съ польскаго языка. Самую раннюю дату находимъ въ Погодинской рукописи № 1604, гдѣ записано на послѣднемъ листѣ: лѣта 7189 марта въ 1-день. Заглавіе же ея: Исторія изъ римскихъ дѣяній преведена ново и списана з друкванной новой польской книжицы и языка (на) русской. Въ рукописи Царскаго № 440 сохранилось указаніе, что переводъ сдѣланъ въ лѣто 7199 съ польскаго изданія 1663 года. Въ рукописи Царскаго же № 313 находится приписка — написана Алексѣемъ Коробовскимъ въ лѣто 7199 іюля въ 15 день; въ рукописи Погодина № 1953 на л. 142 находится записка: Написана сія книжица Исторія изъ Римскихъ дѣй въ лѣта 7199 году мѣсяца сентября въ 14 день. Въ этой, однако, рукописи самихъ исторій нѣтъ. Такимъ образомъ рукописное преданіе относитъ этотъ сборникъ къ концу XVII ст. и считаетъ его переведеннымъ съ польскаго.

Согласно съ этимъ преданіемъ высказался еще въ 1858 г. А. Н. Пыпинъ ²⁾, который полагалъ, что русскій переводъ относится

¹⁾ Продолженіе. Истор. Обзорѣніе. Т. VI, стр. 157—197.

²⁾ Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей (Уч. зап. И. Ак. Наукъ IV. 1858).

во второй половинѣ XVII столѣтія и сдѣланъ съ польскаго перевода до сихъ поръ (до 1858 г.) неизвѣстнаго изслѣдователямъ.

Въ предисловіи къ изданію Общества Л. Др. Писем. ⁸⁴⁾ высказана мысль, что по числу повѣстей близко подходятъ къ русскимъ англійскіе сборники, что русская редакція, не смотря на ея позднее происхожденіе, сохранила составъ наидревнѣйшій изъ всѣхъ до насъ дошедшихъ. Нѣтъ сомнѣнія, говорятъ тамъ же, что сборники эти проникали къ намъ въ XVII столѣтіи съ латинскаго запада, по съ другой стороны, какъ замѣчаетъ А. Н. Пынинъ, существуютъ данныя, дающія поводъ предполагать, что нашъ текстъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ несетъ слѣды непосредственнаго вліянія греческихъ текстовъ. Во всякомъ случаѣ наша редакція болѣе древняя, чѣмъ та, которая появилась въ западной Европѣ (стр. XV). Затѣмъ авторъ предисловія дѣлаетъ предположеніе, что весьма можетъ быть, что книга, напечатанная въ Краковѣ, на которую ссылался переводчикъ, „писана была на языкѣ польскомъ *простомъ*, т.-е. бѣлорусскомъ“, и что „польскій языкъ подлинника есть тотъ же, что и языкъ словено-польскій нашей рукописи, т.-е. бѣлорусскій (XVII)“. Таковы существующіе въ литературѣ взгляды на этотъ вопросъ. Для ихъ провѣрки рассмотримъ извѣстные намъ списки.

I. Рукопись Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности, перепечатанная въ Памятникахъ (V и XXXIII, 1877—1888 г.). На ней имѣется заглавіе, написанное, по опредѣленію издателя рукописи, тому лѣтъ пятьдесятъ, слѣдующаго содержанія: Древнія Повѣсти съ прикладами: [или] Собраніе [разныхъ полезно-забавныхъ] Исторій съ урваненіями, [то есть] Прикладовъ, или Причѣровъ [съ выкладами или правоучительными выводами] [Писанныхъ] Словено-Польскимъ нарѣчіемъ [Для пользы и забавы] [Чтущихъ и слышащихъ] въ Могилевѣ [1688 года]. Рукопись эта издателемъ не описана, снимокъ съ нея не приложенъ (за исключеніемъ заглавія), время ея неопредѣлено, а что значить на ней годъ 1688, догадываться напрасно. Судя по тексту, это очень поздній Сборникъ и позднѣе всѣхъ намъ извѣстныхъ, вѣроятно послѣднихъ годовъ XVII или первыхъ XVIII вѣка. Сборникъ начинается Исторіей объ Аполлонѣ королѣ Тирскомъ, двѣ главы обозначены № 13 (гi) и отсюда идетъ ошибка въ счетѣ главъ до 24, слѣдующая за ней обозначена № 26; то-есть счетъ восстанавливается. Всего главъ 36. На концѣ: конецъ исторіямъ симъ и слава Богу. Это самый плохой списокъ, но единственный изданный, и имъ поневолѣ приходится пользоваться.

II. Рукопись Императорской Публичной Библіотеки изъ Древле-

⁸⁴⁾ Памятники № V и XXXIII 1877—1878 г.

хранилища Погодина № 1714; въ 4-ку; начала XVIII вѣка. На 1-мъ листѣ помѣщено: „Оглавление книги сей дей римскихъ“, составленное послѣ утери начала рукописи. Въ немъ оставлено свободное мѣсто для заглавія первой главы, отъ которой остался только конецъ. Это окончаніе повѣсти, находящейся только въ архивной рукописи и не принадлежащей *Gesta Romanorum*. Ея заглавіе: Повѣсть дивнаго устроенія нѣкоего благотворца и праведнаго судія. Вторая глава соотвѣтствуетъ второй I-й рк. Въ составѣ имѣются слѣдующія отличія отъ I: глава 4-я поставлена 34-ой; главъ 35, 36 и 37-й нѣтъ. Т. о. въ настоящее время въ ней всего 35 главъ, а было 36. По редакціи эта самая поздняя изъ рассмотрѣнныхъ мною и позднѣе I.

III. Рукопись Императорской Публичной Библіотеки изъ Древле-хранилища Погодина № 1713; въ 4-ку; конца XVII вѣка. Имѣетъ заглавіе: История с римскихъ дѣяній приведена с польскія печатныя книги на словенскій языкъ. Первою главою поставлена и посчитана глава 2-ая: Прикладъ, сиірѣчь бытія о хитрости дьяволстей. История объ Аполлонѣ поставлена 37-ю, но безъ счета. Всего главъ 37; нѣтъ 38-й и 39-й. По своей редакціи эта рукопись представляется предшественницей I, и ея оригиналъ служилъ основаніемъ I. Составъ ея вполне соотвѣтствуетъ I, за исключеніемъ только того, что История объ Аполлонѣ не поставлена первою.

IV. Рукопись изъ собранія Царскаго № 711; извѣстна мнѣ по описанію Строева ⁶⁶⁾; рукопись XVII в. Въ ней заглавіе: История изъ римскихъ дѣяній, переведена ново и списана съ друкованной съ польской книжицы и языка на словенскій языкъ. Рукопись эта по своему составу вполне соотвѣтствуетъ III, но она ея старше и ближе къ предполагаемому польскому оригиналу. Въ I и III въ заглавіяхъ слово Прикладъ (*przysład*) объясняется—сиірѣчь прятча; въ IV этого нѣтъ и „Прикладъ“ оставлено безъ объясненія. Въ 7-й гл., напримѣръ, въ I и III: „чтобъ всякъ человекъ“; въ IV „штобъ мы“ польск. *abyśmy*.

V. Императорской Публичной библіотеки изъ собранія Толстого № 1. 419; въ листъ; XVII столѣтія. Съ 1 — 825 — Хронографъ; съ 826—875. История изъ римскихъ дѣяній, новопреведена и списана с книжицы печатной, полскаго языка на русскій. Всего 11 главъ; по заглавію и составу вполне соотвѣтствуетъ IV, но ея моложе. Она стоитъ по времени между III и IV. Въ IV—переведена на *словенскій*

⁶⁶⁾ Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. Н. Царскому. Разобраны и описаны П. Строевымъ. М. 1848. Все собраніе нынѣ принадлежитъ собранію гр. А. С. Уварова и вошло въ описаніе, составленное Арх. Леонидомъ. М. 1893—1894.

языкъ, въ V на *русскій*; въ IV въ заглавіи только „Прикладъ“—въ V въ однихъ главахъ „Прикладъ“ (1, 2, 9, 10), въ другихъ „Притча“. Отсюда одинъ шагъ къ тому, что въ III имѣемъ Прикладъ сирѣчь притча. Сравнительно съ I здѣсь нѣтъ главъ 1 и 11; и съ IV нѣтъ главы соответствующей 11 первой рукописи. Въ гл. 5,—въ V—дабы человекъ, въ IV, чтобы.

VI. Рукопись Императорской Публичной Библиотеки изъ Древле-хранилища Погодина № 1775; въ 4-ку; л. 194; рк. XVII вѣка. Начала нѣтъ 1 л. начинается словами: добрыхъ дѣлехъ хвалебныхъ и соверши день... На л. 3—„Прикладъ о досконалости“ помѣченъ, какъ глава B—вторая, соответствующая гл. 4-й рк. I. Т. о. здѣсь первую главою была гл. 3-ья рк. I. и II, или 2-ая рукописей III—V. За этимъ измѣненіемъ, т. е. выдѣленіемъ главъ 1 и 2 изъ рк. I, порядокъ вполне соответствуетъ, до гл. 32-й, порядку предыдущихъ рукописей. Главы съ 1—32 соответствуютъ главамъ 3—34-й рукописи I, а послѣ уже начинаются перестановки. Эта рукопись заключаетъ собою циклъ сводовъ, въ которыхъ первую поставлена глава—„О Евиняне“, и Исторія объ Аполлонѣ, поставлена послѣ главы 36 (1-й рукописи) т. е. послѣ главы—„О важности и вѣрности“. По своей редакціи она представляется древнѣе всѣхъ предыдущихъ.

VII. Рукопись Тихонравова № 16, описанная въ изданіи О. Л. Д П., гдѣ приложенъ снимокъ съ заглавнаго листа, писаннаго латинскими буквами: *Leta [ot rożestwa hris] towa 1729. meseca [oqtiab-ria w 2 den napi] sac siia qniga imianuema [ia Pritci razuma tsza] niem N. G. Q. Q. Qarpa [Iewlewa a pisal cer] kwi znamenia bcy дячек Еге-меі Grigorew. Эта надпись свидѣтельствуетъ о томъ, что рукопись была переписана въ 1729 году дячкомъ церкви Знаменія Богородицы Еремеемъ Григорьевымъ на средства Карпа Евлева каедральнаго каноника. Рукопись эта составляетъ списокъ съ рукописи одинаковаго извода съ VI, здѣсь тотъ же распорядокъ главъ: первую помѣщена глава „О Евиняне“. Исторія объ Аполлонѣ слѣдуетъ за разсказомъ „О важности и вѣрности“. Здѣсь нѣтъ ни слова „Притча“, ниже перевода слова Прикладъ. Въ ней 39 главъ и она вполне совпадаетъ съ VI.*

VIII. Рукопись Императорской Публичной Библиотеки изъ собранія Толстого II, 15; въ 4-ку; рукопись XVII вѣка. Въ ней заглавіе: Исторія из римскихъ дѣяній преведѣна нѣво і списана з друкованой с полской книжицѣ и іазыка на руской. По своему составу вполне соответствуетъ двумъ предыдущимъ, но въ ней нѣтъ четырехъ главъ, соответствующихъ: 2, 35, 38 и 39 общаго свода. Начинается главою „О Евиніанѣ“ и Исторія объ Аполлонѣ поставлена послѣ главы „О важности“. По письму рукопись старше VI, по редакціи предста-

вляется спискомъ съ рукописи болѣе древней, чѣмъ предыдущія. Въ загадкахъ Тарсія и отвѣтахъ Аполлона—вмѣсто „вѣнникъ“ всѣхъ рукописей (по изд. стр. 51), здѣсь сохранилась польская форма этого русскаго слова: вѣнникъ. Хронологическая послѣдовательность лучше всего устанавливается текстомъ этой рукописи. Вотъ лѣстница, устанавливаемая однимъ словомъ, но имѣющая полное подтвержденіе во всей рукописи: стр. 51 (по печат. изд.): VIII и VI: домъ есть ланя; III домъ есть баня ланя и I домъ есть ланя сирѣчь баня.

IX. Рукопись Царскаго, по описанію Строева № 313, нынѣ графа Уварова № 1826; въ 4-ку, 196 листовъ; скоропись крупная XVII в. Начальные листы утрачены. По Строеву и Арх. Леониду соответствуетъ Толст. II, 15; но въ ней 37 гл., тогда какъ въ Толст. 35. Судя потому, что Исторія объ Аполлонѣ поставлена 36-ю, какъ въ VI, и что гл. 37-ая соответствуетъ 37-й гл. рк. VI, ее слѣдуетъ отнести къ той же группѣ, что VI—VIII. Въ ней важна приписка: До-кончаніе книги сем. Богу слава. Написана Алексіемъ Коробовскимъ, въ лѣто 7199 (1691), іюля въ 15 день. Эту рукопись слѣдовало бы отнести къ списку болѣе близкому къ первоначальному переводу.

X. Рукопись Царскаго 440; въ ней, по описанію Строева, на лл. 397—518, Римскія Исторіи. Всего 7 главъ. Любопытно заглавіе: Исторія размаитыя, сирѣчь Повѣсти избранныя, съ толкованіемъ надлежащимъ, выписано изъ римскихъ и изъ иныхъ книгъ, лже нынѣ обрѣтаются въ сей вышереченной книгѣ, кратко собранныя и людемъ въ наученіе издачныя. Печатаны въ Краковѣ, въ типографіи пана Войтеха Секѣловича, типографа Его Королевскаго Величества польскаго, въ лѣто Христова рожденія 1663 году. Нынѣже, милостію великаго Бога, съ Польскаго языка на словенскій переведены, въ лѣто 7199 году. Надпись эта очень важна, какъ указывающая на изданіе, съ котораго сдѣланъ переводъ; этого изданія до сихъ поръ розыскать не удалось. Типографъ Войтехъ Секеловичъ дѣйствительно печаталъ въ Краковѣ съ 1660—1685 годъ. Всего здѣсь 7 главъ, и онѣ расположены въ произвольномъ порядкѣ, какого нѣтъ ни въ польскомъ, ни въ русскихъ сборникахъ. Гл. 1=37 р. и польской; 2—1 р. и 3 п.; 3-я 2 р. 4 п.; 4—39 р. и 5 п.; 5—3 р. и 6 п.; 6—36 р. и 2 польской.

XI. Императорской Публичной Библіотеки изъ Древлехранилища Погодина № 1604. Рк. XVII в.; въ 4-ку (А. Θ. Бычковъ. Описаніе рукописныхъ сборниковъ И. П. Б. № LXII), съ л. 215—354: Исторія из Римскихъ дѣланій преведена ново и списана з друкованной польской книжицы и языка (на) руской. На оборотѣ послѣдпаго листа зрнш (7189) марта въ 4 день, т.-е. 1681 года. Всего 37 главъ. По расположенію главъ вполне соответствуетъ VI, VII и VIII — житіе

Евстафія слѣдуетъ за житіемъ Св. Алексѣи. Нѣтъ главъ соотвѣствующихъ I 8 и 36.

XII. Архивная рукопись. Рукопись Московскаго Главнаго Архива Министерства И. Д. № 250/455, въ 4-ку. Сборникъ XVII ст. заглавія нѣтъ, рукопись начинается главою: Повѣсть дивнаго устройства нѣкоего благотворца и праведнаго суди. Эта повѣсть не принадлежитъ *Gesta Romanorum*. Изъ русскихъ синсковъ встрѣчается только во II р. к., и то въ отрывкѣ. Вторая глава: О хитрости діавольствѣй—она соотвѣствуетъ 2-й главѣ рк. I. Всего сосчитано 37 главъ, но въ главѣ 25 помѣщены двѣ главы, такимъ образомъ всего 38 главъ. Изъ нихъ первая не принадлежитъ *Gesta Romanorum*, и 27-ая не находится ни въ одной изъ предыдущихъ рукописей, но находится въ польскихъ изданіяхъ. Расположеніе главъ не соотвѣствуетъ ни одной изъ вышеописанныхъ рукописей. Главы со 2 по 12 соотвѣствуютъ порядку II рукописи. Послѣ главы 28-й (29-й) имѣется приписка: конецъ снѣтъ всѣмъ дѣямъ римскимъ. Затѣмъ слѣдуетъ дальше продолженіе. Дѣйствительно, эта глава въ I, VI и VII рукописяхъ поставлена послѣднею. Особенность этого списка составляетъ ограниченное число разсказовъ и преобладаніе толкованій, на 39 главъ имѣется всего 7 разсказовъ.

XIII. Рукопись П. К. Симони въ С.-Петербургѣ, XVIII ст. въ 4-ку. Сборникъ. Въ ней имѣется всего 16 разсказовъ съ толкованіями и заглаіемъ: Дѣи римскіе, приклады с толкованіемъ премудрыхъ еи-лосововъ преведено с римскихъ прикладовъ. Всѣ эти главы расположены въ послѣдовательности, какую мы встрѣчаемъ только въ архивной рукописи (XII), онѣ соотвѣствуютъ гл. 14—28 рк. XII. Тутъ есть даже глава, не встрѣчающаяся въ одиннадцати первыхъ рукописяхъ и находящаяся въ XII, соотвѣствующая 1-й польской. Въ этой рукописи мы встрѣчаемъ названіе: Дѣи римскіе, и оно появляется въ 29-й (28-й) главѣ рукописи XII, которая соотвѣствуетъ послѣдней главѣ этой рукописи.

XIV. Рукопись Соловецкаго Монастыря № 242. Извѣстна мнѣ по выпискѣ главы 27-й, любезно доставленной мнѣ П. П. Владиміровымъ. Не зная состава ея, не могу опредѣлить ея мѣста среди описанныхъ рукописей. Вѣроятно, что она стоитъ между VI и III.

8. Составъ русскихъ сворниковъ Исторій изъ римскихъ дѣяній.

Литературная исторія отдѣльныхъ разсказовъ, вошедшихъ въ *Gesta Romanorum*, а также мотивовъ, повторяющихся въ нихъ, въ об-

щемъ достаточно разработана въ литературѣ. Труды А. Н. Пыпина, Н. Oesterley'a и Dick'a ⁸⁷⁾ даютъ общее руководство и могутъ служить достаточною путеводною нитью при изученіи каждаго сюжета въ отдѣльности. Въ настоящее время я не задаюсь планомъ изучить каждый рассказъ отдѣльно, и только намѣренъ указать на ближайшій источникъ, изъ котораго эти рассказы вошли въ русскіе сборники исторій. Съ этою цѣлью я просмотрѣлъ указанные выше доступные мнѣ списки, и старался установить ближайшее отношеніе рассказовъ къ ихъ предполагаемому источнику. Здѣсь я останавливаюсь только на самыхъ характерныхъ моментахъ, опредѣляющихъ это отношеніе, и не вхожу въ подробное сопоставленіе всѣхъ деталей. Въ виду возбужденнаго вопроса о близости русскихъ сборниковъ къ англійской редакціи, я указываю на тѣ рассказы, которыхъ нѣтъ въ англійскихъ сборникахъ, но не отмѣчаю каждый разъ соотвѣтствующей главы англійскихъ сборниковъ, такъ какъ это легко уже сдѣлать по изданію Oesterley'a, имѣя мои указанія на латинскую вульгату. На польскій текстъ я буду указывать по изданію г. Быстроня, вышедшему уже по напечатаніи первыхъ листовъ настоящаго очерка ⁸⁸⁾. Нумера чешскихъ главъ ставлю по счету, установленному мною выше, а не по новому чешскому изданію ⁸⁹⁾.

I. Польск. 3; Лат. 153; Нѣм., Чеш., Англ. нѣтъ.

I. 1. Исторія о Аполлонѣ королѣ Тирскомъ і о Тарсѣ королевнѣ, прикладъ, что печаль премѣняется в радость.

II. —

III. 37. Исторія Аполонѣ королѣ тирскомъ и о Тарсе дочери его, прикладъ, что печаль пременяется в радость.

IV. 37. Исторія о Аполлонѣ королѣ Тирскомъ, и о Тарсѣ королевнѣ, дочери его, прикладъ, что печаль премѣняется въ радость.

На концѣ: У сей исторіи о Аполлонѣ начала не обрѣтохъ съ чего писана, понеже бо многіе листы поистлѣли и поизгибли и того ради списать было несчега; и поставлена сія повѣсть в началѣ книги, и не на концѣ, и послѣ во другихъ поставлена повѣсть о пустынникѣ, ейже начало: Прикладъ о хитрости діаволостей, яко судьбы Божіи не испытаны и скрыты суть.

V. —

⁸⁷⁾ Die Gesta Romanorum nach der innsbrucker handschrift vom jahre 1342 und vier münchener handschriften. Herausgegeben von Wilhelm Dick. (Erl. Beitr. z. Engl. lit. herausg. v. Her. Varnhagen. VII. Erlangen. Leipzig 1890.

⁸⁸⁾ Biblioteka Pilsarżów Polskich. Historye Rzymskie Wydał Dr. Ian Bystron. Kraków. 1894.

⁸⁹⁾ Staročeská Gesta Romanorum. Dle staročeských rukopisů podává Dr. Ian V. Novák (Sbirka Pramenův vydává III třída česke Akademie v Praze I. 2). V Praze. 1895.

VI. 37. Исторія Аполлонѣ королѣ тирскимъ и о прекрасной королевне Тарсясѣ.

VII. 36. Исторія объ Аполлонѣ королѣ Тирскомъ и Тарсѣ королевны. Прикладъ, что печаль перемѣняется въ радость. Гл. 35. Написана не вся.

VIII. 34. Повѣсть о Аполлонѣ короле тирскомъ velmi полезна.

X. 2. Повѣсть о Аполлонѣ, королю тирскомъ, и о Тарси королевнѣ, дщерѣ его, на прикладъ къ разсужденію надлежащая, како человѣку печаль перемѣняется въ радость.

XI. 34. Исторія о Аполлонѣ королѣ Тирскомъ и Тарсе королевнѣ; прикладъ, что печаль перемѣняется въ радость. Анытиохъ королѣ velmi силны земли Греческой королевствовали.

Исторія объ Аполлонѣ Тирскомъ въ извѣстныхъ мнѣ спискахъ помѣщается въ концѣ сборника, и только въ I поставлена въ началѣ. Съ рукописи одинаковой съ I вѣроятно была списана IV. Объ этомъ свидѣлствуетъ приписка на концѣ исторіи — и поставлена сія повѣсть въ началѣ книги и не на концѣ. Въ западно-европейскихъ редакціяхъ Исторія помѣщается только въ печатныхъ сборникахъ. Неизвѣстны они рукописимъ латинскимъ, нѣмецкимъ, чешскимъ и англійскимъ. Въ печатныя изданія латинскія она вошла уже готовою, распространившись первоначально отдѣльно въ большомъ количествѣ списковъ на различныхъ языкахъ. Въ русскіе сборники Исторія вошла изъ польскаго сборника, куда она была внесена изъ готоваго перевода, сдѣланнаго не по тексту *Gesta Romanorum* и въ редакціи, рѣзко отличающейся отъ латино-германскихъ составовъ. Д-ръ Поливка убѣдительно доказалъ, что польскій переводъ составленъ съ чешскаго, русскій же сдѣланъ съ польскаго. Чешскій текстъ рѣзко отличается отъ извѣстныхъ западно-европейскихъ редакцій и его источникъ до сихъ поръ не найденъ. Польская редакція во многомъ отличается отъ чешской, а русская отъ той и другой. Въ виду несомнѣнной между ними связи, и несомнѣннаго отличія польско-русской редакціи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ чешской слѣдуетъ допустить существованіе польскаго перевода намъ неизвѣстнаго, по которому сдѣланъ русскій. Изученіе славяно-русскихъ текстовъ и послѣ работы д-ра Поливы, должно составить предметъ особаго изслѣдованія, а потому здѣсь я только укажу на нѣкоторые мѣста, характеризующія взаимныя отношенія текстовъ и опредѣляющія источникъ русскаго текста.

Здѣсь укажемъ только важнѣйшія изданія, которыми мы имѣли въ виду, не исчерпывая всей обширной литературы предмета.

1. *Historia Apollonii regis Tyri recensuit et praefatus est Alex. Riese. Lipsiae 1871*; 2) *Historia Apollonii regis Tyri e codice Parisino 4955 edidit M. Ring. Posonii et Lipsiae 1888*; *Meyer W. Ueber den*

lateinischen Text der Gesch. d. Apollonius von Tyrus (Sitzber d. philos., u. hist. Cl. der K. Bair. Ak. 1872. Hft. I s. 3—28). *Schepps*. Funde und Studien zu Apollonius Tyrius (N. Arch. d. Ges. für ält. deutsche Geschichtskunde 1884 IX).

3. a, Vrt'átko. Apollon Král Tyrský. Cas. Mus. Krol Cesk 1863. 270 сл., 352 сл., b. *Polívka*. Roman o Apollonovi králi Tyrském (Listy Filolog. XVI 5, 6); *Polívka*. Drobne příspěvky literárně — historické. Прага 1891 стр. 116 и слѣд. Въ послѣднихъ работахъ указана главнѣйшая литература предмета.

Исторія о Аполлонѣ
королѣ Тирскомъ по
Тарсѣ королевнѣ.
Прикладъ, что печаль
премѣняется въ ра-
дость.

Počína se Apollon.

Historia o Apollonie,
królu tyrskim, i o Tar-
seye królewnie. Przy-
kład, iże smutek prze-
mienion bywa w we-
sele.

Антиохъ король велики
силами в земли грече-
ской королевствовалъ ¹⁾.
В той ²⁾ земли того имени
много королей ³⁾ было,
але сего ⁴⁾ Антиоха пи-
сание ⁵⁾ наипаче похва-
ляетъ мудрости ради ⁶⁾ и
великіе дѣла ⁷⁾. И на-
звали ⁸⁾ его Антиохомъ
великимъ. Былъ онъ ⁹⁾
лица краснаго, возраста
высокаго, смысла му-
драго, гласа яснаго, серд-
ца смѣлаго, наипаче же
к ¹⁰⁾ воинскимъ дѣланъ
охочь былъ. Той какъ ¹¹⁾
выехалъ на войну на
своей земли и ¹²⁾ не
возвратился до седми
лѣтъ до ¹³⁾ дому, раз-
личныхъ земель до-
бывавши. И какъ себѣ
великіе страны вселен-
ные покорилъ подъ свою
державу, тогда ¹⁴⁾ воз-
вратился до своей земли
и соудалъ градъ твердъ
и богатъ ¹⁵⁾, его же на-

Byl v řecké zemi jeden
král, jemuž biele jmeno
Antioch. V té zemi mnoho
toho jmena král bylo, ale
tohoto mezi jinými písmo
více chvali pro jeho činy
veliké.

A pro to jsú jeho nazvali
velikým Antiochem, [nebo
vědě ne pro jeho k
bohu zaslúžení bo-
hem byl obdařen dary
velikými], že biele ten
král líc krásného, vzrostu
spanilého, smysla múdrého,
a hlasu (α, γδ hlasu)
jasného, srdce udatného
a ke všemu skutku ry-
tířskému dospělého. Tak
ze vyjed vojensky (ze
svých vlastních zemí γ;
ze své země δ), sedm let
se domův nevrátil králov-
ství rozličného, a jiných
zemí dobýváje. A když
sobě podrobil světa čest
velikú (α, γδ: když sobě
velikou stranu světa pod-

Antiochus, król wielki,
w ziemi greckiej królował.
W tej ziemi tego imienia
wiele krolow było, ale ten
między inszemi nasław-
niejszy dla jego spraw
wielkich.

Był oblicza pięknego,
wzrostu spaniałego, mądry,
dowcipny, serca śmiałego,
w rzeczach rycerskich
przewaźny (dzielny) był.

Ten gdy wyjechał na
wojnę z swojej ziemi,
nie wrócił się w siedm
lat do domu, rozlicz-
nych ziem dobývając.
A gdy sobie wielką stronę
świata podbił, wrócił się
do Grecyej i zbudował
miasto twarde (mocne) i
bogate, które od swego
imienia przezwał Antio-
chią.

¹⁾ VII грецкой королевствовалъ. ²⁾ III в той греческой (припис. надъ стр.). ³⁾ VIII кралей. ⁴⁾ III а того короля А. ⁵⁾ VIII нѣтъ, за то два разы на-
ипаче. ⁶⁾ VI, VIII ради его. ⁷⁾ III великихъ дѣлъ. ⁸⁾ VI знавалъ. ⁹⁾ III понеже
былъ (отца зачеркн.) краснаго; VI Былъ краснаго. ¹⁰⁾ VI и па же i воинскимъ.
¹¹⁾ I-я I какъ. ¹²⁾ VI, VIII нѣтъ. ¹³⁾ III къ дому своему добывавши различ-
ныхъ. ¹⁴⁾ VI нѣтъ. ¹⁵⁾ III и богатъ зачеркнуто.

свагъ ¹⁴⁾ отъ своего имени
 Антиохіа ¹⁵⁾.
 manil), vřativ se zase do
 sve země, ustavi město
 tvrdé a vilké, bohate (α,
 γδ: město pevné a bohaté),
 jemuž od svého imena
 jmeno dal Antiochia.

Заглавіе Исторіи въ томъ видѣ, въ какомъ оно имѣется въ русскомъ текстѣ, прямо взято съ польскаго, въ чешскихъ GR. Исторіи, не находимъ, а въ отдѣльных спискахъ: Počina se Apollon; въ лат.— De tribulatione temporalı, que in gaudium sempiternum postremo commutabitur. Всего выше приведеннаго начала нѣтъ въ лат. Тамъ говорится: Antiochus in civitate Antiochia regnavit, a quo ipsa civitas nomen accepit. Составъ этого мѣста вполнѣ совпадаетъ съ чешскимъ, въ немъ сравнительно съ польскимъ имѣются лишніа мѣста (и называли его Антиохомъ великимъ), хотя и въ чешскомъ есть фраза, которой нѣтъ въ русскомъ (поставлена у насъ въ скобкахъ). Способъ выраженія подчеркнутаго мѣста указываетъ на несомнѣнное вліаніе польскаго перевода. Продолженіе этого разсказа представляетъ несомнѣнную зависимость отъ чешско-польской редакціи. Только на основаніи чешскаго текста можно возстановитъ непонятное русское мѣсто: Тогда король въ великой печали нача со дщерью своею дары дарить — а dceru jemu ostavi, vzemi dary buohem obdařenu. Издатель русскаго текста полагаетъ, что здѣсь «греческій подлинникъ неправильно понятъ», и въ этомъ случаѣ «дары дарить» относилось къ женихамъ (XXI). Чешскій текстъ вполнѣ разъясняетъ это недоумѣніе, здѣсь долженъ быть испорченъ польскій текстъ, и это мѣсто въ поддѣйшихъ изданіяхъ вынуждено, какъ непонятное.

2. И в томъ граде той
 Антиохъ ¹⁾ король своею ²⁾
 королевой ³⁾ и со всѣмъ
 дворомъ своимъ пребы-
 валъ. А ⁴⁾ та его коро-
 лева была отъ бога на-
 рождена, высокая ⁵⁾ кра-
 соты, чудно и бесѣдою
 славна ⁶⁾. Паче же все-
 го ⁷⁾ житіемъ ⁸⁾ чистымъ
 и вѣрнымъ сердцемъ. Та
 королева ⁹⁾ имѣла ¹⁰⁾ дочь

2. V tom městě dvorem
 sedě kral s svú královú.

Nebo ta tvorcem nebes-
 kým vysoce, biele daro-
 vana krásu, lepotu, sliěnú
 rozmluvú a nade vše či-
 stým životem a věrným
 srdcem. Ta jmějiele dceru
 od svého krále překrásnu
 a ve všem (α, β: v žen-

2. W tym mieście król
 z królową z swoim dwo-
 rem przebywał, która była
 bardzo piękna, mądra i
 cnotliwa. Ta miała córkę
 od swego króla bardzo
 śliczną, która na świecie
 równia nie miała w uro-
 dzie. I stało się, że kró-
 lowa umarła a zostawiła
 królowi wielką żaloscę w
 sercu. Potym po żalosci

¹⁴⁾ VI призвагъ, VIII его отъ своего имени призвагъ. ¹⁵⁾ VIII А великоіа.

¹⁾ III Антиохъ. ²⁾ III своею. ³⁾ VI, VIII граде своею королевою (VIII королевою) і совсемъ. ⁴⁾ III і. ⁵⁾ VIII высоцѣ красу. ⁶⁾ III славна. ⁷⁾ VI і житіемъ. ⁸⁾ III сверху этого слова надписано жила с королевъ. ⁹⁾ III вычеркнуто. VI, VIII та имѣла.

отъ своего короля такую прекрасну¹¹⁾, что во всей поднебесной паче ея красоты необрѣтатися¹²⁾. И потому¹³⁾ королева представилъ, и королю оставилъ великую жалость въ сердцы. Тогда король въ великой печали¹⁴⁾ нача со¹⁵⁾ дщерію свою дары дарить, понеже¹⁶⁾ бо на ней ницъ не было замѣтало прирожденіе, развѣ ю¹⁷⁾ Богъ смертию учинилъ. И потому по жалости¹⁸⁾ того плача король утѣшилъ и разослалъ послы по всехъ дворѣхъ княжескихъ.

ském) narodu nelze již, a narzekaniu król się by co krásšieho bylo, ni sličnějšího (γδ. že pod nebem nemohlo nic pěknějšího nalezeno byti). Ta králová, ostavivši kralovi žalost v srdci, z světa snide a dceru jemu ostaví, všemi dary buohem obdařenu. Nebo na ni nebylo nic obmožkúno přirozením, jedno bo že bylo smrtedlnu i učinilo. Po (žalosti pak a po γδ) kvílení kral rozesla tajné posly po všech dvorích knížetstcích.

Слѣдующее мѣсто характеризуетъ и самъ способъ составленія разсказа. Въ лат. G. Rom. (Oesterley 523): Cui leno: nescis, quia apud lenonem et tortorem nec preces nec lacrimae valent? Tamen vocavit villicum puellarum et ait: Hec puella ornetur vestibibus puellaribus preciosis et scribatur ei titulus: Quicumque Tharsiam violaverit, mediam libram dabit, postea ad singulos solidos parebit populo. Villicus fecerat, quod iussum fuerat. Латинскіе тексты представляютъ незначительныя видоизмѣненія. Такъ, напримѣръ. Въ Парижской рукописи (Ring. cap. XXXIII): Cui leno ait alleva te misera; tu autem nescis, quia apud lenonem et tortorem nec preces, nec lacrimae valent. Et vocavit ad se villicum puellarum et ait ad eum: cella ornetur diligenter, in qua scribatur titulus: Qui Tharsiam virginem violare voluerit, dimidiam auri partem vel libram dabit; postea vero singulis aureis populo patefit. Postea vero fecit villicus, quod iusserat ei dominus suus.

Славянскіе тексты рѣзко отличаются отъ латинскихъ, а въ общемъ сходятся между собою. При этомъ въ русскомъ и польскомъ текстахъ есть такіа выраженія, которыхъ нѣтъ въ чешскомъ; способъ же передачи ихъ въ русскомъ указываетъ на ихъ польское происхожденіе.

¹⁰⁾ III приписано—у себя. ¹¹⁾ VIII красну. ¹²⁾ III поправлено—не обрѣтался. ¹³⁾ VI, VIII сталося такъ какъ королевна умерла, оставила королю. ¹⁴⁾ VIII въ великой печали — нѣтъ. ¹⁵⁾ III кончается страница, и не достаетъ 2 стран. ¹⁶⁾ VI нѣтъ, VIII ібо на ней, VI смертную. ¹⁷⁾ III что. VIII что ю. ¹⁸⁾ VI по жалости і на те (sic) Король. VIII той і плача.

Стр. 40—41.

Рекъ ей, чесо ¹⁾ плачеши, или не вѣси, что къ ²⁾ тому въ руки пришла, которой ни стыду, ни сорому ³⁾ нѣтъ, ни милости въ себѣ не имѣеть ⁴⁾, иди и сяди приправившись ⁵⁾, азъ ⁶⁾ тобою хочу сребра достать сколько за тебя далъ, къ тому еще и болши хочу взять. И повелѣ ⁷⁾ безчестну речъ по граду плакать ⁸⁾, которой ⁹⁾ есть срамно въ сию книжну ¹⁰⁾ писати, а ¹¹⁾ можетъ то всмѣхъ знать на коей то было выкидыванье ¹²⁾.

Стр. 355.

K tomu škaredy Sramota vece ji: Proč darmo pláčeš? Cili toho ne vieš, že jsi tomu v ruce přišla, v němáto ni studu, a ni milosti jest? Jdi a sed uliž se nebo toho stříbra chci nabyti, ješto jsem za té dal, a nad to ješto více chci mieti. Rka to kázal necnú řeč volati po všem městě, jišto iest hanba práti, ani to podobné v knihy vstaviti. (α, β, ješto mi jest hanba na knížkách psati). A když toho města kniež (valyšav).

Стр. 32.

Na to gospodarz rzekł: czego płaczesz? Snadź nie wiesz, żeś temu w ręce przyszła (wpadła), który ani wstydu, ani żadnej miłości w sobie ma. Ale idź a siedź, przybrawszy się, bo tak wiele chcę z tobą srebra dostać, jakom za cię dał, a nad to jeszcze więcej. I kazał nienczcziwá rzecz po mieście wołać, co sromota jest w te książki pisać, ale może się każdy domyslić jakie tam wołanie było.

Сопоставление разныхъ текстовъ показываетъ, что чешскій составляетъ вольную передѣлку латинскаго, польскій, придерживаясь чешской редакціи, дѣлаетъ свои отступленія, которые переходятъ цѣликомъ въ русскій переводъ.

Рѣзче всего польскій текстъ отступаетъ отъ чешскаго въ загадкахъ. Тутъ полная свобода въ польскомъ переводѣ. Русскій же буквально придерживается этого послѣдняго. Въ Gesta Rom.

Est domus in terris, que nobis clausa resultat;

Ipsa domus resonat, tacitus sed non sonat hospes,

Ambo cum currunt, hospes simul et domus una.

Парижская рк. (Ring. с. XLII):

Est domus in terris clara, quae voce resultat, далѣе одинаково съ G. R.

Стр. 49.

Рекъ ей Аполлонъ: о лишка хитрая всако повѣмъ, что меня хочешь принудить, чтобы я съ тобою говорилъ, и ты того для злато сховай—спрячь свое себѣ; а что мыслишь говори. Тогда Тарсія загадала ему загадку глаголю, что есть то загадка, Тарсія:
Есть нѣкоторой домъ хвалебной,

Стр. 38.

Odpowiedział: O liszko chytra, wszak to wiem, że mię chcesz do tego przywieść, abym z tobą mówił, przetoż złoto twe chowaj (zachowaj) sobie, a mów co myślisz.

Tedy zadała mu Tarsya zagadkę. mówiąc: Co to jest?

Iest dom jeden chwalebny, Wszemu swiatu potrzebny,

Стр. 359.

Tedy Apollon odpowéd: o chytrá liško! wiem, k čemu mně chceš připraviti, k tomu mně chceš mluvit, s tebú. Protož sve zloto schovaj sobě, a mluv co myslíš.

Tedy Tharsia vece.

Duom jeden věde uhodněs-li, povědě, jenž ten duom hlúci,

¹⁾ III чего. ²⁾ VI нѣтъ. ³⁾ VI нѣтъ. ⁴⁾ VI добавлено — „але“. ⁵⁾ III VI приравнится. ⁶⁾ III азъ бо, VI ібо. ⁷⁾ VI велѣлъ. ⁸⁾ III, VI кликать. ⁹⁾ III которую. ¹⁰⁾ III книжку, VI книжницу. ¹¹⁾ VI але. ¹²⁾ VI всмѣхъ и то дознаеть кое то выкидываетъ было.

Всему міру потребной,
А тотъ домъ всегда учить
[И тамъ мужъ безъ коня]
А господарь въ немъ мол-

чить,
За господаремъ ходить,
А животъ ему родить,
И тамъ мужъ безъ коня

приехалъ,
Господаря кратко обве-

детъ,
И обведчи вывечеть,
А домъ кратой утечетъ.

Отповѣдалъ Аполлонъ:
Домъ есть река, которая

учить,
Господарь есть рыба, ко-

торая молчать,
И тамо рыбиникъ в ладѣи

приедетъ,
Рыбу твою (sic!) отведетъ

Обведчи вывечеть,
А вода кро(въ) сѣтъ уте-

А ten dom zawsze huczy

А gospodarz w nim milczy,

Ż gospodarzem chodzi,

Żywoť jemu rodzi

А tam mąż bez konia przy-

jedzie,

Gospodarza krata ob-

wiedzie,

Obwiódszy wywlecze,

А dom krata uciece.

Odpowiedział król:

Dom jest jako rzeka, która

huczy,

Gospodarz jest jako ryba,

która milczy;

Tam rybitw w łodzi przy-

jedzie,

Ryby siecią obwiedzie,

Obwiódszy rybę wywlecze,

А вода przez sieć uciece.

А вода przez sieć uciece.

А вода przez sieć uciece.

А вода przez sieć uciece.

А вода przez sieć uciece.

А вода przez sieć uciece.

А вода przez sieć uciece.

А вода przez sieć uciece.

А вода przez sieć uciece.

А вода przez sieć uciece.

А вода przez sieć uciece.

А вода przez sieć uciece.

А вода przez sieć uciece.

А вода przez sieć uciece.

А вода przez sieć uciece.

А вода przez sieć uciece.

А вода przez sieć uciece.

а gospodarť jeho mlčí.

I přijede muž bez koně,

nesa nit na luoně,

jem hospodáře přeť vleče,

a duom dierů přeť uteče.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

а gospodarť jeho mlčí.

Вторая загадка ближе къ латинской, но это еще не позволяет предполагать въ польскомъ переводѣ латинскій оригиналъ изъ G. R.

Longa feror velox formose (Париж. formosa) filia silvae,

Innumera pariter comitum (Париж. comitor) stipante (Париж. stipata) caterva,

Curro vias multas, vestigia nulla relinquo.

Стр. 50.

Загадка, пакн Тарсія,
что есть сие:

Кора лесу краснаго,
Возрасту сама великаго,
Невидимые слуги возда-
ють, Около нея всегда
ходятъ, Многими доро-
гами ходять. А слѣдъ
верадить ее.

Стр. 38.

Rzecz Tarsya: Co to jest?
Córa lasu krasnego,
Wzrostu sama wielkiego
(Sama wzrostu wielkiego)
Niewidomi ją słudzy wodzą,
Okolo niej wszędy chodzą,
Wiele drogą chodzi
A śladu nie rodzi.

Стр. 360.

Tarsia opet vece:
Zrostu jsem vysokého,
A jsem dcera lesa kras-
ného;
Nevidomé sluhý mým,
Vodie mě, a já jich neznám,
Běžici cestu mnoho
Neostavě sledu i jednoho.

Отповѣдь.

Отповѣдалъ Аполлонъ:
Кора лесу краснаго есть,
то лодья есть изъ дерева
великаго, слуги невиди-
мые суть вѣтры, которые
водятъ ю, а при ней всег-
да ходять, та много пу-
тей имать ходить, и слѣду
не родить.

Odpowiedział Appolon:

Cora lasu krasnego
Iest łódź drzewa wiel-
kiego,
Słudzy wiatrowie ją wodzą,
Niewidomie przy niej
chodzą,
Ta wiele drogą (wiele
dróg) chodzi.
A wszakże śladu nie rodzi.

Appolon vece: Dcera lesu
krásného a vzrostu vyso-
kého jest strom, z něhož
lodi učiněna; ta nevidomé
sluhý má, neb ji víetr puďí.
jehož nížadný nevidí; ta
běží mnoho cestů, a však
sledu neostaví.

Третья загадка въ латинскомъ текстѣ сильно отличается отъ славянскихъ:

Per rotas et edes innoxius ille pertransit;

Est calor in medio magnus, quem nemo removit;

Non est nuda domus, nudus sed convenit hospes;
Si luctum poneress, innocens intrares in ignes.

Славянскую редакцію скорѣе напоминаетъ текстъ по Парижс. рк.

Per totas aedes innoxius intro per ignes:
Circumdat flammis hinc inde nec uror flammis.
Nuda domusque est et nudus ibi convenit hospes.

Загадка. Г—я Тарсія.	Ieszcze rzekła Tarsya:	Opet jemu Tharsia vece:
Рекла Тарсія, что есть	Iest dom w szaty ubogi,	V horkych stolicech se-
домъ сіе.	Goście i gospodarz w nim	děch,
Есть домъ въ ризахъ не	nagi,	a však strachu nic neměch,
убогій,	Tam rzecz w ręce trzy-	jednu věc v rukú držech,
Гости и государь в немъ	maja.	pro niž se méně styděl;
нагій,	A prze nię wstydu nie	dám holý bieše,
И тамо вещь в руцѣ дер-	maja,	hospodař s hostmi nah
жить,	Ogień wodę w nim prze-	sediesá.
А встыду неумѣють,	daja.	
Огонь и воду в немъ	A w innych to darmo daja.	
продаютъ,		
А у нихъ то даромъ даютъ.	Odpowiedział na to Apol-	Apollo ji odpověděl: Se-
Отповѣдь. Отповѣ-	lon.	děla jsi v horkých stoli-
далъ ей Аполлонъ:	Dom jest łaźnia w szaty	cech bez všeho strachu,
Домъ есть лазна сіи	nieubogi,	nebo na ladiciech; a ten
есть баня, въ ризахъ не	W nim goście i gospodarz	duom bieše hol, zě v něm
убогій,	bywa nagi	nic niebieše. I sedieše v
В немъ гости и государь	Rzecz jest winnik (wino)	tom dom hospodař nah s
бываетъ нагій,	który trzymają.	hostmi, totiž v łaźni, a
Въщъ есть въннѣ, которой		drže jednu věc v rukú,
А в томъ стыду не имѣють,	A protože wstydu nie maja;	totiž věnik, pronž se méně
Тамъ огонь и воду про-	Tam ogień z wodą prze-	stydiesá.
даютъ,	daja,	
А у нихъ то даромъ даютъ.	A u inszych to darmo daja.	

Непосредственное вліяніе польскаго текста отразилось особенно на отдѣльных словахъ и цѣлыхъ выраженіяхъ. Стр. 3. Любовь къ дочери своей *оказывалъ* не толь словы, но и *безчисленными* скуки. Польск. *niezliczonemi* skutkami вышло изъ непонятаго чешск. *nesličny* skutku—некрасивыми поступками.

Стр. 4 засмутился, польск. *zasmucił się*, чеш. *zamúti se*.

Стр. 6 учинюхъ въ чешск. *Skutok*, польск. *uczynek*.

15. и начаша имъ яко *никою* метати — польск. *piła*, чешск. *miečem*, мячиномъ, лат. *pila*.

30. въ море не врютили—*nie wrzucili*; тѣло добръ разыгралось—*ciało dobrze zagrało*; ласа—*łasa*.

34. Вручена бысть въ море—*wrzuciona jest w morze*.

35. По морю блудити—*błądzi po morzu*.

39. Сталось съ пригоды—*stał się z przygody*.

43. Витай королю великій къ намъ—*witaj królu wielki nam*.

44. Запудилъ—*zarędził*.

40. Тарсія восклицаетъ: о несчастіе... таково ядовито свое

купа на погибшую девицу наострило. Издатель русского текста полагает, что „купа“ очевидно въ значеніи жала и что это болѣе древнее классическое выраженіе. Между тѣмъ очевидно тутъ мы имѣемъ дѣло съ испорченнымъ текстомъ.

Въ VI в. „купа“ поставлено „копіе“. Въ Польск. *O niezszczęście takeś jadowicie swą kopią nastraconą dziewczkę naostrzyło.* Чешск.—*kte-rak jsi své kopie lité naostrilo.*—т.-е. текстъ совершенно ясенъ.

Сдѣланныя сопоставленія совершенно достаточны для выясненія вопроса о взаимномъ отношеніи славянскихъ текстовъ. Русскій—составляетъ переводъ съ польскаго до сихъ поръ неизвѣстнаго текста. Польскій переводъ составленъ съ чешскаго тоже неизвѣстнаго. Вошелъ онъ уже готовый въ польскій сборникъ Римскихъ Исторій и сильно отличается, какъ отъ латинскаго текста *Gesta Romanorum*, такъ и отъ другихъ извѣстныхъ латинскихъ текстовъ. Оригиналъ для чешскаго текста до сихъ поръ не найденъ, и пока чешская редакція должна считаться стоящею отдѣльно—и къ ней примыкаютъ только польскія и русскія.

Въ русскій сборникъ „Исторій“ Исторія объ Аполлонѣ вошла прямо изъ польскаго сборника и по тексту въ него вошедшему. Исторія объ Аполлонѣ имѣется въ отдѣльныхъ спискахъ, но она составляетъ особую передѣлку, и стоитъ отдѣльно отъ текста нашего сборника ⁹¹⁾. Разборъ этихъ текстовъ долженъ составить предметъ отдѣльнаго очерка.

II. Пол. 4; Лат. 80; Н., Ч. и Англ. нѣтъ.

I. 2. Прикладъ сій рѣчь бытія О хитрости дѣволстѣй, іако *судбы* божія неиспытанны и скрыты суть.

II 2. О хитрости дѣволстей, іако *судбы* божія неиспытанны и скрыты суть; глава В.

Нѣкій пустынный живаше *в нѣкое* пустынь и трудиася *в мубоцѣ пещере*.

III. 1. Прикладъ сїи речъ бытія о хитрости дѣволстей, іако *судбы* божія неиспытанны и скрыты суть.

Бѣ некій пустынный живеше *в пустыне*.

IV. 1. Прикладъ (притча) о хитрости дѣволстей, іако *судбы* Божія неиспытаны суть.

V. 1. Прикладъ о хитрости дѣволстей и іако *судбы* божїи не

⁹¹⁾ *Тихонравовъ. Лѣтописи Р. Лп. Т. I.; Polivka Drobne Přispevky. V Praze 1891.*

испытанны и скрыты суть. Былъ нѣкоторый пустынный, который жилъ въ нѣкоторой *пещерѣ* и во дни и нощи господу Богу служилъ.

VI. 38. Прикладъ о хитрости дѣволстей, іако *судбы* божіи не-испытанны скрыты судъ. Былъ нѣкоторый пустынный, который жилъ въ нѣкоторой пещере.

VII. 38. Прикладъ о хитрости дѣволствъ и іако *судбы* Божіи не-испытанны скрыты суть гл. 36.

VIII. —

X. 3. Повѣсть о хитрости дѣвольской, како покушаетъ чело-вѣки во отчаяніе и о *судьбахъ* Божіихъ, іако невѣдомы суть.

XI. 36. Прикладъ о хитрости дѣволстей, іако *судбы* Божіи не-испытанны и скрыты судъ. Былъ нѣкоторый пустынный, который жилъ въ нѣкоторой *пещерѣ*.

XII. 2. О хитрости дѣволстей, и іако *судбы* божіи не-испытанны и скрыты суть. Бѣ нѣкій пустынный и живаше въ нѣкой пустыне.

Заглавіе этой главы несомнѣнно переведено съ польскаго: Przykład o chytrości diabelskiej, i iako sądy boskie są skryte. Польское слово sądy (iudicia) только въ одномъ спискѣ (IX) переведено вѣрно — и о *судьбахъ* божіихъ. Затѣмъ текстъ разсказа уже въ началѣ главы отступаетъ отъ польскаго. Въ польскомъ говорится: Pustelnik ieden był, który w iedney *pusztyni* przebywał, we dnie i w nocy Panu Bogu służył, a przed oną, *pusztynią* ieden pasterz owce pasał. I przydało się iednego czasu, że on pasterz usnął, a gdy spał przyszedł złodziej i ukradł owce. Изъ русскихъ текстовъ болѣе всего приближается II: „Нѣкий пустынный живаше въ нѣкой *пустыни*, и труждаяся въ *глубокой пещерѣ*, во дни и в нощи непрестанно Гду Бгу служаше, предъ пещерою его нѣкій пастырь пасяше овцы; послучажъ у пастырскому (?) на сонъ есть преклонитися восхотѣ и вѣрно спяше, пришедже къ нему нѣкой тать покрадъ всѣ овцы“. Текстъ въ изданіи Об. Л. Др. II. отличается отъ этого: Бѣ нѣкій пустынный живаше въ *пещерѣ*, и во дни и в нощи моляшеся Гду Богу и предъ тою пещерою нѣкоторый пастырь пасоша овцы и прилучыся въ нѣкоторый день, что пастырь той уснулъ и въ то время прииде нѣкто тать и покрадша у него овцы все.

Въ западно-европейскихъ рукописныхъ сборникахъ разсказъ этотъ не встрѣчается, впервые появляется онъ въ печатныхъ изданіяхъ, текстъ которыхъ не вполне соответствуетъ русско-польской редакціи: Erat quidam heremita, qui in quadam *spelunca* iacebat et diebus et noctibus devote deo serviebat. Juxta cellam suam erat quidam pastor ovium, qui pascebat oves. Accidit uno die, quod pastor erat sompno oppressus, ipso dormiente quidam latro venit et omnes oves secum abstulit. Сопоставленіе текстовъ указываетъ, что упоминанія

о пустынь II и III рукописи исходятъ изъ польскаго источника, но переводъ I рукописи его не изобличаетъ и значительно ближе, латинскому тексту. Польскій источникъ выдаетъ только слово „судби“ въ заглавіи.

III. Польск. 6; Лат. 59; Н. и Ч. 40.

I. 3. Прикладъ сій речъ притча о гордомъ цесарѣ евиняне и о его ниспаденіи и какъ господь богъ многожды гордымъ противитца, а смиренныхъ возносить, и *дастъ благодать*.

II. 3. О гордыхъ глется: И о іавиане цѣсарѣ и о его низпаденіи, приличествуетъ же и ко всѣмъ превозносящеся и высащеся. гл. г.

Іавиан цесарь zelo велико славный нѣколько время (?) господствовалъ; въ нѣкое же время на ложе своемъ. Толкованіе. Возлюбленная братія.

III. 2. Прикладъ сіи речъ притча о Гордомъ цесаре Евиняне и о его низпаденіи и како господь богъ многожды гордымъ противитца и смиренныхъ возносить и *дастъ благодать*. Евинянь цесарь зѣло можный в риме царствовалъ.

IV. 2. Прикладъ о гордомъ цесарѣ Евинянѣ и о его низпаденіи како Господь Богъ многожды гордымъ противится, смиренныхъ же возносить.

V. 2. Притча о гордомъ цесарѣ евинянѣ и его низпаденіи, іако господь богъ многожды гордымъ противится и смиреннымъ возносить. Евинянъ цесарь зѣло славный въ римѣ государствовалъ.

VI. 1. только конецъ: добрыхъ дѣлехъ хвалебныхъ и соверши день свой в покое. Выкладъ той же повести обычаины.

VII. 1. О гордомъ цесарѣ Евинянѣ.

VIII. 1. Прикладъ о гордомъ цѣсаре евиняне и его іспаденіи, іако господь богъ многожды гордымъ противится і смиренныхъ возносить. Евинянъ цѣсарь зѣло можный в римѣ *пановалъ*.

X. 5. Повѣсть о гордомъ цесарю Октавіанѣ, на изъявленіе челоуѣкомъ, како гордыхъ Господь Богъ низвергаетъ, а смиренныхъ возносить.

XI. 1. История изъ Римскихъ деяніихъ преведена ново и списана зъ друкованной ново Полской книжицы и языка (на) Русской. Прикладъ о гордомъ цѣсаре Евиняне и о огиспаденіи(sic!) и іако Господь Богъ гордымъ противится, а смиренныхъ возносить. Евинянъ цѣсарь зѣло можный въ Римѣ пановалъ.

XII. 3. О гордѣливыхъ глаголется, и о авине цесари, и о его ниспаденіи, приличествуетъ же и по всѣмъ превозносящеся и высащымся. Толкованіе. Воз. бр. цесарь той и можетъ нарещися всякъ челоуѣкъ сему свѣту подданный.

Повѣсть эта встрѣчается въ латинскихъ рукописныхъ и печатныхъ сборникахъ, но текстъ русской редакціи отличается вставками, изъ которыхъ одніе встрѣчаются уже въ польскомъ сборникѣ, другіе тамъ нѣтъ. Въ Лат. J. imperator regnavit potens valde, qui cum semel in stratu suo iacuisset, exaltatum est cor eius *ultra quam credi potest*, et in corde suo dixit estne aliquis alius deus quam ego? Чешскій текстъ составляетъ буквальный переводъ латинскаго; въ русскомъ: „Евнинъ зѣло можный *въ Римѣ* царствовалъ и въ нѣкоторое время на ложе лежалъ, чрезъ великую возможность свою поднеслося сердце его *въ великую гордость и почалъ мыслить самъ въ себѣ* глаголя—нѣсть бога нинъ сильнѣйшій і можнѣйшій паче мене“. Кромѣ лишнихъ вставокъ (подчерпнутыхъ), встрѣтимъ разницу въ оборотахъ: *Польск.* нмѣеть вставки, которыхъ нѣтъ въ лат.: Jowinian cesarz barzo (będąc) możny, w *Rzymie* panował, który iednego czasu na łożu leżąc przez wielką, możność swą, podniósł serce swe w wielką pychę. J począł myśleć sam w sobie, mówiąc: nie jest Bog mocniejszy nad mnie. Здѣсь очевидна полная зависимость отъ польскаго текста, въ VIII рк. встрѣчается даже слово „пановалъ“ вмѣсто „царствовалъ“. Только II рк. болѣе свободна отъ польскаго текста, но однимъ словомъ выдаетъ свое происхождение: Авинъ цесаръ зело великославный нѣколико *время* (вм. в Римѣ) господствовалъ; в нѣкое же время на ложе своемъ во мнѣнія славы и чести своей, отъ всѣхъ превознесся сердцемъ *како Навуходоносоръ* царь. И нача помышляти въ себѣ глаголя: нѣсть богъ сильный паче мене“. Повѣсть эта ходила и отдѣльно, извѣстна въ чешской литературѣ. Но очевидно, что и въ русскіе сборники попала при польскомъ посредствѣ и прямо изъ „Исторіи“.

IV. Польск. 7; Лат. 57; Н. и Ч. 36.

I. 4. Прикладъ о досконалости, сирѣчь о *поданности*.

II. 34. Прикладъ о цесаре титусе, како завеща день рожденія сына своего никому не дѣлать. Титусъ цесаръ зѣло можный в римѣ градѣ славномъ цесарствовалъ.

III. 3. Прикладъ о *дойской* налости сирѣчь о подлинности. Титусъ цесаръ зело можный в риме граде славномъ царствовалъ.

IV. 3. Прикладъ о досконалости.

V. 3. Ошибочно обозначена № 4. Притча о досконалости. Титусъ цесаръ зѣло можный государствовалъ в риме во граде славномъ.

VI. 2. Прикладъ о досконалости глава Б. Титусъ цесаръ велеможный в риме градѣ славномъ пановалъ.

VII. 2. Прикладъ о досконалости.

VIII. 2. Прикладъ о досконалости. Титусъ цесаръ зѣло можный в римѣ граде пановалъ славно.

XI. 2. Прикладъ о досконалости. Титусъ цесарь zelo можный въ Риме градъ славъно пановалъ, который уставилъ былъ такову заповедь.

XII. 13. О усердіи въ добрыхъ дѣлахъ и о дни воскресномъ. Толкованіе. Вов. бр. Вѣрніи христіанѣ, цесарь глаголется добролюбивый Титъ.

Во всѣхъ рукописяхъ, кромѣ II, и небольшой прибавки въ I (о поданности, превратившейся въ III въ „о подлинности“) заглавіе одинаково и не соответствуетъ латинскимъ—*De perfectione vitae* (57), выраженіе „о досконалости“ прямо указываетъ на польскій источникъ. *Латинск.* Titus in civitate romana regnavit, qui statuit pro lege, quod dies primogeniti sui ab omnibus sanctificaretur. *Русск.* Титъ цесарь зѣло можный въ Римѣ граде славномъ царствовалъ и *уставилъ такову заповѣдь*, *Чешск.* vstawił byl za zakon, буквально съ латинскаго, а въ польскомъ „*ustawił takie prawo*“, какъ въ русскомъ.

V. Польск. 8; Лат. 56; Н., Ч. и Англ. нѣтъ.

I. 5. Прикладъ сирѣчь притча, о памяти смертнѣй, чтобъ *людие* въ прегрѣшеніе не нѣпадали, *глава четвертая*.

II. 4. О смертнѣй памяти; дабы *члвкъ* памятуя нань не согрѣшал. Бѣ нѣкии вельможа zelo славный; иже велику охоту имяя ѣздити на ловъ.

III. 4. Прикладъ сирѣчь притча о памяти смертней, чтобъ *людие* в прегрешение не нѣпадали. Бысть нѣкоторый князь велии охочь былъ ѣздити на ловъ.

IV. 4. Прикладъ о памяти смертнѣй, чтобъ *человекъ* никакоже не согрѣшалъ.

V. 4 (5). Притча о памяти смертной, дабы *человекъ* несогрѣшилъ. Былъ нѣкоторый князь, который зѣло былъ охочь ѣздѣти на ловъ.

VI. 3. [II] Прикладъ о памяти смертней, чтобъ *человекъ* нѣсогрѣшилъ, [6] былъ нѣкоторый князь, который велии охочь былъ ѣздити на ловъ.

VII. 3. Прикладъ о памяти смертнѣй, чтобы *человекъ* не согрѣшалъ.

VIII. 3. Прикладъ о памяти смертнѣй, чтобъ *члвкъ* несогрѣшалъ. Былъ нѣкоторый князь, который охочь былъ ѣздити на ловъ.

XI. 3. Прикладъ о памяти смертнѣй, чтобъ *члвкъ* не согрѣшалъ. Былъ нѣкоторый князь, который велии охочь былъ ѣздити на ловъ.

XII. 4. Притча о памяти смертнѣй, дабы *человекъ* памятуя нань не согрѣшалъ. Тол. Бр. воз. вельможа то есть всякій человекъ христіанинъ обогащенъ добротами силою святаго крещенія.

Во всѣхъ спискахъ заглавіе взято съ польскаго и притомъ съ одного изданія, въ которомъ имѣется въ заглавіи „о памяти“=о *ramięci*, тогда какъ въ другихъ изданіяхъ имѣется—о *romienieniu*. Въ лат. имѣется только его первая половина—*De memoria mortis*. Въ западноевропейскихъ рукописныхъ сборникахъ разсказа этого нѣтъ. Рук. I и III отличаются словомъ „людие“, которому соответствуетъ „человѣкъ“ въ

остальныхъ спискахъ, а также и въ польскомъ. Во II рк. кромѣ, за-
мѣны слова „князь“ (książe, princeps) словомъ „вельможа“, другихъ
существенныхъ измѣненій нѣтъ.

Въ русск. I въ заглавіи „о памяти“ не согласно съ польск. A;
„o pomienieniu“, а съ другимъ изд., гдѣ „o pamięci. Тутъ же — въ
„честномъ одѣяніи“, сходно съ A „w poszeznym odzieniu“—honeste in-
duti, тогда какъ въ другомъ изд.—wprzystojnym. Въ польск. A—znią
zmyslił; въ другихъ ujeszał; лат. cum ea concubuit—русск. I—съ нею
свалялся (103). Въ польск. A. последнее слово — od niego jachał; въ
другихъ odieszał, лат. ad mercatum perrexit, русск. I отъехалъ. Не-
сомнѣнно переводъ съ польскаго, но—неизвѣстнаго намъ изданія.

VI. Польск. 9; лат. 102; Н. и Ч. 109.

I. 6. Прикладъ о преступленіи, душевномъ и о ранахъ оуязвляю-
щихъ души человѣческія.

II. 5. О преставленіи души; по *ратящим* (sic!) ю; глаголетъ же
ся о войне, ходившемъ видѣти святую землю. Цѣсарь титъ великослав-
ный и доролюбезный в риме царствуя, въ его же царствіи бѣ нѣки
воинъ знаменитый.

III. 5. Прикладъ о преступленіи душевномъ и о ранахъ уяз-
вляющихъ души человѣческіе. Король Титусъ можный въ Риме ко-
ролевствовалъ и въ его королевствѣ былъ некоторой рыцер.

IV. 5. Прикладъ о преступленіи души и о ранахъ уязвляю-
щихъ душу.

V. 5. (6). Притча о преступленіи души и о ранахъ оуязвляю-
щихъ души. Король титусъ можный в риме прствова и въ его коро-
левствѣ былъ нѣкоторый воинъ.

VI. 4. Прикладъ о преступленіи души и о ранахъ уязвляющихъ
души. [К]ороль Титусъ можный в риме королевствовалъ и въ его ко-
ролевствѣ былъ нѣкоторый рыцарь знаменитый.

VII. 4. Прикладъ о преступленіи души и о ранахъ уязвляю-
щихъ душу.

VIII. 4. Прикладъ о преступленіи душ і о ранахъ уязвляющихъ
душу. Корол Титусъ можны в риме королевствовал і в его королев-
ствѣ был нѣкоторый рыцаръ знаменитый.

XI. 4. Прикладъ о преставленіи души и о ранахъ уязвляю-
щихъ. Король Титусъ можный въ Риме королевствовалъ и въ его
королевствѣ былъ нѣкоторый рыцарь знаменитой и zelo набоженъ.

XII. 5. О преступленіи души и о ранящемъ ю, глаголется о
воинѣ ходившемъ видѣти святую землю. Т. люб. бр., цесарь есть Го-
сподь Исусъ Христосъ, воинъ же знаменитый человѣкъ, жена тѣло
его есть.

Заглавіе этой статьи получилось отъ невѣрнаго перевода поль-
скаго слова — o przestępie—de transgressionibus о переходѣ, и только

во II рк. весьма возможен самостоятельный перевод словомъ — представление. Въ этой же рукописи переводъ болѣе свободный и не всегда близокъ къ польскому. „Цѣсарь Титъ великославный (=мож-ный I рк.), а даро-любезный в Риме царствуя, въ его же царствіи бѣ нѣкій воинъ знаменитый и zelo набожный; имѣяже у себѣ жену прекрасную токмо прелюбодѣйцу сущу, иже отъ чужеложства никако не преста“. Подчеркнутыхъ словъ въ лат. нѣтъ, да и въ другихъ текстахъ такіа выраженія не встрѣчаются. Опять-таки замѣчаемъ и здѣсь своего рода самостоятельность переводчика.

Чешск. 109. Tolomeus w rzymu kralował bogaty welmi w kteremzto kralowstwi byl geden rityerz nabożny a welmi miłosrdny kteru myegisise pyeknu zenu ale czyzolożysse, a niechtiesse ostati.

Польск. 9. Cesarz Tytus możny w Rzymie panował, a w iego królestwie był jeden rycerz. znamienity, bardzo nabożny, który miał żonę ale cudzołożnicę, która cudzołóstwa nie chciała nigdy przestać.

I рк. представляетъ буквальный переводъ съ польскаго.

VII. Польск. 10; Лат. 103; Н. и Ч. 108. Англ. нѣтъ.

I. 7. Прикладъ сирѣчь притча о мудрости, что бы *всѣякъ чело-вѣкъ* всѣмъ добрымъ размышленіемъ творили.

II. 6. О благоуміи, да с размышленіемъ вся творимъ, понеже дние лукови суть.

III. 6. Прикладъ снѣ рѣчь притча о мудрости, чтобъ *всѣякъ чело-вѣкъ* всемъ добрымъ размышленіемъ творилъ. Цесарь Дементіанусъ мож-ный zelo мудръ паче велии справедливѣ царствовалъ.

IV. 6. Прикладъ о мудрости, штобы *мы* *всѣмъ* добрымъ размы-шленіемъ творили.

V. 6. (7). Притча о мудрости, чтобы *всѣмъ* *всѣмъ* добрымъ размы-шленіемъ творили. Цесарь Дементіанъ можный и зѣло мудрый пачеже зѣло справедливый пановалъ.

VI. 5. Прикладъ о мудрости, чтобъ *мы* добрымъ размышленіемъ творили. [Ц]есарь Доментіанъ можны и зѣло мудрый паче велии справедливый пановалъ зане никому не пропушенъ.

VII. 5. Прикладъ о мудрости, чтобы *мы* добрымъ размышле-ніемъ творили.

VIII. 5. Прикладъ о мудрости, чтобы *мы* все добрымъ размы-шленіемъ творили. Цесарь Дементіанъ можныи і зѣло мудрыи паче велии справедливый і пановалъ за не никому ничего не пропушалъ.

XI. 5. Прикладъ о мудрости, чтобы *мы* все добрымъ размышле-ніемъ творили. Цесарь Доментіанъ можный zelo мудры паче же велии справедливый пановалъ.

XII. 6. О благоуміи да с размышленіемъ вся творимъ, яко дние лукави суть. Т. Воз. моя бр. цесарь той можетъ нарещиса кійждо истинный христіанинъ.

Заглавіе разсказа взято изъ польскаго перевода — Лат. *De omnibus rebus cum consensu et providencia semper agendis*; Нем. *Von ainem Chauffman und sein drain weissheiten*. Чешск. Заглавіа не имѣеть и представляетъ сокращенный разсказъ.

Въ заглавіи видно распадѣніе на три категоріи: 4—9, „чтобы мы“—вполнѣ соотвѣтствуетъ поль. *abyśmy*; 1 и 3 вмѣсто „мы“—всѣмъ челоувѣкъ; 2—болѣе самостоятельно. — Также группировка въ словѣ справедливый Пол. А; русск. 4 и 9; справедливо пол. В; русск. 1 и 3.

Чешск. 108. Domicianus kralował mudri welmi we wssem sprawedliwy zadnemu neodpusszczege gedno podle cesty sprawediwe asel. Stalo se gest gdyz v stolu sedyel przissel geden k bramye a potukl wratny przissed otazal kdoby byl rzekl ten kup[ę]gem a nyektere mam prodaty ku *potrzeby* czyesarzowu; wratny to vslyssaw geho pustil.

Польск. 10. Cesarz Domicyan możny (a) i bardzo mądry, a nad wszystko bardzo sprawiedliwie (sprawiedliwy) panował, bo nikomu nie przepuszczał, a tak wszyscy ludzie w jego sprawiedliwości zawsze się pomnażali. Więc przytrafiło się czasu iednego, gdy on Cesarz siedział u stołu przyszedł (przyszedszy) na zamek niektóry Kupiec i *kołatał* do drzwi, aby go puszczono, wrotny otworzywszy pytał go: ktoś jest a czego chcesz? Odpowiedział kupiec: Kupiec jestem, a mam niektóre rzeczy ku przedaniu *pożyteczne osobie* (obecności) cesarskiej; uslyszawszy to wrotny go puścił.

Русск. Цесарь Доментіанусъ можный, и зѣло мудрый начеже велии справедливо царствовалъ зане никомужъ ничего непрощалъ и тако вси людѣ его въ праведливости всегда умножахуся. И прилучилось въ нѣкоторое время, какъ онъ цесарь сидѣлъ за столомъ, пришедши на замокъ нѣкоторой купецъ, и *колотилъ* въ врата, да бы его пустилъ; услышавши то воротникъ отворилъ ворота и спросилъ его, кто еси ты и чего хочещи; *отповѣдалъ* ему купецъ, азъ есмь купецъ, а имѣю нѣкоторые вещи продать *пожиточны облюбеницѣ* (лат. *persona*, польск. *osoba*) цесарской; услышавши то воротникъ пустилъ его.

VIII. Польск. 11; Лат. 120; Н. и Ч. 39.

I. 8. Прикладъ о хитрости женъстѣи, и заслепленіи *преlesti* *stupiditatis*.

II. 7. О похоти сердечной заслепленныхъ и прелести: глаголется же о трехъ царскихъ сынахъ и о девце, Фриерке. Даринъ царь зело премудринъ и славный *во градѣ* своемъ прствуетъ; имая же у себя трехъ сыновъ зело любимыхъ.

III. 7. Прикладъ снї реч притча о хитрости женстей и заслѣпленїи *преставльшихся*. Дарїи король велии мудрыи и можный *в некоторомъ граде* королевствовалъ.

IV. 7. Прикладъ о хитрости женстѣй и заслѣпленїи *прелстившихся*.

V. 7. (8) Притча о прелести и хитрости женстѣй и о заслѣпленїи *прелстившихся*. Дарїи король зѣло мудрый и можный *в некоторомъ граде* царствовалъ.

VI. 6. Притча о хитрости женстей и о заслѣпленїи *прелстившихся*. [Д]арїи король велии мудрыи и можныи *в некоторомъ граде* паповалъ.

VII. 6. Прикладъ о хитрости женской и заслѣпленїи *прелстившихся*.

VIII. 6. Прикладъ в хитрости женской и о заслѣпленїи *прелстившихся*. Дарїи король велии мудрыи и можныи *в некоторомъ граде* паповалъ.

XII. 7. О похоти плотстѣй, и о заслѣпленїи *прелстившихся*, глаголется же о трехъ царскихъ сынѣхъ и о фрїерке. Т. бр. воз. се цесаре нже глаголется Дарїи.

Выраженіе „въ некоторомъ градѣ“ встрѣчается только въ польскихъ текстахъ—w niektórych mieście, въ чешскомъ—w Rzymu, въ лат. D. regnavit prudens valde. Латинское слово concubina оставлено въ польской формѣ фрїерка. Въ извѣстныхъ польск. текстахъ—Лат. Puella eius concubina mirabatur передано Potym ona ranna dziwowała się, а въ русск. — потому она панья его *фрїерка* дивовалась. Тутъ или вліяніе дальнѣйшаго разсказа или же пользованіе неизвѣстнымъ оригиналомъ.

IX. Польск. 12; Лат. 719; Н. и Ч. пѣтъ.

I. 9. Прикладъ оневдѣчности чловѣчестѣй *си рчѣ оубоїи чловѣкъ* з добродѣйствъ прїятныхъ.

II. 10. О неблагодарстве горделивыхъ в прїятнїи от бога благодати, яко звѣрие злонаправныи бесащєся. Царь нѣкїи имѣяи у себя правителя надъ всѣмъ царствомъ своимъ.

III. 8. Прикладъ о невдѣчности чловѣчестей *сирѣч убои чловѣкъ* з добродѣйства прїятныхъ. Король некоторои имѣл урядника надъ всѣмъ королевствомъ своимъ.

IV. 8. Прикладъ о невдѣчности чловѣчестѣй съ добродѣйствъ прїятныхъ.

V. 8 (9). Притча о невдѣчности чловѣчестей з добродѣйствъ прїятныхъ. Король нѣкоторый имѣлъ *прикащика* надъ всѣмъ своимъ королевствомъ.

VI. 7. (II) Прикладъ о невдѣчности чловѣчестей з добродѣйствъ прїятныхъ. [К]ороль нѣкїи имѣлъ урядника надъ всѣмъ панствомъ своимъ.

VII. 7. Прикладъ о невѣдѣности челоуѣчестей з добродѣйствъ пріятныхъ.

VIII. 7. Прикладъ о невѣдѣности челоуѣчестѣй з добродѣйствъ пріятныхъ. Король нѣкоторый имѣлъ урядника надовсѣмъ панствомъ своимъ.

XI. 6. Прикладъ о невѣдѣности челоуѣчестѣй з добродѣйствъ пріятныхъ. Король некоторый имѣлъ урядника на всемъ панствомъ своимъ.

XII. 10. О неблагодарствѣ горделивыхъ, во пріятіи отъ Бога благамъ. и яко звѣрѣй зло и равнѣйшихъ челоуѣкъ побранымъ. Т. Превозлюбленная бр.—царь той.

Въ I и III рукописяхъ оказалось постороннія вставка *сирѣчь убойи челоуѣкъ*, неимѣющая здѣсь смысла и не встрѣчающаяся ни въ польскомъ текстѣ, ни въ остальныхъ русскихъ. „Пріятныхъ“ въ нѣкоторыхъ спискахъ безсознательно передѣлано въ „пріятныхъ“. Поль. *A. przjętych* „въ остальныхъ изд. *rowziętych*“.—Русск.—„всѣхъ людей утѣснялъ и принуждалъ, *ибо по повелѣнію его все сотворяли*“. Польск. не имѣетъ подчеркнутыхъ словъ: *wszytkie ludzie uciskał i pędził. J był tam niedaleko pałacu królewskiego jeden przekop wielki.*—Лат. *quod omnes opprimebat, quia ad nutum eius omnia fiebant.*

Эта статья, имѣя много мѣстъ общихъ съ польск., рѣзко отличается отъ извѣстныхъ польск. текстовъ.

X. Польск. 13, Лат. 124; Н. и Ч. нѣтъ.

I. 10. Прикладъ сіи рѣчь притча іако неподобаєтъ вѣрѣти женамъ ниже тайнъ своихъ объявляти имъ.

II. 8 О вѣрности, и крѣпости тѣла; глаголется же виною, яко не вверяти тайны женамъ. Бѣ нѣкій воинъ zelo знаменитый у нѣкоего царя, той же воинъ нѣкою виною разгнѣвалъ царя того.

III. 9. Прикладъ сирѣчь притча, іако неподобаєтъ вѣрѣти женамъ ниже тайнъ своихъ объявити имъ. *Бѣ нѣкій рыцер у нѣкотораго короля.*

IV. 9. Прикладъ, яко не имамы вѣрѣти женамъ, ниже тайнъ имъ объявляти.

V. 9. (10). Прикладъ, како не имамы вѣрѣти женамъ ниже тайнъ имъ объявляти. Былъ *нѣкоторый* рыцарь у нѣкотораго короля, который нѣкоторою причиною короля прогнѣвалъ.

VI. 8. Прикладъ, іако не имамъ вѣрѣти женамъ ниже тайны имъ объявлят. [В] ѣлъ *нѣкоторый* рыцарь у нѣкотораго короля, который нѣкоторое причиною короля разгнѣвалъ.

VII. 8. Прикладъ, яко не имамъ вѣрѣти ниже тайны объявляти женамъ.

VIII. 8. Прикладъ, іако не имамы вѣрѣти женамъ ниже тайнъ имъ объявляти. Былъ нѣкоторый рыцарь у нѣкотораго короля, который нѣкоторою причиною короля разгнѣвалъ.

XI. 7. Прикладъ, яко не имамъ верити женамъ ниже танимъ имъ объявляти. Былъ некоторый рыцарь у некоего короля.

XII. 8. О невѣрности и крѣпости тѣла, глаголетъ же ся виномъ, як не вѣряти тайны женамъ. Т. Вов. бр., воинъ той ниже своего государя.

Въ этой главѣ въ I рукописи встрѣчаемъ выраженіе — убилъ телца и изрубилъ въ части въ штуки и вложилъ въ *ровъ*... указалъ ей *ровъ*... голову вложилъ въ сей *ровъ*. Въ другихъ рукописяхъ вмѣсто *ровъ*—воръ и мѣхъ.

Въ изданіи Об. Л. Др. П. объяснено подъ словомъ *воръ*: „Воръ 153 безъ всякаго смысла; въ Тихонрав. рук. постоянно непонятное „воръ“ вмѣсто понятнаго „ровъ“ нашей рукописи. Ровъ соответствуетъ мѣху (мѣшку) рукописи in 32°, а также куту, angulus и stabulum латинскаго текста“. Это объясненіе явилось вслѣдствіе непонятнаго для насъ недоразумѣнія: въ лат. текстахъ въ соответствующихъ мѣстахъ не stabulum или angulus, а saccum: et unum de suis vitulis in frustra scidit ponens eum in sacco... dans sibi saccum, ut in angulo domus absconderet... caput et crura cum brachiis in hoc sacco posui, corpus autem in nostro stabulo sepelivi. Т. о. здѣсь слово „ровъ“ соответствуетъ saccum и есть испорченное воръ, польск. wor. мѣхъ, мѣшокъ, saccum. Точно также невѣрно объяснено слово „ганбишь“: чему *ганбишь* сына своего, какъ происходящее отъ ганба, гонба, гоненіе — слѣдовательно derungere, колоть, дразнить. Слово ганбишь испорчено изъ польск. ганбишь *hańbisz*, безчестить, и въ лат. текстахъ читаемъ, cur filium tuum *dehonestare* non formidas. Слѣдовательно ганбити—*dehonestare*—безчестить, т.-е. зачѣмъ безчестить (ганбишь) сына своего. Тогда рыцарь далъ ей другой *поличекъ* речуи ей: проклятая жена чему *ганбишь* сына своего;—польск. *Rycerz dał jej drugi policzek*, mówiąc; porzekłętą żonę, czemu *hańbisz* *też* twego лат. Iterum miles dedit ei alapam, dicens: o maledicta cur *filium* tuum *dehonestare* non formidas. Прямое заимствованіе изъ польскаго рядомъ съ правильнымъ „сына“—*filium*, вмѣсто польскаго „*meża*“.

XI. Польск. 14; лат. 126; Н. Ч. и Анг. нѣтъ.

I. 11. Прикладъ сіи рѣчь второй, іако неподобаеть женамъ в тайныхъ дѣлахъ вѣрити.

II. 9. О женстемъ прелестномъ малоуми и о телесней ихъ слабости. Макробіусъ еилосовъ славный, писатель деяниі пише аще.

III. 10. Прикладъ второй, іако неподобаеть в тайныхъ дѣлахъ вѣрити. Макробіушъ славнѣйшій дѣяней писатель пишет.

IV. 10. Другій прикладъ, яко не подобаеть женамъ въ тайныхъ дѣлахъ вѣрити.

V. Нѣтъ.

VI. 9. Другіи прикладъ, іако неподобаєть женамъ въ тайныхъ дѣлахъ вѣрнѣ. Іакробауъ славный дѣяніемъ писатель пише.

VII. 9. Другіи прикладъ, іако не подобаєть женамъ въ тайныхъ дѣлахъ вѣрнѣ.

VIII. 9. Другіи прикладъ, іако не подобаєть женамъ въ тайныхъ дѣлахъ вѣрнѣ. Дакробуъ славный дѣяніемъ писателя пише что в риме.

XI. 8. Другіи прикладъ, іако не подобаєть женамъ въ тайныхъ делахъ вернѣ. Макробіуъ славный дѣяніемъ списати (sic!) пише.

XII. 9. Тому же подобно. Т. Вр. моя юношу имамы.

Рассказъ этотъ соотвѣтствуетъ польскому въ цѣломъ, въ концѣ же имѣетъ вставку, которой нѣтъ въ польск. и въ лат.; стр. 159: услышавше то сенатори, убоились и начаша дивитися безстыдію женскому и отчего таковое ихъ безстыдное женское прошеніе бысть. Видѣвше то онъ юноша Потиріушъ поведалъ сенаторемъ ту речь всю, *іако истязаніе принялъ отъ матери* и тако ей повѣдалъ сію причину. *Польск.* Usłyszawszy to senatorowie bali się a dziwowali się tak nie wstydliwemu szaleństwu a skądby poszedł *ten dziw i takowy upór* a niewstydliva prosba onych pań (вар. те dziwy i takowa niewstydliva prosba). Widząc to on Papirius młodzi eniaszek powiedział senatorom tę rzecz, wszystkę, ktorej on przyczyną był. *Лат.* Senatores vero paventes in verecundo sexu tam impudicam insaniam mirabantur, quidnam sibi vellet tanta feminarum intemperies, ut parve rei prodigium et tam inverecunda postulatio quid sonaret. Puer Papirius hoc videns dixit senatoribus rem gestam. Подчеркнутыя слова указываютъ на существованіе другого польскаго изданія.

XII. Польск. 15; лат. 128; Н. и. Ч. нѣтъ.

I. 12. Прикладъ, о неправдѣ и о лакомствѣ и обличеніи таковыхъ.

II. 11. О неправде и лакомстве; и о обличеніи таковыхъ. Максиміанъ цѣсарь славный, бысть въ его гдѣстве нѣкия два воина знаменитыи.

III. 11. Прикладъ о неправде и о лакомстве и обличеніи таковыхъ. Максиміануъ король можный королевствовалъ въ нѣкоторомъ государствѣ, съ *темъ сѣю* королевствѣ были два рыцаря.

IV. 11. Прикладъ о неправдѣ и о лакомствѣ и о обличеніи таковыхъ.

V. 10 (11). Прикладъ о неправдѣ и о лакомствѣ и о обличеніи таковыхъ. Максиміануъ король можный королевствовалъ, *съ которымъ* государствѣ были два рыцаря.

VI. 10. Прикладъ о неправде и о лакомстве и обличеніи таковыхъ. [М]аксимуъ король можный королевствовалъ, *у котораго* в государствѣ были два рыцаря.

VII. 10. Прикладъ о неправдѣ и о лакомствѣ и обличеніи таковыхъ.

VIII. 10. Прикладъ о неправде и о лакомстве во обличеніи таковыхъ. Максимилианус королъ можный королевствовалъ, у котороу въ государствѣ были два рыцаря.

XI. 9. Прикладъ о неправдѣ и о лакомствѣ и обличеніи таковыхъ. Максимианусъ король можный (sic!) королевствовалъ, у котороу (sic!) въ государствѣ были два рыцаря.

XII. 11. О неправдѣ и лакомствѣ и о обличеніи таковыхъ. Т. Воз. бр. Максиміанъ цесарь.

I и III согласуются между собою въ началѣ: М. король можный королевствовалъ съ нѣкоторомъ государствѣ и съ томъ его королевствѣ были два рыцаря; IV—VIII отличаются отъ предыдущихъ и согласуются съ извѣстными польск.: Maksyminius król możny panował. W którego państwie byli dwa rycerze. лат. Maximianus regnavit, in cuius imperio erant duo milites. II стоитъ отдѣльно. Тутъ же: подобитися свѣту, podobać się światu, mundo placere; посѣтилъ пакы свое наслѣдіе, *posiadł zasię swe dziedzictwo, hereditatem sibi restituit.*

XIII. Польск. 16; лат. 172; Н., Ч. и Англ. нѣтъ.

I. 13. Прикладъ сін рѣчь о *вѣрности* въ добрыхъ дѣлахъ вѣрнымъ къ пользѣ.

II. 12. Притча зело полезна: о совершенныхъ добрыхъ дѣлахъ, и вѣрныхъ къ подражанію всѣхъ и пользе. Бѣ нѣкии кроль в земли аглицтей силенъ зело.

III. 12. Прикладъ сиречь притча о *вѣрности* в добрыхъ дѣлахъ вѣрнымъ къ пользе. Бѣ нѣкій король силенъ велии в земли англійской.

IV. 12. Прикладъ о *сталости* въ добрыхъ *учинкахъ*, вѣрнымъ къ пользѣ.

V. 11. (12). Повѣсть о *сталости* в учинкахъ вѣрнымъ къ пользѣ. Былъ нѣкоторый король зѣло силенъ в земли.

На этой главѣ оканчиваются римскія исторіи въ этой рукописи и на л. 875: Въ сицилійскомъ островѣ гора етна како огнемъ згорѣла.

VI. 11. Выкладъ о *старости* в добрыхъ учинкахъ вѣрныхъ къ пользѣ. [Б]ылъ нѣкоторый король силенъ велии в земли англійской.

VII. 11. Прикладъ о *сталости* въ добрыхъ учинкахъ вѣрнымъ къ пользѣ.

VIII. 11. Прикладъ о *сталости* в добрыхъ учинкахъ вѣрнымъ къ пользѣ. Был нѣкоторый король в земли аглинской.

XI. 10. Прикладъ о старости въ учинкахъ вернымъ къ пользе. Былъ некоторый король силенъ велии въ земли Англинской.

XII. 12. Притча зѣло полезна о совершенныхъ добрыхъ дѣлахъ и вѣрныхъ и подражанію всѣхъ и пользѣ. Т. воз. бр. И Ангелей война толкомъ имамы разумѣти.

Рукописи IV, VIII ближе къ польскому тексту, а въ VI даже слово сталость (*constantia*) не понято и замѣнено словомъ старость; въ I и III слово это замѣнено словомъ—*вѣрность*, а II представляетъ свободную передѣлку. Въ IV—VIII въ добрыхъ учинкахъ, въ I II въ добрыхъ дѣлахъ.

XIV. Польск. 17; лат. 171; Н. и Ч. нѣтъ.

I. 14. Прикладъ о *правдѣ* и о любви, іако правда избавляетъ отъ смерти.

II. 13. Прикладъ о *вѣрѣ* и любви и іако правда избавляетъ отъ смерти. Цесарь негдѣ в римскихъ областяхъ бысть богат и в его государстве были два рыцаря.

III. 13. Прикладъ о *правдѣ* и о любви, іако правда избавляетъ отъ смерти. Былъ цѣсаръ одинъ можный, а в его государстве были два рыцери.

IV. 13. Прикладъ о *вѣрности* и о любви о томъ, что правда избавляетъ отъ смерти.

V. —

VI. 12. Прикладъ о *вѣрности* и о любви о томъ, что правда избавляетъ отъ смерти. [В]ысть единъ цесарь можный, а въ его государстве были два рыцаря.

VII. 12. Прикладъ о *вѣрности* и любви и о томъ, что правда избавляетъ отъ смерти.

VIII. 12. Прикладъ, что *правда* избавляетъ отъ смерти. Былъ единъ цисаръ можный, а въ его гдѣствѣ были два рыцаря.

XI. 11. Прикладъ о верности и о любви и о томъ, что правда избавляетъ отъ смерти. Былъ единъ цисарь можный а въ его царствѣ были два рыцаря.

XII. 19. О вѣрности и о любви и о томъ, что правда избавляетъ отъ смерти. Т. Воз. бр., той цесарь есть богъ отецъ небесный, два рыцаря суть—господь нашъ Иисусъ Христосъ и Адамъ первый.

XIII. 6. Бысть единъ цесарь славный, а въ его государстве были два рыцаря.

Лат. начинается — Referet Petrus Alphonsus, quod erant duo milites, quorum unus manens in Egypto alter in Baldach. У Петра Альфонса (Schmidt с. 3). Relatum est de duobus negotiatoribus, quorum unus erat in Egypto alter in Baldach seque solo audito cognoverant et internuncios pro se mittebant. Въ *польск.* (17) Był ieden cesarz możny, а w państwie (=u niego) iego byli dwaj rycerze и т. д. какъ въ русскомъ. Въ Инсбр. рк. (Dick. Gesta. Rom. 183). Narratur de duobus militibus, quorum unus manebat in Egypto, alter in Baldac.

XV. Польск. 18; лат. 127; Н. 69; Ч. 70; англ. нѣтъ.

I. 15. Прикладъ о великой справедливости божіи, іако судьбы его *исполнимы* и сокрыты суть.

II. 14. Прикладъ о тайныхъ божихъ, яко *судбы* его сокрыты суть. Бысть нѣкоторой рыцаръ лютой, иже имѣлъ у себя вѣрного слугу.

III. 14. Прикладъ о великой справедливости божіи, іако *судбы* его *низповѣдими* и сокрыты. Бѣ некіи рыцаръ велии лютой.

IV. 14. Прикладъ о великой справедливости Божіей, яко *судбы* его сокрыты суть.

V. —

VI. 13. Прикладъ о великой справедливости Божіи, іако *судбы* его сокрыты суть. [В]ылъ нѣкоторый рыцаръ лютий, который чрезъ великое время имѣлъ у себя нѣкоторого слугу.

VII. 13. Прикладъ о великой справедливости Божіей и яко *судбы* его сокрыты суть.

VIII. 13. Прикладъ о *правде* божіи и яко *судбы* божіи сокрыты. Былъ нѣкіи король лютой, которой чрезъ великое время имѣлъ у себя нѣкоторого слугу.

XI. 12. Прикладъ о великой справедливости Божіей и яко судьбы Его сокрыты суть. Былъ нѣкоторый рыцаръ лютий.

XII. 20. О великой справедливости Божіи и яко судьбы его сокрыты суть. Т. Воз. бр. рыцаръ той можетъ быть всякъ добронравный человѣкъ.

XIII. 7. Былъ нѣкоторый рыцаръ лютий чрезъ великое время имѣлъ у себя нѣкоторого слугу.

Въ этой главѣ опять польское *zady* передано словомъ судьба. Всѣ рукописи даже и II исполнѣ тождественны и только въ VIII есть незначительныя видоизмѣненія. I—разнится отъ А. польск. *któdy przez wiele czasów*—въ I который былъ въ великомъ времени, VI и VIII—который чрезъ великое время. Въ А. *pytał onego sługi*—въ другихъ: *pytał swego sługi*—вопросилъ *своею* слуги. Съ А. несогласно (204,10)—который какъ услышалъ плачь и кричаніе—*który gdy usłyszał płacz; въ другихъ изд. pustelnik płacz i wołanie* и т. д.

Въ извѣстныхъ польскихъ текстахъ конецъ испорченъ:

Lat. Pone ergo custodiam ori tuo, ne domino aliquatenus improperes, ut fecisti. Польск. A pana twego nieobrażaj, jakoś teras uczynił.

Русск. И сего дѣля положи е хранение устамъ своимъ, не раздражай и неуругай господа бога, яко же ты нынѣ сотворилъ еси.

VIII. Другую часть убогимъ для бога раздалъ. И сего ради положи хранение устамъ своимъ и не урече господа бога.

VI. а другую убогимъ для бога раздалъ, сего ради положи хранение устамъ своимъ; не ругай на бога.

III. а другую убогимъ для бога раздалъ и сего дѣля положи хранение, устамъ своимъ, не раздражай—і неуругай господа бога.

II. а другую часть убогимъ для бога раздалъ, сего ради господь ти положи хранение устамъ твоимъ и не глаголи противъ господа бога.

Въ польск. нѣтъ правоученія. Оно есть въ Лат.: русск. текстъ „выклада“ изобличаетъ польскій источникъ: стр. 209 ногу слугъ утѣлѣ, ибо прельстѣла Еввою, то есть *презъ смыслъ снотства*, а не *презъ разумъ* возгордилъ заповѣди господни, *приказанье божіе*. Русскій издатель объясняетъ: снотство—добродѣтель, доблесть; *spotliwość*: прѣзъ смыслъ снотства—добродѣтельно. *Лат. seductus per Evam scilicet per sensualitatem*. Т. о смыслъ снотства вышло изъ польскаго *zmysł-pość*, *sensualitas*—чувственность.

VIII презмыслость. VI чрезмыслъ. III смысльснотства II чрезмысль (далѣе некончено).

XVI. Польск. 19: Лат. 74; Н. 66; Ч. 67.

I. 16. Прикладъ о пожитку и опатрности, сирѣчь о разсмотрѣніи во всѣхъ вещехъ.

II. 15. Прикладъ о пожиткахъ и о разсмотренныхъ всехъ вещехъ. Король нѣкоторый былъ въ земли велики славенъ и силенъ и имѣлъ у себя единого сына.

III. 15. Притча о пожитку и опатрности, сирѣчь о разсмотрѣніи о всѣхъ вещехъ. Король нѣкій былъ велики силенъ.

IV. 15. Прикладъ о пожитку и опатрности (разсмотрѣніи) во всехъ вещехъ.

V.—

VI. 14. Прикладъ о пожитку опатрности во всехъ вещехъ. [К]ороль некоторый былъ велики можный, который имѣлъ единого сына.

VII. 14. Прикладъ о пожитку, о потрности во всѣхъ вещехъ.

VIII. 14. Прикладъ о пожитку во всѣхъ сущихъ вещехъ. Король нѣкоторый былъ велики силенъ, который единого сына его же велики любилъ.

XI. 13. Прикладъ о пожитки о *патронъсти* во всѣхъ вещехъ. Король некоторый былъ велики силенъ.

XII. 21. Яко да имѣеть во всѣхъ вещехъ разсмотрѣніе. Т. бр. воз. тотъ король есть господь богъ, который отдаетъ яблоко бунимъ.

XIII. 8. Король нѣкоторый былъ велики силенъ, который имѣлъ единого сына.

Заглавіе интересно для исторіи списковъ. Польск.—Przykład o pożytku opatrności we wszystkich rzeczach. Прямо этому соотвѣтствуетъ VI и VII: Прикладъ о пожитку *опатрности* во всехъ вещехъ; IV имѣеть въ скобкахъ послѣ слово „опатрности“, слово—разсмотрѣніи т. е. переписчикъ такъ понялъ слово польское *opatrzność*—*providentiam*—провидѣніе. Отсюда оно уже въ I и III какъ объясненіе слова опатрность. Въ этой главѣ „и“ второй рукописи находится въ зависимости отъ „и“ I и III. Союзъ „и“ въ I—IV, котораго нѣтъ въ извѣстныхъ поль-

скихъ, а иѣется въ лат. De prospectione et providentia, могъ бы свидѣтельствовать о другомъ переводѣ съ неизвѣстнаго изданія.

Встрѣчаются тутъ и другія добавленія. Польск. szedł po krolestwach—русск. шолъ по королевѣ и замкомъ ¹⁾); лат. vade per regna et castra. Кромѣ того встрѣчаются сравнительно съ польскими текстами существенныя добавленія, находящіяся, однако, въ латинскомъ: Per medium civitatis regem equitantes cum magno *aparatu* vidit, conditiones illius regni a quibusdam civibus quesivit. Русск. 212. И увидѣ короля по городу идущу ²⁾ (sic!) *стройно кошмовне* ³⁾ съ *великою славою*, и нача вопрошати *отъ нѣкоторыхъ посацкихъ людей мѣщанъ*. Польск. i ujrzał króla przez miasto idącego i począł się go pytać zwyczajem onego krolestwa. Точно также далѣе: а какъ годъ минеть, тогда у короля честь отнимають и богатство. *Польск.* и po roku odejść mu i wypędzą. Очевидный пропускъ, который можно возстановить по Инсбр. pk. Стр. 206. Spoliatur omnibus diuiciis ac honore.

XVII. Польск. 20; Лат. 136; Н. и Ч. 29. Англ. нѣтъ.

I. 17. Прикладъ всякій пастырѣ имать попеченіе о своихъ овцахъ.

II. 16. Прикладъ о томъ, яко всякъ пастырѣ имат попеченіе о своихъ овцахъ. *Татъ* нѣкоторый вшелъ въ домъ нѣкотораго богатаго въ ночи.

III. 16. Прикладъ яко всякіи пастырѣ имать попеченіе о своихъ овцахъ. *Злодѣй* нѣкоторой вшелъ было в домъ нѣкотораго богатаго въ ноши.

IV. 16. Прикладъ, что всякой пастырѣ *имать имѣти* попеченіе о своихъ овцахъ.

VI. 15. Прикладъ, что всякіе пастыри *имат имѣт* попеченіе о овцахъ. *Татъ* нѣкоторый вшелъ в домъ нѣкотораго богатаго въ ночи.

VII. 15. Прикладъ, что всякій пастырѣ *имать имѣти* попеченіе о овцахъ.

VIII. 15. Прикладъ, яко всякіи пастырѣ попеченіе *имат* о овцахъ. *Татъ* нѣкоторый вшелъ былъ в домъ нѣкотораго богатаго въ ноши.

XI. 14. Прикладъ всякій пастырѣ имать имѣти попѣченіе о овцахъ. *Татъ* злодей нѣкоторый вшелъ было въ домъ нѣкотораго богатаго въ ночи.

XII. 30. О томъ, яко всякій пастырѣ именитый имать попеченіе о своихъ овцахъ. гл. кѣ. Т. Воз. брати; злодѣй той есть діаволъ. — Толкованія нѣтъ въ I рк., оно есть въ польской редакціи.

¹⁾ VIII Королевствомъ и замкомъ.

²⁾ VI. VIII нѣтъ.

³⁾ VII. Кошколе (sic!) VIII VI идущу.

Лат. Quod vigilare debet pastor animarum. Заглавіе не соотвѣтствуетъ русскому, въ которомъ оно переведено съ польскаго, при томъ, въ рк. IV, VI, VII сохраненъ даже польскій оборотъ *ta nieś—имать имѣти*, а въ остальныхъ прямо „имат“. Въ I рк. слово — воръ передано тремя—алодѣй, воръ или тать нѣкоторой. Т. о. эта рукопись является уже третичной формациі—въ первой—было польское—алодѣй, какъ въ III, во второй тать, какъ во всѣхъ прочихъ и уже въ третьей—воръ.

XVIII. Польск. 21; Лат. 143; Н. 64; Ч. 65; Англ. нѣтъ.

I. 18. Прикладъ сія рѣчь притча о страшнѣмъ послѣднемъ судѣ всѣмъ грѣшнымъ.

II. 17. Прикладъ о второмъ пришествіи и о страшномъ судѣ всемъ грѣшникамъ. Былъ нѣкоторый король велеможный, иже установилъ въ своемъ королевствѣ иматъ умретъ и чтобъ рано предъ восходомъ вострубить.

Сей повести выкладу нѣтъ.

III. 17. Прикладъ сія рѣчь притча о страшномъ послѣднемъ судѣ всѣмъ грѣшнымъ. Въ некіи король велии можный установилъ во своемъ королевствѣ таковъ уставъ, чтобы, кто вскоре осужденъ былъ смерти, у того бы рано предъ восходомъ солнца, предъ его домомъ вострубити въ трубу.

IV. 17. Прикладъ о страшномъ и послѣднемъ судѣ всѣмъ грѣшнымъ.

VI. 16. Прикладъ о страшномъ послѣднемъ су[дѣ] всѣмъ грѣшнымъ. [Былъ] нѣкоторый король велеможный, который установилъ во своемъ королевствѣ таковъ уставъ.

VII. 16. Прикладъ о страшномъ послѣднемъ судѣ всѣмъ грѣшнымъ.

VIII. 16. Прикладъ о страшномъ судѣ. Былъ нѣкоторый король велеможный, который установилъ былъ въ своемъ королевствѣ такову уставу, чтобы кто вскоре имѣлъ умерети, чтобы рано предъ возходомъ солнца предъ его домомъ вострубили.

XI. 15. Прикладъ о страшномъ последнемъ суде всемъ грѣшнымъ. Былъ нѣкоторый король велеможный.

XII. 31. О страшномъ послѣднемъ судѣ всѣмъ грѣшнымъ гл. л. Былъ нѣкоторый король велеможный, который установилъ было въ своемъ королевствѣ такову уставу, чтобы погрѣшилъ скорѣ имѣть умереть... Безъ толкованія.

Лат. De timore extremi iudicii cum expositione. Польск. имѣетъ два заглавія—въ однихъ изданіяхъ: Przykład o straszliwości sądu posledniego wszystkim grzesznym и въ другихъ: Przykład o strasznym sądzie ostatecznym dla wszystkich grzesznych.

65. Чешск. Nyekteraky kral byl vstawił za zakon ze kdyz by

koly myel kdo zabuben byti nebo odprawyti, aby dwa trubaczy przed gehu dwerzmi z sameho gitra trubyla.

Польск. 21. Był ieden krol wielmożny, ktory ustawił w swym państwie tę ustawę, że kto głowę miał stracić (kto na gardle miał umrzeć) aby ze wschodem słońca przed iego oknem trąbiono.

Русск. Въ нѣкій король велии можный и установилъ во своемъ королевствѣ такову уставу, чтобы кто вскорѣ осужденъ былъ смерти у того бы рано предъ восходомъ солнца предъ его домомъ вострубить въ трубу смертную.

Лат. 143 сильно разнится: Quidam rex erat, qui statuit pro lege quod quicunque subito mori deberet, mane ante ortum solis ante domum eius tubas canerent.

XIX. Польск. 22; Лат. 76; Н., Ч. и Англ. нѣтъ.

I. 19. Прикладъ сін рѣчь притча о двою лекарехъ.

II. 18. Прикладъ о дву лекаряхъ, како другъ у друга очи выня и како вложилъ. Были в нѣкомъ граде два лекаря свидѣтельствованы науце дохтурской.

III. 18. Прикладъ сін рѣчь притча о двухъ лекарехъ. Были в некоторомъ градѣ два лѣкаріа.

IV. 18. Прикладъ о двою лекарехъ.

VI. 17. [Пр]икладъ о дву свидѣтельствоваанныхъ в науке. [В]ыли в нѣкоторомъ градѣ два лекаря свидѣтельствоваанныи в науке.

VII. 17. О двухъ докторахъ.

VIII. 17 (16) Прикладъ о дву лѣкаряхъ. Были в нѣкоторомъ градѣ два лѣкаріа свидѣтельствованы в науцѣ докторской (глава обозначена № 16).

XI 16. Прикладъ. Были въ некоемъ градѣ два лекаря.

XII. 22. О дву законѣхъ о ветхомъ и о новомъ и о мраченіи жидовъ. Т. Вов. бр. снѣ два лекаря можешъ разумѣти старый и новый законъ.

XIII. 9. Были в нѣкоторомъ граде два лекаря свидѣтельствованы в науце.

Въ польск. заглавіе—Przykład, że kto nieochrzczon nie będzie zbawion—въ русск. заглавіе самостоятельно, и оно во всѣхъ спискахъ одинаково. Въ Лат. De concordia; въ Лат. рк. встрѣчается только въ Инсбрукской (№ 211). De medicis exocculatis et restitutis. Въ текстѣ русскій переводъ соотвѣтствуетъ польскому.

XX. Польск. 23; Лат. 106; Н. 50; Ч. 51; Англ. нѣтъ.

I. 20. Прикладъ, чтобы мы блюлись отъ лести діаволсти. дабы насъ не прельстилъ.

II. 19. Прикладъ, яко подобаетъ намъ блюстися отъ лести дьявольския. Шли нѣкогда три товарища путемъ, а прилучись имъ некое время, что имъ нечего поѣсть.

III. 19. Прикладъ, чтобъ мы блюлись отъ лести дьяволсты, дабы насъ не прельстилъ. Шли некогда три товарища путемъ.

IV. 19. Прикладъ, чтобъ мы блюлись отъ лести дьявольской, чтобъ насъ не прельстилъ.

VI. 18. Прикладъ, чтобъ блюлись отъ лести дьявола, чтобъ насъ не прельстилъ. [Ш]ли нѣкогда три товарища путемъ.

VII. 18. Прикладъ, чтобъ мы блюлись отъ лести дьяволстѣй, чтобы насъ не прельстилъ.

VIII. 18 (17) Прикладъ о лести дьяволстей. Шли нѣкогда два товарища путемъ и прилучисѣ имъ нѣкоторое время, что не имѣли что поѣсти.

XI. 17. Прикладъ, чтобы мы блюлись власти дьяволстей, чтобы насъ не прельстилъ. Шли некогда три товарища путемъ.

XII. 23. Чтобы мы блюлись отъ лести дьявольской, чтобъ насъ не прельстилъ. Т. Воз. бр., смѣхъ трехъ товарищей можемъ разумѣти тройкой родъ человѣческой.

XIII. 10. Шли некогда три товарища путемъ.

Лат. Quod est vigilandum contra fraudes diaboli, ne nos decipiat. Olim erant tres socii, qui ad peregrinandum pergebant. Accidit, quod cibaria preter unum panem invenire non poterant. Выраженіе—„путемъ“ и „нѣкоторое время“—имѣется только въ польскомъ.

Чешск. 51. Nyekdy byechu trzy towarzyszy czestu gedechu spolu. Przihodylo se bylo geden den gym ze wiece pokrmu ne mohli myeti kromye gedyneho pecence chleba, a biechu welmi laczny.

Польск. 23. Szli trzy towarzysze w drogę, y przydałosię im iednego czasu, że nie mieli nic ku iedzeniu, tylko ieden chlebъ mały nalezli kupić, a jeść się im bardzo chciało.

Стр. 233. Ему же видѣлось то, что во адѣ *были суть* богатые и сильные свѣта сего, которые безвонъ теченія (VIII безвонтпенія, III безъ сомнѣнія) презъ дьявола, ¹⁾ презъ казнодей и сповѣдники вѣдять.—Русск. текстъ исправляетъ польскій, а польскій русскій. *któremu się sniło*, że w piekle *był są bogacze tego świata, którzy bez wątpienia przez kaznodzieje spowiedniki wiedzą*. Лат. qui sompniavit se esse in inferno, *sunt isti divites ac huius mundi potentes, qui sine aliqua dubitatione per praedicatores ac confessores sciunt*. *Были суть* указываетъ на старинный польскій текстъ, гдѣ было *byli są* вм. *był są*; презъ дьявола, указываетъ на непониманіе слова казнодей (*praedicator*) Такъ понималъ это слово и издатель русскаго текста. Въ словарь объясняется казнодей 233—описка вм. кознодѣй, дьяволъ, кознодѣйствіе!

¹⁾ VIII пѣтъ, II же безъ сомненія и сповѣдника неимутъ и во гресехъ умирающе.

и при словѣ сповѣдники указываетъ на польск. текстъ съ и—лат. ас.; слово (на стр. 234)—сотня испорчено вмѣсто VI—со псы.

XXI. Польск. 24; Лат. 58; Н. и Ч. 37.

- I. 21. Прикладъ, чтобы правды изгоненія нашего неммы танти.
II. 20. Прикладъ, яко правды для изгоненія нашего, да не тамм. Былъ нѣкоторый король именемъ асмодусъ, иже устави.
III. 20. Притча, что правды для изгоненія нашего не имамы танти. Бѣ нѣкій король именемъ асмодусъ.
IV. 20. Прикладъ, что правды для изгоненія нашего не имамы танти.
VI. 19. [П]рикладъ, что правды и для изгоненія нашего неммамъ танти. [В]ылъ нѣкоторый король именемъ асмодусъ.
VII. 19. Прикладъ, что правды для изгоненія нашего не имамъ танти.
VIII. 19. (18). Прикладъ, чтобъ правду исповѣдати. Былъ нѣкоторый король именемъ асмодусъ, которой устави.
XI. 18. Прикладъ, что правды для изгоненія нашего не имамы танти. Бысть некоторый король именемъ Асмодусъ.
XII. 24. Правды для изгоненія нашего не имамы танти. Т. Воз. бр. кроль есть господь нашъ Исусъ Христосъ, иже даде заповѣдь и уставу положи.
XIII. 11. Бысть нѣкоторый король именемъ Асмодусъ.

XXII. Польск. 29; Лат. 69; Н. 58; Ч. 59; Англ. нѣтъ.

- I. 22. Прикладъ, чтобъ мы чистоту и вѣру брака соблюдали.
II. 21. Прикладъ, яко да соблюдаемъ чистоту а вѣру брака. Галлусъ король велимъ мудрый и можный королевствовалъ во своей земли и восхотѣ пѣкой теремъ пресвѣтлый а прекрасный создать.
III. 21. Прикладъ, чтобъ мы чистоту и веру брака соблюдали. Галлусъ король велимъ мудрый и можный королевствовалъ во всей земли, которой хотелъ себѣ некоторой теремъ пресветлой и прекрасной создать.
IV. 21. Прикладъ, чтобъ мы чистоту и вѣру брака всегда соблюдали.
VI. 20. Прикладъ, чтобъ мы чистоту и вѣру брака соблюдали. . . . король велимъ мудрый и можный и королевствовалъ во своей земли, который хотѣлъ нѣкоторый теремъ пресвѣтлый и прекрасный создать.
VII. 20. Прикладъ, чтобы мы чистоту и вѣру брака соблюдали.
VIII. 20. Прикладъ, чтобъ бракъ соблюдать. Дамусъ, король велимъ мудрый и можный королевствовалъ во своей земли, который хотѣлъ нѣкоторой теремъ пресвѣтлой и прекрасной создать.
XI. 19. Прикладъ, чтобы мы чистоту и вѣру брака соблюдали, Галлусъ король велимъ мудрый и можный королевствовалъ во своей земли.
XII. 25. И вѣру и заветъ брака о томъ дабы чистоту соблюдали. Т. Воз. бр., кроль той есть отецъ небесный, иже имѣе чертоговъ.

ХІІІ. 12. Галнустъ кроль велми хитры і мудрый і сильный кролевствуєть во свое земле восхотѣ некий пресвѣтлый чертоу в кролевстве своем создати.

Разсказъ этотъ въ польск. поставленъ подъ № 29. Лат. 69. De castitate. Gallus regnavit prudens valde, qui quondam palacium construere volebat. *Польск.* Gallus król bardzo mądry y możny królował w swej ziemi, który chciał ieden pałac pięknu budować. Замѣчательно согласіе всѣхъ извѣстныхъ русскіхъ рукописей: всѣ онѣ послѣ польск. 24 дѣлають перерывъ и вставляютъ главу польск. 29. Затѣмъ нарушенная послѣдовательность восстанавливается и идетъ гл. 25 и сл.

XXIII. Польск. 25; Лат. 47; Н., Ч. и Англ. нѣтъ.

I. 23. Прикладъ хвалебной, іако милосердіемъ имами жертву господу богу приносяти.

II. 22. Прикладъ хвалебный, яко милосердіемъ имами жертву богу приносяти. Король нѣкоторой данайския земли имѣя совершенную любовь ко тремъ королямъ.

III. 22. Прикладъ хвалебной, іако милосердіемъ имами жертву богу приносяти. Король нѣкоторой Данайской имѣлъ совершенную любовь ко тремъ королямъ.

IV. 22. Прикладъ хвалебной, яко милосердіемъ имами жертву приносяти Господу Богу.

VI. 21. Прикладъ хвалебный, яко милосердіемъ имами державу приносяти гду бгу. Король нѣкоторый *одонайской* имѣлъ совершенную любовь к некимъ королямъ.

VII. 21. Прикладъ хвалебный, яко милосердіемъ имами жертву приносяти Господу Богу.

VIII. 21 (20) Прикладъ, іако жертву приносяти богу. Король нѣкоторой донайской имѣлъ совершенную любовь ко тремъ королямъ.

XI. 20. Прикладъ хвалебный милосердіемъ имамъ жертву приносяти ко Господу Богу. Король некторыи Донайской имѣлъ совершенную любовь.

XII. 14. Яко милосердіемъ и любовью имами жертву приносяти господу Богу. Т. бр, воз., той краль всякъ кійждо вѣрный христіанинъ.

XIII. 1. Король нѣкій дуньскій имѣя совершенную любовь к тремъ царемъ.

Лат. 47. De tribus regibus. Rex danorum ad tres reges, qui stella duce ab oriente Iherosolimam venerunt et Christo nato munera obtulerunt, devocionem habebat. Въ *польск.* 25 (отсюда послѣдовательность, прерванная вставкою предыдущей главы, снова восстанавливается) заглавіе вполне соответствуетъ русскому. Король въ однихъ изданіяхъ называется—Daniański, въ другихъ Danański. Русск. до колна града, лат. Coloniam, польск. до Kolna miasta.

XXIV. Польск. 26; Лат. 45; Н. и Ч. 28; Англ. иѣтъ.

I. 24. Прикладъ, сѣи рѣчь притѣча, іако единый праведный внидетъ в царство небесное.

II. 23. Прикладъ, яко единый праведный внидетъ в царство небесное. Нѣкоторый король былъ мудрый і велики богат і имѣя жену велики красну она же, забывши бракъ вѣры своя (sic!) дадеся в чуже-ложство.

III. 23. Прикладъ, сѣи речъ притча, іако единый праведный внидутъ во царство небесное. Некій король былъ мудры и велики богатъ, который имелъ жену велики прекрасну, котораѣ забывши веры своей аже въ браце, тайне имела трех сыновъ от чужеложства.

IV. 23. Прикладъ, яко единый праведный внидутъ въ царство небесное.

VI. 22. Прикладъ единый праведный внидетъ в царство небесное. Нѣкоторый король былъ мудрый и велики богатъ который имѣлъ жену велики прекрасну, которая забывши вѣры своя в браце.

VII. 22. Прикладъ, яко единый праведный внидутъ въ царство небесное.

VIII. 22 (21). Что праведный внидетъ в царство. Нѣкоторый король былъ мудрый велики.

XI. 21. Прикладъ, яко единый праведный внидутъ въ царство небесное. Некоторый король былъ мудрый и велики богатъ.

XII. 15. Яко единый праведный внидутъ во царство небесное. Т. бр. моя. воз. сего краля мудраго можетъ разумѣти.

XIII. 2. Вѣи нѣки краля мудръ велики і богатъ имѣя жену велики красну і та забывала вѣру іже в браце і тайне непослушна бысть.

Лат. 45. Заглавіе вполне соотвѣтствуетъ русскому VIII. Quod solum boni intrabunt regnum celorum. Въ польск. 26 тексты разнятся, но есть вполне подходящий къ русскому. Niektóry król był mądry i bardzo bogaty, który miał małżonkę bardzo piękną, ta zapomniawszy wiary swej małżeńskiej miała trzech synów z cudzołóstwa. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ VIII заглавіе вполне соотвѣтствуетъ польскому.

XXV. Польск. 27; Лат. 63; Н. и Ч. нѣтъ.

I. 25. Прикладъ, іако суетно есть веселіе человѣческое во всѣхъ вещехъ мирскихъ.

II. 24. Прикладъ о суетахъ и о веселияхъ и о всехъ вещехъ мирскихъ. Воспасаианусъ цесаръ можный цесарствовалъ, і имѣя у себя дщерь красну зѣло именемъ агладиу.

III. 24. Прикладъ яко суетное есть веселіе человеческое во всехъ вещехъ мирскихъ. Воспасаианусъ можный королевствовалъ, которой имѣя красну девуку именемъ агланиду.

IV. 24. Прикладъ, яко суетно есть веселіе человѣческое во всѣхъ вещехъ мирскихъ.

VI. 23. Прикладъ, іако суетно веселіе во всехъ вещехъ мирскихъ. Веспеніанусъ можный королевствовалъ, который имѣлъ красну дѣвку іменемъ агланду.

VII. 23. Прикладъ, іако суетно веселіе во всѣхъ вещехъ мирскихъ.

VIII. 23 (22). Іако суетно есть веселіе мирское. Веспеніанусъ можный королевствовалъ, которой имѣлъ красиво *жену* іменемъ агланду.

XI. 22. Прикладъ, іако суетно есть веселіе во всехъ вещехъ мирскихъ. Веспеніанусъ король можный королевствовалъ.

XII. 16. Іако суетно есть веселіе во всѣхъ вещехъ мирскихъ. Т. Воз. бр. Есть той царь господь нашъ Іисусъ Христосъ.

XIII. 3. Воспомяни славны і велико силны царь имѣ у себя дщерь царевну агланду.

Русскій текстъ представляетъ буквальный переводъ съ польскаго, но въ немъ имѣется рядъ вставокъ, которыхъ нѣтъ ни въ польскомъ, ни въ латинскомъ текстахъ. Таковы выраженія—стр. 253 и того ради всѣмъ мило были; и тѣшился и веселился король велики о красотѣ дщери своей и сего дѣла нехотѣлъ ея отъ себя никому замужъ дати. Тутъ же употребляется слово прохложался—*przechadzał się, ambulavit*.

XXVI. Польск. 28; Лат. 66; Н. 55; Ч. 56.

I. 26. Прикладъ, что бы мы чистоту сін рѣчь достоинство имѣли въ добрыхъ дѣлахъ.

II. 26. Прикладъ, чтобъ *старость* имѣли в добрыхъ дѣлахъ. Король нѣкоторый имѣя дщерь велики красну и велики любилъ.

III. 26. Прикладъ, чтобы мы *сталость* сін реч достоинство имели въ добрыхъ делахъ. Имелъ некоторой король красную деву, которую вѣло любилъ.

IV. 25; Прикладъ, чтобы *сталость* имѣли въ добрыхъ дѣлахъ.

VI. 24. [П]рикладъ, чтобы *старость* имѣли въ добрыхъ дѣлахъ. [И]мѣлъ нѣкоторой король красну двцу, которую велики любилъ.

VII. 24. Прикладъ, чтобы мы *старость* имѣли въ добрыхъ дѣлахъ.

VIII. 24 (23). Прикладъ къ добрымъ дѣламъ Король нѣкоторый имѣлъ красную дѣвку, которую велики любилъ.

XI. 23. Прикладъ, чтобы мы старость (исправлено изъ сталость) имели въ добрыхъ делахъ. Имелъ некоторый король красную дѣвицу.

XII. 17. Іако да имѣемъ постоянство и совершенство добрыхъ дѣлъ. Т. Наимил. бр. той кроль есть отецъ небесный, дѣвица красная та есть душа.

XIII. 4. Краль нѣки имѣя прекрасную и пречестную дщерь дѣву іже вѣло любляще.

Рк. II, VI, VII повторяютъ одну и ту же описку старость виѣсто

сталость, Польск.—*stałosc—constantia*. Лат. 66. De constantia. Въ I и VIII рк. заглавіе свое и ничего общаго не имѣетъ съ существующими текстами, въ остальныхъ буквальный переводъ съ польскаго — гл. 28. Въ текстѣ имѣются вставки противъ польскаго текста:—заже едина ся осталась, *quia unica est relicta*.

XXVII. Польск. 30; Лат. 68; Н. 57; Ч. 58; англ. нѣтъ.

I. 27. Прикладъ, *іако правда подобаетъ исповѣдати* даже до смерти.

II. 26. Прикладъ, *яко правда* подобаетъ повѣдати даже до смерти.

III. 26. Приклад, *яко правду подобает исповѣдати* даже до смерти. Король Гордианус мочный и справедливый королевствовал, а в *своём* королевствѣ, былъ некоторый рыцарь велики добръ и честенъ имел у себя жену прекрасну и та всегда чужеложество чинила при муже своемъ.

IV. 26. Прикладъ, что *правду подобаетъ исповѣдати* даже до смерти.

VI. 25. [П]рикладъ, *яко правда подобаетъ исповѣдати* даже до смерти. [К]ороль Гордианусъ мочный и справедливый королевствовал, а в его королевстве былъ нѣкоторый рыцарь велики добръ і честенъ.

VIII. 25 (24). *Іако правду исповѣдати* король Гуснанус мочный і справедливый королевствовалъ.

XI. 24. Былъ король Гордианусъ мочный и справедливый король.

XII. 18. *Яко правду подобаетъ исповѣдати* даже до смерти. Т. бр. моя воз. тотъ есть король отецъ небесный, рыцарь есть христосъ, жена его есть душа.

XIII. 5. Король Гордианусъ мочны і справедливы королевствовалъ.

XXVIII. Польск. 31; Лат. 70; Н. 61; Ч. 62.

I. 28. Безъ заглавія. Въ нѣкій король велможный имѣлъ оу себя едину дщерь девицу прекрасну.... У сей повѣсти толкованіа нѣтъ.

II. 27. Приклад, *яко подобает* намъ сердце сокрушенно имѣти. Был нѣкоторой король имѣл едину дщерь красну и мудру (сей повѣсти выкладу нет).

III. 27. Приклад, сїи речъ толкованіе притчи, приводящи, чтобъ мы были смиреннаго и сокрушеннаго сердца. Въ некий король велможны имѣлъ у себя едину дщерь девицу.

IV. 27. Прикладъ, приводящій, чтобъ мы были смиреннаго и сокрушеннаго сердца.

VI. 26. Приклад, приводящій, чтобы мы были смиреннаго и сокрушеннаго сердца. [Б]ылъ нѣкоторый велможны король, который имѣлъ едину двцу красну и мудру (Повести толкованіа нѣтъ).

VII. 26. Прикладъ, приводящій, чтобы мы были смиреннаго и сокрушеннаго сердца. Сей повѣсти толкованіа нѣтъ.

VIII. 26 (25). К сокрушенію сердца. Был король велиможный

имѣлъ едину дѣвку красну и мудру и хотѣлъ датъ ей замужъ (безъ выкладу).

XI. 25. Прикладъ приводящій, чтобы мы были смиреннаго и сокрушеннаго сердца. Былъ некоторый велиможный король, который имѣлъ едину дѣвицу красну и мудру.

XII. 26. (ненумеровано и несосчитано). Чтобы мы были смиреннаго и сокрушеннаго сердца. Тоежь главы. Король нѣкоторый великославный краль, который имѣлъ едину дѣвицу красну и мудру, но отецъ ея восхотѣлъ отдать замужъ. Безъ толкованія.

XIII. 13. Былъ некоторый великосилный король которой имѣлъ едину дѣвицу красну.

Лат. De compunctione fidelis anime. Польск. 31. Заглавіе буквально соответствуетъ русскому. Толкованія нѣтъ, тогда какъ въ лат. имѣется.

XXIX. Польск. 32; Лат. 72; Н. и Ч. нѣтъ.

I. 29. Прикладъ приводящій, чтобы творили добрыя дѣла, а не благотворища не творили.

II. 28. Прикладъ, яко *лакомства* неподобаетъ намъ и не благотворища творити. Нѣкоторый король велиможный имѣлъ у себя единого сына егого неизреченно велики любилъ.

III. 28. Прикладъ приводящій, чтобы творити добрыя дѣла, а не благотворища не творити. Нѣкій король велиможный имѣлъ у себя сына егого неизреченно велики любилъ.

IV. 28. Прикладъ приводящій, чтобы мы не благотворища не чинили.

VI. 27. [П]рикладъ приводящій, чтобы мы не благотворища не творили. [Н]ѣкоторый король можный имѣлъ единого сына егого неизреченно велики любилъ.

VII. 27. Прикладъ приводящій, чтобы мы не благотворища не творили.

VIII. 27 (26). Чтобы не благотворища не творити. Нѣкоторый король былъ велиможный.

XI. 26. Прикладъ приводящій, чтобы мы не благотворища не творили. Некоторый король мужной имѣлъ единого сына.

Лат. De ingratorum trucidatione, Польск. 32. Дословно, какъ въ русскихъ: IV, VI и VII. Заглавіе VIII встрѣчается въ одномъ изъ польскихъ изданій, въ экз. пр. Пржиборовскаго—Przykład abu-
szu się niewdzięczności wagowali. Опущено przywodzący — приво-
дящій. I и III имѣютъ заглавіе несоответствующее польскому, и во II вошло слово „лакомство“ изъ слѣдующей главы.

XXX. Польск. 33; Лат. 73; Н. 65; Ч. 66.

I. 30. Прикладъ, что лакомство многихъ ослепляетъ, что правды недержится.

II. 29. Прикладъ, яко лакомство многихъ ослѣпляетъ. Король нѣкоторый въ славномъ граде риме королевствовалъ и уставилъ такову заповѣдъ, чтобъ всякой слѣпой на всякой годъ изъ его казны сто пѣнязей бралъ.

III. 29. Прикладъ, что лакомство многихъ ослѣпляетъ, что правды недержитца. Король нѣкоторой былъ в славномъ градѣ римѣ королевствовао всемъ королевствѣмъ уставилъ таковъ уставъ, чтобы всякій слѣпой на всякой годъ от римскаго короля сто пѣнязей взялъ.

IV. 29. Прикладъ, что лакомство многихъ ослѣпляетъ, чтобы правды не узнало.

VI. 28. [Ш]прикладъ, что лакомство многихъ слѣпляетъ, правды не узнали. [К]ороль нѣкоторый в славномъ градѣ Римѣ королевствовалъ, который уставилъ уставу такову, что всякой слѣпой на всякій годъ от римскаго короля сто пѣнязей бралъ.

VII. 28. Прикладъ, что лакомство многихъ ослѣпляетъ, чтобы правды не узнало.

VIII. 28 (27). Тако лакомство многихъ ослѣпляетъ. В римѣ былъ король, а законъ у него.

XI. 27. Прикладъ, что лакомство многихъ ослѣпляетъ. Король нѣкоторый еже былъ въ славномъ граде Римѣ королевствовалъ.

XII. 32. О томъ, что лакомство многихъ ослѣпляетъ и затѣмъ правды не узнали. гл. ла. Т. Воз. бр. Такова устава есть Божія.

Польск. 33. Król niektóry w Rzymie mieście sławnym królował który był tak postanowił, żeby każdy ślepy od króla Rzymskiego na rok sto pieniędzy miał.

XXXI. Польск. 34; Лат. 18; Н. Ч. и Анг. нѣтъ.

I. 31. Прикладъ, что всякъ грѣхъ безъ роскоши бываетъ отъ поущеніе.

II. 30. Прикладъ, яко всякъ грѣхъ безъ прощенья не бываетъ отпущенъ. Рыцаръ нѣкоторой именемъ улианъ в нѣкое время выѣхалъ на ловъ и гналъ за некоторымъ краснымъ еленемъ.

III. 30. Прикладъ, что всякъ грѣхъ, безъ *роспачи* бываетъ отпущенъ. Рыцаръ нѣкоторой именемъ улианъ въ нѣкоторое время выѣхалъ было на ловъ и дался гнати за нѣкоторымъ краснымъ еленемъ и гонилъ его велии далеко.

IV. 30. Прикладъ, что всякъ грѣхъ безъ *роспачи* (невѣденіемъ) бываетъ отпущонъ.

VI. 29. [П]прикладъ что всякой грѣхъ безъ *роспачи* бываетъ отпущенъ. [Р]ыцаръ нѣкоторый именемъ Юлианъ, который в нѣкоторое время выѣхалъ было на ловъ и дался гнати за нѣкоторымъ краснымъ еленемъ.

VII. 29 (28). Прикладъ, что всякій грѣхъ безъ *роспачи* бываетъ отпущенъ.

VIII. 29 (28). Тако всякій грѣхъ бываетъ отпущенъ. Рыцаръ былъ в римѣ и выехалъ на ловъ.

XI. 28. Прикладъ, что всякій грѣхъ безъ распаче бываетъ отпущенъ. Рыцарь некоторый именемъ Юліанъ, который некоторое время выехалъ былъ на ловлю.

XII. 33. Яко всякъ грѣхъ безъ распачи бываетъ отпущенъ, гл. лв. Т. Воз. бр., тотъ рыцарь можетъ быти реченъ всякій добрый крестьянинъ.

Разсказъ этотъ имѣется только въ печатныхъ редакціяхъ, и то начиная съ 3 изданія. Лат. текстъ гл. 18 рѣзко отличается отъ русскаго: Quod omne peccatum, quamvis predestinatorie gravissimum, nisi desperationis baratro subiaceat, sit remissibile. Quidam miles erat nomine Iulianus, qui utrumque parentem nesciens occidit. Cum enim Iulianus iste nobilis ac iuvenis, quadam die venationi insisteret, et quendam cervum repertum insequeretur. *Польск.* 32. Rycerz niektóry imieniem Iulian, który jednego czasu na łowie (łowu) udawszy się, za pięknym jeleniem gonił go bardzo daleko. Въ I рк. „безроскоши“ ошибка вм. распачи (отчаянія); въ VIII въ риме вм. „время“.

XXXII. Польск. 35; Лат. 104; Н. Ч. Анг. нѣтъ.

I. 32. Прикладъ, чтобы мы помятовали добродѣтели намъ учиненны.

II. 31. Прикладъ, яко подобаетъ намъ помянути добродѣтели. Былъ некоторой рыцарь и охочъ былъ на ловъ.

III. 31. Прикладъ, чтобы помятовали добродѣтели намъ учиненны. Въ нѣкій славный рыцарь, который охочъ былъ на ловъ.

IV. 31. Прикладъ, чтобы мы помятовали добродѣтели намъ учиненны.

VI. 30. [П]рикладъ, чтобъ мы помятовали добродѣтели намъ учиненны. Былъ некоторый славный рыцарь, который охочъ былъ на ловъ.

VII. 30 (29). Прикладъ, чтобы мы помятовали добродѣтели намъ учиненны.

VIII. 30 (29). Чтобы помятовали добродѣтели. В риме жъ былъ рыцарь и выѣхалъ на ловъ.

XI. 29. Прикладъ, чтобы мы помятовали добродѣтели намъ учиненны. Былъ некоторый славный рыцарь, который охочъ былъ на ловъ ездить.

XII. 34. О томъ, чтобы мы помятовали добродѣтели намъ учиненны. гл. лг. Т. Воз. бр. Тотъ рыцарь, который на ловъ ездилъ.

Въ VIII. рк. вставка в риме совершенно произвольная, и не объясняется текстами. *Польск.* Był niektóry sławny rycerz, który się bardzo kochał w łowie. Русск. выраженіе „охочъ на ловъ“, повторяющееся во всѣхъ спискахъ, кромѣ VIII, и не встрѣчающееся въ извѣстныхъ польскихъ, свидѣлствуетъ объ одномъ переводѣ. Рк. I и

Ш имѣють добродѣтельство вм. добродѣйства остальныхъ рукописей и польскаго текста.

XXXIII. Польск. 36; Лат. 108; Н. Ч., Анг. нѣтъ.

I. 33. Прикладъ *напомянущий*, чтобы мы обѣты сія рѣчь обѣщаніе святое выполнять.

II. 32. Прикладъ, яко подобаетъ намъ обѣты исполнять. Былъ нѣкоторой король, а въ его королевствѣ были два разбойника.

III. 32. Прикладъ, *напомянущий*, чтобы мы обѣты сирѣчь обѣщаніе свое выполняли. Былъ нѣкоторой а въ его королевствѣ были два разбойника лотры.

IV. 32. Прикладъ *напомянущий*, чтобы мы обѣты инымъ выполняли.

VI. 31. Прикладъ напоминаячи, чтобы мы иныхъ воспоминали. [В]ылъ нѣкоторый король, а *въ его* королевствѣ были два разбойника (нѣтъ лотры).

VII. 31 (30). Прикладъ напоминаящій, чтобы мы инымъ выполняли.

VIII. 31 (30). Чтобы обѣты исполняли всякіе къ богу и члвкамъ. Былъ нѣкой лотръ имелъ собѣ.

XI. 30. Прикладъ напоминаящій, чтобы мы обѣты инымъ выполняли. Былъ нѣкоторый король, а въ его королевствѣ были два лотры.

XII. 35. О напоминаящій, чтобы мы обѣты инымъ выполняли. гл. лд. Т. Воз. бр. тотъ король есть отецъ небесный, два вора суть душа и тѣло (сверху выскаблено, написанное киноварью: прикладъ).

Лат. De promissionis fidei constantia. *Польск.* 36. Był jeden król a w jego królestwie byli dwaj łotrowie. Въ I и III рк. „напомянущій“ ошибочно изъ „напоминаящій“. VIII имѣетъ болѣе свободную передачу.

XXXIV. Польск. нѣтъ; Лат. 109; Н. и Ч. 63.

I. 34. Прикладъ, что бы мы лакомства остерегались немилостиваго.

II. 33. Прикладъ, яко подобаетъ намъ лакомства блюстися. Ковалъ нѣкоторой былъ велики богат надъ моремъ жилъ въ нѣкоемъ мѣсте велики лакомъ и золъ (сей повести выкладу нѣтъ).

III. 33. Прикладъ, чтобы мы лакомства остерегались немилостиваго. Коваль некий былъ велики богат, жилъ въ нѣкоторомъ мѣсте надъ моремъ и былъ велики лакомъ.

IV. 33. Прикладъ, чтобы лакомства остерегались.

VI. 32. [П]рикладъ, чтобъ мы лакомство, милостиваго остерегались. (Король) нѣкій былъ велики богатъ на море жилъ въ нѣкоторомъ мѣсте велики лакомъ.

VII. 32 (31) Прикладъ, чтобы мы лакомства остерегались немилостиваго.

VIII. 32 (31). Чтобъ лакомства остерегалися. Коваль нѣкто былъ велии лакомъ.

XI. 31. Прикладъ, чтобы мы лакомство немилостиваго остерегались. Коваль некоторый былъ велии богатъ.

XII. 36. Отомъ, чтобы мы лакомства остерегалися немилостиваго. гл. лѣ. Коваль былъ велии богатъ надъ моремъ жилъ въ нѣкоторомъ мѣстѣ и велии лакомъ и золъ.

Это единственная глава, которой нѣтъ въ извѣстныхъ польскихъ наданіяхъ. Въ русскомъ сборникѣ она соответствуетъ Латин. вульг., съ небольшими видоизмѣненіями.

Коваль нѣкій былъ велии богатъ, и жилъ въ нѣкоторомъ мѣстѣ надъ моремъ, и былъ велии лакомъ и золъ, тако собра множество пѣнязей. И всыпалъ ихъ въ великій клоцъ, и замазалъ, положилъ тотъ клоцъ у окна. — VIII 31 (32). Чтобъ лакомства остерегались. Коваль нѣкто былъ велии лакомъ і велии богатъ жилъ надъ моремъ і золъ *домий* і собравъ много пѣнязей і всыпавъ ихъ въ великой клоцъ і зама [зал] ихъ і положила клоцъ у окна. Лат. Вульг. *Quidam faber dives, iuxta mare in quadam civitate manens, valde avarus et malus erat, et multam pecuniam collegit et unum truncum implevit et ipsum iuxta ignem posuit in conspectu omnium.* Отличіе заключается въ замѣнѣ *faber*—на „коваль“ (кузнецъ), *iuxta ignem*—у окна; слова „мѣсто“ вм. *civitas* и *клоцъ*—*truncus* изобличаютъ польское вліяніе.

Въ чешскомъ разсказѣ этотъ ведется иначе: *Byese nyekteraky lakomecz syedyenym podle morze. Genz myegisse weliky poklad. A ten gisty poklad schowal byese w yednom welikem rybli a nebo sspalku. A ten gisty sspalek polozyl swemu domu.* Чешскій текстъ ближе подходитъ къ латинскимъ рукописнымъ и нѣмецкимъ: Крак. 58—*Erat quidam avarus sedens* (Инсбр. 202. *manens*) *iuxta mare, qui magnum thesaurum habuit et totum thesaurum in uno trunco posuit.* Нѣм. 63. *Ez was ein geittiger man. der sazz pey dem mer. der selb hiet ein grozzen schatz der legt in allen in ein stokh.*

Русское—коваль, множество пенязей, сближаетъ русский текстъ съ Вульг.; даже слово клоцъ (черезъ польскъ *kloc*—нѣм. *der klotz*) вмѣсто нѣмецкаго *stokh*, чешск. *sspalek* свидѣтельствуеетъ о незнаніи русскимъ переводчикомъ латино-германо-чешской редакціи. Любопытно, что слово коваль—является въ нѣмецкомъ текстѣ тамъ, гдѣ говорится о приплытіи колоды—*zur eynem andern dorf. Nu was in dem dorf ein smid, der ersoch den stokh.* Инсбр. рк. *Quidam faber... ad se retraxit.* Въ Вульг. *Quidam homo, qui comune hospitium habebat,* согласно съ русскимъ—нѣкоторый человекъ, у негожъ была великая господа. *Faber* въ польскихъ словаряхъ переводится—*kowal, Schmied.*

Язык русскаго перевода изобличает польское вліаніе. Вотъ отдѣльныя слова: коваль—*faber*, лакомъ—*avarus*, клоцъ—*truncus*; господа—*hospitium*, негримовѣ—*peregrini* (вѣроятно сюда относится прихожіе люди), зимно—*tempus frigidissimum*, крепи—польск. *kreple*, *krapfen*, не значить *pastilli*, какъ въ Вульг; хромыхъ и кулявыхъ—*claudos*—обычный приѣмъ русскихъ подвѣйшикъ списковъ ставить рядомъ съ польскими словомъ русскій переводъ.

XXXV. Польск. 38; Лат. 110; Н. 112, Ч. 110.

I. 35. Прикладъ о житіи святаго великомученика еоустаѳіа и о навращеніи блуднаго.

II. Нѣтъ.

III. 34. Прикладъ о житіи святаго великомученика Еустаѳіа и о навращеніи блуднаго, глава лд. Троіанушъ король зацный и вельможныи римѣ граде королевствовалъ.

IV. 34. Прикладный животъ св. Евстаѳіа и о навращеніи блуднаго.

VI. 34. Прикладный животъ святаго еустаѳіа і о навращеніи блуднаго. [Т]роіанушъ королъ зацны.

VII. 34. Прикладный животъ святаго Еустаѳіа и о навращеніи блуднаго.

XI. 33. Прикладный животъ святаго Еустаѳіа и о напращеніи блуднаго. Траянушъ король зацныи и вельможныи въ Римѣ градѣ королевствовалъ.

XII. 38. Прикладный животъ святаго Евстаѳіа и о навращеніи блуднаго гл. лд. Гроянушъ король честный и вельможный въ римѣ градѣ королевствовалъ.

Лат. *De errantium mirabili revocatione et afflictorum pia consolatione*. Польск. *Przykładny żywot s. Eustachiusza, ku nawróceniu błądzących*. VI и VII имѣютъ болѣе близкій къ польскому—въ нихъ блуднаго, *błądzącego*—*errantis*, получило въ остальныхъ рукописяхъ форму „блуднаго“, опять таки въ значеніи „заблуждающагося“.

Въ польскихъ изданіяхъ житіе св. Евстафіа помѣщается непосредственно послѣ житія Св. Алексѣя; въ той же послѣдовательности они находятся въ русскихъ рк. XI, XII, VI; нѣтъ въ VIII и II; а въ I нѣтъ житія св. Алексѣя. Въ польской литературѣ житіе Евстафіа напечатано въ 1529 г. вмѣстѣ съ житіемъ Св. Алексѣя. Перепечатано оно въ снимкѣ и въ *Sprawozdania Komisji językowej Akademii Umiejętności* T. V 1894 г. стр. 445 и сл. Для опредѣленія отношеній текстовъ достаточно указать на нѣкоторые мѣста.

Прикладъ о житіи святаго великомученика Еоустасіа—и о навращеніи блуднаго.

Przykładny żywot św. Eustachiusza, a o nawroceniu błądzącego.

Żywot błogosławionego męża Eustachiusza mężczennika.

Троянъ король - зацный и - великожний въ Римѣ града королевствоваѣ. И былъ въ его королевствѣ нѣкоторой рыцарь—крѣпкой и велими валеchnый—именемъ Плакдусъ; — найвышній — гетманъ королевскій. Тотъ былъ велими уставичный въ милосердныхъ дѣлахъ, а былъ идопоклонникъ. И имѣлъ жену тоужъ вѣрн милостиву; а имѣлъ у себя два сына, которыхъ велѣлъ выховать по обычаю своему шлаетности; а что онъ былъ милосердъ и для того заслужилъ св(я)т(ы)ню и путь правды.

Trojanus, król-zasny i wielmożny w Rzymie królował.

I był w jego królestwie niekóry rycerz mocny i bardzo waleczny, imieniem Placidus, nawyższy hetman królewski. Ten był (wielmi) ustawiczny w miłosiernych uczynkach, ale bałwochwalca. I miał żonę tejże wiary i miłosierdzia, a z tą miał dwu synów, które kazał chować wedle obyczaju swego i szlachetności; ale iże był bardzo miłosierny, dla tego zasłużył oświecon być na drogę prawdy.

Trajanus król wielmożny w Rzymie miescie królował.

I był w królestwie jego niekóry rycerz imieniem Placidus, hetman-królewski.

Ten był wielmi ustawiczny w uczynkach miłosiernych, ale chwalił bałwaństwo. I miał żonę tejże wiary i miłosierdzia, a z tą, miał dwu synu, które kazał wychować wedle obyczaju swego i szlachetności; ale iże był wielmi miłosierny, dla tego zasłużył oświecon być na drogę prawdy.

Отрывокъ этотъ убѣждаетъ насъ, что житіе вошло въ польскій сборникъ по готовому переводу, по которому было сдѣлано изданіе 1529 г., но въ текстъ его введены вставки, какихъ нѣтъ въ самомъ житіи. Русскій переводъ сдѣланъ не по Житію, а прямо по тексту Исторій. Всѣ эти вставки нашлись въ русской редакціи: „о навращеніи блуднаго“, „зацный“, „крѣпкой и велими валеchnый“, „найвышній“. Это не случайныя совпаденія. Съ другой стороны въ русской редакціи встрѣчаются мѣста, которыя находятся только въ житіи, а нѣтъ въ текстѣ сборника: „великомученика“, „града“. Въ житіи, наприимѣръ: *palazł stado jeleni, między którymi ujrzał jednego napięknijszego i największego jenż odszedszy od drugich, w większą puszcę bieżał. Въ Ист. ujrzał jednego pięknego i wielkiego który odszedszy od drugich w inszą stronę... biegł. Русск. 301: обрѣлъ единого прекраснѣ всѣхъ, который отшедши изъ нихъ въ далнюю пустыню бѣжалъ. Лат. unum ceteris speciosiore et maiorem conspexit, qui ab aliorum societate descendens in silvam vastiorem prosiliit. Тоже — русск. 308 — ближнему польск. bliźniemu, а должно быть bliźniemu—verba malicie; разными обычаями убирается—житіе: rozlicznym obyczajem; Ист. rozmaitym sposobem; 304—и егда смиришися, тогда азъ прииду къ тебѣ и превращу тя“, житіе: *przyjdę k tobie a przywrócę cię; Ист. Ale gdy się upokorzysz, przywrócę cię. 308. Искушеніе терпѣть іакоже Іовъ, и зде бысть мнѣ паче Іова, онъ бо аще и вся погубилъ. Подчеркнуты**

слова имѣются только въ житіи—A to więcej niż Job. Сопоставленіе текстовъ приводитъ къ выводу о существованіи текста, составленнаго по переводу 1529 г., и въ такомъ видѣ это житіе вошло русскіе сборники Римскихъ Исторій.

XXXVI. Польск. 2; Лат. 5; Н. и Ч. нѣтъ.

I. 35. Прикладъ о важности и вѣрности.

II. Нѣтъ.

III: 35. Прикладъ о важности и вѣрности. Король нѣкій королевствовалъ, а въ его государстве пойманъ былъ нѣкій юноша отъ разбойникъ.

IV. 35. О важности и вѣрности.

VI. 35. [О] важности вѣрности. [К]ороль нѣкоторый королевствовалъ, въ *свож* гдѣрстве пойманъ былъ нѣкоторый юноша отъ разбойникъ.

VII. 35 (34). Прикладъ о важности и вѣрности.

VIII. 33 (32). Безъ заглавія. Въ *риме* при нѣкоторомъ королѣ пойманъ нѣкоторой юноша отъ разбойникъ.

X. 6. Повѣсть о содержаніи вѣрности.

XII. 28. О правдѣ и вѣрности гл. кз. Т. Воз. бр. Тотъ сынъ котораго яли разбойники.

XIII. 15. В критскомъ островѣ въ нѣкоторое время пойманъ былъ нѣкотормъ отрокъ отъ разбойникъ.

Лат. De sectanda fidelitate. VI и VII рк. имѣютъ заглавіе буквально переведенное съ польскаго, въ остальныхъ немного видоизмѣнено, хотя несомнѣнно составлено подъ его вліяніемъ. О *uważaniu wierności* (*wieczności* въ одномъ изданіи).

Во всѣхъ рк. находится эта глава въ одной послѣдовательности, непосредственно послѣ житія Св. Евстафія; за исключеніемъ X, гдѣ оно поставлено шестю, т.-е. послѣ главы „О doskonałości“. Это можетъ показывать, что въ этой рк. сохранилась только часть сборника.

XXXVII. Польск. 39; Лат. 20; Н. и Ч. нѣтъ.

[I. 37.] Прикладъ, іако прозрѣнію божію никтоже противитися можетъ.

II. Нѣтъ.

III. 36. Прикладъ іако, прозрѣнію божію никтоже противитися можетъ. Цесарь Кондрать велии можныи в нѣкоторомъ славномъ граде господствовалъ, въ его же государстве былъ нѣкоторый царь именемъ леополтусъ.

IV. 36. Прикладъ, яко прозрѣнію Божию никто противитися можетъ.

VII. 37 (36.) Прикладъ яко прозрѣнію Божию никто можетъ противитися.

VIII. 35 (34). Прикладъ прозрѣнію Божию никтоже можетъ противитися.

X. I. Повѣсть на изъявлена, яко воли Божіи никтоже противитися можетъ.

XI. 35. Прикладъ, яко прозрѣнію Божию никто можетъ противитися. Цесарь Конрадъ велможны въ нѣкоторомъ славномъ градѣ государствовалъ.

XII. 37. О томъ, яко прозрѣнію Божию никтоже не можетъ противитися гл. 13. Цесарь Кондрать.

Польск. 39 и послѣдняя. Въ русск. текстахъ только IX рк. нѣсколько разнится отъ всѣхъ остальныхъ и въ ней польск. слово — *przeuzgenie*, переводимое во всѣхъ рукописяхъ прозрѣніе передано словомъ воля.

XXXVIII. Польск. 37; Лат. 15; Н., Ч., Анг. нѣтъ.

[I. 38] VII. 33. Прикладный животъ святаго алексія, чтобы смыслости сего свѣта возненавидѣли.

II. 36. Прикладъ О житіи святаго алексія члвка бжия. Жилъ въ славномъ граде риме нѣкоторой сенаторъ честенъ.

III. Нѣтъ.

VI. 33. [П]рикладный животъ святаго алексія, чтобы смыслости сего свѣта возненавидѣлъ.

XI. 32. Прикладны животъ святаго Алексія, чтобы имъ сласти сего свѣта возненавидели. Въ Риме граде славномъ былъ некоторый сенаторъ честенъ ему же имя было Евенимянъ.

Житіе Св. Алексія вошло въ Исторіи римскія съ польскаго текста, хотя въ русской литературѣ имѣлись уже готовые переводы. Таковы, между прочимъ—текстъ XII вѣка, изданный Срезневскимъ⁹²⁾, и бѣлорусскій XVI в., напечатанный П. П. Владиіировымъ⁹³⁾. Въ польскій сборникъ римскихъ исторій житіе внесено изъ готоваго перевода извѣстнаго по изданію 1529 г.⁹⁴⁾. Старинный польскій переводъ

⁹²⁾ Свѣдѣнія и замѣтки XXXI.

⁹³⁾ Ж. Мин. Нар. Пр. 1887 г. окт. стр. 256 и слѣд.

⁹⁴⁾ *Bystroń. Sprawozdania Komisji językowej* т. V и изданіе въ facsimile.

составленъ рабски по чешскому оригиналу⁹⁵). Въ польской литературѣ имѣется житіе въ стихотворной формѣ въ рукописи XV вѣка, приближающееся къ нѣмецкому стихотворному тексту⁹⁶).

Прикладный животъ
святѣаго Алексія, что-
бы смыслѣ сего
свѣта возненавидѣли.

Въ Римѣ, граде слав-
номъ, былъ нѣкоторый
сенаторъ честенъ, ему же
имя было Евфеміанъ. И
тотъ былъ велии богатъ
и при цесарскомъ дворѣ
добре славенъ,—также
и честенъ, тотъ же Ев-
феміанъ былъ человекъ
справедливый,—и в при-
казаніи божіи прилжно
ходилъ и велии мило-
стивъ, который на всякъ
день поставлялъ три столы
убогимъ, которымъ самъ
служилъ. — Самъ же
всегда о девятой го-
динѣ съ людьми благо-
вѣрными принималъ в
брашно в ласке и ми-
лости божіи. — Имѣлъ
же и жену, именемъ
Агланду, и та была еди-
ной воли с нимъ.

Przykładny żywot
świętego Aleksego,
abyśmy rozkoszy tego
świata wzgardzali.

W Rzymie, mieście
sławnym, był jeden sena-
tor zasny, któremu imię
było Eufamian. A ten był
bardzo bogaty, a (i) przy
cesarskim dworze dobrze
(wielce) sławny,—boż wiel-
kimi bogactwy i dostatki
wszelkimi;—a w przykaza-
niu bożym pilnie chodzący,
a bardzo miłosierny, który
na każdy dzień miał trzy
stoly ubogich, którym sam
służył.—

Ziwoť blagoslawenego Ale-
xego spowiednika.

Był ieden Senat w Rzy-
mie, mieście sławnym i imie-
niem Eufemian: ienъ był
wielmi bogaty, a przy Ce-
sarskim dworu sławny.
Ten Eufemian był czło-
wiek sprawiedliwy, a w
przykazaniu bożim cho-
dzący, a wielmi miłosierny:
ienъ na každy dzień miał
zawżdi trzy stoly ubogich,
ktorim też y sam służył.

I miał żonę, imieniem
Aglæa, a ta była jednej
woli z nim.

A godinъ dziewięć
s ludźmi nabożnymi
brał pokarm w bożni
ni boże. A miał też żonę
imieniem Aglaes, a ta
była iednake wolę s nim.

Русскіе старинные тексты: Срезневскаго и Владимірова, рѣзко отличаются отъ текста Рим. Д., и ближе стоятъ къ латинской редакціи. G. R.

Срезневскій.

Въ человекъ въ Римѣ
мужъ благочестивъ име-
немъ Ефиміанъ и жена
его Агланда, при Оноріи
и Аркадіи, славными це-
сарюма римскама, ве-
лики бывъ въ бодрехъ
и богатъ зѣло. Блху же

Владиміровъ.

Святый Олексій былъ
сынъ Евфиміановъ, мужа
прешляхетнаго римля-
нина, а у дому цесар-
ском первый. Перехъ ко-
торымъ три тысяча дѣ-
тей стояло, которыхъ спу-
рамъ золотыми преполосо-

Gesta Romanorum.

In civitate romana fuit
quidam juvenis nomine
Alexius, filius Eufemiani
nobilissimi Romani et in
aula imperatoris primus.
Cui multi pueri et servi
assisteabant, qui zonis aureis

⁹⁵) *Feisalik*. Studien zur Gesch. d. Alteböhmisches Litteratur, (Sitzungs-
berichte d. k. k. Akademie Wien. 1861. XXXVII. 71 и сл., 420 и сл.

⁹⁶) *Wisłocki*. Legenda o S. Alexym (Spr. Wyd. Fil. Ak. T. IV) и *Bru-
chnalski*. O źródłach niektórych utworów poetycznych. (Przegl. Powsz. 1884.
t. 4, стр. 60 и сл.).

у него три ста (три ты-
сящи) отрокъ, а вси съ
златыми поясы и драги
мъныи носяще.

ваися. а в рубѣ шолкове
облачилися. А той евфи-
мѣанъ былъ велии мило-
сердннй.

cingebantur et vestimentis
sericis induebantur. Erat
autem predictus Eufemia-
nus valde misericors.

2 (прод.). А были без-
плодны, просили го-
спода бога, чтобы имъ
изволилъ дати плодъ.
И зачать Аглана, и по-
томъ породила сына, и
назвали имя ему Алексій.
Его же воспитовали и
научали боляни божией,
мысличи его въ чистотѣ
блудсти. А какъ уже нмѣлъ
лѣта младости, дали его
на науку. А какъ уже
былъ наученъ, и къ лѣ-
томъ годнымъ пришелъ,
дана ему была панья
двору песарскаго въ жену.

А не mieli dziatek i
prosili Pana Boga, aby
im raczył dać dziatek. I
pojęła Aglaes, potem
porodziła syna, i nazwano
imię jego Aleksy. Wycho-
wawszy go, uczyli bojaźni
bożej, myśląc go w czy-
stości dochować. A gdy
miał lata młodości, dano
go na naukę. A gdy już
był nauczonym, ku latom
godnym przyszł, dana
mu jest panna dworu ce-
sarzkiego.

А немайѣтъ плоду
просили пана бога, абы
имъ плодъ раѣилъ дачъ.
У поѣла Аглаесъ: а по-
тымъ породила сына, а ве-
звано имя его Алексі. А
въчовавши вѣли боіаѣни
божѣ, мѣлаѣчъ го въ чи-
стосци човатъ. Потымъ
дали го на науку въ мло-
досци его. А гдиѣ иуѣ
бѣдѣтъ наuczonymъ ку ла-
томъ годнымъ przszedł,
dana mu jest panna z
dworu Cesarzkiego за ма-
женку.

Эти небольшія сопоставленія показываютъ на взаимныя отно-
шенія разныхъ текстовъ. Русскій текстъ свидѣтельствуетъ о томъ,
что житіе это вышло изъ польскаго сборника римскихъ исторій—
(заглавіе одинаково), но изъ неизвѣстнаго намъ изданія. Въ этомъ
изданіи житіе приводилось по редакціи средней между польскимъ
текстомъ 1529 г. и извѣстными текстами римскихъ Исторій.

XXXIX. Польск. 5; Лат. 81; Н. и Ч. нѣтъ.

[I. 39. Прикладъ о дивномъ промыслѣ божіи и о почитаніи свя-
таго Григорія].

II. 35. Прикладъ О дивномъ промыслѣ божіи и О зачатіи
Григорія папы римскаго. Король единъ именемъ Парнус мудрый ко-
ролеваль, который имѣлъ одинаго сына и дщерь едину.

VI. 39. Прикладъ о дивномъ промысле божіи і почитаніи свя-
таго Григорія. [Е]король единъ именемъ Панкусъ мудрый кролевство-
валь, который имѣлъ одинаго сына і дщерь едину.

VII. 39. Прикладъ о дивномъ промыслѣ божіи и почитаніи свя-
таго Григорія.

X 4. Повѣсть о дивномъ смотрѣніи божнімъ, и о початіи свя-
таго Григоріа, папы римскаго и да никтоже отчавается своего
спасенія.

XI. 37. Прикладъ о дивномъ промыслѣ Божіи и о почитаніи
святаго Григоріа. Король единъ именемъ Наркусъ мудрыи королеваль.

XII. 29. О дивномъ милосердіи Божіи и о святѣмъ Григоріи
папѣ римскомъ гл. вл. Во странѣхъ римскихъ кроль Паркусъ мудрый
имѣлъ у себѣ одинаго сына и дщерь....

На концѣ главы, на оборотѣ листа:

Конецъ симъ всѣмъ дѣямъ римскимъ, а у сихъ трехъ толкованія нѣсть.—Этою главою оканчивается рк. XIII, ею же оканчиваются VI, VII и XI.

XIII. 16. В странахъ римскихъ неки корол паркус мудр имѣл у себя сына и дщерь едину.

Разсказъ этотъ имѣется и въ другихъ пересказахъ. Въ нашъ же сборникъ вошелъ непосредственно изъ польскаго сборника. Тутъ можно съ увѣренностью сказать, что даже по опредѣленному изданію. Вотъ начало: Король единъ именемъ Парнусъ мудрый королеваль, который имѣлъ одинаго сына и дщерь едину, еяже велии любилъ. Егда же онъ состарѣлся и *разнемогся велии и позналъ*, яко не быти ему живу, призвалъ къ себѣ всѣхъ пановъ своихъ, рыцаревъ и княжатъ. *Польск.* Król jeden (вар. mądry), imieniem Pateus mądry, królował, który miał jednego syna, (i) córkę jedyną, które on bardzo miłował. A gdy się już starzał, *rozgniewał się* (вѣроятно—roznieмогъ się?) bardzo, a gdy już baczył (вар. *poznał*), że nie mógł być żyw, wezwał wszech panów swych, guscerzów i książąt. Русскій текстъ составленъ, не по извѣстнымъ польскимъ, а по болѣе исправному изданію, какъ видно изъ слова „рознемогся“, а въ польск. *rozgniewał się* не имѣющее тутъ смысла. Въ русскихъ—о *почитаніи* св. Григорія, испорченное вмѣсто „о початіи“ (X) и только въ II вѣрно передано „о зачатіи“.

XI. Польск. 1; Лат. 8; Н. и Ч. нѣтъ.

XII. 27. О униженіи суетной хвалы гл. 63

XIII. 14. безъ заглавія.

Разсказъ этотъ встрѣтился до сихъ поръ только въ двухъ рукописяхъ. Въ польскихъ изданіяхъ озаглавленъ: O poniżeniu próżnej chwały: лат. De vana gloria.

Лат. Leo regnavit, qui miro modo pulchras mulieres delectabatur videre. Unde fecit fieri in quodam templo tres imagines stantes, et precepit omnibus in imperio, ut eas adorarent. Prima imago habebat manum ad populum extensam, et in uno digito annulum aureum, et super digito erat superscriptio talis: Ego sum generosus; ecce annulus in digito. Secunda imago barbam auream habebat. et in fronte sic scriptum: ego sum barbatus; si quis calvus fuerit, ad me veniat et de pilis meis accipiat. Tercia imago clamydem auream habebat et tunicam de purpure, et in pectore eius erat scriptum characteribus aureis: Ego sum, qui neminem timeo. Iste tres imagines erant interius lapidee...

Польск. Cesarz Lew w Rzymie z wielką sławą swoją panował, który barzo rad nawiedzał piękne panie. A przetoż ku swojej wielkiej sławie rozkazał był uczynić (wystawić) trzy obrazy, w kościele na pierwszym (miejscu) postawiwszy, we wszystkim swoim państwie przykazał groźnie (surowo), aby wszyscy one obrazy chwalili. Pierwszy obraz miał ręce wyciągnięte ku ludziom; ten obraz na jednym palcu miał złoty pier-

сциен, przy którym był napis ten: ja jestem urodzony, oto pierścien. Drugi obraz miał brodę złotą, na którego czole był napis ten: ja jestem brodaty, a jesliby był który łysy, przydź ku mnie a weźmi sobie z mych włosów. Trzeci obraz miał płaszcz złoty i szatę z pawłoki, na którego piersiach był złoty napis: ja jestem, który się nikogo nie boję. Te są trzy obrazy kamienne były...

Русск. ¹⁾ Левъ цесарь в[ъ] Риме с[ъ] великою славою владѣлъ и для своей славы повелѣлъ принести три болвана і въ божнице перво (и) постави во всей своей державе повелѣ со грозомъ дабы вси тѣмъ кумиромъ кланялися и ихъ хвалили (.) первой кумиръ имѣлъ руже протягнуты[я] к[ъ] людямъ (людямъ) и на руже на большиѣ (большомъ) пирсту имѣлъ златыи перстень а было [надъ главою его] написано тако (.) азъ есмь уродной се(й) перстень а други кумиръ имѣлъ златую браду (а) на его челѣ написано тако азъ есмь брада(той) то аще кто есть лысъ приди (кто' лысой придетъ) ко мнѣ и возми себѣ отъ моихъ власовъ (волосовъ), а третій кумиръ имѣлъ одѣяние златое і поремру с[ъ] поволокою [сигнеть] (а у него) на персехъ златомъ написано (.) [такъ] азъ есмь тотъ которой никого не боюся тѣ тр(i) кумира были каменныя.

Сравненіе текстовъ по обоимъ спискамъ указываетъ на существованіе третьяго,—по которому сдѣланы оба наши списка. Есть мѣста, несомнѣнно, лучшія въ XII, какъ пропускъ фразы „надъ главою его“, въ лат. *super digito*,—въ польск. тоже нѣтъ; пропускъ—слова „сигнеть“—совсѣмъ здѣсь лишняго; вставка „а у него“. Съ другой стороны есть мѣста лучшія въ XIII „се перстень“, а въ XII—сей перстень—esse *annulus*, *oto pierścien*; въ XIII—„кто лысъ приди ко мнѣ“, въ XII—кто лысыи придетъ, *польск.* *któgu łysu przydź ku mnie*.—

Въ обоихъ спискахъ пропущена подчеркнутая фраза, находящаяся и въ польск., но вставленная совсѣмъ некстати.

XLI. Разсказъ, не принадлежащій *Gesta Romanorum*.

Въ архивной рукописи (XII) и въ Погодинской 1714 (II) на первомъ мѣстѣ помѣщенъ разсказъ, котораго нѣтъ въ другихъ известныхъ мнѣ русскихъ спискахъ, и не встрѣчающійся въ *Gesta Romanorum*. Привожу здѣсь начало этого разсказа.

Повѣсть дивнаго оустроенія нѣкоего благотворца, и праведнаго суди. Глава А.

Во градѣ римѣсти Послужаю житія начеже добрыхъ всѣхъ дателя бга промысломъ, иже воставляетъ отъ гноища и посаждаетъ

¹⁾ Въ большія скобки поставлены мѣста, которыхъ нѣтъ въ XII рк., а въ малыя которыхъ нѣтъ въ XIII.

с могущими, нѣки мужъ от нищетнаго и худаго житія вчинися въпервое воинство, и потомъ К. коемуждо чину началствѣ пребываетъ, и по сихъ достиже в тиронскіи санъ о туду же учинися и первосовѣтникъ цесарю, обачеже поминая случая іако чепостояннаго законоположника, и жадаеть и отемлетъ: ризу, (Отсюда начинается Погодин. 1714). ону нищетную уже первѣе носаше вложивъ вазатый сотворенный со драгими каменій в ковчегъ во внутренній своей полатѣ постави и токмо единъ тамо вхождаше извимаа грубую ризу по вся дни оплакуа на ню смотряше.

9. ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ РУССКИХЪ СБОРНИКОВЪ.

Разсмотрѣніе имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи списковъ Исторій изъ Римскихъ дѣяній позволяетъ сдѣлать нѣкоторыя общіе выводы какъ о составѣ ихъ, такъ и объ отношеніи ихъ къ западно-европейскимъ (*Gesta Romanorum* и о ближайшемъ источникѣ русской редакціи.

Въ русскихъ спискахъ встрѣчается выборка изъ *Gesta Romanorum* небольшого числа рассказовъ, общая сумма которыхъ по всѣмъ рукописямъ доходитъ до 40. Въ большинствѣ рукописей установлена одна опредѣленная послѣдовательность извѣстнаго цикла рассказовъ, которой въ главныхъ основаніяхъ онѣ и придерживаются. Эта послѣдовательность и почти такое же число рассказовъ имѣются только въ польской редакціи. По небольшому числу рассказовъ русскіе списки приближаются къ англійскимъ, но они не могутъ имѣть никакого къ нимъ отношенія, уже по той одной причинѣ, что въ англійскихъ нѣтъ многихъ рассказовъ, вошедшихъ въ русскую редакцію. По сопоставленіи съ польскою редакціею мы замѣчаемъ, что русскіе сборники не только приближаются къ ней по громадному количеству полонизмовъ и почти одинаковому числу рассказовъ, но и по расположенію этихъ рассказовъ. 32 рассказа польскаго сборника съ 6—38 повторяются въ главнѣйшихъ русскихъ рукописяхъ въ одинаковой съ ними послѣдовательности. При этомъ характерной чертой всѣхъ безъ исключенія русскихъ списковъ является перестановка 29 главы польскаго сборника (О королѣ Галлусѣ и плотникѣ) и помѣщеніе ея послѣ 24-й главы польской редакціи (О законѣ короля Аснодуса); точно также послѣ польской 28-й слѣдуетъ 30-я и эта связь не нарушается ни въ одной рукописи. Это сходство русскихъ сборниковъ съ польскими нарушается тѣмъ обстоятельствомъ, что во всѣхъ русскихъ рукописяхъ находится одна глава, которой нѣтъ ни въ одномъ извѣстномъ польскомъ изданіи. Языкъ же ея изобличаетъ несомнѣнно польскій источникъ: *avaricia*—жадность въ смыслѣ жадность; *faber*—коваль; *in civitate*—въ мѣстѣ; *truncus*—клоцъ (нѣм. ein stöck); *hospicium*—господа; *pastilli*—

крѣпких: pauperes ac debiles, secos et claudos vocavit, воззавши убогихъ *недостаточныхъ*, слѣпыхъ хромыхъ и кулящихъ. Во всѣхъ русскихъ рукописяхъ, за исключеніемъ рк. Архивной и П. К. Симони, нѣтъ 1-й главы польской редакціи (О униженіе суетной хвалы).

Сопоставленіе русскихъ списковъ приводитъ къ заключенію, что всѣ они раздѣляются на три группы. Первую группу составляютъ рукописи Погодинская 1775 (VI), Тихонравова (VII), Толстого II, 15 (VIII) и Погодина 1604 (XI). Всѣ списки этой группы начинаются разсказомъ: „о цесарѣ Евнѣяне“; въ нихъ согласно съ польской редакціей житіе Св. Евстафія слѣдуетъ за житіемъ Св. Алексѣя, и это послѣднее поставлено во всѣхъ рукописяхъ этой группы послѣ главы о скупомъ кузнецѣ. Исключеніе составляетъ рк. VIII, въ которой нѣтъ обоихъ житій.

Вторую группу составляютъ рукописи: Погодинская 1713 (III), Царскаго 711 (IV); Толстого I. 419 (V), и О. Л. Д. П. (I). Всѣ рукописи начинаются главою: о Пустынникѣ, поставленной въ первой группѣ въ концѣ сборника (въ польскихъ изданіяхъ она стоитъ 4-ю); въ нихъ послѣ разсказа „о скупомъ кузнецѣ“ поставлено житіе Св. Евстафія, нѣтъ житія Св. Алексѣя и разсказа о Св. Григоріи. Въ рк. О. Л. Д. П. Исторія о Аполлонѣ поставлена первою, тогда какъ въ остальныхъ этой группы—послѣднею. Судя по свидѣтельству рукописи IV, исторія объ Аполлонѣ въ этой группѣ полагалась первою, какъ въ рк. I и за ней уже слѣдовала глава о пустынникѣ: „у сей исторіи о Аполлонѣ начала не обрѣтохъ, с чего писана, понеже бо многіе листы поистѣбли и поизгибли того ради списать было не с чего и поставлена сія повѣсть в началѣ книги, и не на концѣ, и послѣ во другихъ поставлена повѣсть о пустынникѣ“. Въ рукописяхъ обѣихъ этихъ группъ, въ которыхъ сохранилось заглавіе сборникъ нашъ называется Исторія съ римскихъ дѣяній (III), Исторія изъ римскихъ дѣяній (IV, V, VIII, XI); въ рк. I заглавіе очень позднѣе; въ VI, VII и IX не сохранилось заглавія; и въ X Исторіи розмѣнтныя сирѣчь Повѣсти избранныя.

Третью группу составляютъ рукописи Погодинская 1714 (II), Архивная (XII) и П. К. Симони (XIII). Одну изъ главныхъ особенностей этой группы составляетъ присутствіе въ двухъ рукописяхъ (II и XII) разсказа, не принадлежащаго Gesta Romanorum. Этотъ разсказъ цѣликомъ имѣется только въ Архивной рукописи и озаглавленъ: Повѣсть о дивномъ устроеніи нѣкоего благотворца и праведнаго судьи. Въ Погодинской 1714 нѣтъ начала, и повѣсть идетъ со второго листа, сравнительно съ Архивной тутъ не достаеъ 11 строкъ. Въ Погодинской впервые встрѣчаемся съ терминомъ книга Дей римскихъ; въ архивной же на концѣ гл. 29-й, стоящей послѣдней въ I-й группѣ,—

находимъ приписку: конецъ симъ всѣмъ дѣямъ римскимъ, тогда какъ въ рк. VIII конецъ исторіямъ симъ.

Во II и XII рукописяхъ 12 первыхъ главъ слѣдуютъ въ одинаковомъ порядкѣ, отступающемъ отъ того порядка, который мы видимъ въ первыхъ двухъ группахъ. Начиная съ 13 главы рукопись XII сильно разнится отъ II въ порядкѣ послѣдовательности главъ, рассказы идутъ тутъ въ переѣмку небольшими группами, какъ бы списанными съ разрозненныхъ тетрадей; рукопись же II, начиная съ главы 8—33 придерживается той послѣдовательности, которая установилась въ первыхъ двухъ группахъ. Во II рк. сравнительно съ предыдущими нѣтъ 4-хъ рассказовъ, и въ XII 3-хъ. Польская глава 29 находится въ той же связи, что и въ остальныхъ рукописяхъ. Особенность XII рукописи составляетъ и то, что въ ней преобладаетъ толкованіе, а рассказовъ всего 8, изъ которыхъ одинъ не принадлежитъ *Gesta R.* и одного нѣтъ въ рус. ред. Рукопись П. К. Симони содержитъ всего 16 рассказовъ, но она очень важна по своему отношенію къ архивной; ея 16 главъ идутъ въ одной послѣдовательности съ 14—29 главами архивной при томъ въ ней есть вездѣ рассказы, которыхъ нѣтъ въ архивной. Въ обѣихъ рукописяхъ имѣется рассказъ, котораго нѣтъ въ остальныхъ русскихъ спискахъ (О униженіи суетной хвалы) и который есть въ польскихъ изданіяхъ. Рукопись эта очень поздняя, но такъ какъ въ ней есть рассказы, то она свидѣтельствуетъ, что архивная рукопись списана съ другой, въ которой уже былъ порядокъ, встрѣченный нами въ XII и XIII рк.

Что же касается перевода, то и въ немъ мы можемъ усмотрѣть нѣкоторую хронологическую послѣдовательность. Первая группа старше третья самая поздняя. И такъ—въ первой группѣ въ заглавіяхъ мы встрѣчаемъ одно только слово прикладъ, во второй—прикладъ спірѣчь притча и уже прямо притча; въ третьей оба эти слова пропускаются. Тоже и въ текстѣ: нп. стр. 51 (изд. О. Л. Д. П.) въ I группѣ (рк. VIII и VI)—домъ есть лазня; во II гр.—рк. III домъ есть баня лазня; рк. I домъ есть лазня снѣ рѣчь баня. Въ VIII рк. I-й группы даже русское слово „вѣнникъ“ получило польскій обликъ „винникъ“, стр. 234 въ рк. VIII (I гр.): презъ казнодей и сповѣдники; въ I (II гр.) презъ дьявола, презъ казнодей и сповѣдники. Очевидно тутъ выраженіемъ презъ дьявола—объясняется презъ казнодей. Стр. 212. рк. VIII и VI (I гр.), мѣщанъ; III и I (II гр.) посацкихъ людей мѣщанъ; стр. 298—рк. VIII пелgrimовъ; III и I прихожіе люди пелgrimовъ; стр. 299 рк. VIII убогихъ, III и I убогихъ недостаточныхъ.

Несмотря на очевидное существованіе трехъ группъ, мы не можемъ, однако, доказывать существованіе трехъ разныхъ редакцій. Ближайшее разсмотрѣніе рукописей всѣхъ трехъ группъ убѣждаетъ насъ

несомненно въ томъ, что редакція была одна. Во всѣхъ рукописяхъ (за исключеніемъ XII и XIII) остовъ одинъ: 1) расположеніе большей части главъ одно и тоже; 2) польская глава 29, измѣнивъ свое положеніе, помѣщена въ одинаковой связи во всѣхъ спискахъ, даже въ рукописяхъ XII и XIII, а это не позволяетъ допустить даже для этихъ рукописей особой редакціи; 3) единогласно во всѣхъ рукописяхъ (даже и XII) вставлена глава, которой нѣтъ въ польскихъ изданіяхъ; 4) сохраненіе польской I главы — Объ униженіи суетной хвалы — въ рукописяхъ XII и XIII и пропускъ ея во всѣхъ остальныхъ могли бы наводить на мысль объ особой редакціи для этой группы, но отличія ея отъ польскихъ изданій и согласія въ этихъ отступленіяхъ съ остальными русскими не позволяютъ этого допустить. Въ виду этого слѣдуетъ признать, что редакція русскаго сборника была одна, съ теченіемъ времени по разнымъ причинамъ нѣкоторые рассказы перемѣняли свое мѣстоположеніе.

Если, мнѣ кажется, очевидно, что и рѣчи не можетъ быть о двухъ редакціяхъ, то иначе представляется вопросъ о разныхъ переводахъ. Одинъ ли былъ переводъ или болѣе?

На предположеніе о двухъ переводахъ наводятъ нѣкоторыя характерныя видоизмѣненія по группамъ. Такъ въ гл. 2 (Польск. 4) въ польскомъ текстѣ лат. *spelunca*, передано словомъ „*pustyni*“. Въ русскихъ текстахъ встрѣчаемъ тоже „въ пустыне“ только во II и III, въ остальныхъ же — „въ пещерѣ“. Тоже и въ заглавіи — польское *zady* переведено вѣрно „о судѣхъ“ только въ VIII, — въ остальныхъ „судбы“. Т. о. это слово уничтожаетъ возможность двухъ переводовъ даже для II рукописи. Въ гл. 7 (Польск. 10), какъ въ заглавіи, такъ и въ текстѣ есть намеки на возможность двухъ переводовъ. Такъ въ заглавіи — Польск. „*abyśmy*“ въ русской формѣ, „чтобы мы“ встрѣчаемъ въ рк. IV, V, VI, VII и VIII; въ I и III это передано, чтобы всѣхъ, во II опущено. Въ польскомъ текстѣ въ этой главѣ есть варианты: въ однихъ „*sprawiedliwy królował*“, въ другихъ „*sprawiedliwie królował*“. Въ русск. въ рк. IV—VIII „справедливый“ и въ I и III „справедливе царствовалъ“.

Гл. 11 стр. 159. Польск. 14 (стр. 112), а *skądby poszedł ten dziw i takowy upór a niewstydliva prosba onych pań* (Вар. *te dziwy i takowa niewstydliva prosba*). Въ русск. VI и VIII и оттуду (VI откуду) пошелъ таковъ дивъ и отчево таково ихъ нестыдливо (VI безпутливо) прошеніе бысть. Въ I „и отчево таковое изъ безстыдное женское прошеніе бысть“. Тамъ же: „*Widząc to on Papirius, młodzienszerek, powiedział senatorom tę rzecz wszystkę, której on przyczyną, był.*“ Лат. *Puer Papirius hoc videns dixit senatoribus rem gestam*. Русск. VI и VIII „видячи то онъ Попириусъ юноша повѣдалъ синаторамъ ту рѣчь

вск, еже онъ причиною былъ". Въ I и III. Видѣвши то онъ юноша Потиріушъ (III Потиріусъ) повѣдалъ сенаторемъ (sic! въ обѣихъ рк.) ту речъ всю—яко истезаніе принялъ отъ матери и тако ей повѣдалъ сію причину (III яко о матери и стenanъе причиною таковое).

Во всѣхъ рукописяхъ встрѣчается рядъ ошибокъ свидѣтельствующихъ объ одномъ источникѣ списковъ: стр. 50: I коралесу, III и VIII коралесу, VI королеву—вмѣсто польскаго *cora lasi—filia silvae*. Въ заглавіи гл. 9-й; въ рк. V, VI, VIII польск. *przujętych*—передано: пріятыхъ; въ I, III, IV пріятныхъ. Такъ же во всѣхъ рукописяхъ—уридика и только въ V прикащика, а во II правителя. За тѣмъ кромѣ второстепенныхъ измѣненій переводъ одинъ. Въ главѣ 15 въ заглавіи во всѣхъ рукописяхъ, даже II, польск. „*sady*“ (суды) передано „судбы“—это уже неслучайныя ошибки. Такъ же стр. 200 въ VIII презмысль, VI чрезъ мысль: въ III и I чрезъ смыслъ снотства вѣроятно изъ польск. *zmyslność*. Эта ошибка писца является въ Выкладѣ обычайномъ, котораго нѣтъ въ польскихъ изданіяхъ. Въ главѣ 25 (стр. 253) встрѣчаемъ вставки, которыхъ нѣтъ въ польск. „и того ради всѣмъ мила была“, „и тѣшилъ и веселился король велии о красотѣ дщери своей и сего дѣла не хотѣлъ ея отъ себя никому замужъ дать (въ VI послѣ того дѣла пропускъ цѣлаго листа). Такихъ общихъ ошибокъ, вставокъ и пропусковъ можно найти много. Они свидѣлствуютъ объ одномъ источникѣ для разныхъ списковъ. Слѣдуетъ думать, что основной переводъ былъ одинъ, но при нѣкоторыхъ спискахъ переписчики имѣли подъ рукою польскія изданія, съ которыми иногда справлялись.

А. Н. Пыпинъ высказалъ мнѣніе, что нѣкоторые повѣсти, занесенныя въ G. R., извѣстны были у насъ и по другимъ редакціямъ, и появились вѣроятно раньше Римскихъ дѣяній. Есть нѣкоторые признаки, подтверждающіе, что нѣкоторые рассказы римскихъ Д. пришли къ намъ изъ Византійскаго источника (очеркъ Лит. Ист. Пов. 195). Это мнѣніе вполне вѣрно для отдѣльныхъ повѣстей, существующихъ независимо отъ Р. Д. Дѣйствительно нѣкоторые изъ этихъ рассказовъ, какъ Исторія объ Аполлонѣ, житія св. Алексѣя, Евстафія и папы Григорія были извѣстны въ русскихъ переводахъ раньше составленія русскаго сборника Р. Д.; эти, однако, переводы не вошли въ нашъ сборникъ, а составители его сдѣлали новый переводъ по текстамъ, вошедшимъ въ польскія изданія Р. Д., тогда какъ польскій составитель этого сборника воспользовался уже готовыми, давно существовавшими переводами.

* * *

Р У О О К И Е О П И О К И.												
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
Им. О. Л. А. П.	Погод. 1714.	Погод. 1718.	Царск. 711.	Толст. I. 419.	Погод. 1775.	Тихомирова.	Толст. II. 15.	Царского 818.	Царского 440.	Погод. 1604.	Архивный.	П. К. Слюня.
1	—	37	37	—	36	36	34	36	2	34	—	
2	2	1	1	1	38	38	—		3	36	2	
3	3	2	2	2	1	1	1		5	1	3	
4	34	3	3	3	2	2	2			2	13	
5	4	4	4	4	3	3	3			3	4	
6	5	5	5	5	4	4	4			4	5	
7	6	6	6	6	5	5	5			5	6	
8	7	7	7	7	6	6	6			—	7	
9	10	8	8	8	7	7	7			6	10	
10	8	9	9	9	8	8	8			7	8	
11	9	10	10	—	9	9	9			8	9	
12	11	11	11	10	10	10	10			9	11	
13	12	12	12	11	11	11	11			10	12	
14	13	13	13	—	12	12	12			11	19	6
15	14	14	14		13	13	13			12	20	7
16	15	15	15		14	14	14			13	21	8
17	16	16	16		15	15	15			14	30	—
18	17	17	17		16	16	16			15	31	
19	18	18	18		17	17	17			16	22	9
20	19	19	19		18	18	18			17	23	10
21	20	20	20		19	19	19			18	24	11
22	21	21	21		20	20	20			19	25	12
23	22	22	22		21	21	21			20	14	1
24	23	23	23		22	22	22			21	15	2
25	24	24	24		23	23	23			22	16	3
26	25	25	25		24	24	24			23	17	4
27	26	26	26		25	25	25			24	18	5
28	27	27	27		26	26	26			25	26	13
29	28	28	28		27	27	27			26	—	
30	29	29	29		28	28	28			27	32	
31	30	30	30		29	29	29			28	33	
32	31	31	31		30	30	30			29	34	
33	32	32	32		31	31	31			30	35	
34	33	33	33		32	32	32			31	36	
35	—	34	34		34	34	—			33	38	
36	—	35	35		35	35	33		6	—	28	15
[37]	—	36	36		37	37	35	37	1	35	37	
[38]	36	—	—		33	33	—		—	32	—	
[39]	35	—	—		39	39	—		4	37	29	16
[40]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	27	14
[41]	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—

Польскія изданія.	Лат. по изд. Oesterlegy'a.	Нѣмецкія изд.	Чешскія изд.	Англійскія изд.	СОДЕРЖАНІЕ.	Соотношеніе рукописей 3-ей группы.			
						ХІІ	ХІІІ	ІІ	І
3	153	—	—	—	Исторія о Аполловѣ	—	—	—	—
4	80	—	—	—	О пустынникѣ	2	—	2	2
6	59	40	40	—	О цесарѣ Евпнине	3	—	3	3
7	57	36	36	—	О цесарѣ Титусѣ	4	—	4	5
8	56	—	—	—	О памяти смертной	5	—	5	6
9	102	109	109	—	О чернокнижникѣ	6	—	6	7
10	103	108	108	—	О трехъ мудростяхъ	7	—	9	8
11	120	39	39	—	О Даріи	8	—	8	10
12	119	—	—	—	О благодарности	9	—	9	11
13	124	—	—	—	О невѣрности женской	10	—	10	9
14	126	—	—	—	О невѣрности женской	11	—	11	12
15	128	—	—	—	О двухъ рыцаряхъ	12	—	12	13
16	172	—	—	—	О Гвидонѣ и Гирусѣ	13	—	14	4
17	171	—	—	—	О правдѣ и о любви	14	1	22	23
18	127	69	70	—	О справедливости Божіей	15	2	23	24
19	74	66	67	—	О золотомъ яблокѣ	16	3	24	25
20	136	29	29	—	О ворѣ сломившемъ ногу	17	4	25	26
21	143	64	65	—	О страшномъ судѣ	18	5	26	27
22	76	—	—	—	О двухъ лѣкаряхъ	19	6	13	14
23	106	50	51	—	О лести дьявольской	20	7	14	15
24	58	37	37	—	О законѣ короля Асмодуса	21	8	15	16
29	69	58	59	—	О королѣ Галлусѣ и плотникѣ	22	9	18	19
25	47	—	—	—	О трехъ волхвахъ	23	10	19	20
26	45	28	28	—	О королѣ и сыновьяхъ	24	11	20	21
27	63	—	—	—	О Веспасіанусѣ и его дочери	25	12	21	22
28	66	55	56	—	О королевской дочери	26	13	27	28
30	68	57	58	—	О невѣрной женѣ	27	14	—	—
31	70	61	62	—	О королевской дочери	28	15	—	36
32	72	—	—	—	О благородномъ сынѣ	29	16	35	39
33	73	65	66	—	О слѣпцѣ	30	—	16	17
34	18	—	—	—	О рыцарѣ и оленѣ	31	—	17	18
35	104	—	—	—	О рыцарѣ и львѣ	32	—	29	30
36	108	—	—	—	О двухъ разбойникахъ	33	—	30	31
нѣтъ	109	63	63	—	О скупои кузнецѣ	34	—	31	32
38	110	112	110	—	Житіе св. Евстафія	35	—	32	33
2	5	—	—	—	О важности и вѣрности	36	—	33	34
39	20	—	—	—	О цесарѣ Конрадѣ	37	—	—	37
37	15	—	—	—	Житіе св. Алексѣя	38	—	—	35
5	81	—	—	—	О зачатіи св. Григорія	—	—	28	29
1	8	—	—	—	О униженіи суетной хвалы	—	—	36	38
—	—	—	—	—	О дивномъ устроеніи нѣкотораго благодѣльца	1	—	1	—

Такимъ образомъ разсмотрѣвъ разные тексты русскихъ списковъ, я не могу прійти къ заключенію о существованіи разныхъ переводовъ. Въ основѣ разныхъ списковъ лежалъ одинъ переводъ, но писатель могъ имѣть передъ собою и польскій текстъ, по которому измѣнялъ имѣвшійся у него готовый, а въ большинствѣ случаевъ измѣнялъ только старый переводъ сообразно своему вкусу. Измѣненія эти переписчики дѣлали очень свободно, и мы не имѣемъ даже двухъ тождественныхъ рукописей. На русскихъ спискахъ, т. о., наблюдается здѣсь тоже, что уже замѣчено въ латинскихъ—нѣтъ даже двухъ вполнѣ одинаковыхъ рукописей.

Итакъ, въ общемъ русская редакція составляетъ переводъ съ печатнаго польскаго изданія, но по изданію еще не разысканному, и такимъ образомъ это не болѣе древняя редакція, чѣмъ тѣ, которыя появлялись въ печати въ западной Европѣ, и текстъ ея не несетъ слѣдовъ непосредственнаго вліянія греческихъ текстовъ, а есть переводъ самой поздней изъ появившихся въ печати въ западной Европѣ редакцій, а именно—польской.

Городское населеніе Новгородской области въ XVI вѣкѣ.

А. Г. Ильинскаго.

Предлагаемая вниманію читателей „Историческаго Обзорѣнія“ статья „Городское населеніе Новгородской области въ XVI в.“ принадлежитъ перу ученаго, скончавшагося двадцать лѣтъ тому назадъ,— А. Г. Ильинскаго. Печатаая ее на страницахъ органа Историческаго Общества, мы позволимъ себѣ присоединить къ ней нѣсколько вступительныхъ словъ въ поясненіе ея происхожденія и того вида, въ которомъ она появляется теперь въ свѣтъ.

Покойный А. Г. Ильинскій, уроженецъ Курской губерніи, первоначальное воспитаніе получилъ въ Бѣлгородской семинаріи, откуда поступилъ въ Петербургскую духовную академію. Изъ послѣдней онъ въ 1868 г. перешелъ, впрочемъ, на филологическій факультетъ Петербургскаго университета, гдѣ скоро обратился къ спеціальнымъ занятіямъ по русской исторіи, подъ руководствомъ проф. К. Н. Бестужева-Рюмина. Черезъ два года онъ вынужденъ былъ по независявшимъ отъ него обстоятельствамъ покинуть Петербургъ и перешелъ въ Харьковскій университетъ, гдѣ продолжалъ заниматься русской исторіей, найдя себѣ умѣлаго руководителя и вмѣстѣ человѣка, тепло и сердечно относившагося къ нему, въ лицѣ проф. Н. Я. Аристова. Окончивъ здѣсь курсъ въ 1873 г., Ильинскій былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ кафедрѣ русской исторіи и немедленно приступилъ къ работѣ надъ магистерскою диссертацией, которая должна была представлять изъ себя изслѣдованіе „о правыхъ налогахъ Московскаго государства въ XVI в.“ Тему эту молодой ученый ставилъ очень широко. „Такъ какъ,— писалъ онъ въ томъ отрывкѣ своей работы, который еще при его жизни увидѣлъ свѣтъ,—такъ какъ значеніе податной системы и вліяніе ея на раз-

ныя стороны быта не могутъ быть оцѣнены иначе, какъ только сравнительно съ измѣненіями, которымъ въ разное время подвергались податные классы въ ихъ количествѣ, составѣ и платежныхъ силахъ, то мы нашли необходимымъ, прежде чѣмъ приступить къ изученію самой системы налоговъ XVI вѣка, опредѣлить, насколько позволяютъ источники, численность, составъ и размѣръ платежныхъ силъ податныхъ классовъ¹⁾. Согласно такому плану, первая часть задуманнаго изслѣдованія должна была быть посвящена экономическому положенію городовъ и волостей московскаго государства въ XVI в., и только вторая часть — финансовой политикѣ правительства²⁾. Около трехъ лѣтъ усидчиваго труда было положено Ильинскимъ на собираніе матеріаловъ для своей темы въ архивахъ и бібліотекахъ Москвы и Петербурга, причемъ эта работа была лишь на время прервана сдачею магистерскаго экзамена въ 1874 г. За эти годы онъ работалъ въ Румянцевскомъ музеѣ, въ московскихъ архивахъ министерства юстиціи и иностранныхъ дѣлъ (особенно въ двухъ послѣднихъ), въ археографической комиссіи и въ бібліотекѣ академіи наукъ. Главнымъ матеріаломъ для него являлись писцовыя книги XVI в., которыя онъ и изучилъ всѣ, какъ изданныя, такъ и оставшіяся въ рукописи, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изучалъ и разнообразныя акты XV—XVI вв. Нерѣдко въ этихъ занятіяхъ онъ встрѣчалъ препятствія, которыми иногда и до сихъ поръ обставляются у насъ ученыя работы. Доступъ въ архивы оказывался сопряженнымъ съ затрудненіями, которыя приходилось преодолевать личною настоячивостью и рекомендаціями вліятельныхъ въ ученомъ мірѣ лицъ; чтобы продлить черезчуръ краткій срокъ, положенный для архивныхъ занятій, надо было прибѣгать къ различнымъ невиннымъ хитростямъ, вродѣ щедрой платы сторожамъ. Даже экземпляръ подготовлявшагося тогда Н. В. Калачовымъ изданія писцовыхъ книгъ XVI в. Ильинскій могъ получить лишь съ большимъ трудомъ. И въ собственно ученой средѣ работа молодого изслѣдователя не всегда вызывала сочувствіе. Одинъ изъ московскихъ профессоровъ-историковъ, теперь тоже уже покойный, заявилъ даже ему, что удивляется его темѣ, которая скорѣе относится къ области финансоваго права, чѣмъ къ исторіи, и прибавилъ, что въ Москвѣ подобной диссертациі не приняли бы. Все это не охлаждало Ильинскаго и, перебравшись

¹⁾ „Городское населеніе Новгородской области въ XVI в.“ Ж. М. Н. Пр., 1876, іюнь, стр. 210.

²⁾ Это указаніе, какъ и нѣкоторыя другія ниже, мы заимствовали изъ писемъ А. Г. Ильинскаго къ Н. Я. Аристову и В. И. Семеvскому, сообщенныхъ намъ послѣднимъ.

въ 1875 г. въ Петербургъ, онъ, продолжая изученіе источниковъ, принялся за обработку собраннаго уже матеріала. Въ іюнѣ 1876 г. въ Журналъ М. Н. Пр. появилась его статья, цитированная нами выше и представлявшая собою небольшой отрывокъ задуманной работы. Статья эта обратила на себя вниманіе специалистовъ, но автору ея не довелось болѣе видѣть своихъ трудовъ въ печати. Усиленный трудъ и плохая матеріальная обстановка надорвали его силы; у него обнаружилась опасная грудная болѣзнь, вынудившая его на время прервать работу. Проведя лѣто 1876 года въ Крыму, онъ вернулся было въ Петербургъ, но скоро вынужденъ былъ вновь уѣхать въ болѣе теплый климатъ и отправился въ Тифлисъ, гдѣ прожилъ до конца 1877 г. За это время онъ успѣлъ лишь обработать вторую главу (вчернѣ она была написана имъ еще до поѣздки въ Крымъ) очерка, начатаго печатаніемъ въ Ж. М. Н. Пр., хотя и не признавалъ еще ее годной для печати, такъ какъ у него не было подъ рукой всѣхъ необходимыхъ ему книгъ. Болѣзнь между тѣмъ быстро дѣлала свое разрушительное дѣло, и 21 дек. 1877 г. Ильинскій умеръ, всего 28 лѣтъ отъ роду.

Въ появившемся тогда же ¹⁾ некрологѣ, написанномъ товарищемъ и близкимъ другомъ покойнаго, В. И. Семевскимъ, было высказано пожеланіе, чтобы оставшіеся послѣ него матеріалы и работы были изданы въ свѣтъ. Позднѣе бумаги Ильинскаго и были доставлены его братомъ П. Г. Ильинскимъ В. И. Семевскому. Помимо таблицъ, составленныхъ по писцовымъ книгамъ, и груды выписокъ изъ неизданныхъ актовъ, помимо этихъ собранныхъ покойнымъ ученымъ матеріаловъ, истинный ключъ къ которымъ потерялъ съ его смертью, и нѣсколькихъ черновыхъ и неоконченныхъ работъ, въ нихъ нашлась и упомянутая выше вторая глава очерка „Городское населеніе новгородской области въ XVI в.“, печатаемая теперь, причемъ, по желанію В. И. Семевского, пишущій эти строки принялъ на себя ея редакцію. Можетъ явиться вопросъ, стоило ли печатать статью, написанную двадцать лѣтъ назадъ, статью, которой не былъ вполне доволенъ самъ авторъ ея. Мы рѣшили отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно, и вотъ по какимъ соображеніямъ. Наша историческая наука движется впередъ далеко не съ особенно значительною быстротою. За двадцать лѣтъ, прошедшія со смерти Ильинскаго, въ литературѣ не появилось труда, подобнаго тому, какой онъ замышлялъ, и вопросъ, который онъ задумывалъ рѣшить во всемъ его объемѣ, пока разрабатывается лишь по частямъ. Быть можетъ, въ результатъ получится рѣшеніе тѣмъ болѣе прочное и

¹⁾ Въ „Русской Старинѣ“ 1878 г. т. XXI, стр. 541—545.

глубокое, но во всякомъ случаѣ и лепта покойнаго историка въ этотъ коллективный трудъ не такъ запоздала, чтобы можно было ее отвергать. Правда, та спеціальная тема, которой посвящена данная статья Ильинскаго, была нѣсколько времени назадъ разработана въ литературѣ ¹⁾, но и это обстоятельство на нашъ взглядъ не служитъ препятствіемъ къ появленію его статьи въ печати. Кругъ его источниковъ значительно шире, нежели у послѣдующаго изслѣдователя: онъ знаетъ оставшіяся неизвѣстными послѣднему неизданныя писцовыя книги городовъ, знаетъ и писцовыя книги уѣздовъ, отъ привлеченія которыхъ къ изслѣдованію уклонился позднѣйшій ученый, и извлекаетъ изъ нихъ немало любопытныхъ и важныхъ свѣдѣній для освѣщенія быта городского населенія. Помимо того, самая постановка изслѣдованія у него въ значительной мѣрѣ иная. Далеко не всѣ выводы, къ которымъ онъ приходитъ, можно считать безспорными и, — можно прибавить, — самъ онъ не скрываетъ значительной доли гадательности, имѣющейся въ нихъ. Тѣмъ не менѣе уже одна попытка дать опредѣленный отвѣтъ на такіе вопросы, какъ распредѣленіе занятій между городскимъ населеніемъ или степень точности послѣдняго, представляетъ глубокий интересъ, и если скудость матеріаловъ, находившихся въ распоряженіи изслѣдователя, не позволила ему прійти къ непоколебимымъ результатамъ, оставивъ его положенія лишь приблизительными, то въ пути, какимъ онъ шелъ къ рѣшенію своей задачи, и въ самомъ этомъ рѣшеніи имѣется все же не мало поучительнаго. Не надо забывать къ тому же, что выводы, полученные изъ наблюденій надъ одною областью, должны были быть провѣрены еще такимъ же изслѣдованіемъ надъ матеріаломъ другихъ областей. Работа, закончить которую помѣшала Ильинскому смерть, можетъ быть выполнена силами другихъ изслѣдователей, но во всякомъ случаѣ вопросы, поставленные въ этой работѣ и глубоко захватывающіе сущность древне-русской жизни, врядъ-ли могутъ быть обойдены исторической наукой.

Остается сказать, въ чемъ собственно заключалось наше редактированіе данной статьи. Мы, конечно, не считали себя въ правѣ измѣнять текстъ покойнаго историка, ни даже модернизировать его ссылки на источники. Но, какъ мы уже говорили, данная работа осталась послѣ него не вполне обработанной и самъ авторъ не во всемъ былъ доволенъ ею. Слѣды этого недовольства сохранились и въ самой рукописи, на поляхъ которой Ильинскимъ сдѣланы были помѣтки о необходимости удалить или передѣлать то или другое

¹⁾ Чечулинъ. Города московскаго государства въ XVI в. СПб. 1889 г. Глава I: „Пригороды Новгородской области“.

мѣсто въ ней. Переработки мы, понятно, не могли взять на себя, но рѣшились включить нѣкоторые, указанные авторомъ, добавленія и поправки, равно какъ удалить изъ статьи нѣсколько мѣстъ, самимъ авторомъ признанныхъ за слабыя. Такихъ исключеній сдѣлано однако въ общемъ немного и всѣ они невелики, за исключеніемъ двухъ мѣстъ, болѣе значительныхъ по размѣрамъ. Въ одномъ изъ нихъ авторомъ сдѣлана была попытка опредѣлить площадь дворовъ въ городахъ XVI в. по даннымъ описи 1569 г. относительно Корелы, Орѣшка и Ладуги, въ другомъ—опъ опредѣляетъ населенность посадскаго двора. Первое мѣсто исключено нами въ виду того, что авторъ не исчерпалъ данныхъ, относящихся къ затронутому имъ вопросу, построивъ свой выводъ лишь на меньшей части этихъ данныхъ; второе — самимъ авторомъ отмѣчено, какъ неудовлетворительное, и въ виду этого приговора, съ которымъ и мы согласны, мы не сочли возможнымъ напечатать его. Помимо этого нами лишь проверены нѣкоторые ссылки на печатные источники, въ правильности которыхъ сомнѣвался авторъ, и произведены въ немногихъ случаяхъ кое-какія стилистическія поправки, неизбежныя въ виду того, что рукопись, съ которой печатается статья, представляетъ изъ себя все же лишь черновую работу.

В. Мякотинъ.

Городское населеніе новгородской области въ XVI вѣкѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ ¹⁾).

А. Г. Ильинскаго.

I.

Выводы, къ которымъ привело насъ разсмотрѣніе рядовскихъ поселковъ, относятся и къ поселкамъ, собственно называемымъ городскими, такъ какъ и тѣ и другіе принадлежатъ къ одному и тому же разряду—торгово-промышленныхъ поселковъ. Единственнымъ отличіемъ поселковъ, называемыхъ собственно городскими, отъ рядовскихъ было присутствіе въ первыхъ крѣпостей и служилыхъ людей, придававшихъ поселкамъ характеръ военныхъ и административныхъ центровъ приписанныхъ къ нимъ уѣздовъ.

Городъ XVI вѣка въ новгородской области, какъ и въ остальной Россіи, состоялъ изъ двухъ частей: *юрода*, собственно такъ называемаго, а иногда обозначаемаго именемъ острога, и *посада*.

Острогъ составлялъ совершенно отдѣльную часть городского поселка и служилъ исключительно военнымъ складомъ и помѣщеніемъ высшей уѣздной административной и военной власти; въ военное время за стѣнами его находило временный пріютъ окрестное населеніе. Иныя города за острогомъ оставалось и тогда, когда при немъ совсѣмъ не было приселка—посада. Такихъ городовъ было очень много въ пограничныхъ мѣстностяхъ; населеніе ихъ слагалось изъ

¹⁾ См. Журналъ М. Н. Пр., 1876, июль.

воеводъ, тіуновъ, пищальниковъ, воротниковъ, пушкарей и казаковъ. Такимъ же составомъ населенія отличались и тѣ изъ городовъ-остроговъ, которые потеряли свои укрѣпленія, стали городищами, но сохранили значеніе военно-административнаго центра для приписанныхъ къ нимъ уѣздовъ; таковы Деманъ и Высокій, населеніе которыхъ въ началѣ XVI в. состояло изъ намѣстниковъ, тіуновъ и дворника. ¹⁾ Отсюда можно заключать и о составѣ населенія остроговъ, имѣвшихъ при себѣ приселокъ.

Что касается посада, то мы видѣли уже его отдѣльно отъ острога, самостоятельно существующимъ въ волостяхъ, какъ промышленно-торговый поселокъ; видѣли также, что въ этомъ видѣ посады и рядокъ были въ понятіяхъ современниковъ и по самому существу дѣла тождественны ²⁾. Единственнымъ отличіемъ городского посада отъ волостного посада и отъ рядка было присутствіе въ населеніи перваго служилаго элемента. Но съ одной стороны, какъ мы увидимъ ниже, процентъ служилыхъ людей былъ весьма слабъ въ населеніи городскихъ посадовъ; съ другой стороны онъ не былъ чуждъ и рядовскимъ поселкамъ, но являлся здѣсь, какъ землевладѣльческій, какъ въ рядку Витчѣ, въ Тростнахъ; въ селѣ Грузинѣ встрѣчается даже 1 дворъ пушкарскій ³⁾, какъ видно, наблюдавшій за приготовленіемъ земли (дворъ зелейный). Такимъ образомъ не видно никакихъ существенныхъ отличій между рядовскими поселками и городскими посадами.

Мы видѣли, что общій характеръ населенія рядковъ былъ торгово-промышленный, такъ что названіе *рядовичъ* обозначало торговца, ремесленника или вообще человѣка, занимавшагося промыслами, которые теперь мы называемъ городскими; кромѣ того въ сѣверной половинѣ новгородской области этимъ же именемъ назывались и рыболовы. Городскіе посадскіе жители точно также назывались вообще рядовичами.

Но, какъ видно, уже въ началѣ XVI вѣка въ городахъ стало устанавливаться болѣе точное разграниченіе промышленныхъ классовъ и безразличное употребленіе имени рядовичъ сохранилось только въ собственно такъ называемыхъ рядовскихъ поселкахъ. Въ городахъ названіе рядовичъ стало обозначать спеціально торгово-промышленный классъ и рыболовы выдѣлялись въ особый классъ посадскихъ людей. Такъ, г. Корѣла въ 1500 г. описывается слѣдующимъ образомъ: „Въ Воцкой пятинѣ городъ Корѣла на р. Узерьѣ. А се дворы на посады:

¹⁾ Новг. писц. кн. II, 499; Арх. Мин. Юст., н. кн. № 706.

²⁾ Моя статья въ Журн. М. Н. Пр., 1876, июнь, с. 243.

³⁾ Тамъ же, с. 222, 252, 256.

лучшихъ людей: *рядовыхъ* 15 дв., а *рыболовей* лучшихъ людей 15 дв.; а молодыхъ людей на посадѣ: *рядовыхъ* 32 дв., а *рыболовей* 106 дв.; молодыхъ людей на посадѣ безъ промыслу 20 дв. На посадѣ жъ своеземцевъ тяглыхъ 6 дв.; дѣтей боярскихъ и служилыхъ людей помѣщиковъ и своеземцевъ 14 дв., поповыхъ 6 дв. На посадѣ жъ нетяглые дворы: пищальниковъ и воротниковъ 9 дв.¹⁾. Такимъ образомъ рядовые люди рѣзко отличены съ одной стороны отъ рыболововъ, съ другой—отъ людей безъ промысла. Общимъ именемъ для всѣхъ этихъ классовъ (рядовыхъ, рыболовей, людей безъ промысла) въ началѣ XVI вѣка служило названіе *городчанъ*: такъ въ Ямѣ, Орѣшкѣ и Ладогѣ отличается, кромѣ служилыхъ людей, только два класса посадскихъ жителей—своеземцы и городчане²⁾. Но къ половинѣ XVI вѣка и частное дѣленіе посадскихъ людей на классы рядовыхъ, рыболовей и пр. и слишкомъ обобщенное названіе ихъ *городчанами* вытѣсняются болѣе опредѣленными именемъ *посадскихъ*—въ значеніи производительнаго класса жителей посада, класса, живущаго торговлей и разнообразными промыслами, которые мы называемъ городскими.

Въ описи городовъ Корѣлы, Орѣшка и Ладоги 1569 г.³⁾, уже нѣтъ и помину о дѣленіи на крупныя группы рядовичей, рыболовей и пр.; обозначено множество занятій жителей, какъ напр. портные, рыболовы, мясники, торговые люди и пр. и пр., но всѣ они называются общимъ именемъ „посадскихъ“. Такимъ образомъ можно предполагать, что къ половинѣ XVI вѣка въ новгородской области окончательно установились спеціальныя названія жителей: волостныхъ торгово-промышленныхъ поселковъ—рядовичами безъ различія ихъ занятій, городскихъ торгово-промышленныхъ поселковъ—посадскими, также безъ различія ихъ занятій (торговцевъ, ремесленниковъ, рыболововъ и пр.).

Однако въ болѣе точномъ разграниченіи собственно посадскихъ отъ находившихся внѣ ихъ состава въ описяхъ половины XVI вѣка, сравнительно съ описями начала столѣтія, встрѣчается нѣкоторое затрудненіе. Дѣло въ томъ, что внѣстѣ съ постепеннымъ усиленіемъ централизаціи въ правительствѣ постепенно пробуждалось и стремленіе всѣ разнообразныя соціально-экономическія мѣстные интересы подвести подъ одинъ общій государственный, точнѣе—подъ одинъ интересъ фиска. Это привело къ системѣ всеобщаго прикрѣпленія

¹⁾ Временникъ, кн. 12, с. 1—6.

²⁾ Временникъ, кн. 11, с. 112—115; Новг. п. кн., III, 879—886, 957—960.

³⁾ Архивъ Мин. Інн. Дѣлъ, по Новг., № 7, лл. 207 и дал., 290 и дал., 456 и далѣе.

населенія къ землѣ. Первые шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы по отношенію къ городамъ и къ нимъ прежде всего была принята система, приведшая къ закрѣпощенію какъ сельскаго, такъ и городского жителя. Вся земля, занятая городами, была раздѣлена, на основаніи прежде распредѣленныхъ тяголъ, на тяглые и нетяглые участки. Въ описяхъ городовъ 1500 г. мы замѣчаемъ обязанными тяглою (оброками) лица, а не мѣста. Такъ, въ описи г. Ладоги 1500 г. замѣчено: „нетяглыхъ дворовъ на посадѣ—1 дворъ, а въ немъ два дворника, а съ городчаны въ оброкъ тянутъ ¹⁾“; въ описи г. Орѣшка: „се дворы своеземцевы, а въ нихъ живутъ дворники—17 дворовъ; а дворники съ горожанъ тянутъ ²⁾“. То-есть, дворы собственно были нетяглые, такъ какъ они принадлежали служилымъ людямъ—своеземцамъ, но дворники были люди тяглые и обязаны были тянуть вмѣстѣ съ остальными посадскими во всякіе потуги. Къ половинѣ XVI вѣка установилась система обложенія съ лицъ и мѣстъ вмѣстѣ. По описямъ 1569 г. въ городахъ Корѣлѣ, Орѣшкѣ и Ладогѣ считалось нетяглыхъ дворовъ всего 34¹/₂ и 8 мѣстъ дворовыхъ, а остальные дворы были тяглые, не смотря на то, что лица, занимавшія ихъ, принадлежали иногда къ нетяглымъ, какъ напр. попы, пушкари, толмачи: „дворъ (общественное зданіе)—мѣсто черное—губныхъ старость“ и пр. ³⁾. На основаніи этой системы единственное дѣленіе городскихъ жителей, признанное правительствомъ, было дѣленіе не по занятіямъ, а по тягламъ, и все городское населеніе раздѣлилось на два разряда: черныхъ (тяглыхъ) и бѣлыхъ (нетяглыхъ) людей, причемъ нетяглыми считались только тѣ, которые занимали необложенныя тяглою мѣста ⁴⁾, и наоборотъ. Затрудненіе состоитъ въ томъ, чтобы въ населеніи, обозначенномъ тяглыми, отличить посадскихъ людей отъ всякихъ другихъ не-посадскихъ элементовъ.

Мы увидимъ, что населеніе городовъ новгородской области въ XVI в. состояло изъ трехъ группъ: а) посадскихъ людей (рядовичей, рыболовей и работниковъ), б) служилыхъ людей (военныхъ и гражданскихъ) ⁵⁾ и в) духовныхъ. Далеко не всѣ поселки, называемые

¹⁾ Новг. писц. кн., III, 959.

²⁾ Временникъ, кн. 11, с. 118.

³⁾ Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, по Новг. № 7, лл. 207, 290, 456.

⁴⁾ Занятіе нетяглаго мѣста не было свободно: оно занималось только нетяглыми людьми.

⁵⁾ Включая земцевъ. Мы останавливаемся на опредѣленіи земцевъ К. П. Бестужева-Рюмина (Р. Ист., I, 347): „подъ земцами, говорять онъ, кажется, слѣдуетъ понимать тѣхъ, у кого были помѣстья (корми)“. Добавимъ, что въ описяхъ конца XV вѣка названія земцы и своеземцы употребляются какъ тождественныя и постоянно смѣшиваются, а въ описяхъ половины XVI

городами, имѣли всѣ эти три группы населенія, а потому не всѣ имѣли и одинаковое экономическое значеніе. Конѣцъ XV и начало XVI вѣка застали нѣсколько городовъ новгородской области, которые во все продолженіе XVI столѣтія не выходили изъ положенія городищъ и остроговъ.

Московское завоеваніе застало немного городовъ на новгородской территоріи. Въ 1404 г. князьямъ Симеону Мстиславичу Вяземскому и Юрію Святославичу Смоленскому съ сыномъ и братомъ новгородцы дали въ кормленье 13 городовъ: Тиверскій, Ладогу, Орѣшекъ, Корѣлу, Копорье, Яму, Русу, Торжокъ, Волокъ Ламскій, Порховъ, Вышгородъ, Высокое и Кошкинъ городецъ ¹⁾. Къ концу XV вѣка изъ этихъ городовъ несомнѣнно сохранилось девять; изъ остальныхъ четырехъ о Тиверскомъ въ продолженіе всей дальнѣйшей исторіи совсѣмъ не упоминается и даже его мѣстоположеніе точно не опредѣлено; известно только, что онъ былъ въ Водской пятинѣ, въ Кореліи или въ Лопи; о Кошкинѣ упоминается въ духовной Ивана IV 1572 г.; Вышгородъ считался погостомъ, вѣроятно, со времени истребленія его псковичами въ 1471 г. ²⁾, а Торжокъ и Волокъ Ламскій отошли къ Москвѣ. Не сохранился же и неупоминаемый здѣсь „владычній городокъ“ Молятицы ³⁾, около 1495 г. оказывающійся погостомъ ⁴⁾, а также и городъ Марфы Исаковой—Берестовецъ, въ 1495 г. оказывающійся „городищемъ“. Кромѣ названныхъ въ 1404 г. девяти городовъ въ описяхъ 1495 г. упоминаются еще городки Деманъ и Курскъ ⁵⁾. Къ концу же XV вѣка появляются города Холмъ и Иванъ

вѣка названіе своеземцы совсѣмъ исчезаетъ и всюду замѣняется именемъ земцевъ. Это, быть можетъ, служитъ опредѣленіемъ корми въ разные времена—въ періодъ самостоятельности Новгорода и въ московскій періодъ.

¹⁾ IV Новгород. лѣт., с. 107, 144—б, Карамзинъ, V, прим. 195.

²⁾ Писц. кн. Шелонской пятинъ 1550—51 г.: „погостъ Вышгородскій, а на немъ двѣ церкви; пашни подъ *городищемъ* церковные въ одномъ полѣ б коробей ржи, а въ дву потому жъ. Стоитъ на царя и в. кн. землѣ; а далъ ту пашню кн. Ив. Дм. Тулузовъ“. (Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, по ст. кат., книгъ боярскихъ № 1_б, по нов. кат. писц. кн. № 4_б, стр. 472).

³⁾ П. С. Р. Л. III, 101; IV Новгород., 104 (1401 г.).

⁴⁾ „Волость в. князя Молятицы, что бывала владычна“, 1 церковь, „да на *городищѣ* дворъ волостелинъ, а на церковной землѣ 3 дв. церк.“ Новгород. писц. кн. I, с. 652.

⁵⁾ Новгород. писц. кн. II, с. 499 и въ „оглавленіи“. Деманъ упоминается еще въ 1440 г. (П. С. Р. Л. III, 113) а въ 1482 г. онъ былъ отданъ Ѳ. Бѣльскому въ отчину (Карамзинъ, VI, с. 106). Что касается до Берестовца, то онъ еще около 1495 г. былъ не болѣе, какъ „городище“, и дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ не имѣется. Въ этомъ году онъ описывается такъ: „Волость в. князя Берестовецъ Марфинская Исаковы на Селигерѣ озерѣ, что была за княземъ за Иваномъ. На городищѣ церковь, да дворъ большой (т.-е. помѣщичій). На

городъ. Время возникновенія перваго въ точности неизвѣстно, но, кажется, Неволинъ въ Холиовскомъ погостѣ, упоминаемомъ въ договорѣ Новгорода съ Казиміромъ въ 1471 г., видитъ намекъ на Холмъ ¹⁾; несомнѣнно, что въ 1504 г. онъ уже существовалъ какъ городъ ²⁾. Что касается до Ивангорода, то онъ былъ основанъ въ 1492 г., а черезъ четыре года уже успѣлъ подвергнуться отъ шведовъ сожженію и разграбленію ³⁾, отъ котораго онъ впрочемъ быстро оправился.

Такимъ образомъ къ началу XVI вѣка въ новгородской области было, считая и Великій Новгородъ, всего 14 городовъ, а именно: Корѣла, Орѣшекъ, Ладога, Копорье и Яма — въ Водской пятинѣ, Ивангородъ, Старая Руса, Порховъ, Высокій и, быть можетъ, и Кошкинъ — въ Шелонской пятинѣ, Деманъ, Курскъ, Холмъ — въ Деревской пятинѣ и наконецъ — самъ Господинъ Великій Новгородъ.

Однако, съ одной стороны не всѣ они могутъ быть въ экономическомъ отношеніи причислены къ городамъ. Такъ, городки Деманъ и Высокій совсѣмъ не имѣли посадскаго населенія. Первый около 1495 г. представлялъ такой видъ: „Городокъ Деманъ. На городищѣ церкви; на городищѣ жъ 2 дв. церковныхъ; на городищѣ жъ дворъ наместничъ. А на посадѣ: монастырь, а въ немъ игуменъ, а на монастырской землѣ 2 дв. церковныхъ, напши у нихъ пѣтъ; на посадѣ жъ дворъ тиунъ“ ⁴⁾. Городокъ Высокій въ 1523—24 г. имѣлъ только 1

посадъ жъ на церковной землѣ 3 двора церковныхъ; а у Спаса въ монастырѣ игуменъ, да на монастырской землѣ 8 двора церковныхъ. А тяглыхъ людей на посадѣ 45 дв. (49 чел.; у Неволіна, Пятинъ, прил., с. 205, повѣрно 44 дв.); на Шебетныхъ 2 дв. (2 чел.); сѣють ржи 75 коробей, а сѣна косятъ 500 копей, 32 обжа“. (Новг. писц., кн. I, с. 610). Судя по количеству высѣваемого хлѣба (немного болѣе 1½, коробей на дворъ; въ окружныхъ деревняхъ въ среднемъ приходилось на дворъ по 2 и 1½, коробей) Берестовецъ уже около 1495 г. обратился въ село и населеніе его занималось исключительно земледѣліемъ. Кстаті сопоставимъ слѣдующіе факты: Берестовецъ въ качествѣ города принадлежалъ Марфѣ Исаковой, Молвитичи были владѣльческимъ городомъ; есть намеки на то, что Копорье было собственностью новгородскихъ князей, о чемъ см. Карамзинъ, IV, с. 80—82, пр. 159; IV Новг. лѣт., 100, 140; Карамзинъ, V, пр. 107. Добавимъ, что въ писцовой книгѣ 1500 г. называется „деревня городокъ Савино“ (Временникъ, 11, 454), слишкомъ напоминающій фамильное названіе, какъ и Кошкинъ, Кошкинъ.

¹⁾ Собр. сочиненій, т. VI, „Списокъ городовъ“; Карамзинъ, VI, примѣчаніе 42.

²⁾ Записаніе Ивана III 1504 г.: „въ Новгородской землѣ даю ему городъ Холмъ“. Др. Р. Визл. 2, 417.

³⁾ Въ 1496 г. авг. 28. П. С. Р. Л. III (II повг.), 144 и 146; Никон. VI, 149.

⁴⁾ Новг. писц. кн., II, 499.

историч. обозначеніе, т. IX.

церковь, 1 дворъ намѣстничъ и 1 дворъ тиунъ ¹⁾). Хотя оба эти города и упоминаются въ завѣщаніи Ивана IV 1572 г. ²⁾), тѣмъ не менѣе неизвѣстно, приобрѣли ли они въ продолженіе XVI вѣка значеніе настоящихъ городовъ или нѣтъ ³⁾). Съ другой стороны изъ названныхъ четырнадцати городовъ о трехъ ничего неизвѣстно, кромѣ именъ; таковы Кошкинъ, Курскъ и Холмъ. О Кошкинѣ неизвѣстно даже, гдѣ онъ находился. Если Кошкинъ одно и то же съ Коншинъ городкомъ, то его должно искать въ Шелонской пятицѣ, но какъ городъ, уже въ началѣ XVI вѣка несуществовавшій. Писцовая книга дворцовыхъ волостей Шелонской пятицы 1523—24 г. помѣщаетъ волость Жадрицы въ районѣ территоріи Коншина города: „волость Жадрицы Олферовская Ив. сына Афонасова въ Коншинѣ городѣхъ“ ⁴⁾). Коншинъ упоминается въ завѣщаніи Ивана III 1504 г. и Ивана IV 1572 г. Курскъ, по всей вѣроятности, существовалъ во все продолженіе XVI вѣка, какъ городъ; но крайней мѣрѣ о немъ упоминаютъ, какъ о городѣ, завѣщаніе Ивана III 1504 г. и завѣщаніе Ивана IV 1572 г. ⁵⁾), а послѣ московскаго разоренія онъ оказывается въ 1619—20 г. „рядкомъ Курское городище“ ⁶⁾). О Холмѣ въ продолженіе всего XVI вѣка идутъ непрерывныя упоминанія: въ 1555 г. Холмскій уѣздъ приписанъ по суду къ Торопцу ⁷⁾); въ 1580 г. литовцы берутъ Холмъ ⁸⁾); въ 1611 г. губной староста А. Обутковъ собираетъ съ него оброчныя, пищальныя и др. деньги ⁹⁾); наконецъ послѣ московскаго разоренія въ 1619—20 г. онъ является „рядкомъ на Холму“ ¹⁰⁾).

Итакъ, остается девять городовъ, сохранившихъ въ продолженіе XVI в. типъ древне-русскихъ городовъ-посадовъ и имѣвшихъ, хотя и не въ одинаковыхъ размѣрахъ, полный составъ населенія изъ трехъ группъ. Эти города были: Копорье, Порховъ, Корѣла, Орѣшекъ, Ладога, Яма, Ивангородъ, Старая Руса и Новгородъ.

Г. Копорье въ 1500 г. описывается такимъ образомъ: „Г. Копорья

¹⁾ Арх. Мин. Юст., кн. № 706.

²⁾ Доп. къ Акт. Ист., I, № 222.

³⁾ О Деманѣ въ Ист. рос. іер. IV, 13 прим.: „Деманъ... Литовцами разоренъ и выжженъ до основанія; послѣ былъ возобновленъ полъ именемъ *Городища*, какъ пишется и въ житіи в. кн. Ивана Васильевича, и послѣ опять уничтоженъ“.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. № 706, 214.

⁵⁾ Доп. къ А. И., I, № 222. Др. Р. Писл., 2, 417.

⁶⁾ Неволинъ, Пятины, прил., с. 370.

⁷⁾ Доп. къ А. И., I, № 78.

⁸⁾ Карамзинъ, IX, 185, прим. 550.

⁹⁾ Доп. къ А. И., I, № 161.

¹⁰⁾ Неволинъ, Пятины, прил., с. 370.

на рѣкѣ на Копорѣ. На посадѣ дворы городскихъ людей — 11 дв. 11 чел. чер. и 1 дв. казака. А по старому письму впути города и на посадѣ (было) 18 дв.—А внутри города дворъ в. князя, дворъ намѣстничъ и 1 дв. пустъ; да воротники и сторожи: внутри города— 4 дв., на посадѣ 2 дв.; да на посадѣ 1 дв. пищальника да 1 дв. тиунъ ¹⁾“. И такъ по старому письму всего было 18 дворовъ, а по новому 11 дв. городскихъ людей ²⁾ и 10 дв. служилыхъ людей, всего 21 дворъ, да 1 дв. в. князя и 1 дв. пустой. Церковныхъ дворовъ не показано.—Въ Порховѣ по письму до 1546 г. было тяглыхъ дворовъ 68 дв., а нетяглыхъ дворовъ—дворъ намѣстничъ.; а церковныхъ дворовъ—5 дв.; „и по Микитину письму Владикина да подъячаго Богдана (1546 г.) тяглыхъ живущихъ черныхъ людей съ поповымъ и дьяконовымъ 59 дв. (значить, безъ двухъ послѣднихъ— 57 дв.), да воротниковыхъ 4 дв., да 5 дв. пищальничихъ.; а нетяглыхъ дворовъ дворъ намѣстничъ да 2 дв. городничихъ... И всѣхъ дворовъ въ Порховѣ тяглыхъ и нетяглыхъ 71 дворъ.; а церковныхъ нетяглыхъ 2 двора; а пустыхъ дворовъ тяглыхъ 11 да мѣсто тяглое діаково ³⁾“. И такъ до 1546 г. въ Порховѣ было 68 дв. тяглыхъ, 1 дв. намѣстничъ и 5 дв. церковныхъ, всего 74 дв., а въ 1546 г. 57 дв. тяглыхъ, 12 дв. служилыхъ, 4 дв. церковныхъ, всего 73 дв. и 11 дв. и 1 мѣсто пустыхъ.

По переписной окладной книгѣ 1500 г. „въ Воцкой пятинѣ городъ Корѣла на рѣцѣ на Узервѣ. А се дворы на посадѣ лучшихъ людей: рядовыхъ людей 15 дв. (а въ нихъ 21 чел.), а рыболовей лучшихъ людей 15 дв. (21 чел.). А молодыхъ людей на посадѣ: рядовыхъ 32 дв. (38 чел.), а рыболовей молодыхъ людей 106 дв. (244 чел.), а молодыхъ людей на посадѣ безъ промысла 20 дв. (20 чел.) ⁴⁾. А се въ Корѣлѣ жъ на посадѣ своеземцы, а живутъ на городскихъ мѣстѣхъ на тяглыхъ, а въ оброкъ съ городчаны тяпуть, 6 дв. (13 чел.). И всѣхъ дворовъ въ Корѣлѣ на посадѣ и внутри города своеземцовыхъ и рядовыхъ людей и рыболовлихъ... по старому письму 183, а людей въ нихъ 357 чел. (вел. князю оброкъ); а по новому письму въ Корѣлѣ на посадѣ... 194 дв., а людей въ нихъ 357 чел. ⁵⁾. Да на посадѣ жъ дворы дѣтей боярскихъ и

¹⁾ Новг. писц. кн., III., с. 494.

²⁾ Составъ городскихъ людей виденъ изъ обозначенія ваятій нѣкоторыхъ; названы 1 колпачникъ, 1 сѣдельникъ, 1 скоморохъ, 1 дьякъ, 1 казакъ и 1 строй—6 человекъ.

³⁾ А. А. Эксп. I, № 205—II.

⁴⁾ Между „людьми безъ промысла“ названы: 6 дв. скомороховъ, 1 дв. калѣки, 1 дв. бочечника.

⁵⁾ Въ подлинникѣ неправильно: по новому письму 188 дв., а людей въ

служилыхъ людей помѣщиковъ: московичъ 3 дв. (4 чел., изъ нихъ одинъ дворникъ, а съ городчаны въ оброкъ типеть), да 1 мѣсто дано на дворъ (поперекъ 15, въ длину 40 сажень); да на посадѣ жъ дворы своеземцевъ Корельскихъ, а въ нихъ живутъ сами и дворники: 11 дв. (2 чел. своез. и 16 дворниковъ, дворники съ городчаны въ оброкъ тинуть); да 2 дв. пусты. Да на посадѣ же дворы поповскіе нетяглые 6 дв. (6 чел.) ¹⁾. Да на посадѣ жъ нетяглые дворы, а въ нихъ пищальники и воротники нетяглые жъ: пищальниковъ 5 дв. (7 чел.), да 2 мѣста дано на дворы, а воротниковъ 4 дв. (4 чел.). да 2 мѣста дано 3 человекамъ на дворы.—Дворъ, а ставится на немъ намѣстничій люди.—А внутри города въ Корѣлѣ дворъ намѣстничъ, да дворъ владыченъ пустъ; а мѣстъ пустыхъ внутри города своеземцовъ корельскихъ дворовыхъ 28 ²⁾“. Итакъ до 1500 г. было 183 дв. (357 чел.), не считая церковныхъ, которыхъ по новому писму было 6 дв., пищальниковыхъ и воротниковыхъ, которыхъ по новому писму было 9 дв.,—всего, считая и неупоминаемые церковные и служилые, 198 дв. Въ 1500 г. было 188 дв. посадскихъ (344 чел., да въ дворахъ служилыхъ людей было 17 чел. дворниковъ, которыхъ должно причислить также къ посадскимъ,—итого 361 чел.), да служилыхъ, считая и намѣстничій дворъ и мѣста, данныя подъ дворы, за жылые, 35 дв. и 1 дворъ общественный (36 чел.), да церковныхъ 6 дв. (6 чел.), да пустыхъ 31 дв.—всего, считая и общественный дворъ, 230 дв. (403 чел.) и 31 дв. пустой.

Въ Разметномъ спискѣ 1546 г. ³⁾ повторены цифры 1500 г. безъ всякихъ измѣненій и поправокъ, т.-е. показано 188 дв. тяглыхъ и 6 дв. церковныхъ, но къ нетяглымъ прибавленъ дворъ Валаамскаго монастыря, такъ что нетяглыхъ дворовъ показано 30. Новой описи, какъ видно, не было произведено. Болѣе подробныя свѣдѣнія о населеніи г. Корѣлы даетъ писцовая книга Водской пятины 1568—69 г. ⁴⁾. „Г. Корѣла, а въ немъ церковь..., а въ городѣ Корѣлѣ дворъ воеводскій. Да въ Корѣлѣ на посадѣ дворы нетяглые: дворъ намѣстничъ (дворникъ—скорнякъ), 2 дв. доводчиковъ (2 дворника), да 8 дворовъ земецкихъ нетяглыхъ (13 чел. съ братією), да дворъ городского при-

нихъ 282 человекъ (с. 4). Вообще въ итогѣ путаница: „При старомъ прибыло дворовъ 11“. Присоединяя 11 къ 188, и получимъ, дѣйствительно, 194 дв., а не 188. „А убыло 118 человекъ“. Вычитая 118 изъ 357, получимъ 239, а не 232. Подробное перечисленіе дворовъ совершенно расходится съ итогомъ.

¹⁾ „Поповскій“ употреблено въ смыслѣ „церковный“, такъ какъ названо 3 дв. поповъ, 2 дьяконовъ и 1 сторожа.

²⁾ Временникъ, кн. 12, с. 1—7.

³⁾ А. А. Эксп., I, № 206—II.

⁴⁾ Арх. Мни. Ин. Д., по стар. катал. № 7, лл. 454—500.

кащика (самъ; обѣленъ по грамотѣ 7076 г.), да за пушкари 2 дв. (3 чел.), да за городовыми воротниками 3 дв. (3 чел.), да церковныхъ и монастырскихъ нетяглыхъ 5 дв.; пустыхъ дворовъ: дворъ тиунской ¹⁾, а мѣстъ дворовыхъ: мѣсто дворовое кп. Семена Путятина, 2 м. дв. земецкихъ (въ томъ числѣ мѣсто дв. городского прикащика Рокульскаго), 1 м. дв. пушкарей, 1 м. дв. воротниковъ, 2 м. дв. церковныхъ и монастырскихъ.— „Въ Корѣлѣ жъ на посадѣ дворы тяглые“: 378 дв. (553 чел.), по между ними названы: 1 дв. зелейника, 4 (5 чел.) пушкарей, 1 дв. дьякона (2 чел.), 1 земецъ, 4 (5 чел.) церковныхъ дьячковъ, поддвора десятильника, 2 пона, 2 проскурницы (3 чел.), 1 пономарь (3 чел.). Значитъ, 6 дв. служилыхъ (7 чел.) и $10\frac{1}{2}$ дв. церковныхъ (15 чел.), всего $16\frac{1}{2}$ дв. (22 чел.). Итого изъ числа тяглыхъ собственно посадскихъ остается $361\frac{1}{2}$ дв. (531 чел.). „Въ Корѣлѣ жъ на посадѣ дворы тяглые молотчихъ людей“ 34 дв. (43 чел.). Итого всего тяглыхъ живущихъ молодыхъ и немолодыхъ дворовъ 412 (596 чел.) ²⁾. Но изъ нихъ посадскихъ собственно $395\frac{1}{2}$ дв. (574 чел.). „Да одно мѣсто черное Коневского монастыря“... „дворъ Ст. Кочульнева“... „да въ Корѣлу жъ на посадѣ на тяглые пустыне дворы, по наказу царя и в. князя дьяковъ... паведено изъ-за монастырей торговыхъ людей 4 дв. (4 чел. съ дѣтьми)“³⁾. „И всего въ городѣ Корѣлѣ и на посадѣ нетяглыхъ 25 дв. (собственно 24: 23 служилыхъ и церковныхъ нетяглыхъ и дворъ Кочульнева; по пустой дворъ тиунскій считается нетяглымъ; 27 чел. и 3 дворника) да 7 мѣстъ дворовыхъ“ (а съ Коневскимъ монастыремъ—8); а тяглыхъ, считая и 4 дв. торговыхъ людей, сведенцовъ, 416 дв. (600 чел.). Разсматривая по словесіямъ, посадскихъ людей было, считая и сведенцовъ и дворниковъ, $399\frac{1}{2}$ дв. (581 чел.); служилыхъ людей—25 дв. (29 чел.); церковныхъ и монастырскихъ $15\frac{1}{2}$ дв. (20 чел.); всего 440 дв. (630 чел.), да 1 дв. пустъ, да мѣстъ дворовыхъ 8, изъ которыхъ 5 принадлежатъ служилымъ людямъ и 3 церковнымъ и монастырскимъ.

Въ Орѣшкѣ въ 1500 г. были такія составныя ⁴⁾ части ³⁾. „Въ Водской пятицѣ городъ Орѣшекъ. А се на посадѣ дворы лутчихъ людей своеземцевъ, а въ нихъ живутъ сами, 12 дв., а въ нихъ 25 чел., а городскихъ людей лутчихъ 12 дв., а въ нихъ 20 чел., а молодыхъ людей городчанъ 139 дв., а въ нихъ 252 чел.—И всѣхъ дворовъ по старому (письму) внутри города и на посадѣ своеземцевыхъ и

¹⁾ По грамотѣ 7076 г. „дворъ тиунъ написанъ въ тяглые дворы, а въ то мѣсто обѣленъ дворъ городского прикащика“.

²⁾ Въ подлинникѣ итогъ невѣренъ: 406 дв. 581 чел. (скрыто 6 дв. 15 чел.).

³⁾ Временникъ, № 11, с. 111—115.

городскихъ людей тяглыхъ 163, а людей въ нихъ своеземцевъ и городчанъ 297 чел.; а по новому письму дворовъ въ Орѣшкѣ внутри города и на посадѣ своеземцевыхъ и городчанъ лутчихъ людей и молодыхъ тяглыхъ 139 дв., а людей въ нихъ своеземцевъ и городчанъ 189 чел. тяглыхъ". Этотъ итогъ очень страненъ. Мы уже видѣли небрежность, а быть можетъ и недобросовѣстность, писцовъ въ подведеніи итога населенія Корѣлы. Здѣсь небрежность достигаетъ высшей степени. Изъ подробнаго перечисленія населенія по дворамъ видно, что въ 1500 г., т.-е., „по новому письму", было 163 дв. (12 своез. + 12 городчанъ лучшихъ + 139 городчанъ молодыхъ = 163) съ населеніемъ въ 297 чел. (25 своез. + 20 гор. л. + 252 гор. м. = 297) — именно тѣ цифры, которыя названы въ описи „по старому письму". Но что же выражаютъ цифры, названныя въ описи „по новому письму"? И откуда взялось 139 дв. 189 чел.? Возможно одно только предположеніе, что послѣднія-то цифры и выражаютъ „старое письмо"; по крайней мѣрѣ, появленіе этихъ цифръ ничѣмъ другимъ нельзя объяснить, какъ только перестановкой цифръ „новаго письма" въ „старое" и наоборотъ. — „Да на посадѣ жъ, продолжаетъ опись, в. князя дворы поземные—2 дв. (2 чел.), а въ оброкъ и во всѣ потуги тянуть имъ съ городчаны, да ихъ же поземной дворъ пустъ. — А се на посадѣ жъ и внутри города дворы своеземцевы, а въ нихъ живутъ дворники, — всего 17 дв. (18 чел.), а дворники съ городчаны тянуть. — А се на посадѣ жъ в. князя поземщики 2 дв. (2 чел.; съ городчаны тянуть). А въ Орѣшкѣ жъ внутри города и на посадѣ дворы нетяглые, а въ нихъ живутъ попы и діаки и сторожи церковные и в. князя холопи пищальники и воротники: церковныхъ — 7 дв. (7 чел.), пищальниковъ — 6 дв. (6 чел.), воротниковъ — 3 дв. (3 чел.). А пустыхъ дворовъ внутри города и на посадѣ 12 дв. (между ними 1 дв. наместничъ) да дворовыхъ мѣстъ — 3". Итакъ, до 1500 г. было 139 дв. (189 чел.), не считая церковныхъ, которыхъ было по новому письму 7 дв., пищальниковъ и воротниковъ, которыхъ по новому письму было 9 дв., — всего же, принимая цифры новаго письма равными старому, 155 дв. Въ 1500 г. считалось посадскихъ людей: городчанъ 151 дв. (272 чел.), поземныхъ 4 дв. (4 чел.), дворниковъ въ дворахъ своеземцевъ 18 чел., — всего посадскихъ 155 дв. (294 чел.); служилыхъ: своеземцевъ 29 дв. (25 чел.), пищальниковъ и воротниковъ 9 дв. (9 чел.) — всего служилыхъ 38 дв. (34 чел.); церковныхъ 7 дв. (7 чел.). Всего считалось 200 дв. (335 чел.), да 13 дв. и 3 мѣста дворовыхъ пустыхъ.

Въ Розметномъ спискѣ 1546 г. ¹⁾ показано населеніе „по ста-

¹⁾ А. А. Э., I, № 205—II.

рому письму* (до 1546 г.) равнымъ населенію 1500 г.: тяглыхъ 139 дв., а пятаглыхъ—земцовыхъ и пищальниковыхъ и воротниковыхъ—26 дв., а церковныхъ 7 дв. По новому письму Харламова и подъячаго Тухинскаго считалось тяглыхъ живущихъ 93 дв. (и съ тѣми двора, что изъ нихъ вышли жильцы въ дѣтѣ 7054 отъ казанскія службы), а нетяглыхъ дворовъ — пищальниковыхъ и воротниковыхъ и съ намѣстничимъ и съ городничего—10 дв., а церковныхъ поповыхъ 4 двора, всего—107 дв.; а пустыхъ тяглыхъ 94 дв. да 4 мѣста дворовыхъ, всего живущихъ 107 дв., по, очевидно, церковный причтъ не вошелъ въ счетъ; судя по описи 1569 г., причтъ можно положить въ 6 дв., итого 10 дворовъ церковныхъ. Опись 1569 г. знакомитъ насъ болѣе полно съ составомъ населенія Орѣшка, какъ и съ распредѣленіемъ его по сословіямъ. По описи этого года онъ представляетъ такой видъ ¹⁾. „Городъ Орѣшекъ, а въ немъ церковь, а дворовъ въ городѣ: дворъ намѣстничъ, дворъ городовыхъ прикащиковъ, 2 дв. городовыхъ охотниковъ да дворъ монастырскій.— Въ Орѣшкѣ на посадѣ двора нетяглые: $\frac{1}{2}$ двора толмача ($\frac{1}{2}$ дв.—тяглые), 1 дв. пушкаря, да 1 мѣсто дв. пушкаря, да 2 дв. (3 чел.) церковные.—Въ Орѣшкѣ на посадѣ на Лопеской сторонѣ двора тяглые: лучшихъ людей—14 дв. (24 чел.), а молотчихъ людей—62 дв. (107 чел.); на Корельской сторонѣ за р. Невую: лучшихъ людей 16 дв. (32 чел.), а середнихъ и молодыхъ людей 75 дв. (103 чел.); итого дворовъ тяглыхъ 167 дв. (266 чел.). Но между ними названы и непосадскіе: 1 попъ, 1 пономарь (2 чел.), 1 церк. дьякъ, 1 церк. дьякъ и 1 мон. дьякъ въ одномъ дворѣ, 3 пушкаря, 1 толмачъ, 3 розсыльщика, 9 земцевъ, 1 толмачъ земець, 1 розсыльщикъ земець, 1 земець рыболовъ (2 чел.; всего земцевъ 12 дв.), 2 церк. сторожа—итого 19 дв. (20 чел.) служилыхъ и 6 дв. (8 чел.) церковныхъ. Значитъ, на долю посадскихъ приходится 142 дв. (238 чел.).—Дворы черпые тяглые за попы 4 дв.—Да пустыхъ дворовыхъ мѣстъ 4 дв. мѣстъ да 1 дв. пустой.—„Всего, сказано въ описи, въ г. Орѣшкѣ (и ?) на посадѣ: нетяглыхъ $6\frac{1}{2}$, дв. да 1 мѣсто дворовое, да тяглыхъ 173 дв., а людей въ нихъ 282 чел.“ Этотъ итогъ сходится съ нашимъ счетомъ въ числѣ дворовъ жилыхъ, такъ какъ и по нашему счету ихъ было 180, по въ опредѣленіи количества жильцовъ въ нихъ расходится: мы насчитали всего 280 чел., тогда какъ по описи ихъ было 282 въ однихъ только тяглыхъ дворахъ. Впрочемъ, для насъ пока не важно знать количество жильцовъ, какъ не выражающее дѣйствительнаго населенія дворовъ, такъ какъ въ описяхъ обозначались только тяглецы, въ составъ которыхъ не входили ни муж-

¹⁾ Арх. Мин. Ин. Д., по Новгороду, по старому каталогу № 7, с. 206—238.

чины моложе 15 лѣтъ, ни женщины. Вообще итогъ описи неясенъ: нетяглыхъ дворовъ въ ней считается всего $6\frac{1}{2}$ дв., тогда какъ ихъ только „въ городѣ“ было 5, да на посадѣ $3\frac{1}{2}$ —всего $8\frac{1}{2}$ дв. Какіе же изъ нихъ писецъ считаетъ тяглыми? Распредѣлилось же это количество по сословіямъ такимъ образомъ: на долю посадскихъ выпадало 142 дв. (238 чел.), на долю служилыхъ 25 дв. (26 чел.) и церковныхъ 12 дв. (16 чел.) и 1 дв. монастырскій, всего 180 дв. (280 чел.), да 1 дворъ и 5 мѣстъ дворовыхъ пусты.

Ладога представляла въ 1500 г. ¹⁾ такой видъ: „г. Ладога на р. Волховѣ. На посадѣ: люди лутчіе: 9 дв. (14 чел.), люди середніе 16 дв. (19 чел.), люди молодые 54 дв. (66 чел.) и 1 дворъ пустъ. А се на посадѣ жъ люди молодые на монастырскихъ мѣstechъ и на церковныхъ, а въ оброкъ съ городчаны тапуть же и во всѣ потуги—30 дв. (48 чел.)“—въ томъ числѣ 1 дв. пона, 1 дв. сторожа церк. и 1 человекъ „дьякъ“,—и 1 дв. пустъ. „И всѣхъ дворовъ въ Ладогѣ на посадѣ по старому писму лучшихъ и середнихъ и молодыхъ и поземщиковъ и съ монастырскими двора съ поземными и съ церковными (поземными?) 84 дв., а людей въ нихъ... 174 человекъ; а по новому писму всѣхъ дворовъ на посадѣ... и съ поземными 108 дв. (147 ч.) ²⁾“.—А нетяглыхъ дворовъ въ Ладогѣ на посадѣ: своеземцевъ 1 дворъ, а въ немъ 2 дворника (съ городчаны въ оброкъ тапуть), 3 дв. поповыхъ (3 чел.), да дворъ намѣстничъ и дворъ тиунъ“. Итакъ всего было посадскихъ людей 106 дв. (146 чел.—съ дворниками), служилыхъ—своеземцевъ, намѣстника и тиуна—3 дв. (2 чел.), церковныхъ 5 дв. (6 чел.), всего 114 дв. (154 чел.), да 2 двора пусты.

По Разметному списку 1546 г. ³⁾ въ Ладогѣ до 1546 г. было тяглыхъ 108 и церковныхъ 3 дв.; а въ 1546 г. по писму Муратова и подъячаго И. Алексѣева „живущихъ тяглыхъ дворовъ и съ поповыми двора и дьяконы, которые живутъ на тяглоу землѣ на черной—103 дв. да дворъ намѣстничъ да тиунской; а церковныхъ нетяглыхъ 1 дв. поповъ...; а пустыхъ дворовъ тяглыхъ 32 дв.“.

По описи 1569 г. ⁴⁾ въ Ладогѣ на посадѣ было: дворы нетяглые—дворъ намѣстничъ, дворъ зелейной, а въ немъ зелейникъ, и 1 дв. пона. А тяглыхъ всего 112 дв. (158 чел.), но въ ихъ числѣ названы: 2 дв. земцевъ, 1 дв. церковныхъ дьячковъ (каждаго по $\frac{1}{2}$ дв.), 1 человекъ дьячокъ въ чужомъ дворѣ въ качествѣ подсу-

¹⁾ Новг. писц. кп., III, с. 957—960.

²⁾ Въ подлинникѣ неправильно 137 человекъ.

³⁾ А. А. У., I, № 205—II.

⁴⁾ Архивъ Мин. Ин. Д., по Новгороду, № 7, л. 290—311.

сѣдника, 1 дв. зелейникъ (2 чел.), 1 дв. попа съ подсуѣдникомъ, 1 дв. попомаря, 1 дв. церковнаго сторожа, всего 7 дв. (9 чел.), изъ которыхъ 3 дв. (4 чел.) служилыхъ и 4 дв. (5 чел.) церковныхъ; значить, собственно посадскихъ людей было 105 дв. (149 чел.). Итакъ въ 1569 г. посадскихъ людей было 105 дв. (149 чел.), служилыхъ 5 дв. (6 чел.) и церковныхъ 5 дв. (6 чел.), всего 115 дв. (161 чел.), да 7 дв. пустыхъ и 5 мѣстъ дв. тяглыхъ.

Яма въ 1500 г. ¹⁾ имѣла такой видъ: „г. Яма на р. Лугѣ. На посадѣ люди лучшіе своеземци—30 дв. (57 чел.), а городскихъ людей лучшихъ—7 дв. (12 чел.); всего лучшихъ 37 дв. (69 чел.), а середнихъ людей своеземцовъ 46 дв. (63 чел.), а городскихъ людей середнихъ 20 дв. (25 чел.); всего середнихъ 66 дв. (88 чел.); а молодыхъ людей своеземцовъ 54 дв. (73 чел.), а городчанъ молодыхъ людей 52 дв. (59 чел.); всего молодыхъ людей 106 дв. (132 чел.). А внутри города лучшіе люди: земци—2 дв. (2 чел.), городчане—1 дв. (2 чел.), а середнихъ людей земцовъ 3 дв. (6 чел.), городчанъ—2 дв. (3 чел.), а молодыхъ людей земцовъ—8 дв. (12 чел.), городчанъ—6 дв. (10 чел.). Внутри же города дворы своеземцевъ и городскихъ людей осадные, и въ нихъ живутъ дворники, 8 дв. (8 ч. дворниковъ). И всего на Ямѣ внутри города и на посадѣ... дворовъ по старому писму и съ осадными 201 дворъ, а людей въ нихъ полѣтретьяста и 7 человекъ (257 чел.), да внутри жъ города было 14 дв. пустыхъ; а по новому писму... своеземцовъ и городскихъ людей дворовъ и съ осадными дворы 239, а людей въ нихъ... и со дворники 332 чел.—Да внутри жъ города дворъ намѣстничъ да дворъ городчиковъ, а въ немъ городчикъ (помѣщикъ). А пустыхъ дворовъ внутри города—6 дв.“. Итого въ 1500 г. было всего городскихъ людей и дворниковъ 88 дв. (119 ч.), своеземцевъ и съ осадными 151 дв. (218 ч.), да 2 дв. намѣстника и городника; значить, посадскихъ было 88 дв. (119 ч.), а служилыхъ 153 дв. (215 чел.); всего 241 дв. (334 чел.), да 6 дв. пустыхъ: о церковныхъ дворахъ не упоминается.

По Разметному списку 1546 г. въ Ямѣ ²⁾ до 1546 г. считалось 239 дв. тяглыхъ, а по писму Харламова и подъячаго Тухинскаго 1546 г. было живущихъ 177 дв. „и съ тѣми дворы, что вышли были отъ казанской службы лѣта 7054“, а пустыхъ дворовъ 66. Отъ 1569 г. не сохранилось описи Ямы.

Ивангородъ также извѣстенъ только по одной описи 1498 г. ³⁾.

¹⁾ Новг. писц. кн., с. 879—885.

²⁾ А. А. Э., I, № 205—II.

³⁾ Арх. Мин. Ин. Д., по Пскову, № 2, л. 94—5.

Въ этомъ году онъ описывается такъ: „Иваньгородъ на рѣкѣ на Наровѣ противу Гдова. Внутри города церковь да дворъ намѣстничъ; внутри жъ города дворы купецкіе—4 дв. (4 чел.); внутри жъ города дворъ попа нетяглой. А за городомъ на посадѣ дворы воротниковы и торговыхъ людей: на Горѣ воротники—27 дв. (27 чел.); на посадѣ торговые люди и казаки—всего 134 дв., а въ нихъ 167 чел.^а, но между ними упоминается 1 дв. проскурницы и 1 дв. пономаря. Такимъ образомъ въ Ивангородѣ числилось всего 167 дв. (200 ч.), изъ нихъ церковныхъ 3 дв. (3 чел.); отсутствіе точнаго числа казаковъ не даетъ возможности указать распредѣленіе остальнаго населенія между служилыми и посадскими людьми.

Точно также отъ одного только года остались свѣдѣнія и о населеніи Старой Русы и Великаго Новгорода.

Въ Русѣ Старой по Разметному списку 1546 г. ¹⁾ числилось тяглыхъ 1473^{1/2}, дворовъ, „да въ Русѣ жъ 2 дв. намѣстничихъ да 2 писцовыхъ да дворъ десятиличъ да 2 дв. тіуновыхъ да 2 дв. доводчиковыхъ да 3 дв. монастырскихъ...; да въ Русѣ жъ Старой дворовъ церковныхъ — ружныхъ поповъ 5 дв., а неружныхъ 13 дв., а діаконныхъ и дьяковъ и пономаревыхъ и проскурничныхъ и звонцовыхъ 42 дв.^а. Значить, служилыхъ гражданскихъ (безъ десятилича двора) было 8 дв., а церковныхъ 60 дв. да дворъ десятиличъ и 3 дв. монастырскихъ, всего 1546 дв. О служилыхъ военныхъ нѣтъ свѣдѣній, но они, судя по аналогіи, скрываются въ тяглыхъ дворахъ.

Въ Новгородѣ Великомъ по тому же списку до 1546 г. было „тяглыхъ дворовъ гостинныхъ и черныхъ“ 4400 дв., изъ которыхъ 4160 дв. приходились на долю черныхъ и 240 дв. на долю гостинныхъ; изъ этихъ тяглыхъ дворовъ 44^{2/3} двора были запяты пушечниками и пищальниками. Изъ нихъ къ февралю 1546 г. изъ тяглыхъ дворовъ выбыло 195 дв. пожарныхъ, 2 дв. корчемныхъ (1 въ черныхъ, 1 въ гостинныхъ) и нѣсколько дворовъ гостинныхъ, взятыхъ подъ площадь. Осталось всего черныхъ дворовъ и гостинныхъ 4202 дв. (съ дворами пищальниковъ и пушечниковъ), изъ которыхъ на долю гостинныхъ (Сурожскихъ) приходилось 234 дв., а 3968 — на долю черныхъ съ пищальничными ²⁾. — „А бѣлыхъ дворовъ нетяглыхъ, опричь Чудинцевы улицы (архіепископской) и церковныхъ дворовъ“, было 253 дв., изъ которыхъ 40 дв., кажется, было пищальничныхъ ³⁾. — А церковныхъ дворовъ — ружныхъ 54 дв. поповыхъ,

¹⁾ А. А. Э., I, № 205—II.

²⁾ Счетъ въ подлинникѣ очень запутанный; мы рассчитывали по центральному указанію, не входя въ подробности.

³⁾ „Съ бѣлыхъ дворовъ и нетяглыхъ, опричь пищальничныхъ дворовъ, съ 213 дв.“. Вычитая 213 изъ 253, получимъ 40.

черных—104 дв. поповых; причтъ церковный не считается. Такимъ образомъ мы имѣемъ до февраля 1546 г., вычитая 45 дв. пищальниковъ и пушечниковъ, черныхъ и гостинныхъ дворовъ 4355 дв. Изъ нихъ послѣ февраля 1546 г. осталось, вычитая также названные 45 дв., 4157 дв. Что касается до служилаго населенія, то его должно видѣть въ „бѣлыхъ дворахъ нетяглыхъ“, такъ какъ въ счетѣ ихъ оговорено: „опричь Чудинцевы улицы (гдѣ жили архіепископскіе слуги) и церковныхъ дворовъ“, т.-е. двухъ единственныхъ элементовъ, пользовавшихся наравнѣ съ служилыми привилегіей обѣленія. Слѣдовательно, служилыхъ дворовъ было 253; сюда же должно отнести и выпущенные нами изъ счета черныхъ дворовъ 45 дв. пищальниковъ и пушечниковъ; тогда все служилое населеніе составитъ приблизительно 298 дв. Дворы церковныхъ людей точно также всѣ не показаны: показаны одни только поповскіе дворы, которыхъ числится 158. Опись 1582 г. не можетъ здѣсь служить указаніемъ, такъ какъ паденіе города къ этому времени было уже такъ велико, что на Софійской сторонѣ церковныхъ всякихъ дворовъ осталось всего 93 дв. жилыхъ да 3 дв. и 41 мѣсто дв. пустыхъ, всего 137 мѣстъ церковныхъ. Однако мы можемъ судить о церковномъ населеніи В. Новгорода въ 1546 г. по аналогіи съ Ст. Русой, тоже городомъ большимъ и торговымъ и притомъ находившимся недалеко отъ Новгорода. Въ Ст. Русѣ считалось поповскихъ дворовъ 18, а причта 42, т.-е. на каждый дворъ поповскій приходилось $2\frac{1}{2}$ дв. причта. Если это же отношеніе мы примемъ и для В. Новгорода, то церковное населеніе его должно было состоять въ 1546 г. изъ (158 дв. поп. + 369 дв. причта) 527 дв. Что касается до Чудинцевы улицы, гдѣ жили архіепископскіе люди ¹⁾, то единственные данныя о населеніи ея относятся къ 1582 г.—къ періоду упадка Новгорода. Въ этомъ году „архіепископскихъ дворовъ—его служилыхъ людей и поповскихъ и дьяконскихъ и пѣвчихъ дьяковъ и крестьянскихъ“ считалось 110 дв. живущихъ да 3 дв. и 64 мѣста дворовыхъ пустыхъ — всего 177 дв. ²⁾. Эту цифру и можно принять для 1546 г.—для періода процвѣтанія новгородскаго населенія, такъ какъ упадокъ посада не могъ чувствительно отразиться на архіепископѣ и уменьшеніе его дворами не имѣло зависѣло отъ упадка посада. Такимъ образомъ населеніе Новгорода приблизительно слагалось изъ 4355 дв. до февраля 1546 г. и 4157 дв. черныхъ и гостинныхъ въ 1546 г.; 298 дв. служилыхъ, 527 дв. церковныхъ и 177 дв. архіепископскихъ, а всего изъ 5357 дв. до 1546 г. и 5159 дв. въ 1546 г.

¹⁾ Доп. къ Акт. Ист. т. I, № 148.

²⁾ Ср. со слободкой Переяславскаго епископа, моя статья въ Ж. М. Н. Пр., 1876, июнь, с. 241.

Всѣ перечисленные восемь городовъ (исключая Новгородъ, такъ какъ онъ въ отношеніи ко всѣмъ пятинамъ занималъ центральное положеніе и не причислялся ни къ какой пятинѣ) сосредоточивались въ западной половинѣ новгородской области и принадлежали только двумъ пятинамъ—Водской и Шелонской. Это находится въ полномъ соотвѣтствіи съ указаннымъ уже нами характеромъ волостной промысловой жизни обѣихъ половинокъ. Мы указывали уже, что рядовское населеніе западной половины области почти *исключительно* состояло изъ рыболововъ ¹⁾ и вотъ взаимно ихъ мы находимъ развившеюся *исключительно* здѣсь городскую форму промысловой жизни. Въ восточной половинѣ, напротивъ, рядовское населеніе мы нашли состоящимъ исключительно изъ торговыхъ и ремесленныхъ людей—и вотъ мы не находимъ здѣсь ни одного города.

Въ обѣихъ пятинахъ количество городского населенія оставляло далеко за собою количество рядовского. Въ Водской пятинѣ считалось 5 городовъ, имѣвшихъ въ 1500 г. населеніе въ 806 дворовъ. Въ 1546 г. оно ниспадаетъ до 641 дв. (для Копорья принимаемъ цифру 1500 г.). Отъ 1569 г. мы не имѣемъ описей Копорья и Ямы. Въ остальныхъ трехъ городахъ мы находимъ въ этомъ году населеніе сильно увеличившимся. Въ 1569 г. въ Корѣлѣ, Орѣшкѣ и Ладогѣ считалось 735 дв., тогда какъ въ 1546 г. въ нихъ числилось всего 443 дв. (а въ 1500 г.—544 дв.), т.-е. населеніе увеличилось на 292 дв. Если предположить, что коренное населеніе Ямы и Копорья осталось на своихъ мѣстахъ и не увеличилось, такъ что цифра населенія 1546 г. выражаетъ цифру 1569 г., то въ этомъ году во всѣхъ пяти городахъ населеніе должно было состоять изъ 933 дв., т.-е. увеличилось на 292 дв. сравнительно съ 1546 г. и на 127 дв. сравнительно съ 1500 г.

Въ Шелонской пятинѣ было три города, по численности населенія далеко превышавшіе города Водской пятины. Это обстоятельство зависѣло, однако, не отъ общаго широкаго торгово-промышленнаго развитія пятины, а единственно отъ промысловаго значенія Старой Русы. По количеству населенія она занимала одно изъ первыхъ мѣстъ среди всѣхъ русскихъ городовъ и второе, послѣ Новгорода, въ новгородской области. Въ 1546 г. въ ней было 1546 дворовъ. Остальные два города Шелонской пятины не выходили изъ ряда обыкновенныхъ: въ Ивангородѣ въ 1500 г. было 167 дв., въ Порховѣ въ 1546 г.—73 дв. Если предположить, что цифра населенія Ивангорода 1500 г. не измѣнилась къ 1546 г., то въ этомъ году можно считать во всѣхъ трехъ городахъ населеніе въ 1786 дв. Такимъ образомъ по

¹⁾ Тамъ же, с. 260—261.

количеству городского населенія Шелонская пятина почти въ три раза превосходила Волскую и въ то время, какъ первая въ 1546 г. считала 1786 дв. городского населенія, вторая имѣла всего 641 дв. Но это преимущество Шелонской пятины зависѣло отъ одного только исключительнаго положенія Русы, такъ что, если исключить изъ разсчета Русу, то преимущество останется на сторонѣ Водской пятины, имѣвшей 641 дв., тогда какъ въ двухъ городахъ Шелонской пятины (Ивангородъ и Порховъ) считалось всего 240 дв. Впрочемъ, распределеніе этого количества по городскимъ группамъ было одинаковое въ той и въ другой пятинѣ: въ Водской на городъ приходилось среднимъ числомъ 128 дв., въ Шелонской (безъ Русы) — 120 дв.

Должно, впрочемъ, замѣтить, что распределеніе городовъ по пятинамъ выражаетъ лишь административное, значить случайное, дѣйствіе. Экономическій же законъ замѣчается въ этомъ распределеніи тотъ же самый, который мы имѣли случай указать въ распределеніи рядковъ ¹⁾, т.-е. скученность городскихъ поселковъ, какъ и рядовскихъ, лишь по главнымъ торговымъ рѣчнымъ системамъ и отсутствіе ихъ въ остальной территоріи. Въ частности, у центровъ водныхъ сообщеній находились наиболѣе развитые городскіе поселки, тогда какъ поселки, удаленные отъ центровъ, представляютъ слабое развитіе населенія. Изъ послѣднихъ, которыхъ, какъ мы видѣли ранѣе, значительное количество было въ виду военныхъ нуждъ, въ XVI в. уцѣлѣло только два: Копорье, одинаково удаленное и отъ Ильменскаго и отъ Ладожскаго озеръ, и отъ воднаго пути въ Ливонію и отъ морского побережья, — и Порховъ, находившійся у верхняго теченія р. Шелони въ разстояніи около 85 верстъ отъ оз. Ильменя ²⁾. Мы видѣли уже, какъ ничтожно было ихъ населеніе въ XVI в.: въ Копорьѣ въ 1500 г. считалось всего 21 дворъ, въ Порховѣ въ 1546 г. — 73 двора. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находились остальные города, расположенные у центровъ водныхъ сообщеній. У озера Ладожскаго было расположено три значительныхъ города: Корѣла, Орѣшекъ и Ладога; на нижнемъ теченіи рр. Луги и Наровы, недалеко отъ моря, два: Ивангородъ и Яма; у оз. Ильменя — также два: Старая Руса (въ 20 верстахъ) и Новгородъ.

Мы уже указывали ³⁾ важное значеніе Великаго Новгорода въ экономической жизни Россіи до половины XVI вѣка. Этому значе-

¹⁾ Тамъ же, с. 266—7.

²⁾ Неволинъ, Пятинны, с. 141, 149; пос. Голпнскій, находившійся у впаденія р. Шелони въ Ильмень, считался отъ Новгорода въ 85 верстахъ, а г. Порховъ въ 120 в.; значить, Порховъ отъ Ильменя былъ въ 85 верстахъ.

³⁾ Моя статья въ Ж. М. Н. Пр., 1876, июнь, с. 270.

нію вполнѣ соответствовало самое состояніе города. Барбаро называетъ его „обширѣйшимъ городомъ“ ¹⁾; Кампензе — „знаменитѣйшимъ и богатѣйшимъ изъ всѣхъ сѣверныхъ городовъ“, обширностью своею превосходящимъ Римъ ²⁾; П. Іовій говоритъ о немъ, что онъ „всегда славился безчисленнымъ множествомъ строеній своихъ“ ³⁾. Дѣйствительно, въ эпоху своей независимости Новгородъ, не смотря на огромное количество перенесенныхъ имъ физическихъ бѣдствій—пожаровъ, голодовъ и т. п., едва ли не былъ самымъ населеннымъ городомъ въ Россіи. Въ 1230 г. продолженіе двухмѣсячнаго голода въ четырехъ скудельницахъ Новгорода собралось мертвыхъ 42,000 человекъ ⁴⁾; въ 1211 г. погорѣло 4300 дворовъ, а церквей всего 15 ⁵⁾, что показываетъ на незначительность пространства, охваченнаго пожаромъ. Послѣ паденія своей независимости Новгородъ постепенно сталъ клониться къ упадку. Не входя въ разсмотрѣніе причинъ этого явленія, такъ какъ онѣ могутъ быть открыты лишь всестороннимъ изученіемъ экономической жизни не только городовъ, но и волостей, замѣтимъ только, что ихъ не должно искать въ такихъ физическихъ явленіяхъ, какъ пожары и моры, такъ какъ съ одной стороны эти явленія были повсемѣстны въ древней Россіи и нигдѣ не составляли исключительнаго характера мѣстности,—съ другой стороны при свободномъ и правильномъ развитіи общественныхъ силъ всякія временныя потери быстро возмѣщаются усиленной дѣятельностью тѣхъ же уцѣлѣвшихъ общественныхъ элементовъ. Въ первой половинѣ XVI вѣка Новгородъ 3 раза перенесъ большіе пожары: въ 1508 г., когда вся Торговая сторона выгорѣла

¹⁾ Библіотека иностранныхъ писателей, Семенова, с. 62.

²⁾ Тамже, с. 22.

³⁾ Тамже, с. 86.

⁴⁾ Карамзинъ, III, пр. 335. П. С. Р. Л., III, 219: „въ лѣто 6738... наметаша скудельницу у 12 Апостолъ на Пруской улицѣ 3030 человекъ, а по инымъ улицамъ и вѣсть Богъ, и такого гнѣва божія бысть 2 лѣта“.

⁵⁾ П. С. Р. Л., III, 31. Тамъ же, IV, 19. Во второй новгородской лѣтописи (П. С. Р. Л., III, 128) 1300 дв. и 5 церквей. Въ статьѣ Богословскаго, „Господинъ В. Новгородъ“ (Церк. Вѣстникъ, 1876, № 6, с. 2) приводятся надписи о морѣ 1468 г.: надпись на доскѣ въ Зѣтринскомъ женскомъ монастырѣ: „въ лѣто 6976 бысть моръ въ В. Новгородѣ и во Псковѣ и въ Ст. Русѣ и въ Новой и во всѣхъ пятинахъ новгородской области. Въ Неревскомъ концѣ за городомъ въ Зѣтринскомъ монастырѣ бливъ Покрова Пр. Богородицы бысть скудельныя велія. Воимъ поущеніемъ грѣхъ нашихъ ради представилося въ В. Новгородѣ отъ смертоносныхъ язвы 48.412 человекъ, и Богъ вѣсть“; другая надпись: „а всего по обыскнымъ спискамъ въ В. Новгородѣ поповъ и діаконовъ, игуменовъ и старцевъ и посадниковъ, игуменій и старицъ и христіанъ, и въ Ст. Русѣ и во всѣхъ пятинахъ новгородской области представилося многое множество людей отъ смертоносныхъ язвы—250.652 чел.“

и однихъ только труповъ задохшихся людей нашли отъ 2314 до 5314 ¹⁾, а утопшихъ и сгорѣвшихъ въ пещель число же богъ вѣсть ²⁾, въ 1523 г. ³⁾ и въ 1541 г., когда весь Словенскій конецъ выгорѣлъ— 773 дв. и 135 дв. монастырскихъ и (мая 9) на Софійской сторонѣ 547 дворовъ ⁴⁾. Не такіа, конечно, бѣдствія могли уменьшить населеніе того города, который въ пожаръ 1211 г. теряетъ 4300 дв., а черезъ 19 лѣтъ въ немъ оказывается больше 42.000 человекъ только однихъ умершихъ втеченіе двухмѣсячнаго мора. Во всякомъ случаѣ въ половинѣ XVI вѣка Новгородъ, хотя по населенности и занималъ второе или третье мѣсто въ Россіи послѣ Москвы (и, быть можетъ, Пскова) ⁴⁾, далеко не представлялъ того количества народонаселенія, какое мы видѣли въ немъ въ періодъ независимости. Въ 1546 г. въ немъ было около 5169 дворовъ. Эту цифру должно всецѣло приписать его выгодному положенію на торговомъ пограничномъ перепутьи въ Россію и изъ Россіи на западъ. Эту выгоду раздѣляла съ нимъ Старая Руса, бывшая вмѣстѣ съ тѣмъ центромъ соляной промышленности. Вотъ почему неудивительно, что и этотъ городъ занималъ едва ли не четвертое мѣсто въ Россіи по населенности.

Такимъ образомъ озеро Ильмень въ двухъ своихъ противоположныхъ пунктахъ сосредоточило такую массу городского населенія, которая количествомъ превосходила всѣ города и рядки Новгородской области, вмѣстѣ взятые: всего въ Новгородѣ и Русѣ было около 6715 дв., тогда какъ въ остальныхъ городахъ около того же времени (1546 г.) было не больше 881 дв., да въ рядкахъ около 1500 дв.

Второе мѣсто по количеству скученнаго населенія, послѣ Ильмени, занимаетъ Ладожское озеро. Здѣсь—по западному и южному берегу—были расположены три города: Корѣла, Орѣшекъ и Ладога. Въ 1500 г. они представляли всѣ вмѣстѣ населеніе въ 544 дв. Въ 1546 г. изъ этого населенія осталось всего 443 дв. Но въ 1569 г. населеніе снова поднялось до 735 дв.

Наконецъ у низовьевъ рр. Наровы и Луги—по торговому водному Лужскому пути—находилось два города: Ивангородъ и Яма.

¹⁾ Первая цифра въ П. С. Р. Л., IV (IV Новг.), 136; вторая у Карамзина, И. Г. Р., VII, с. 117. Въ П. С. Р. Л. III (II Новг.) 147 и (III Новг.) 245 показано 3315 душъ.

²⁾ П. С. Р. Л., III, 198.

³⁾ Тамъ же, 250. За это же время былъ и моръ. Житіе Варлаама, Буслаявѣ, Очерки, II, 271; Костомаровъ, Памятники, I, 283.

⁴⁾ Во время завоеванія Пскова въ немъ только въ Застѣнѣ числилось 6.500 дв. Никитскій, 299. Болѣе точныхъ свѣдѣній о населенности Пскова не имѣется.

Въ 1500 г. въ нихъ числилось 408 дв. Но такъ какъ они находились на границѣ съ Ливоніей, съ которой московское правительство было вѣчно не въ ладахъ, то положеніе ихъ было весьма необезпеченное. Въ 1546 г. въ Ямѣ изъ 241 дв. осталось всего 177 дв. Если даже въ Ивангородѣ сохранилось въ этомъ году то же населеніе, какое было въ 1500 г. (167 дв.), то все-таки въ 1546 г. оно не превышало въ обоихъ городахъ 344 дворовъ. Въ серединѣ второй половины XVI вѣка началась ливонская война и Яма съ Ивангородомъ надолго затерялись въ ней.

Итакъ, все городское населеніе новгородской области состояло въ половинѣ XVI вѣка (въ 1546 г.) въ девяти городахъ изъ 7.596 дворовъ.

II.

До сихъ поръ мы изучали одну только, такъ сказать, внѣшность города XVI вѣка. Теперь обратимся къ внутренней сторонѣ его и попытаемся изслѣдовать составъ населенія города и степень его зажиточности.

Что касается до состава городского населенія, то его можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: а) съ точки зрѣнія дѣленія городского населенія по сословіямъ; б) съ точки зрѣнія дѣленія по занятіямъ.

Сословія въ городскомъ населеніи XVI вѣка можно отличить три: служилое, церковное и посадское. По занятіямъ своимъ городское населеніе также не было однообразной единицей, но состояло изъ трехъ главныхъ группъ, опредѣляемыхъ свойствомъ занятій: рыболовей, пашенныхъ и не пашенныхъ людей. Послѣдніе также по своимъ занятіямъ могутъ быть раздѣлены на три группы: промышленниковъ, торговыхъ людей и людей, жившихъ предложеніемъ личныхъ услугъ.

Ранѣе, въ общемъ описаніи городовъ по источникамъ, мы уже указали сословный составъ городского населенія. Здѣсь мы только подведемъ итоги и предложимъ нѣкоторые необходимыя разъясненія.

Мы видѣли уже, что по Разметному списку 1546 г. въ В. Новгородѣ считалось служилаго сословія 298 дв., церковныхъ людей 527 дв. и посадскихъ 4157 дв., и наконецъ архіепископскихъ людей, жившихъ въ Чудинцевой улицѣ, предположили 177 дв. Но если дворы и принадлежали архіепископу, то люди, жившіе въ нихъ, не могли принадлежать ему, вслѣдствіе отсутствія крѣпостного права, и по сословію и по занятіямъ они не могутъ быть отнесены къ цер-

ковнымъ людямъ. Хотя составъ населенія архіепископской слободки и неизвѣстенъ, но о немъ можно судить по составу слободки епископа рязанскаго: въ ней числилось въ 1568 г. 44 дв. дѣтей боярскихъ владычныхъ, 4 дв. конюховъ владычныхъ, 8 дв. истопниковъ, 6 дв. хлѣбниковъ, 5 дв. солодовниковъ, 4 дв. маслениковъ, 8 дв. поваровъ, 3 дв. сторожей, 3 дв. водовозовъ, 3 дв. извозчиковъ, 24 дв. чисто ремесленныхъ людей и, наконецъ, 9 дв. пашенныхъ людей, которые пашутъ на владыку, всего 127 дв.¹⁾ По сословіямъ они, очевидно, распадались на 2 группы: служилыхъ людей—44 дв. и посадскихъ—83 дв. Посадскіе въ свою очередь распадались на три группы: ремесленныхъ людей (24), пашенныхъ (9) и рабочихъ (50 дв.). Кромѣ того въ слободкѣ архіепископа новгородскаго были еще и торговые люди, какъ это видно изъ жалованной грамоты, данной епископу новгородскому въ 1598 г.²⁾, но они, очевидно, должны быть отнесены къ тѣмъ же посадскимъ. Если мы допустимъ такое же распредѣленіе и въ слободкѣ архіепископа новгородскаго, то изъ 177 дв. 35% будетъ служилаго сословія и 65%—посадскаго, т.-е. около 62 дв. должно быть отчислено къ служилому сословію и 115 дв.—къ посадскому. Въ такомъ случаѣ служилыхъ людей будетъ всего въ Новгородѣ 360 дв., посадскихъ 4.272 дв. и наконецъ церковныхъ людей 527 дв., а всего 5.159 дв.

Кромѣ того въ Разметномъ спискѣ ни слова не упоминается. Между тѣмъ по описи 1582 г. на одной только Софійской сторонѣ числилось 30 дв. живущихъ, 7 дв. пустыхъ и 60 мѣстъ дворовыхъ монастырскихъ—всего 97 мѣстъ монастырскихъ³⁾. Если на Торговую сторону мы положимъ хоть половину этого количества, то и въ такомъ случаѣ въ половинѣ XVI вѣка должно было быть 146 дв. монастырскихъ. Ихъ должно отнести къ дворамъ духовныхъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ въ нихъ жили старцы и владыки, чуждые посадѣ. Тогда количество дворовъ, которые мы называемъ церковными, выразится цифрою въ 664 дв. и все населеніе Новгорода будетъ состоять не изъ 5159, а изъ 5305 дв. или 5300 дв. (уменьшая на 5 число церковныхъ дворовъ).

Въ Старой Русѣ по Разметному списку считалось церковныхъ 60 дв., монастырскихъ 3 и дворъ десятиличъ—всего 64 дв., посадскихъ тяглыхъ 1473¹/₂ дв. и служилыхъ 8 дв. Служилые всѣ показаны гражданскіе: 2 намѣстника, 2 писца, 2 тиуна, 2 доводчика; были ли военные, неизвѣстно. Всего считалось дворовъ 1546.

¹⁾ Сотная 1567—68.

²⁾ Дон. къ А. Н., I, № 148.

³⁾ Библиотека Академіи Наукъ, рукоп. отдѣл., № 88 (285).

Въ Порховѣ по Разметному списку было 13 дв. служилыхъ (составъ ихъ былъ простъ: намѣстникъ съ 2 городничими и пищальниками и воротники), 4 дв. церковныхъ и 57 дв. тяглыхъ—всего 73 дв.

Въ Копорьѣ въ 1500 г. служилыхъ считалось 10 дв. (казакъ, намѣстникъ съ тиупомъ, пищальники, воротники и сторожа—10 чел.) и 1 дв. в. князя, церковныхъ не упоминается, да, быть можетъ, по ничтожности прихода и не было ¹⁾, и посадскихъ 11 дв. (11 чел.)—всего 22 двора, 21 чел. Однако упоминается и попъ Никольскій, живущій въ деревнѣ подъ Копорьемъ, принадлежащей ему и двумъ братьямъ, да въ числѣ городскихъ людей упоминается 1 дворъ „дьяка“. Значитъ, церковныхъ людей было два, но въ городѣ былъ 1 дворъ. Слѣдовательно, служилыхъ было 10 дв., 10 чел., церковныхъ 1 дв., 2 чел.; посадскихъ 10 дв., 10 чел.

Въ Ивангородѣ служилое сословіе состояло изъ двора намѣстника и 25 дв. 25 чел. воротниковъ. Кромѣ того „на посадѣ торговые люди и казаки“—всего 134 дв., 167 чел. Вопросъ въ томъ: кого здѣсь разумѣть подъ казаками? Въ московской Россіи подъ ними разумѣлось 2 разряда людей: а) одинъ изъ классовъ служилыхъ людей, населявшихъ преимущественно южные крѣпостные города и употреблявшихся здѣсь главнымъ образомъ для разѣздовъ и дозоровъ по степямъ за татарами; б) классъ свободныхъ работниковъ, не владѣвшихъ никакою недвижимою собственностью, жившихъ наймомъ у другихъ и свободныхъ отъ всякихъ посадскихъ повинностей. Отдѣльное упоминаніе о казакахъ, какъ объ имѣющихъ свои дворы среди торговыхъ людей, даетъ понять, что здѣсь разумѣются казаки служилые, такъ какъ понятіе о казакахъ не-служилыхъ исключало понятіе о недвижимою собственности. Къ сожалѣнію, ихъ количество можно опредѣлить только приблизительно. Мы дальше увидимъ, что ихъ было около 33 дв. Въ такомъ случаѣ служилыхъ людей всего было 59 дв. 59 чел. Посадскихъ было 4 дв. купеческихъ да 101 дв. торговыхъ людей—всего 105 дв. 138 чел. Церковныхъ было 3 дв. 3 чел. Всего 167 дв. 200 человекъ.

Въ Ямѣ все почти служилое населеніе состояло изъ земцевъ или своеземцевъ. Мы уже выше замѣтили, что своеземцы и земцы одно и то же и въ концѣ XV вѣка эти имена употреблялись безразлично, какъ мы и видимъ изъ описи того же г. Ямы. Изъ существеннаго признака, который отличалъ ихъ по официальному положенію отъ землевладѣльцевъ вообще, именно изъ того, что они нигдѣ за собою корми, вытекаетъ заключеніе объ ихъ служебномъ

¹⁾ Тѣмъ болѣе, что въ немъ былъ Спасскій монастырь жилой (Н. П. Кн. II, 546), Рождественскій монастырь и Претистенскій (548, 552).

характеръ. При этомъ не должно придавать строгой опредѣленности слову кормля, той опредѣленности, которую оно имѣло въ московской Россіи и согласно которой оно обозначало надѣлъ изъ государственныхъ земель за отправленіе извѣстныхъ государственныхъ службъ. Названіе „своеземцевъ“, остававшееся за земцами еще нѣкоторое время и послѣ завоеванія отъ періода независимости новгородской, показываетъ, что въ этотъ послѣдній они были настоящими собственниками тѣхъ земель, которыя московское правительство по праву завоевателя стало разсматривать, какъ кормлю, обязывающую владѣльца къ отправленію государственныхъ службъ. Можно думать, что въ Новгородѣ какъ въ городскихъ классахъ, такъ и въ сельскихъ строго было проведено, во-первыхъ, цензовое, а во-вторыхъ, кадастровое дѣленіе: по кадастровому дѣленію всѣ земли гражданъ, исключая монастырскихъ и церковныхъ, дѣлились, судя по описямъ, на три разряда: крупныя земельныя владѣнія, которыя назывались „боярщинами“, если владѣлецъ былъ бояринъ, или „волостями“; среднія, владѣльцы которыхъ и назывались „своеземцами“, распавшійся на лучшихъ, середнихъ и младшихъ по зажиточности, чего, конечно, не было съ крупными землевладѣльцами,—и, наконецъ, мелкія, которыя разсматривались огульно подъ названіемъ „черныхъ“, „черпокупныхъ“ и т. п., тѣ, что принято неправильно называть общинными и которыя тоже распались на три названныя цензовыя категоріи. Первымъ дѣйствіемъ московскаго правительства, судя по тѣмъ же описямъ, была конфискація перваго разряда земель и раздѣлъ ихъ или ихъ же прежнимъ владѣльцамъ, но въ качествѣ пожалованія, или московскимъ дѣтямъ боярскимъ. Виѣстѣ съ тѣмъ, въ силу того же права завоеванія, и второй разрядъ земель, хотя по имени и сохранилъ значеніе вотчинныхъ земель, но на дѣлѣ былъ низведенъ на степень земель „кормленныхъ“, такъ какъ владѣльцы ихъ, за право владѣть своими собственными землями, были обязаны отправлять городовыя службы, какъ въ Москвѣ дѣти боярскія, получившіе помѣстья. Такимъ образомъ, новгородскіе земцы XVI в. только по имени и, быть можетъ, еще по юридическому праву наслѣдованія своихъ земель сохранили вотчинный характеръ, но по officialному положенію получили характеръ служилый и приравнялись къ московскому разряду помѣщиковъ. Такихъ земцевъ считалось въ Ямѣ 143 дв. 213 чел., да намѣстникъ и городчикъ 2 дв., всего 145 дв. 215 чел. служилыхъ, 96 (съ осадными 8 дв., такъ какъ въ нихъ жили дворники—посадскіе люди), дв. посадскихъ—119 чел.; о церковныхъ дворахъ не упоминается, хотя значительность населенія города не допускаетъ мысли объ отсутствіи духовенства, тѣмъ болѣе, что упоминаются 2 церкви, Пречистенская и Спасская. Количество

его можно вывести только гадательно,—изъ процентнаго отношенія духовенства къ остальному населенію въ другихъ городахъ въ томъ же году, въ Ивангородѣ, Корѣлѣ, Орѣшкѣ, Ладогѣ. Во всѣхъ этихъ городахъ вмѣстѣ духовные составляли 21 дв. на 690 дв. населенія или 3%. Значить, въ Ямѣ при 241 дв. могло быть 7 дв. церковныхъ. Тогда всего жителей въ Ямѣ въ 1500 г. будетъ 248 дв. и около 341 чел. Показаніе Разметнаго списка о Ямѣ слишкомъ обще и не даетъ понятія о дѣленіи на сословія.

Въ Корѣлѣ въ 1500 г. служилое сословіе состояло изъ трехъ элементовъ: своеземцевъ, „дѣтей боярскихъ и служилыхъ людей московичъ“ и, наконецъ, пищальниковъ и воротниковъ. Дворовъ, принадлежащихъ своеземцамъ, было 17, но изъ нихъ жилыхъ было всего 8 дв. съ 15 чел., а въ остальныхъ 9 дв. жило 16 дворниковъ. Точно также и дворовъ дѣтей боярскихъ было 4 дв. 4 чел., но въ одномъ изъ нихъ были дворники. Воротниковъ и пищальниковъ было 13 дв. 16 чел., да дворъ намѣстничъ, да дворъ, гдѣ ставятся намѣстничьи люди. Такимъ образомъ по праву собственности къ служилымъ дворамъ должно быть отчислено 36 дв. 36 чел., но изъ нихъ 10 дв. 17 чел. было дворниковъ. Дворовъ церковныхъ—6 дв. 6 чел., посадскихъ было 188 дв. 361 чел. (съ 17 дворниками). Всего 230 двор. 403 чел.

Разметный списокъ 1546 г. повторяетъ цифры 1500 г. съ прибавкой одного монастырскаго двора, значить 7 дв. церковныхъ, а всего 231 дв.

Въ 1569 г. составъ служилаго населенія въ Корѣлѣ мало измѣнился. Въ немъ были: дворъ воеводскій и городского прикащика, зелейника и Кочульнева, а въ дворахъ намѣстника и 2 доводчиковъ жили 3 дворника; 9 дв. земецкихъ—14 чел. и пушкарѣ и воротники—9 дв. 11 чел.,—итого 25 дв. 29 чел., но въ трехъ дворахъ жили дворники 3 чел. Церковныхъ было 15 дв. 20 чел. да $\frac{1}{2}$ дв. десятилница, наконецъ посадскихъ 399 $\frac{1}{2}$ дв. 581 чел. Всего 440 дв. 630 чел.

Въ Орѣшкѣ въ 1500 г. служилое населеніе также состояло изъ своеземцевъ и пищальниковъ и воротниковъ (намѣстничій дворъ былъ пустъ). Своземцевъ считалось 29 дв. 25 чел., но изъ нихъ въ 17 дв. жило 18 дворниковъ, значить, жилыхъ земецкихъ дворовъ было всего 12 и въ нихъ 25 чел. Пищальниковъ и воротниковъ считалось 9 дв. 9 чел. Слѣдовательно, всего служилыхъ людей по праву владѣнія было 38 дв. 34 чел. Церковныхъ было—7 дв. 7 чел., посадскихъ—155 дв. 294 чел. Всего 200 дв. 335 чел.

По Разметному списку служилыхъ дворовъ было 10, а церковныхъ 4. Но эта послѣдняя цифра означаетъ только дворы „поповы“;

судя по описи 1569 г., причта можно положить 6 дв. Итого церковныхъ было 10 дв. и посадскихъ 93 дв. Всего 113 дв.

Въ 1569 г. служилое сословіе Орѣшка состояло изъ намѣстника, городского прикащика, 2 городскихъ охотниковъ, 2 толмачей (1¹/₂ двора), 12 земцевъ (1 толмача и 1 разсылщика, такъ что всѣхъ 3 толмача) и пушкарей и разсылщиковъ 7 дв.—всего 25 дв. 26 чел.; церковныхъ съ 1 монастырскимъ—13 дв. 16 чел. и посадскихъ 142 дв. 238 чел. Всего 180 дв. 280 чел.

Ладога въ 1500 г. имѣла служилыхъ всего только намѣстника и тиуна, а въ 1 дворѣ, принадлежавшемъ своеземцу, жили 2 дворника, значить, служилыхъ было 3 дв. 2 чел. Церковныхъ было 5 дв. 6 чел. и посадскихъ 106 дв. 146 чел. Всего 114 дв. 154 чел. Показанія Разметнаго списка неясны. Въ 1569 г. въ Ладогѣ были служилые люди: намѣстникъ, 2 зелейника (3 чел.) и 2 земца, всего 5 дв. 6 чел.; церковныхъ было тоже 5 дв. 6 чел. и посадскихъ 105 дв. 149 чел. Всего 115 дв. 161 чел.

Такимъ образомъ, земецкое или своеземецкое населеніе является въ городахъ непостояннымъ: часто оно владѣло дворами, но само не жило въ нихъ. Мы отмѣчаемъ эти нежилые дворы не только потому, что въ нихъ жили дворники—люди вполне посадскіе, но главнымъ образомъ потому, что всѣ почти земецкіе дворы, въ которыхъ земцы не жили сами (явленіе, замѣчаемое исключительно въ 1500 г.), оказываются въ послѣдствіи исчезнувшими и въ дальнѣйшіе годы объ нихъ уже не упоминается. Такъ въ Орѣшкѣ въ 1500 г. считалось жилыхъ земецкихъ дворовъ 12, а дворовъ съ дворниками 17; въ 1569 году считалось также 12 земецкихъ дворовъ, а объ остальныхъ и не упоминается. Въ Корѣлѣ въ 1500 г. считалось жилыхъ 8 дворовъ земецкихъ, а съ дворниками 9 дв.; въ 1569 г. упоминается только жилыхъ 9 дв., а объ остальныхъ 8 дв. не упоминается.

Подведемъ итоги и укажемъ процентное отношеніе сословій между собою по количеству дворовъ и по количеству показанныхъ въ нихъ жильцовъ.

	1 5 0 0 г о д ы.			
	По количе- ству дворовъ.	% дворовъ.	По количеств. человѣкъ.	% человѣкъ.
Новгородъ. Всего 5,300 дв.	—	—	—	—
				или по друг
Старая Руса. Всего 1,546 дв.	—	—	—	—
Копорье. Всего 22 дв. 21 чел.	11	50	10	47 ¹³ / ₂₁
Порховъ. Всего 73 дв.	11	50	11	53 ³ / ₂₁
Ивангородъ. 167 дв. 200 чел.	61 3 103	36 ⁸⁸ / ₁₆₇ 1 ¹³³ / ₁₆₇ 61 ¹¹³ / ₁₆₇	61 3 136	30 ¹ / ₂ 1 ¹ / ₂ 68
Яма. Около 248 дв., ок. 341 ч.	145 7 96 (съ 8 дв. осадыми).	58 ⁸⁹ / ₆₈ 2 ⁵⁴ / ₆₈ 38 ⁴⁴ / ₆₈	215 7 119	63 ¹⁷ / ₃₄₁ 2 ⁶⁸ / ₃₄₁ 34 ⁸⁶ / ₃₄₁
Борѣла. 1500 г.—230 дв. 403 ч. 1546 г.—тоже. 1569 г.—440 дв. 630 ч.	36 6 188	15 ¹⁵ / ₂₃ 2 ¹⁴ / ₂₃ 81 ¹⁷ / ₂₃	36 6 861	8 ¹⁴ / ₄₀₃ 1 ¹⁹⁷ / ₄₀₃ 89 ²²³ / ₄₀₃
Орѣшекъ. 1500 г.—230 дв. 403 ч. 1546 г.—тоже. 1563 г.—440 дв. 630 ч.	38 7 155	19 3 ¹ / ₂ 77 ¹ / ₂	34 7 294	10 ¹⁰ / ₆₇ 2 ⁶ / ₆₇ 87 ⁵¹ / ₆₇
Ладога. 1500 г.—114 дв. 154 ч. 1569 г.—115 дв. 161 ч.	3 5 106	2 ³⁶ / ₅₇ 4 ²² / ₅₇ 92 ⁵⁶ / ₅₇	2 6 146	1 ²³ / ₇₇ 3 ⁶⁹ / ₇₇ 94 ⁶² / ₇₇
1500 г.—981 дв. 1,454 ч.	260 28 693	26 ⁴²¹ / ₉₈₁ 2 ⁸²⁰ / ₉₈₁ 71 ¹⁰¹¹ / ₉₈₁	324 29 1101	22 ³⁶ / ₇₂₇ 1 ⁷²³ / ₇₂₇ 75 ⁸²⁵ / ₇₂₇
Борѣла, Орѣшекъ и Ладога. 1500 г.—544 дв. 892 ч. 1569 г.—735 дв. 1,071 ч.	77 18 449	14 ²¹ / ₁₃₆ 3 ¹¹ / ₁₃₆ 82 ⁷³ / ₁₃₆	72 19 801	8 ³⁷ / ₄₄₆ 2 ²³ / ₄₄₆ 89 ³⁶¹ / ₄₄₆
1546 г.—7,262 дв.	—	—	—	—

¹⁾ Для Новгорода взяты цифры второго итога, потому что они выражают % до

1546 годъ.		1569 годъ.				
о колич. (дворовъ).	% дворовъ.	По колич. дворовъ.	% дворовъ.	По коли- честву че- ству.	% человекъ.	
360	6 ⁴² / ₅₃	—	—	—	—	служилыхъ.
668	12 ³² / ₅₃	—	—	—	—	церковныхъ.
4272	80 ²² / ₅₃	—	—	—	—	посадскихъ.
у счету:						
298	5 ³² / ₅₃	—	—	—	—	служилыхъ.
527	9 ⁵⁰ / ₅₃	—	—	—	—	церковныхъ.
177	3 ¹⁸ / ₅₃	—	—	—	—	архиерейскоп.
141	2 ³⁵ / ₅₃	—	—	—	—	монастырск.
4157	78 ³³ / ₅₃	—	—	—	—	посадскихъ.
8	490 ⁰ / ₁₇₃	—	—	—	—	служилыхъ.
64	4 ¹⁸ / ₁₇₃	—	—	—	—	церковныхъ.
1474	95 ³⁶⁵ / ₁₇₃	—	—	—	—	посадскихъ.
—	—	—	—	—	—	служилыхъ.
—	—	—	—	—	—	церковныхъ.
—	—	—	—	—	—	посадскихъ.
12	67 ³² / ₇₃	—	—	—	—	служилыхъ.
4	5 ³⁵ / ₇₃	—	—	—	—	церковныхъ.
57	78 ⁶ / ₇₃	—	—	—	—	посадскихъ.
59	29 ¹ / ₂	—	—	—	—	служилыхъ.
—	—	—	—	—	—	церковныхъ.
138	69	—	—	—	—	посадскихъ.
—	—	—	—	—	—	служилыхъ.
—	—	—	—	—	—	церковныхъ.
—	—	—	—	—	—	посадскихъ.
} т о	ж е	25	5 ¹⁵ / ₂₂	29	4 ³⁸ / ₆₃	служилыхъ.
		15	3 ⁹ / ₂₂	20	3 ¹¹ / ₆₃	церковныхъ.
10	8 ²⁶ / ₁₁₃	400	90 ²⁰ / ₂₂	581	92 ¹⁴ / ₆₂	посадскихъ.
		25	13 ⁸ / ₂	26	9 ² / ₇	служилыхъ.
10	8 ²⁶ / ₁₁₃	13	7 ² / ₂	16	5 ⁵ / ₇	церковныхъ.
93	82 ²⁴ / ₁₁₃	142	78 ⁸ / ₂	238	85	посадскихъ.
—	—	5	4 ⁴⁰ / ₁₁₅	6	3 ¹⁷ / ₁₆₁	служилыхъ.
		5	4 ⁴⁰ / ₁₁₅	6	3 ¹⁷ / ₁₆₁	церковныхъ.
		106	91 ³⁵ / ₁₁₅	149	92 ²⁸ / ₁₆₁	посадскихъ.
—	—	55	7 ¹¹ / ₁₄₇	61	5 ⁷⁴⁵ / ₁₀₇₁	служилыхъ.
—	—	33	4 ⁷² / ₁₄₇	42	3 ²⁸⁷ / ₁₀₇₁	церковныхъ.
—	—	647	88 ⁴ / ₁₄₇	968	90 ⁴¹⁰ / ₁₀₇₁	посадскихъ.
364	5 ⁴⁵ / ₃₆₃₁					
929	12 ²⁸⁷⁸ / ₃₆₃₁					
5969 ¹)	82 ⁷⁸ / ₃₆₃₁					

846 дв.
15³⁰/₁₀₀%

ладѣнія сословнаго, а первый итогъ—жильцовъ.

Такимъ образомъ по количеству дворовъ, принадлежавшихъ служилому сословію въ городахъ, оно составляло весьма выдающійся элементъ; только въ Новгородѣ, Ст. Русѣ и Ладогѣ, городахъ, удаленныхъ отъ границъ, они терялись въ посадскомъ населеніи и едва достигали $2\frac{1}{2}\%$ и 7% , въ Ст. Русѣ падая даже до $\frac{1}{2}\%$. Въ остальныхъ городахъ они достигали значительной цифры— $15\frac{1}{4}\%$, 17% и 19% , а въ Ямѣ и Копорьѣ доходили даже до громаднаго количества, подавляющаго посадское населеніе, — 50% и 58% . Изъ этого можно видѣть, что, какъ дворовладѣльцы, служилые люди играли выдающуюся роль въ городскомъ населеніи, но это исключительно касается: а) только городовъ XVI вѣка и б) только пограничныхъ городовъ. Въ началѣ XVI вѣка служилые люди по домовладѣнію составляли въ новгородскихъ городахъ $26\frac{1}{2}\%$, но наибольшій процентъ ихъ былъ сосредоточенъ въ Копорьѣ и Ямѣ, а въ трехъ сѣверныхъ городахъ, расположенныхъ у Ладожскаго озера, ихъ было всего 14% .

По количеству подворнаго населенія они также только въ Копорьѣ и Ямѣ составляли подавляющую массу: ихъ было въ этихъ двухъ городахъ 47% и 63% . Въ остальныхъ 4 городахъ они составляли всего 9% (въ сѣв. городахъ— 8% , Ивангородѣ— 14%).

Если судить по тремъ сѣвернымъ городамъ, то сравненіе начала XVI вѣка со второю половиною его должно убѣдить, что служилый элементъ постепенно удалялся изъ городовъ: изъ 14% дворовъ, принадлежавшихъ служилымъ людямъ въ началѣ XVI вѣка, во второй половинѣ этого столѣтія осталось всего 8% ; изъ 8% служилыхъ, бывшихъ въ началѣ XVI вѣка на лицо въ городахъ, осталось на лицо всего $5\frac{1}{2}\%$. Но должно замѣтить, что уменьшеніе ихъ нисколько не служило признакомъ упадка городской жизни; напротивъ, ниже мы увидимъ, что въ 1569 г., въ городахъ обнаружился всесторонній подъемъ. Тѣмъ не менѣе, за исключеніемъ названныхъ выше двухъ городовъ, въ отношеніи служилаго населенія къ посадскому можно замѣтить нѣчто постоянное: именно, процентъ наличныхъ служилыхъ людей въ началѣ XVI вѣка не превышалъ 9% , во второй же половинѣ столѣтія не превышалъ 5% .

Но самымъ устойчивымъ былъ церковный элементъ: его отношеніе къ посадскому населенію никогда не мѣнялось. Только въ одномъ В. Новгородѣ онъ достигалъ значительнаго развитія и доходилъ до 10% собственно церковныхъ и $2\frac{1}{2}\%$ монастырскихъ. Въ остальныхъ городахъ онъ по дворовладѣнію и въ началѣ и во второй половинѣ XVI вѣка никогда не заходилъ выше 7% и не опускался ниже 2% ; но по числу жильцовъ онъ представлялъ менѣе благопріятный процентъ, колеблясь между $1\frac{1}{2}\%$ и 6% . Въ среднемъ

же онъ въ той и въ другой половинѣ вѣка представлялъ по домовладѣнію 4%, по числу жильцовъ 3¹/₂% всего населенія.

Наконецъ, посадскій элементъ, за исключеніемъ двухъ названныхъ городовъ, всюду представлялъ также весьма устойчивыя отношенія: и по дворовладѣнію, и по количеству наличныхъ жителей онъ колебался между 77¹/₂ и 95%, составляя въ среднемъ въ трехъ сѣверныхъ городахъ по домовладѣнію 82% въ началѣ XVI вѣка и 88% во второй половинѣ столѣтія, а по наличному населенію 90 и 90¹/₂%. Но Яма и Конорье представляли исключеніе: въ первомъ посадскій элементъ составлялъ 39% по домовладѣнію и 35% по населенію; въ Конорьѣ 50% по первому и 53% по второму. Противоположность имъ составляли Ст. Руса и Ладога, въ которыхъ посадское населеніе достигало 93 и 96%. Остальные города, въ которыхъ оно колебалось между 77¹/₂ и 92%, занимали середину.

Эти отношенія измѣняются, если исключимъ Яму и Конорье, какъ города исключительно военные; тогда пайдемъ въ 4 городахъ отношеніе названныхъ сословій, какъ 15 : 3 : 82 по дворовладѣнію и какъ 9 : 2 : 89 по населенію. Наконецъ, если сравнимъ начало XVI вѣка со второй половиной его по имѣющимся даннымъ о трехъ при-ладожскихъ городахъ, то окажется, что всѣ измѣненія, какія въ это время произошли въ процентномъ отношеніи сословій, склоняются въ пользу посадскихъ. Именно, въ началѣ XVI вѣка служилое сословіе относилось по дворовладѣнію къ остальнымъ двумъ, какъ 14 : 3 : 83, тогда какъ во второй половинѣ столѣтія эти отношенія могутъ быть выражены цифрами 7¹/₂ : 4¹/₂ : 88; по подворной населенности отношенія сословій въ началѣ столѣтія могутъ быть представлены цифрами 8 : 2 : 90, второй его половины—6 : 4 : 90.

Данныя, имѣющіяся отъ 1546 г., касаются только распредѣленія сословій по владѣнію дворами, и въ этомъ отношеніи приближаются къ цифрамъ второй половины XVI вѣка. Въ пяти городахъ—трехъ внутреннихъ и двухъ внѣшнихъ—служилое сословіе въ этомъ году относилось къ церковному и посадскому, какъ 5 : 13 : 83. Но здѣсь также два города составляютъ исключительное явленіе: въ Новгородѣ церковное его населеніе было такъ велико, какъ ни въ одномъ городѣ его области, благодаря многолюдной дворнѣ архіепископа, и потому процентъ церковныхъ въ немъ составляетъ исключеніе; въ Ст. Русѣ служилое населеніе едва доходило до 1%, вслѣдствіе того, что въ росписи не показаны дворы военныхъ служилыхъ, и потому она также составляетъ исключеніе. Въ остальныхъ 3 городахъ—Порховѣ, Корѣлѣ и Орѣшкѣ, служилое населеніе которыхъ достигало въ 1546 г. всего 416 дв., служилое сословіе относилось къ

двумъ остальнымъ, какъ $13\frac{1}{2} : 5 : 81\frac{1}{2}$, т.-е. мы получаемъ цифры, близкія къ такимъ же отношеніямъ второй половины XVI вѣка.

Эти цифры могутъ служить отвѣтомъ на вопросъ о силѣ внѣшней религіозности новгородскаго населенія XVI вѣка. Изъ процентнаго отношенія церковнаго сословія къ остальнымъ, выражающагося весьма ничтожною цифрою — 3%, видно, что эта сила была весьма невелика, несмотря на то, что московское правительство поставило себѣ цѣлью возбужденіе этого чувства въ народѣ, а епископы новгородскіе отличались особенною ревностью въ этомъ отношеніи (дѣятельность Геннадія, Макарія, Александра). Данный процентъ показываетъ, какъ ничтожны были силы московскаго клерикальнаго вліянія въ новгородскихъ городахъ, несмотря на всю энергію даже лучшихъ изъ дѣятелей московскаго клерикализма. Не останавливаясь на причинахъ этого знаменательнаго явленія, замѣтимъ здѣсь, что обычное объясненіе подобныхъ явленій бѣдностью населенія здѣсь не имѣетъ мѣста. Мы увидимъ дальше, что по зажиточности населеніе новгородскихъ городовъ было самое зажиточное въ Россіи, насколько можно судить по сохранившимся описямъ Муромъ, Можайска, Зарайска, Устюжны, Казани и Свияжска. При томъ же самъ В. Новгородъ — этотъ богатѣйшій изъ городовъ русскихъ — имѣлъ только 10% собственно церковныхъ людей и лишь отъ присоединенія къ числу ихъ и монастырскихъ дворовъ, и архіепископской слободы оно возрастаетъ до 15%. Незначительность процента церковныхъ людей въ населеніи новгородскихъ городовъ становится особенно поразительною отъ сравненія съ московскими городами. Для примѣра мы укажемъ на Можайскъ, въ которомъ въ 1595 г.¹⁾ на всѣ 404 двора, считая и ямскую слободу, однихъ только церковныхъ дворовъ приходилось 53 двора, т.-е. 13% всего населенія, да кромѣ того монастырскихъ и патріаршихъ 76 дв., т.-е. 19%, а всего дворовъ, принадлежавшихъ духовнымъ, было до 32%, т.-е. вдвое больше В. Новгорода. Между тѣмъ Можайскъ, хотя и былъ торговымъ городомъ (на пути въ Литву), но по зажиточности жителей не только съ Новгородомъ, но и съ Ладожскими городами далеко не могъ сравниться. На 205 посадскихъ людей (остальные были: служилыхъ людей — 28 и ямщиковъ 42 дв.) въ немъ не было ни одного лучшаго человѣка, и середнихъ было всего 30 дв., а молодыхъ — 175 дв., т.-е. среди посадскаго населенія средніе составляли 14%, а молодшіе 86%, а среди всего населенія средніе 7%, а молодшіе 43%. Между тѣмъ Орѣшекъ, стоявшій по зажиточности ниже Ямы и Корѣлы, въ 1569 г.

¹⁾ Приготовляемыя Н. В. Калачовымъ къ изданію писцовыя книги, отд. I, с. 612—64.

считалъ въ себѣ изъ 167 дв. посадскихъ 30 дв. лучшихъ, 12 среднихъ и 125 молодшихъ, т.-е. 18% лучшихъ, 7% среднихъ и 75% молодшихъ, а среди всего населенія лучшихъ было 17%, среднихъ 7% и молодшихъ 69% или, соединяя двѣ высшія группы, 24% лучшихъ и среднихъ и 69% молодшихъ. Изъ этого видно, что Орѣшекъ по числу зажиточныхъ людей превосходилъ Можайскъ болѣе, чѣмъ въ 3 раза. Между тѣмъ въ Можайскѣ было чисто церковныхъ 13%, а въ Орѣшкѣ всего 7%, т.-е. Можайскъ по числу церковныхъ людей превышаетъ вдвое Орѣшекъ, а если считать еще и монастырскіе дворы, то Можайскъ превосходилъ Орѣшекъ по числу церковныхъ дворовъ болѣе, чѣмъ въ 4 раза. Замѣчательно еще одно отличие новгородскихъ городовъ отъ московскихъ, — отличие, служащее также къ измѣренію клерикальных силъ въ тѣхъ и другихъ. Въ новгородскихъ городахъ мы совсѣмъ не видимъ ни монастырскихъ, ни церковныхъ слободокъ, за исключеніемъ В. Новгорода, въ которомъ была слободка архіепископа. Между тѣмъ въ Московіи, можно сказать, не было такого, болѣе или менѣе значительнаго, города, гдѣ бы не было монастырскихъ слободокъ, населенныхъ монастырскими слугами, дѣтенышами и крестьянами; часто въ нихъ даже церкви имѣли слободы — и всѣ онѣ входили въ непосредственный составъ городовъ. Такъ, въ Можайскѣ было 6 слободокъ, въ Казани—2 (одна соборная), въ Зарайскѣ—соборная слобода, въ Устюжнѣ—2 слободы и т. д. и т. д. Если всѣ эти факты сопоставить между собою, заключеніе о религіозномъ настроеніи новгородскихъ и московскихъ городовъ и объ ихъ полной противоположности въ этомъ отношеніи вытекаетъ само собою. Судя по количеству духовенства, разсѣяннаго среди населенія тѣхъ и другихъ городовъ, можно положительно утверждать, что московскіе и новгородскіе города представляли два различные типа, и тогда какъ первые являлись городами, вполне завоеванными клерикализмомъ, вторые представляются городами, не поддающимися клерикализму. Быть можетъ, въ этомъ заключается объясненіе свободомыслія новгородскаго, выразившагося въ раціоналистическихъ сектахъ, единственныхъ въ то время во всей Россіи; быть можетъ, этимъ же объясняется и та ревность къ православію, то неопредѣленное беспокойство, которое овладѣвало всѣми безъ исключенія владѣнками новгородскими, лишь только они попадали изъ московскихъ городовъ въ Новгородъ, и которое заставляло ихъ, такъ сказать, уже въ силу одного ихъ положенія среди свободомыслящаго народа, ставиться дѣятелями и ревнителями вѣры, какъ Гепнадій, Макарій, Филиппъ, Александръ, и вырабатывало въ нихъ рѣзкій характеръ бойцовъ.

По всей вѣроятности, таковы же были отношенія служилаго

сословія въ новгородскихъ и московскихъ городахъ, но, къ сожалѣнію, отъ московскихъ городовъ остались подробныя описи только городовъ, расположенныхъ на югъ и востокъ отъ Москвы — въ мѣстностяхъ, по самому своему положенію военныхъ и потому естественно сосредоточивавшихъ огромныя служилыя силы. Можно только замѣтить здѣсь, что сравнительно съ городами, расположенными на югъ, западъ и востокъ отъ Москвы и болѣе или менѣе близкими къ границамъ литовскимъ и степнымъ, новгородскіе города представляютъ чрезвычайно слабое служилое населеніе. Мы видѣли, что оно и абсолютно было невелико, и не превышало въ общей суммѣ 14%. Въ сравненіи же съ названными московскими городами это былъ совсѣмъ ничтожный процентъ. Во многихъ изъ нихъ населеніе состояло почти исключительно изъ служилыхъ людей; такъ, въ Тулѣ, Епифани, Дѣдиловѣ, Зарайскѣ и Пронскѣ было около 2.603 дв. служилыхъ людей и только 773 посадскихъ. Въ другихъ они составляли подавляющую посадскій элементъ массу; такъ въ Свияжскѣ считалось 1.686 дв. служилыхъ людей и 1.276 посадскихъ, въ Коломнѣ до 1571 г. 329 дв. служилыхъ и 698½ дв. посадскихъ. Самые цивическіе изъ нихъ имѣли все-таки громадное служилое населеніе; таковы Псковскіе города, изъ которыхъ въ каждомъ было по 101 дв. стрѣльцкому, кромѣ пушкарей и воротниковъ. Сравнительно со всѣми этими городами новгородскіе города, очевидно, представляли наиболѣе цивическій типъ, насколько онъ возможенъ былъ въ XVI вѣкѣ. Согласно съ этимъ, новгородскіе посады и по внѣшности отличались отъ московскихъ. Московскіе посады всѣ почти цѣликомъ состояли изъ слободъ, разнымъ лицамъ подвѣдомственныхъ и принадлежавшихъ разнымъ владѣльцамъ. Ясскія, стрѣлецкія, пушкарскія, казачьи, монастырскія, соборныя и множество другихъ слободъ были отдѣльны отъ „слободы черныхъ людей“ или собственно посада, и переходить на жительство изъ одной въ другую нельзя было безъ особаго разрѣшенія правительства. Новгородскіе города, какъ мы видѣли изъ подробныхъ описей ихъ, не имѣли совсѣмъ слободъ (за исключеніемъ Ивангорода, построеннаго московскимъ правительствомъ), и посадъ составлялъ единицу, въ которой безразлично были расселены посадскіе, служилые и церковные люди.

Такимъ образомъ новгородскіе и московскіе города представляютъ два совершенно противоположныя типа: первые являются средоточіемъ цивического элемента страны съ весьма слабымъ примѣсомъ служилаго элемента и почти съ полнымъ отсутствіемъ клерикальнаго, вторые являются, наоборотъ, средоточіемъ военно-клерикальнаго элемента, подавляющаго элементъ цивическій — посадское населеніе. Объясненіе этого явленія должно искать не въ какихъ-нибудь случай-

ностяхъ, а въ исторіи, создавшей народный характеръ вообще и характеръ городского населенія въ частности.

Что касается до дѣленія городского населенія по занятіямъ, то оно должно быть выведено изъ самыхъ источниковъ. Разсмотрѣніе ихъ приводитъ къ заключенію, что въ посадскомъ населеніи XVI в. можно отличить четыре главныя группы—пашенныхъ людей, рыболововъ, огородниковъ и такъ называемыхъ (въ Корѣлѣ въ 1500 г.) рядовичей. Это общія всѣмъ городамъ группы, хотя не всѣ онѣ во всѣхъ городахъ находились на одинаковой ступени развитія: такъ въ Корѣлѣ и Ладогѣ огородничество было только второстепеннымъ занятіемъ, служа лишь подспорьемъ при рыболовствѣ и рядовой дѣятельности, а пашенное занятіе даже ни въ одномъ городѣ не было специальной дѣятельностью, а составляло лишь подспорье при остальныхъ занятіяхъ. При этомъ замѣтимъ, что данныя для сужденія объ этомъ рода дѣленія имѣются только отъ двухъ лѣтъ — 1500 и 1569 г., и притомъ касаются за 1500 г. только 6 городовъ (Копорье, Яма, Ивангородъ, Корѣла, Орѣшекъ и Ладога), а за 1569 г. только 3 городовъ (Корѣла, Орѣшка и Ладога). Однако существованіе свѣдѣній за два періода о трехъ приладожскихъ городахъ особенно важно, такъ какъ измѣненія, происшедшія втеченіе этихъ двухъ періодовъ, уясняютъ какъ особенности городской жизни за данное время, такъ и путь, на который поставлено было развитіе ея московскимъ правительствомъ; кромѣ того свѣдѣнія отъ двухъ различныхъ періодовъ взаимно пополняютъ другъ друга и служатъ къ уясненію одинъ другихъ и къ болѣе правильному пониманію состава городского населенія.

Изъ двухъ привилегированныхъ сословій—духовнаго и служилого—ни одно не представляетъ специализировавшагося на своемъ исключительномъ занятіи класса. Въ московской Россіи ихъ торговая и промышленная дѣятельность даже подавляла развитіе въ этой области дѣятельности посадскаго класса. Въ новгородскихъ городахъ этого явленія въ XVI в. не было, но уже намѣчались первые шаги къ нему: въ Корѣлѣ изъ всѣхъ 35 амбаровъ и щербетей 1 амбаръ оказывается принадлежащимъ церковному дьяку, 1—городовому приказнику и 1 щербеть—пушкарю. Правда, этимъ и ограничивается участіе духовенства въ занятіяхъ посадскихъ, насколько даютъ право заключать объ этомъ сохранившіяся описи городовъ. Но не то должно сказать о служилыхъ людяхъ. Хотя и не въ значительной степени (далеко не въ такой, какъ въ московскихъ городахъ), но они участвовали не только въ торговлѣ, но также и въ промыслахъ и ремеслахъ посадскихъ людей. Такъ, въ Ивангородѣ изъ числа воротниковъ двое были ремесленники, въ Корѣлѣ, кромѣ названныхъ двухъ

владѣльцевъ лавокъ, пушкаръ снималъ на оброкъ мельницу. Правда, производительная дѣятельность собственно служилыхъ этимъ и ограничивалась, но здѣсь должно обратить вниманіе на своеземцевъ, составлявшихъ большинство городского служилаго населенія. Въ отношеніи специально къ XVI вѣку въ новгородской городской жизни должно отмѣтить двойственный характеръ земцевъ, державшійся во всей силѣ въ продолженіе всего этого столѣтія. Мы видѣли ранѣе, что своеземцы во времена независимости новгородской были совершенно земскимъ—посадскимъ элементомъ, оставаясь вполне чуждыми служебнаго характера. Московское правительство сдѣлало изъ нихъ служилый классъ земцевъ и, низведя ихъ въ положеніе кормленщиковъ, придало имъ служебный характеръ. Переворотъ этотъ, однако, не могъ совершиться вдругъ и земцы во все продолженіе XVI вѣка сохраняютъ двойственный характеръ: земскій, посадскій, унаслѣдованный ими отъ новгородской республики, и служилый, навязанный имъ правительствомъ. Оттого въ началѣ XVI вѣка и во второй половинѣ его мы между своеземцами и земцами встрѣчаемъ одинаково и помѣщиковъ, владѣющихъ землями и отправляющихъ разныя должности—городовыхъ приказчиковъ, толмачей, разсылщиковъ,—и наравнѣ съ ними тѣхъ же своеземцевъ и земцевъ—рыболовей и сапожниковъ, ничѣмъ не отличающихся отъ черныхъ посадскихъ людей. Самые описи прилагаютъ къ нимъ тѣ дѣленія, которыя никогда не касаются служилыхъ людей и которыя существовали исключительно для черныхъ людей,—дѣленія на лучшихъ, середнихъ и молодшихъ, смѣшивая ихъ такимъ образомъ съ посадскимъ классомъ. Изъ этого видно, что въ XVI в. они сохраняли еще переходный характеръ отъ посадскаго къ служилому классу, и если по сословному раздѣленію относились къ послѣднему, то по роду своихъ занятій должны были отнесены къ первому.

Такимъ образомъ, при рѣшеніи вопроса о распредѣленіи занятій между городскимъ населеніемъ церковное сословіе можетъ быть совершенно исключено изъ расчета, такъ какъ его участіе въ новгородской городской дѣятельности въ XVI в. равнялось еще, можно сказать, нулю (1 церковный человекъ владѣлъ лавкой изъ всѣхъ 3 городовъ, въ описи которыхъ занесены лавки). Хотя участіе монастырей въ торговлѣ и можно предполагать значительное, но въ описяхъ нѣтъ данныхъ для сужденія о степени его: только въ одной Ладогѣ считалось 15 амбаровъ монастырскихъ, но они были всѣ ярмарочные и открыты были только два раза въ году. Что касается служилаго сословія, то ихъ посадскую дѣятельность необходимо имѣть въ виду—особенно своеземцевъ. При этомъ только не должно смѣшивать ихъ съ посадскими, такъ какъ посадскіе (черные) люди, какъ

сословіе, были совершенно отдѣльны отъ своеземцевъ и вообще служилыхъ людей. Это особенно касается правъ собственности. Служилое сословіе не участвовало въ собственности посадской. Посадскимъ, какъ сословію, правительство часто отводило, какъ средство содержанія, угодья въ видѣ луговъ, рыбныхъ ловель, пашенной земли, деревень и пр., но ни служилое, ни духовное сословіе не участвовали въ этихъ угодьяхъ и они были исключительною принадлежностью посадскихъ людей. Поэтому при рѣшеніи вопроса о запятіяхъ городскихъ жителей мы всюду будемъ отдѣлять своеземцевъ и служилыхъ людей отъ посадскихъ.

Начнемъ съ Ивангорода, построеннаго московскимъ правительствомъ и поэтому представляющаго переходную отъ московскихъ къ новгородскимъ городамъ ступень. Этотъ переходный характеръ виденъ изъ смѣшаннаго населенія, въ которомъ числилось 4 псковитянина, 2 москвитина, 2 новгородца; тотъ же характеръ сказывается въ отдѣльномъ поселкѣ воротниковъ, что похоже на слободу, и въ присутствіи казаковъ, какъ служилаго сословія, впрочемъ, въ неопредѣленномъ количествѣ.

Прежде всего отрицателенъ фактъ, наиболее ясно выраженный въ описи, именно, что въ посадскомъ населеніи Ивангорода въ 1500 г. не было ни одного пашеннаго человѣка. Вотъ указанія описи, сюда относящіяся: „в. князя село Наровское вопче было в. князю съ Ямскими своеземцы..., а нынѣ то село за Ивангородцы за торговыми людьми“. Всѣхъ дворовъ въ немъ было 62, а людей въ нихъ 71, а обожъ $59\frac{1}{2}$, сохъ $19\frac{5}{8}$. Обозначенъ доходъ, шедшій прежде намѣстнику Ямскому и своеземцамъ ¹⁾. Изъ этого видно, что при построеніи города правительство, для привлеченія торговыхъ людей, дало имъ на обзаведеніе въ качествѣ угодья богатое и весьма населенное село для того, чтобы доходъ съ него служилъ ресурсомъ и поддержкой въ ихъ спеціальной дѣятельности—торговлѣ. А доходъ этотъ былъ не малъ: намѣстникъ и своеземцы брали денегъ $5\frac{1}{2}$ р. 4 гривны 5 денегъ, изъ хлѣба и изъ рыбы десятое, 7 коробей овса (?) (своеземцы съ своихъ $\frac{2}{3}$, брали изъ хлѣба пятину), 35 бѣлокъ, 35 хлѣбовъ, 80 бочекъ пива, 6 возовъ сѣна, 1 барана и $3\frac{1}{2}$ полти мяса. Если принять еще во вниманіе, что торговыхъ собственно людей, какъ увидимъ ниже, было немного—не болѣе 19 чел. (15 торг. людей и 4 купца), то очевидно станетъ, какъ великъ былъ ихъ доходъ. Ясно, что торговые люди являются здѣсь помѣщиками, которые владѣли населенными землями и пользовались съ нихъ доходомъ, но сами не обрабатывали земли, а жили въ городѣ и занимались торговлей, что

¹⁾ Архивъ Мин. Ин. Д., по Пскову. № 2, л. 98—9.

видно между прочимъ изъ отдаленности владѣній отъ мѣста жительства владѣльцевъ: село Наровское находилось у моря при устьѣ рр. Наровы и Рокони.—Кромѣ того, въ описи упоминается: „у Ивангорода у посада деревни за ивангородцы“,—дер. Тяльзино и дер. Законіе, а дворовъ въ нихъ 10, людей 13 чел., пашни 16 кор., сѣна 150 копенъ, 4 обжа, 1¹/₂, сохи. Прежде они были въ помѣстьи за Ямскими наиѣстниками, которые и получали съ нихъ доходъ: десятое изъ рыбы и хлѣба ¹⁾). И здѣсь оказываются населенныя земли, обрабатываемыя арендаторами, а владѣльцы—ивангородцы—являются помѣщиками, получающими съ арендаторовъ опредѣленный доходъ, но живущими въ городѣ и не участвующими въ обработкѣ земли. При томъ же неопредѣленное выраженіе „за ивангородцы“ не позволяетъ даже утверждать, чтобы здѣсь разумѣлись посадскіе люди. Этимъ именемъ назывались обыкновенно городовые служилые люди, размѣщенные по городамъ. Такъ въ описи того же года мы встрѣчаемъ множество деревень за помѣщиками, называющимися ивангородцами. Такъ „въ Корѣльскомъ погостѣ в. князя село и деревни за служилыми людьми за ивангородцы“ ²⁾). Такимъ образомъ во всякомъ случаѣ посадскіе люди Ивангородскіе были чужды пашеннаго элемента, но на помѣстномъ правѣ, въ видѣ угодья, кажется, владѣли землями, населенными и обрабатываемыми крестьянами.

Независимо отъ этого, Ивангородскіе посадскіе люди владѣли рыбными ловлями: „а угодья у Ивангородцевъ, сказано въ описи, въ р. Наровѣ ловля рыбная—30 коловъ“ ³⁾). Если съ этимъ указаніемъ мы сопоставимъ тотъ фактъ, что изъ всѣхъ 138 показанныхъ посадскихъ дворовъ рядовскія занятія показаны только за 45 дворами, а остальные 93 дв. названы неопредѣленнымъ именемъ „торговые люди и казаки“, то это наводитъ на мысль: за выдѣленіемъ части казаковъ остальные посадскіе не были ли именно рыболовы, владѣвшіе этими 30 колами? А что рыбныя ловли не были въ общемъ пользованіи, а были отдаваемы посадскими людьми въ оброкъ за опредѣленную плату рыбнымъ ловцамъ, объ этомъ можно заключать изъ доворной и оброчной книги пустыхъ земель Шелонской пятны 1572 г. ⁴⁾). Въ ней говорится, что въ Ивангородѣ было „по исцовымъ книгамъ“ 56 коловъ и 1 тоня, въ 1565 г. изъ нихъ осталось живущихъ оброчныхъ 30 коловъ (да 9 коловъ „не дописали“) и 1 тоня. Выборный голова Григорій Самаринъ съ товарищи замѣ-

¹⁾ Тамъ же, л. 96.

²⁾ Новг. П. Кн., III, 537.

³⁾ Арх. М. И. Д., по Искову, № 2, л. 95—6.

⁴⁾ Тамъ же, по Новгороду, № 8, л. 240—241.

чаетъ объ этихъ колахъ: „всѣ колы пусты, потому что люди умерли и ловить некому“. Между тѣмъ Ивангородскій посадъ существовалъ ¹⁾, и потому колы не могли бы считаться пустыми, если бы они были въ общемъ пользованіи посадскихъ людей. Очевидно, оброчники, занимавшіеся рыбной ловлей на этихъ колахъ, вымерли, и посадскіе люди остались безъ дохода отъ нихъ. Поэтому они розданы были выборнымъ головой также въ оброкъ, но съ бесплатными мѣстами подъ мельницы, причемъ колы конечно уничтожались и служили только „для водяного заводу“. Отдавались они обыкновенно по 2 кола одному человѣку. Если предположить, что такой же надѣлъ (2 кола на человѣка) сохранялся и въ 1500 г. при пользованіи рыбной ловлей, то рыбныхъ ловцовъ должно было быть 60 дв. Тогда на долю казаковъ останется 33 дв. Это послѣднее количество, по соотвѣтствію съ найденными нами отношеніями служилыхъ людей къ посадскимъ въ другихъ ближайшихъ городахъ—Ямѣ и Копорьѣ, причемъ, служилое населеніе составитъ въ Ивангородѣ 36%,—весьма близко подходитъ къ истинному. Поэтому можно полагать приблизительно вѣрнымъ, что въ Ивангородѣ посадскіе люди по занятіямъ распредѣлялись такъ: пашенныхъ не было совсѣмъ, рыболовей было 60 дв. и непашенныхъ людей 43 дв. Это составитъ въ отношеніи къ самому посадскому сословію изъ всѣхъ его 103 дв.—59% рыболовей и 41% рядовичей, а по отношенію ко всему городскому населенію изъ всѣхъ его 167 дв.—36% рыболовей и 26% рядовыхъ людей.

Въ Копорьѣ городскихъ людей показано 12 дв., но одинъ изъ нихъ оказывается дворомъ казака, значитъ городскихъ было 11 дв. 11 чел. Занятія показаны только за 5 дворами—колпачника, дьяка, строя, сѣдельника и скомороха. Значитъ, 4 дв. ремесленныхъ людей составляли въ посадскомъ населеніи $36\frac{1}{3}\%$, а въ городскомъ населеніи (22 дв.)—18%. Чѣмъ промышляли остальные 6 дв., неизвестно, такъ какъ описъ ничего не говоритъ объ угодьяхъ посадскихъ. Но владѣній, подобныхъ тѣмъ, какія были у Ивангородскихъ посадскихъ людей, въ Копорьѣ за посаломъ не было и земли, окружавшія городъ, принадлежали помѣщикамъ Ивангородскимъ и дѣтямъ боярскимъ, одному купцу неизвестно изъ какого города и наконецъ своеземцамъ Копорскаго уѣзда. Между послѣдними встрѣчаются и два своеземца, деревня которыхъ была у самаго „у Копорья на посадѣ“ („дворъ самихъ своеземцевъ, дворъ крестьянъ ихъ, дворъ В. Ескиныхъ, сѣютъ ржи 8 кор., сѣна косятъ 60 коп.“), но въ числѣ служилыхъ людей въ описи г. Копорья они не значатся.

¹⁾ Это видно изъ указанія тамъ же, л. 246.

Также точно и къ Ямскому посаду не показано никакихъ угодій, такъ какъ опись имѣла въ виду описать только тѣ предметы, которые подлежали обложенію. Что касается до землевладѣнія на подобіе того, какое мы видѣли въ Ивангородѣ, то за Ямскимъ посадомъ его не числилось. Правда, по окончаніи описи города писецъ такъ озаглавливаетъ начинающуюся опись Окологородья: „въ Ямскомъ же уѣздѣ въ Окологородѣ селца и деревни городскихъ людей и Ямлянъ“ ¹⁾, и потомъ еще „въ Ополскомъ же погостѣ земли городскихъ людей Ямлянъ“ ²⁾, но что онъ разумѣетъ подъ „городскими людьми“ и „Ямлянами“, употребляя эти термины то отдѣльно, то вмѣстѣ, трудно опредѣлить. Если не признать это выраженіе просто неточнымъ—явленіе, настолько постоянно наблюдаемое въ описяхъ, что его всегда можно предполагать въ сомнительныхъ случаяхъ,—то придется думать, что своеземцы-то и были „городскіе люди Ямляне“ и только они одни разумѣются подъ этимъ именемъ. Во всякомъ случаѣ въ „городскихъ людяхъ“ описи никакъ нельзя видѣть посадскихъ людей, потому что изъ всѣхъ описанныхъ ею владѣній ни одного клочка не числилось за посадскими людьми ни вообще, какъ за сословіемъ, ни въ частности за отдѣльными людьми. Всѣхъ лицъ, владѣвшихъ въ Окологородѣ деревнями, опись насчитываетъ 108, но весьма немногіе изъ своеземцевъ, числившихся городскими жителями, названы въ числѣ этихъ 108 владѣльцевъ деревень: такихъ по нашему приблизительному ³⁾ счету можно насчитать всего около 38 человекъ; остальные 70 дѣ. принадлежатъ лицамъ, которыхъ въ спискахъ городскихъ своеземцевъ не находится (при этомъ мы вносили въ число этихъ 38 и такихъ своеземцевъ изъ списка землевладѣльцевъ, за которыми въ городѣ числились только осадные (3) и пустые (2) дворы); въ тому же изъ этихъ 38 о 5 лицахъ замѣчено, что они „сами“ живутъ въ деревняхъ и пашутъ землю, но въ описи ихъ городскихъ дворовъ они же называются живущими въ нихъ. Гдѣ же они живутъ—въ деревнѣ или въ городѣ? Принимая во вниманіе такую запутанность, едва-ли можно придавать значеніе тому, что изъ всѣхъ 108 названныхъ землевладѣльцевъ въ двухъ можно подозрѣвать посадскихъ людей, именно: землевладѣльцы Иванъ Кондратовъ и Анна Гридина жена находятся въ спискѣ посадскихъ людей—первый въ числѣ лучшихъ, вторая въ числѣ среднихъ, а въ спискѣ своеземцевъ ихъ не имѣется. Такъ какъ изъ 108 лицъ 70 лицъ

¹⁾ Новг. писц. кн. III, стр. 886—891.

²⁾ Тамъ же, 954.

³⁾ Приблизителенъ онъ потому, что въ орографіи именъ и фамилій не замѣчается однообразной системы, и потому возможны ошибки.

не упоминаются въ спискахъ городскихъ жителей и въ ихъ числѣ находятся и два названныя лица, то и невозможно рѣшить, дѣйствительно ли посадскіе люди Иванъ Кондратовъ и Анна Гридина должны быть причислены къ землевладѣльцамъ или же они были только однофамильцами послѣднихъ. Это соображеніе особенно необходимо принять во вниманіе въ виду запутанности и неточности описи. Такъ, въ ней Ст. Ивашковъ занесенъ въ списокъ землевладѣльцевъ два раза, какъ землевладѣлецъ, въ двухъ разныхъ деревняхъ; въ списокѣ городскихъ людей мы находимъ его занесеннымъ также два раза: одинъ—въ числѣ своеземцевъ среднихъ, другой—въ числѣ посадскихъ людей среднихъ. Это совпаденіе могло бы также подать поводъ причислить посадскаго человѣка Ст. Ивашкова къ землевладѣльцамъ. На дѣлѣ же землевладѣлецъ былъ одинъ—Ямской своеземецъ Ст. Ивашковъ, владѣвшій въ двухъ деревняхъ по одному участку и потому занесенный въ списокъ два раза, какъ это сдѣлано и съ О. Ильинимъ, П. Васковымъ и мн. др. Такимъ образомъ здѣсь являются два человѣка, которые послали одно и то же имя, принадлежа къ разнымъ классамъ общества, но которыхъ по недомолвѣтѣ писца можно было бы слить въ одно. Это же самое могло произойти и съ Ив. Кондратовымъ и А. Гридиной. Нѣтъ никакихъ данныхъ на то, чтобы допустить исключеніе тамъ, гдѣ изъ 108 названій 38 извѣстныхъ и провѣренныхъ пришлось на долю своеземцевъ, а изъ 70 неизвѣстныхъ и недоступныхъ провѣркѣ только 2 на долю посадскихъ. Но если бы и допустить это исключеніе, то изъ него вытекало бы только, что два посадскихъ человѣка—одинъ лучший и одинъ средній—участвовали наравнѣ съ земцами въ землевладѣніи и имѣли земельные участки въ общихъ имъ съ земцами деревняхъ ¹⁾. Посадъ все-таки остается безъ владѣльческихъ правъ и не можетъ быть, подобно Ивангородскому, разсматриваемъ, какъ землевладѣлецъ.

Такимъ образомъ въ Ямѣ являются землевладѣльцами только одни своеземцы, а посадскіе люди вовсе не участвовали въ землевладѣніи. Впрочемъ, и своеземцы, если судить по спискамъ, далеко не всѣ участвовали въ немъ. Изъ всѣхъ считавшихся живущими въ Ямѣ 213 чел. (151 дв. съ осадными) своеземцевъ только 38 человѣкъ оказываются внесенными въ списокъ землевладѣльцевъ, изъ которыхъ 33 были владѣльцами деревень, а 5—сами обрабатывали пашню. Изъ этихъ 38 чел. 13 принадлежали къ числу лучшихъ своеземцевъ, 9

¹⁾ При этомъ замѣтимъ, что названные 2 человѣка сами не занимались пашней, такъ какъ они не находятся въ списокѣ владѣльцевъ, которые сами обрабатывали пашню, а только владѣли участками земли, обрабатываемой крестьянами, и пользовались съ нихъ доходами.

къ числу среднихъ и 11 къ числу младшихъ, а 5 чел. имѣли дворы осадные и пусты. Изъ остальныхъ 180 чел. (110 дв. безъ осадныхъ) за 3 чел. (3 дв.) показаны посадскія занятія, а именно: они занимались ремеслами и были: 1 лучникъ и 2 сапожника. Хотя занятія остальныхъ 177 чел. (въ 107 дв.) и не показаны, но не должно забывать, что главный ресурсъ всѣхъ своеземцевъ вообще заключался во владѣніи ихъ землями. По всей вѣроятности, ихъ земля находилась въ Шелонской нятинѣ, такъ какъ окрестныя мѣста Водской нитины (Копорскій уѣздъ) были заняты Ивангородскими служилыми людьми. Во всякомъ случаѣ вопросъ о занятіяхъ своеземцевъ рѣшается самымъ ихъ именемъ и принадлежностью къ служилому сословію. Если они обращались и къ другимъ занятіямъ, то это только показываетъ, что ихъ земельный доходъ не всегда былъ достаточенъ. Въ Ладогѣ мы находимъ и рыболовей-земцевъ. Сопоставляя это съ занятіемъ ихъ въ Ямѣ ремеслами, можно думать, что вообще своеземцы не были чужды посадскихъ занятій.

Что касается до посадскихъ людей, то и ихъ занятія точно также не за всѣми показаны. Изъ всѣхъ 88 дв. (безъ осадныхъ), 119 чел. (и съ дворниками) занятія показаны только за 34 чел. въ 32 дв. и 8 дворниками, всего за 42 чел. О занятіяхъ остальныхъ 77 чел. 66 дв. ничего неизвѣстно, такъ какъ описъ о нихъ умалчиваетъ, и, такъ какъ угодья ни земельныя, ни рыбныя также не показаны, то рѣшеніе вопроса о занятіяхъ этихъ дворовъ и не можетъ быть поставлено на прочное основаніе. Однако остается еще рѣшеніе по аналогіи, замѣчаемой между условіями быта всѣхъ новгородскихъ городовъ. Изъ примѣра Ивангорода мы видѣли, что угодья бываютъ двухъ родовъ: рыбныя и земельнадѣльческія (послѣднія собственно не угодья, а давались взаимнѣй угодій); изъ примѣра трехъ ладожскихъ городовъ увидимъ, что бывали еще чисто земельныя угодья: выгонная и пашенная земля. Изъ всѣхъ этихъ 3 видовъ угодій о послѣднемъ видѣ можно только сказать, что неизвѣстно, были ли они за Ямой, о второмъ положительно можно сказать, что Ямѣ они не принадлежали. Что касается рыбныхъ угодій, то несомнѣнно, что Ямской посадѣ владѣлъ ими. Въ числѣ 32 посадскихъ дворовъ, обозначенныхъ по занятіямъ, 1 дворъ средній и 1 младшій дворъ принадлежали 2 „рыболовамъ“. Принимая во вниманіе примѣры Ивангорода, гдѣ приблизительно около половины посадскаго населенія были рыболовы, Корѣлы, гдѣ достоверно извѣстно, что $\frac{2}{3}$ посадскаго населенія состояло изъ рыболововъ, а также и приблизительныя цифры рыболововъ въ Ладогѣ и Орѣшкѣ,—принимая все это во вниманіе, по аналогіи можно предположить, что и въ Ямѣ названные 2 рыболова не были исключеніемъ, а только указаніемъ на существованіе

рыбныхъ угодій. Хотя и трудно рѣшить, почему изъ всѣхъ рыболововъ названо только 2, но невозможно допустить, чтобы въ рыбныхъ угодьяхъ, которые во всѣхъ городахъ новгородской области составляли одинъ изъ важнѣйшихъ ресурсовъ посадской промышленности, участвовало изъ всѣхъ 56 дв. только это незначительное количество. Скорѣе можно допустить, что названо 2 рыболова только потому, что они вѣстѣ съ тѣмъ занимались и торговлей рыбы, тогда какъ остальные были простыми рыбными ловцами. Во всякомъ случаѣ, если позволительна догадка о занятіяхъ названныхъ 57 дв. 77 чел., то она можетъ быть высказана только въ пользу раздѣленія ихъ между неупоминаемыми угодьями рыбными и земельными, т.-е. между рыболовными и пашенными запятіями. Последнія, однако же, судя по примѣру ладожскихъ городовъ, не могли занимать много рукъ: въ Корѣлѣ, Орѣшкѣ и Ладогѣ они составляли едва 2—7% посадскаго населенія. Но могло въ Ямѣ и совсѣмъ не быть пашеннаго населенія, такъ какъ земли, показанныя за городами, были, быть можетъ, не болѣе, какъ выгонныя. Вообще, ошибка будетъ не болѣе какъ на $\frac{1}{2}$ % изъ всего посадскаго населенія, если мы предположимъ, что всѣ названные 57 дв. 77 чел. занимались рыболовствомъ. Въ такомъ случаѣ все посадское населеніе Ямы будетъ представлять такой видъ: пашенныхъ не было совсѣмъ, рыболовей было 58 дв. (79 чел.) и 2 дв., занесенные въ опись по занятіямъ, и рядовичей безъ 2 рыболововъ 30 дв. (40 чел.). Это составитъ: въ отношеніи къ самому посадскому сословію—изъ всѣхъ его 88 дв. (119 чел.) рыболововъ—66% дворовъ и людей и рядовичей 34% дв. и людей; а по отношенію ко всему городскому населенію—изъ всѣхъ его 248 дв. (341 чел.) рыболовей—23 $\frac{1}{2}$ % дв. и людей и рядовичей—16% дв. при 12% людей.

Что касается до состава населенія по занятіямъ трехъ сѣверныхъ городовъ—приладожскихъ, то рѣшеніе этого вопроса облегчено существованіемъ описи этихъ городовъ за два разные періода—отъ начала XVI в. (1500 г.) и за вторую половину его (1569 г.). Это даетъ возможность болѣе точно, чѣмъ можно было при существованіи описей только за одинъ годъ, рѣшить вопросъ о пашенномъ населеніи городовъ и рыболовческомъ, а также и объ отношеніи къ нимъ своеземцевъ или, какъ ихъ стали въ это время называть, земцевъ.

Опись г. Орѣшка 1500 г. принадлежитъ къ числу самыхъ неудовлетворительныхъ. Въ ней не показано ни занятій жителей, ни угодій ихъ, и самое дѣленіе ихъ проведено только на городскихъ людей, своеземцевъ и служилыхъ людей. Можно только сказать, что владѣльческихъ правъ посадъ не имѣлъ, такъ какъ въ описи Окологородья посадскихъ людей нѣтъ въ спискѣ владѣльцевъ. Такимъ образомъ здѣсь намъ приходится только повторить, что своеземцевъ въ

Орѣшкѣ считалось жилыхъ 12 дв. (26 чел.) (17 дв., въ которыхъ жило 18 чел. дворниковъ, мы не считаемъ), а посадскихъ—155 дв. и 294 чел. (безъ дворниковъ 276 чел.), при всѣхъ 200 дв. 335 чел., а о составѣ ихъ можно судить только по описи 1569 г.

Изъ всѣхъ 142 дв. 288 чел. посадскихъ по занятіямъ обозначено 70 дв. 77 чел. (2 дворника). Но изъ нихъ рядовичей показано всего только 21 дв. 23 чел. Остальные 49 дв. 54 чел. числились за „рыбными ловцами“. Эта цифра, кажется, выражаетъ весь дѣйствительный процентъ рыболовческаго населенія Орѣшка. Объ этомъ можно судить по количеству оброка, уплачиваемаго Орѣшковскими рыболовами сравнительно съ Ладожскими. Въ Ладогѣ $72\frac{1}{2}$ дв. 110 чел. рыболововъ уплачивало оброку немного менѣе 40 рублей. Орѣшковскіе же рыболовы уплачивали всего около 13 р., т.-е. болѣе, чѣмъ на половину, меньше Ладожскихъ. Изъ этого можно заключить, что и занимающихся рыболовствомъ въ Орѣшкѣ было на половину менѣе, чѣмъ въ Ладогѣ, т.-е. то количество, которое показано въ описи.—Занятія остальныхъ 72 дв. 161 чел. посадскихъ не показаны, но отвѣтъ находится въ самой описи,—именно: въ указаніи на огромныя площади огородовъ, которые были при каждомъ дворѣ и съ которыми по громадности не можетъ быть сравниваемъ ни одинъ изъ принадлежащихъ городовъ. Можно даже думать, что огородничество составляло спеціальность Орѣшка. Объ этомъ можно судить по двумъ фактамъ. Во-первыхъ, по огромнымъ площадямъ, занятымъ дворами, чего не было ни въ Корѣлѣ, ни въ Ладогѣ. Это касается не размѣровъ двора собственно такъ называемаго (размѣры эти не были выше обыкновенныхъ, какіе повторяются и въ Ладогѣ и отчасти Корѣлѣ), а именно огородовъ. Въ Орѣшкѣ подъ дворы приходилось: у лучшихъ людей 1947 кв. саж., т.-е. на дворъ (30 дв.) по 65 кв. саж.; у среднихъ и молодыхъ людей (въ 28 дв.) 1354 кв. саж., т.-е. всего $48\frac{1}{2}$ кв. саж. на дворъ. Изъ этого видно, что средніе и младшіе старались недостатокъ капитала вознаградить въ огородническомъ производствѣ на счетъ двора: они почти на 20 кв. саж. сократили свои дворы въ пользу огородовъ, чтобы достигнуть равенства съ лучшими, и дѣйствительно достигли этого. У лучшихъ 30 дв. огороды занимали 15953 кв. саж., т.-е. на огородъ по 532 кв. саж., а у среднихъ и молодыхъ 28 дв. имѣло 15795 кв. саж., т.-е. на огородъ приходилось по 564 кв. саж. Такимъ образомъ въ огородничествѣ Орѣшекъ далеко оставилъ за собою и Ладогу, въ которой *вмѣстѣ* съ огородами считалось 252 кв. саж. на дворъ, т.-е. вдвое меньше, чѣмъ на одинъ только огородъ орѣшковскаго жильца,—и Корѣлу, въ которой даже дворы съ огородами достигали не болѣе, какъ 136 кв. саж., а вообще огороды достигали средней величины только до 25 кв. саж.

на дворъ,—иначе говоря въ 20 разъ меньше, чѣмъ одинъ огородъ въ Орѣшкѣ. Во-вторыхъ, о специализаціи огородническаго промысла въ Орѣшкѣ можно судить по тому, что самые зажиточные классы занимались именно имъ. Изъ всѣхъ 30 дв. 56 чел. лучшихъ людей только 6 дв. 11 чел. принадлежали къ рыболовамъ, 2 чел. 1 дв. къ служилымъ людямъ и 2 чел. 2 дв. къ промышленнымъ людямъ— всего 9 дв. 15 чел. къ постороннимъ занятіямъ, остальные 21 дв. 41 чел. всѣ занимались огородничествомъ, тогда какъ изъ среднихъ и младшихъ занимались специально огородничествомъ всего около 51 дв. 120 чел. изъ 137 дв. 209 чел., т.-е. менѣе, чѣмъ $\frac{1}{3}$. Изъ этого можно видѣть, что огородничество содѣйствовало подвѣтію цѣнза класса, посвятившаго себя исключительно ему, тогда какъ рыболовство и ремесленная промышленность всѣ почти цѣликомъ оставляли занимавшихся ими въ разрядѣ среднихъ и младшихъ людей.

Что касается до пашенныхъ людей, то и здѣсь за посадомъ не числятся пашенныхъ угодій и, значитъ, пашенныхъ людей специалистовъ не было. Въ числѣ угодій за Орѣховцами, кромѣ рыбныхъ ловель, числились одни только луга. „А угодья у Орѣховцевъ у посадскихъ людей говоритъ опись ¹⁾), подлѣ Ладожское озеро поженъ 60 десятинъ, сѣна на нихъ ставится 600 коп.—на десятинѣ по 10 коп.“ Замѣчательно, что въ²⁾ соответствии съ этимъ въ числѣ лучшихъ посадскихъ людей одинъ изъ нихъ называется по занятію „пожникъ“. Точное значеніе этого названія трудно опредѣлить; но, судя по этимологическому происхожденію, это занятіе должно было имѣть ближайшее отношеніе къ „пожнямъ“. Не назывался ли этимъ именемъ человекъ, занимавшійся стемкой подъ скосъ луговъ, а отсюда и продажей сѣна? Должно, однако же, замѣтить, что кромѣ общихъ посадскихъ поженъ были пожни и у частныхъ владѣльцевъ. Такихъ, впрочемъ, названо всего 2 двора: дворъ 2 земцевъ (91 кв. саж.) съ огородомъ (560 кв. саж.), да у одного изъ нихъ поженъ 2 десятины, а сѣна ставится по 7 копенъ на десятину и дворъ рыбаго ловца (33 кв. саж.) съ огородомъ (420 кв. саж.), „да лугу косить 3 десятины, а сѣна ставится по 10 коп. на десятинѣ, да ржи и яри сѣяно на десятину“ ³⁾). Это послѣднее указаніе показываетъ, что и пашенныя занятія не были чужды частнымъ лицамъ, но пашни считались ихъ дворовой собственностью, какъ и пожни въ двухъ приведенныхъ случаяхъ. Дворовъ съ пашнями было три, и всѣ они принадлежали лучшимъ людямъ: у одного изъ нихъ при дворѣ въ 296

¹⁾ Арх. Мин. Ин. Д., № 7, л. 241.

²⁾ Тамъ же, л. 233 и 236.

кв. саж. вмѣсто огорода было пашни 3 десятины; при дворѣ двухъ посадскихъ людей (82¹/₂ кв. саж.) съ огородомъ (1050 кв. саж.) была „пашня на ихъ прискотинной землѣ 1 десятина“; при дворѣ 2 рыбныхъ ловцовъ (99 кв. саж.) съ огородомъ (720 кв. саж.) было „отхожія пашни на ихъ поскотинной землѣ на осмину въ полѣ, а въ дву потомужъ“¹⁾. Изъ этого видно, что и огородники, и рыбные ловцы, кромѣ своихъ специальныхъ занятій, утилизировали и земельныя пустоши, если онѣ были, но въ такомъ незначительномъ количествѣ (не болѣе 3 десятины пашни), которое даетъ ясное понятіе о томъ, что пашня служила имъ только подспорьемъ при другихъ занятіяхъ и относилась къ числу случайныхъ и временныхъ явленій. Однако стоитъ обратить вниманіе на происхожденіе этихъ земельных частныхъ владѣній. Мы видѣли, что за посадомъ—за всѣми посадскими людьми не числилось никакихъ другихъ земель, кромѣ лугу 60 десятинъ. Должно ли считать показанные пашни и луга частныхъ людей за выдѣленные изъ этихъ же 60 десятинъ въ частное пользованіе, или за совершенно отдѣльную отъ общей собственности? Прямое отвѣта на этотъ вопросъ изъ описи нельзя почерпнуть. Возможны однѣ только догадки на основаніи однако осмотра самихъ же данныхъ. Происхожденіе пашни одного изъ владѣльцевъ совершенно ясно: дворъ у него былъ безъ огорода и вотъ взамѣнъ огорода выдѣлено ему пашни 3 десятины. Это показываетъ цѣнность въ XVI в. огородной почвы сравнительно съ пашенной: 500—600 кв. саж. огородной земли равнялось 3 десятинамъ пашенной.

Но другіе дворы имѣли при дворахъ и огороды въ обыкновенную посадскую величину, однакоже были и пашни. Вопросъ уясняется изъ замѣчаній о двухъ дворахъ, изъ которыхъ за однимъ „отхожая“ пашня названа на „ихъ поскотинной землѣ“, а за другимъ хотя и неотхожая пашня, но „на ихъ прискотинной землѣ“. Это показываетъ, что за дворами была прискотинная или поскотинная земля—выгонная, которую нѣкоторые и запахивали, а названіе „отхожей“ показываетъ, что она не была непосредственно при дворахъ. Но такъ какъ въ описи никакой выгонной земли не показано, а показано только лугъ въ 60 десятинъ, то отсюда и должно заключить, что этотъ-то лугъ и есть поскотинная земля. Если это такъ, то возникаетъ такое представленіе о порядкѣ пользованія принадлежавшимъ всему посаду лугомъ: выгонная земля или лугъ (бывала и не луговая, а пашенная земля) не находился въ общемъ пользованіи, а дѣлился на участки, которыми каждый и пользовался по своему усмотрѣнію: одни свой участокъ прискотинной земли („на

¹⁾ Тамъ же.

ихъ прискотипной землѣ“) обращали въ пашню; другіе частію оставляли подъ лугомъ, частію обращали въ пашню; а многіе и совсѣмъ не пользовались землею, а отдавали ее въ скось: тогда „пожникъ“ и будетъ означать человека, снимавшаго эти земли на скось. Могло, конечно, обойтись дѣло и безъ дѣленія на участки; могла вся луговая общая земля отдаваться въ аренду отдѣльными членами того же общества, которому принадлежала земля, нуждавшимся въ ней, а эти уже или дѣлили изъ нея прискотину, если былъ скоть, или обращали въ пашню, или же пользовались сѣномъ.

Но во всякомъ случаѣ трудно думать, чтобы „пожня въ 60 десятинъ“—600 копенъ была въ общемъ пользованіи. Признать это имѣаетъ самая ничтожность количества луговой земли и копенъ, съ нея собираемыхъ. Посадскихъ дворовъ было 142, а копенъ добывалось всего 600, т.-е. на дворъ приходилось немного болѣе 4 копенъ. Очевидно, только сдача въ аренду могла дать нѣкоторыя выгоды 142 дворамъ отъ такого ничтожнаго куска. Въ одномъ только случаѣ посадъ могъ самъ пользоваться съ выгодой этимъ клочкомъ: обративъ его въ выгонъ, если былъ богатъ домашнимъ скотомъ. Должно думать, что дѣйствительно часть этихъ 60 десятинъ была общимъ выгономъ, такъ какъ въ числѣ посадскихъ людей показанъ 1 дв. пастуха. Но, кажется, въ Орѣшкѣ немного было дворовъ, имѣвшихъ нужду въ выгонѣ. Это видно изъ того, что если допустить, что количество запахаппой „на ихъ прискотипной землѣ“ пашни выражаетъ размѣръ участка, нужнаго для каждаго двора для выгона скота, то этотъ размѣръ выразится 1 десятиной, а также 3 осминами, т.-е. $1\frac{1}{2}$, четвертями или $\frac{3}{4}$ десятины на дворъ. Въ такомъ случаѣ можно предположить, что около 60—70 дв. имѣли потребность въ выгонѣ и удовлетворяли ее на 60 дес. луга, достаточныхъ для прокормленія скота этихъ дворовъ; изъ этого нужно предположить, что у остальныхъ 82—72 дв. посадскихъ не было скота: иначе 60 дес. луга было бы недостаточно для выгона; кромѣ того, безъ возможности пользоваться за плату выгономъ должны остаться и служилые, и церковные дворы.

Такимъ образомъ все посадское населеніе г. Орѣшка состояло въ 1569 г. только изъ трехъ элементовъ: рядовичей, рыболововъ и огородниковъ. Пашенныхъ дворовъ не было, такъ какъ ничтожное количество засѣваемой ими пашни (3 десятины, 1 десятина, $1\frac{1}{2}$ осмины ($\frac{3}{4}$ десятины) и 1 десятина) показываетъ, что пашня не служила имъ преимущественнымъ даже занятіемъ, а только подспорьемъ при другихъ спеціальныхъ ихъ занятіяхъ. И дѣйствительно, изъ 4 дворовъ, имѣвшихъ пашню, два оказываются рыболовческими, а другіе два, по всей вѣроятности, были огородническими.—Процентное

дѣленіе посадскихъ людей по занятіямъ выразится: въ отношеніи къ самому посадскому населенію — на всѣ его 142 дв. 238 чел. рядовичей 21 дв. 23 чел., т.-е. 15—10%, рыбныхъ ловцовъ 49 дв. 54 чел., т.-е. 34 $\frac{1}{2}$ —23%, огородниковъ 72 дв. 161 чел., т.-е. 50 $\frac{1}{2}$ —67%, а по отношенію ко всему населенію Орѣшка—ко всѣмъ 180 дв. 280 чел. рядовичи составятъ 12%—8%, рыболовы — 27—19% и огородники—40%—57 $\frac{1}{2}$ %.

Что касается до отношенія земцевъ къ посадскимъ, то мы коснемся ихъ, когда рассмотримъ ихъ и въ Ладогѣ и Корѣлѣ за тотъ же 1569 годъ. Здѣсь только замѣтимъ, что въ 1569 г. ихъ было въ Орѣшкѣ столько же, сколько и въ 1500 г. своеземцевъ, т.-е. 12 дв. 12 чел.; всѣ они числились въ числѣ среднихъ и молодыхъ людей, а по занятіямъ: 2 дв. служилыхъ (толмачъ и розсылщикъ), 1 рыбный ловецъ и 9 не обозначено, т.-е. огородниковъ.

Если специальность Орѣшка была огородничество, то специальностью Ладоги и Корѣлы должно, кажется, признать рыболовство.

Опись Ладоги 1500 г. въ экономическомъ отношеніи весьма неудовлетворительна. Въ ней также угодій не показано, и владѣльческихъ имѣній въ уѣздахъ за посадскими людьми не числятся. Что касается до занятій, то хотя и есть нѣкоторые указанія, но въ такомъ ничтожномъ количествѣ, которое заставляетъ подозрѣвать неполноту этихъ указаній. Именно, изъ всѣхъ посадскихъ 106 дв. 146 чел. (съ 2 дворниками) по занятіямъ названо всего 5 человекъ, — и всѣ они ремесленные люди, значить 4 $\frac{1}{2}$ —3 $\frac{1}{2}$ % посадскаго населенія и 4 $\frac{1}{2}$ —3% всего городского населенія. Остальные 101 дв. 141 чел. рѣшительно неизвѣстно чѣмъ занимались. Земцевъ совсѣмъ не было (дворъ былъ, но въ немъ были 2 дворника). Итакъ остается судить также по описи 1569 г. ¹⁾.

По описи 1569 г. всѣхъ посадскихъ дворовъ считалось 105 дв. 149 чел. Но изъ нихъ по занятіямъ обозначено всего 32 дв. 39 чел. и всѣ они принадлежали къ рядовымъ людямъ. Остальные 73 дв. 110 чел. по занятіямъ не обозначены. Для опредѣленія занятій этихъ необозначенныхъ лицъ рассмотримъ, какія угоды и доходныя статьи были у посадскихъ людей. *Во-первыхъ*, при всѣхъ почти дворахъ были огороды. Исключеніе составляютъ 19 дв., при которыхъ не было огородовъ. Но изъ нихъ только 2 дв. приходились на долю ремесленныхъ и торговыхъ людей и 1 дв. на долю церков-

¹⁾ Всюду въ счетъ людей непашенныхъ, обозначенныхъ по занятіямъ, я вносилъ отцовъ безъ ихъ дѣтей. Но отсюда невѣрность въ числѣ не обозначенныхъ рыболововъ и огородниковъ, ибо въ ихъ число вошли и дѣти непашенныхъ отцовъ съ обозначенными занятіями.

ныхъ. Остальные 16 дв. всё приходились на долю этихъ не обозначенныхъ лицъ, и изъ нихъ, значить, только 57 дв. имѣли огороды. Точно знать размѣры огородовъ отдѣльно отъ дворовъ невозможно, такъ какъ писецъ во многихъ случаяхъ измѣнялъ своей системой обозначенія площади двора отдѣльно отъ площадей огородовъ и показывалъ вообще площадь принадлежащаго владѣльцу мѣста. Но уже одинъ размѣръ этихъ площадей показываетъ, что огородничество не могло быть промысломъ жителей Ладоги, и существованіе небольшихъ огородовъ почти при каждомъ дворѣ показываетъ только, что огородничество было выгодно въ немъ, какъ подспорье при другихъ специальныхъ занятіяхъ и для домашняго обихода. Въ Ладогѣ на дворъ вмѣстѣ съ огородами приходилось въ среднемъ всего только 252 кв. саж., тогда какъ въ Орѣшкѣ на одни только огороды приходилось по 532—564 кв. саж. на каждый. Если выдѣлить изъ этихъ 252 кв. саж. хоть четверть на дворъ, то цифра, приходящаяся на долю огородовъ—около 180 кв. саж., покажетъ, что едва ли мыслимо специальное занятіе огородничествомъ на такомъ незначительномъ клочкѣ. Во-вторыхъ Ладожскіе посадскіе люди имѣли земельныя угодья, но въ такомъ опять-таки ничтожномъ количествѣ, что специально занимающихся пашней можно предположить или слишкомъ мало или ихъ и совсѣмъ не было. Последнее вѣроятнѣй, какъ объ этомъ можно судить изъ самой же описи. „Да у Ладожанъ же у посадскихъ людей, говорится въ описи ¹⁾, подъ посадомъ пашня въ разныхъ мѣстехъ, что была прежь сего за земци (за 2 челов.), 39²/₂ десятинъ, да пашни 5 десятинъ, сѣна ставится 50 коп.—на десятинѣ по 10 к.“; оброкъ въ государеву казну. Изъ этого видно, что за посадскими людьми было не изстари установившееся владѣніе землею, а недавно пріобрѣтенное отъ 2 земцевъ. Хотя и неизвѣстно, какъ давно эти земцы отказались отъ своей пашни, но, судя уже по тому, что опись усваиваетъ старымъ владѣльцамъ названіе „земцевъ“, видно, что это пріобрѣтеніе посада было весьма недавнее, такъ какъ названіе земцевъ за своеземцами окончательно можно считать утвердившимся только къ половинѣ XVI в. Такимъ образомъ Ладога изстари была совсѣмъ безъ земельныхъ владѣній, но около половины XVI в. получила въ видѣ угодья опустѣвшія отъ 2 земцевъ 40 десятинъ пашни и 5 дес. пожни. Замѣтимъ еще при этомъ, что такъ какъ земля пріобрѣтена отъ двухъ разныхъ владѣльцевъ, то она и оказывается „въ разныхъ мѣстехъ“. И ничтожность самаго количества пашни и сѣнокоса, и разбросанность его въ разныхъ мѣстахъ отнимаютъ возможность предполагать, что они были пріобрѣтены

¹⁾ Тамъ же, л. 315.

для земледѣлія. Если раздѣлить эти 40 десят. 50 коп. на 105 пос. дворовъ, то на дворъ бы пришлось всего немного болѣе $\frac{1}{2}$ дес. и $\frac{3}{4}$ копы. Ниже мы увидимъ, что въ окрестностяхъ Ладожскаго озера самостоятельное сельское хозяйство велось приблизительно при 5 десятинахъ на дворъ. Въ такомъ случаѣ для самостоятельнаго пашеннаго хозяйства 40 десятинъ могло хватить только 8 дворамъ. Но за то сѣна приходилось этимъ 8 дв. всего только по $6\frac{1}{4}$ копы, тогда какъ мы видѣли уже, что при пашенномъ хозяйствѣ нормальнымъ количествомъ было 10—25 копенъ на дворъ¹⁾. Такимъ образомъ даже и 8 дв. не могли вести правильнаго пашеннаго хозяйства на этихъ 40 десят. пашни, но при 50 копахъ сѣна. Остается одно только возможное употребленіе изъ этой пашни—это обращеніе ея въ выгонъ для городского скота. Мы здѣсь не можемъ привести даже приблизительнаго расчета, сколько дворовъ могло пользоваться этимъ выгономъ, или сколько дворовъ могло имѣть домашній скотъ, такъ какъ въ описи и намека нѣтъ для приблизительнаго расчета потребности отдѣльнаго двора, имѣющаго скотъ, въ количествѣ выгонной земли. Но несомнѣнно, что эта потребность существовала, и домашняго скота, вѣроятно, было не мало, такъ какъ плата за стереженіе его доставляла средства къ жизни отдѣльному посадскому двору, числящемуся въ описи за „пастухомъ“. Въ-третьихъ, Ладожскіе посадскіе люди имѣли рыбныя ловли. „Да у Ладожанъ же у *посадскихъ людей*, говоритъ опись²⁾, на оброкѣ по грамотѣ.... лѣта 7071, на р. Волховѣ да на Ладожскомъ озерѣ рыбныхъ ловель“: всего на Волховѣ $4\frac{1}{2}$ сивовыя тони да 8 тонъ вешнія ловли лещовыхъ, да на Ладожскомъ озерѣ вешнія лещовыя ловли 100 ($99\frac{1}{2}$) мѣстъ и осеннія ловли 11 лодокъ (въ нихъ участвовали и 2 земца)... „Да Ладожане жт. посадскіе *рыбные ловцы* даютъ оброку Ладожскаго порога цѣловальникомъ за рыбную ловлю съ 27 поиздовъ съ 54 человекъ“ столько-то. Это замѣчательное мѣсто описи показываетъ, что едва ли не всѣ 73 дв. 110 чел., занятія которыхъ въ описи не обозначены, занимались рыболовствомъ. По крайней мѣрѣ, несомнѣнно, что половина всего не обозначеннаго количества—54 чел., участвовавшіе въ 27 поѣздахъ, состояли изъ рыболововъ. А что это количество не выражаетъ всего количества рыболовческаго населенія Ладоги, а составляетъ только группу его, видно изъ того, что писецъ не сливаетъ этой группы въ 54 человека, составлявшихъ 27 поѣздовъ, съ остальными рыболовами, за которыми числились весеннія и осеннія

¹⁾ Моя статья въ Ж. М. П. Пр. 1876 г., июнь, стр. 227.

²⁾ А. М. И. Д. по Новг. № 7, л. 316—318, 320.

ловли на Ладожскомъ озерѣ и отчасти на Волховѣ,—и называетъ первыхъ „посадскими рыбными ловцами“ въ частности, а вторыхъ „посадскими людьми“ вообще, давая этимъ понять, что первые выдѣлились (временно, конечно) изъ вторыхъ для производства ловли въ Ладожскихъ порогахъ, въ чемъ вторые не участвовали. Ихъ отдѣльность видна и изъ того, что мѣсто ловель поѣзжанъ было слишкомъ удалено отъ Ладоги, чтобъ они могли поспѣвать участвовать въ рыбной ловлѣ и подъ Ладогой, и у Ладожскихъ пороговъ. Точное количество вторыхъ нельзя опредѣлить по описи, но, несомнѣнно, оно было не меньше первыхъ. Это видно изъ того, что только въ осеннюю ловлю отправлялось 11 лодокъ, а на каждую лодку полагалось по 3 человека ¹⁾. Значитъ, вычитая 2 земцевъ, участвовавшихъ тоже въ лодкахъ, только въ осенней ловлѣ участвовало 31 чел. посадскихъ, итого съ поѣзжанами 85 чел.

Если мы остановимся на этой вполне точно опредѣленной цифрѣ рыбныхъ ловцовъ, то и тогда останется неяснымъ, чѣмъ же занимались остальные 25 человекъ, занятія которыхъ въ описи не обозначены, и которые остаются внѣ опредѣленной цифры рыбныхъ ловцовъ. По всей вѣроятности, и эти 25 чел. должны быть причислены къ рыбнымъ ловцамъ, такъ какъ кромѣ 27 поѣздовъ и 11 лодокъ за посадомъ показаны еще вешнія ловли—100 мѣстъ въ Ладожскомъ озерѣ и 12¹/₂, тонъ въ Волховѣ.

Такимъ образомъ посадское население Ладоги въ 1569 г. состояло изъ двухъ только элементовъ: рядовичей и рыболовей. Въ отношеніи къ посадскому населенію—ко всѣмъ 105 дв. 149 чел., первые составляли (32 дв. 39 ч.)—30¹/₂—26%, вторые (110 ч.)—69¹/₂—74%; а по отношенію ко всему городскому населенію—ко всѣмъ 115 дв. 161 чел., первые составляли 28—24%, вторые—63¹/₂—68%.

Такъ какъ и въ Орѣшкѣ, и въ Ладогѣ и общее количество городскихъ дворовъ и людей, и, въ частности, количество посадскихъ дворовъ и людей почти тождественны и въ 1500 и въ 1569 гг., то примѣненіе къ 1500 году выводовъ 1569 г. будетъ только повтореніемъ цифръ и процентовъ, добытыхъ за этотъ послѣдній годъ.

Въ Корѣлѣ въ описи 1500 г. всѣ посадскіе люди раздѣлены на три категоріи: рядовыхъ людей, рыболовей и людей безъ промысла, кромѣ того въ дворахъ своеземцевъ и одного помѣщика жило 17 дворниковъ. Что разумѣлось подъ рядовыми людьми—это

¹⁾ Кажется, было оффиціальной нормой въ поѣздахъ полагать по 2 чел. на поѣздъ, а въ лодкахъ—по 3 чел. на лодку: такъ, въ рядѣхъ Креницы въ 18 лодкахъ полагалось тоже по 3 чел. на лодку, а въ 8 поѣздахъ—по 2 чел. на поѣздъ. Тамъ же, л. 361, 376, 380.

мы знаемъ уже изъ понятій о рядкѣ и рядовскомъ населеніи: это были ремесленно-торговые люди. Въ числѣ „людей безъ промысла“ 6 скомороховъ, 1 калѣка, 1 вдова, 11 человекъ безъ занятій (вѣроятно, жили наймомъ) и, наконецъ, что странно, бочечники—всего 20 чел. Никакихъ угодій земельныхъ или владѣльческихъ не показано, а также и ближайшихъ занятій рядовыхъ людей. Поэтому, соединяя группы рядовыхъ людей, безъ промысла и дворниковъ въ одну—непашенную, будемъ имѣть (47 дв. 59 ч. ряд., 20 дв. 20 ч. безъ пр., 17 дворниковъ=) 67 дв. 96 чел. Рыболовей, въ томъ числѣ 2 рыбол. „перевозники“, считалось 121 дв. 265 чел. Всего посадскихъ людей 188 дв. 361 чел. (безъ дворниковъ 344) изъ всѣхъ 230 дв. 403 чел. городскихъ жителей. Такимъ образомъ рядовичи составляли 36—27% посадскаго населенія и 29—24% всего городского населенія, а рыболовы составляли 64—73% посадскаго населенія и 52¹/₂—66% всего городского населенія.—Своеземцы разсматриваются отдѣльно отъ посадскихъ и всѣ были помѣщиками въ окрестныхъ погостахъ.

Въ 1569 г. по занятіямъ изъ всего посадскаго населенія 399¹/₂ дв. 581 чел. обозначено по занятіямъ (52 дв. 61 чел. рем., 5 торг. люд. и 1 дв. 1 чел. имѣлъ мельницу, да еще 1 хлѣбникъ и 1 мельничникъ имѣли мельницы, 3 дворника, изъ которыхъ 1 скорнякъ) 59 дв. 69 чел., и, кромѣ того, 1 дв. 1 чел. рыболовецкій. Для рѣшенія вопроса о занятіяхъ остальныхъ дворовъ и людей необходимо разсмотрѣть, какія угодья и принадлежности двора были у посадскихъ людей. Во-первыхъ, были огороды за 140 дворами. Но, минуя уже то, что изъ нихъ 28 дв. принадлежатъ людямъ съ обозначенными занятіями (рем., служ. и церк.) и, слѣдовательно, изъ не обозначенныхъ дворовъ имѣло огороды только 112 дв., самые огороды были такъ незначительны, что и мысли не допускаютъ о специальномъ занятіи огородничествомъ. Даже па дворы вмѣстѣ съ огородами приходится всего въ среднемъ 54 кв. саж. Если же отдѣлить дворы отъ огородовъ, то отношеніе составитъ еще бѣднѣе. Въ 32 дв. было 906 кв. саж., т.-е. на дворъ приходилось по 28 кв. саж., а въ 32 огородахъ, находившихся при этихъ же дворахъ,—808 кв. саж., т.-е. наогородъ по 25¹/₄ кв. саж. Выходитъ, что огороды были даже меньше дворовъ. Если сравнить это количество съ площадями огородовъ въ Орѣшкѣ и даже Ладогѣ, то увидимъ всю немыслимость огородничества въ Корѣлѣ. Корѣльскіе огороды были въ 7 разъ меньше Ладожскихъ и въ 22 раза меньше Орѣховскихъ. Если мы усомнились въ существованіи дворовъ, занимавшихся специально огородничествомъ, даже въ Ладогѣ, то очевидно, что въ Корѣлѣ это само собою разумѣется. Во-вторыхъ, у посада была пашенная земля. „Пашни посадскихъ людей, говоритъ опись, кругъ посаду въ разныхъ мѣstech и съ отхожими пашнями 45 де-

сятинъ, сѣна кругъ посаду и на отхожихъ пашняхъ 500 копенъ¹⁾. И здѣсь мы встрѣчаемъ почти такое количество, какъ и въ Ладогѣ, и такъ же она разсѣяна въ разныхъ мѣстахъ, иногда и отдаленныхъ отъ посада (отхожія). Поэтому и относительно Корѣлы, какъ относительно Ладоги, возникаетъ вопросъ: должно ли признать эту пашню за выгонную посадскую землю или же за обрабатываемую подъ пашню? Несмотря на то, что въ числѣ посадскихъ не упоминается о дворѣ „пастуха“, какъ это было въ Ладогѣ, ничтожность количества земли и то соображеніе, что, если она занята была пашнею, то посадъ долженъ былъ остаться безъ выгона, заставляютъ склониться къ тому мнѣнію, что въ Корѣлѣ не было людей, занимавшихся пашней специально. Однако здѣсь можно предположить нѣкоторое количество людей, занимавшихся земледѣліемъ хотя и неспециально, но какъ подсобнымъ; это возможно потому, что для выгона было, кажется, весьма достаточно и одного луга, который, судя по количеству добываемаго сѣна, равнялся 50 десятинамъ (на десятинахъ ставилось въ Ладогѣ и Орѣшкѣ по 10 копенъ); часть земли была выдѣлена дьякону и дьячку — по $\frac{1}{2}$ десятины. Участіе въ этомъ лугу могло доставлять средства для содержанія необходимаго въ пашенномъ хозяйствѣ скота тѣмъ лицамъ, которые занимались пашнею. Однако количество такихъ лицъ не могло быть велико. Для опредѣленія его возьмемъ примѣры того же года изъ ближайшаго къ Корѣлѣ погоста Воскресенскаго Городенскаго. „Въ чернокупскихъ деревняхъ... починки: всего 3 починка да 1 пустошь, и въ нихъ 3 дв. 6 чел., пашни 15 четей въ полѣ, а въ дву потому жъ ($1\frac{1}{2}$ обжи), да перелогомъ во всѣхъ трехъ поляхъ 3 чети“ (въ обжи неположено). Итакъ 3 двора обрабатывали пашню въ 45 четей, т.-е. на дворъ по 15 четей.—За городовымъ принащикомъ Туруборовымъ были 2 починка въ 3 дв. 5 чел., пашни средней земли 10 четей въ полѣ, а въ 2 потомужъ (1 обжа), т.-е. 30 четей—по 10 четей на дворъ.—29 дворовъ крестьянскихъ обрабатывали 102 чети въ полѣ, а въ 2 потомужъ, т.-е. 306 четей—по 11 четей на дворъ²⁾. Изъ этихъ примѣровъ видно, что въ пашенномъ хозяйствѣ можно положить среднимъ числомъ 10 четей на дворъ, что составитъ 5 десятинъ на дворъ. Если принять эту цифру, то на 45 десятинахъ могло вести хозяйство только 9 дворовъ. Всего же естественное предположить, что специально пашенныхъ хозяйствъ на этомъ незначительномъ участіи не велось по слишкомъ малому количеству земли, а занимались пашней многіе изъ жителей посада, но въ такомъ же видѣ,

¹⁾ Тамъ же, л. 500.

²⁾ Тамъ же, лл. 585—586, 527.

какъ въ Орѣшкѣ рыбныя ловцы, т.-е. въ видѣ подспорья для житейскаго обихода: нѣкоторые изъ хозяевъ засѣвали одну десятину, двѣ, много три, оставаясь въ то же время при своихъ главныхъ занятіяхъ, какъ въ Орѣшкѣ—при рыболовствѣ или при огородничествѣ. Такимъ образомъ чисто пашенныхъ дворовъ мы и въ Корѣлѣ не признаемъ,—тѣмъ болѣе, что, если они и были, то не болѣе 9 дворовъ, слѣдовательно, составляли весьма ничтожный процентъ и посадскаго населенія ($2\frac{1}{4}$), и городского ($2\frac{1}{32}$).—Въ-третьихъ, наконецъ, были рыбныя ловли. Къ сожалѣнію, однако жъ, ни количество принадлежавшихъ собственно корѣльскимъ посадскимъ людямъ рыбныхъ ловель, ни количество участвовавшихъ въ нихъ дворовъ невозможно опредѣлить по описи, такъ какъ рыбныя ловли показаны за посадскими людьми вовсе съ жителями погоста. „Да за Корѣляны жъ, говорить опись,... за всѣми посадскими людьми Корѣльского городка, да Корѣльского же городка за 2 монастыря, да... за кн. Сем. Путятинимъ, да за 2 братьями Рокульскими и всего Воскресенскаго погоста за дѣтьми боярскими и за земцы и за ихъ крестьяны по грамотѣ... 7072 г. въ Коневыхъ водахъ да въ озерѣ Узериѣ (что течетъ изъ Коневыхъ водъ въ Ладожское озеро), да въ р. Остречинѣ и Пернаѣ, да въ рѣчкахъ Ботковѣ и Кривой и въ малыхъ рѣчкахъ, которыя текутъ изъ р. Пернаи, на оброкѣ рыбная ловля, да на усть рѣки Узеры 3 тони, что ловили ихъ Кореляне жъ на намѣстниковъ“; оброкъ въ государеву казну ¹⁾). Изъ этого видно, что опредѣлить количество посадскихъ людей, занимавшихся специально рыбной ловлей, нѣтъ возможности. Однако, ихъ не могло быть мало, такъ какъ еще въ 1500 г. они составляли 64—73% посадскаго населенія.

Поэтому на будетъ странно, если предположить, что всѣ не обозначенные дворы (за исключеніемъ 3 старцевъ) по занятіямъ принадлежали къ рыболовамъ, такъ какъ увеличеніе процента будетъ всего на 20—14. Это увеличеніе могло быть и еще меньше, принимая во вниманіе неизвѣстность, окружающую 45 десятинъ пашни, и могло дойти до 15—10%. Но мы примемъ для круглоты счета всю сумму неизвѣстныхъ по занятіямъ людей (безъ 3 старцевъ) — 338 дв. 509 чел.—за принадлежащую къ рыбнымъ ловцамъ. Въ такомъ случаѣ рядовичи (59 дв. 69 чел.) составятъ въ отношеніи къ посадскому населенію въ 400 дв. 581 чел. $15\frac{1}{2}$ (со старцами)— $12\frac{1}{2}$, а рыболовы $84\frac{1}{2}$ — $87\frac{1}{2}$ %; а въ отношеніи ко всему городскому населенію—къ 440 дв. 630 чел. рядовичи составятъ $13\frac{1}{2}$ — $11\frac{1}{2}$ %, а рыболовы—77—81%.

¹⁾ Тамъ же, л. 507

Изъ земцевъ 8 дв. разсматриваются, какъ пetyаглые, и только одинъ дворъ въ числѣ тяглыхъ—безъ огорода. Но всѣ они были помѣщиками окрестныхъ погостовъ и именно въ качествѣ помѣщиковъ участвовали, какъ мы видѣли, въ общей погоста собственности—въ рыбныхъ ловляхъ.

Что касается южныхъ городовъ, то относительно состава посадскаго населенія мы находимся въ полной неизвѣстности, такъ какъ за весь XVI вѣкъ ни отъ одного изъ нихъ не осталось описи. Только о Порховѣ изъ одного отрывка неполной описи Порховскаго уѣзда 1575—76 г. ¹⁾ можно сказать утвердительно, что въ немъ была посадская пашня и притомъ *живущая*—значить воздѣлываемая. „Въ городѣ Порховѣ на посадѣ живущіе посадскіе пашни 12¹/₂ вытей, а пустого непаханаго... (тутъ въ описи недостаетъ нѣсколькихъ листовъ). И обоего посадскіе живущіе и пустые пашни, что подѣ лянъ отдано, 35 вытей“ ²⁾. Больше этого ничего нельзя сказать ни о Порховѣ, ни объ остальныхъ южныхъ новгородскихъ городахъ.

Такимъ образомъ посадское населеніе сѣверныхъ новгородскихъ городовъ въ 1500 и 1569 гг., исключая своеземцевъ или земцевъ, все состояло изъ трехъ главныхъ элементовъ: рядовичей, рыболововъ и огородниковъ, съ незначительною примѣсью пашенныхъ занятій, составлявшихъ однако только подспорье при главныхъ специальныхъ занятіяхъ рыболовствомъ и ремеслами.

Вотъ итогъ процентныхъ отношеній этихъ трехъ элементовъ между собою (къ посадскому населенію) и ко всему городскому населенію:

¹⁾ Начало заглавія книги: „Лѣта 7..... князя Ивана Васильевича Московскаго наказу за принисью *исковскихъ* дьяковъ Инозема Жихарева да Третьяка Петрова“, такіе-то писал и самъ дозирали“ (листь 1). Ниже: „Въ Окологородѣ Порховскомъ *старого* городища 1 храмъ пустой и 8 дворища церковныя пусты“ (л. 5). А. М. И. Д. по стар. кат. № 6, по нов. № 7.

²⁾ Тамже, л. 3 и 4. Трудно опредѣлить, чему здѣсь равна выть, но въ ней было не менѣе 10 четей въ трехъ поляхъ; такъ: 1¹/₂ чети въ полѣ, а въ 2 потомужъ—¹/₂ выти (л. 189), значить 1 выть 9 четей; или: всего пашни 258 вытей 8 четей съ осипною (л. 310), значить, 8¹/₂ четей не составляли выти.

	1 5 0 0 г.						1 5 0 0 г.					
	Рыболовск.			Радончег.			Рыболовск.			Огородников.		
	дворовъ.		о/о	двор.		о/о	дворовъ.		о/о	двор.		о/о
	дворовъ.	о/о	двор.	двор.	о/о	двор.	дворовъ.	о/о	двор.	дворовъ.	о/о	дворовъ.
Ивангородъ. Пос. 106 дв. Всего гор. 167 дв. гор.	60	59	—	45	41	—						
Копорье. Пос. 11 дв. 11 чел. пос. Всего гор. 22 дв. 24 ч. гор.	—	36	—	—	26	—						
Яна. Пос. 88 дв. 119 ч. пос. Всего гор. 248 дв. 341 ч. гор.	—	—	—	4	36	—						
Оршечъ. Пос. 88 дв. 119 ч. пос. Всего гор. 248 дв. 341 ч. гор.	58	79	66	30	40	34	40	54	34	27	19	57
Пос. 155 дв. 294 ч. пос. Всего гор. 200 дв. 335 ч. гор.	—	—	23	—	16	—	—	—	—	—	—	—
Ладога. Пос. 106 дв. 146 ч. пос. Всего гор. 114 дв. 154 ч. гор.	—	—	—	5	4	3	73	110	69	74	—	—
Корѣла. Пос. 188 дв. 361 ч. пос. Всего гор. 230 дв. 403 ч. гор.	121	265	64	67	36	27	338	509	84	57	81	11
	—	52	2	—	29	24	—	—	—	—	—	—
Пос. 647 дв. 968 чел. Всего гор. 786 1071 чел.	—	—	—	—	—	—	460	678	79	115	64	17
	—	—	—	—	—	—	—	—	69	12	145	18
	—	—	—	—	—	—	—	—	62	100	125	15
	—	—	—	—	—	—	—	—	62	100	125	15

Такимъ образомъ самый многочисленный элементъ въ посадскомъ населеніи былъ рыболовческій: онъ составлялъ $\frac{2}{3}$ посадскаго населенія въ приладожскихъ городахъ и около $\frac{2}{3}$ въ лужскихъ городахъ. Остальная $\frac{1}{3}$ посадскаго населенія выпадала на долю огородниковъ и рядовичей въ приладожскихъ городахъ и дѣлилась между тѣми и другими поровну. Должно здѣсь впрочемъ замѣтить, что въ числѣ дворовъ и людей, не обозначенныхъ въ описи по занятіямъ и которыхъ мы болѣею частью отпесли къ рыболовамъ, числилось значительное количество вдовъ. Но мы относимъ ихъ къ числу людей съ опредѣленными занятіями на основаніи указанія описи. Въ описи Корѣлы 1500 г. ¹⁾ упоминается 5 вдовъ -- и 4 изъ нихъ въ числѣ рыболововъ, а 1 -- въ числѣ людей безъ промысла. Значить, исключить вдовъ изъ числа промышленнаго населенія можно было бы только тогда, еслибы была возможность опредѣлить ихъ отношенія къ лицамъ, въ „кости“ которыхъ они считались. А это невозможно. Видно только, что они были участницами -- лично ли или не лично -- въ рыбныхъ промыслахъ и потому должны быть описаны къ рыболовамъ. По всей вѣроятности, было и нѣкоторое количество людей безъ промысла, по никакихъ данныхъ для опредѣленія ихъ количества не имѣется. Только въ Корѣлѣ въ 1500 г. названо изъ 230 дворовъ лишь 20 дв., но между ними 6 дв. оказывается скомороховъ, 1 дв. бочечника, т.-е. людей, имѣвшихъ доходное занятіе. Тамъ же въ 1569 г. изъ 440 дворовъ названо 2 старца и 1 старица, но они отнесены къ числу молодшихъ людей. Другихъ указаній нѣтъ. Но и изъ этихъ двухъ фактовъ видно, что ихъ количество не было настолько значительно, чтобы могло повліять на измѣненіе пропорціи рыболововъ къ другимъ разрядамъ посадскихъ людей.

Что касается до своеземцевъ или земцевъ, то ихъ участіе въ посадской жизни было крайне незначительно и главной ихъ сферой дѣятельности, какъ мы видѣли изъ описи Ивангорода и Лмы, служило землевладѣніе, основанное на служебномъ ихъ значеніи. Изъ посадскихъ промысловъ они ни въ какомъ не участвовали въ значительномъ количествѣ. Все ихъ участіе въ нихъ ограничивается слѣдующими данными. Въ Лмѣ въ 1500 г. изъ своеземцевъ 3 дв. 3 чел. было 2 сапожника и 1 лучникъ; въ Ладогѣ 1569 года 1 лодка была за 2 земцами; въ Орѣшкѣ 1 земець называется рыбнымъ ловцомъ. Изъ всѣхъ 157 дворовъ 227, чел. числившихся за ними въ этихъ городахъ, всего 6 дв. 6 земцевъ участвовали въ посадскихъ занятіяхъ; остальные 151 дв. 221 чел. представляютъ специально служило-владѣльче-

¹⁾ Временникъ Общ. Ист. и Др., кн. 12, стр. 1—3.

скій классъ, чуждый посаду. Замѣчательно, впрочемъ, что въ 1569 г. въ Орѣшкѣ изъ всѣхъ 12 дв. земцевъ 1 занимался рыболовствомъ (а 2 были толмачемъ и разсылщикомъ), а въ Ладогѣ едипственные 2 дв. земцевъ принадлежали къ нимъ же, тогда какъ въ 1500 г. въ Ямѣ изъ 143 дв. 213 чел. земцевъ едва 3 дв. нашлось съ ремесленными занятіями. Быть можетъ, это указываетъ на поразительное измѣненіе въ бытѣ и правахъ ихъ съ тѣхъ поръ, какъ изъ своеземцевъ они стали переходить постепенно въ земцевъ—изъ вотчинниковъ въ помѣщиковъ. Они низшли до низшихъ ступеней служилой лѣстницы и до занятій черныхъ, тогда какъ въ 1500 г. они стояли наравнѣ съ дѣтymi боярскими.

Обозрѣніе состава населенія было бы неполно, еслибы мы ограничились указаніемъ только на главные группы, на которыя дѣлилось оно по занятіямъ жителей, и не указали бы на составъ самыхъ группъ. Дѣло въ томъ, что не всѣ эти группы представляютъ простую недѣлимую единицу: таковы были только группы огородниковъ, рыболововъ и пашенныхъ. Группа же, названная нами рядовою, представляетъ весьма сложную единицу и притомъ запутанную. Это побуждаетъ насъ къ ближайшему осмотру въ частности состава рядовского населенія посадовъ. При этомъ замѣтимъ, что для сужденія о составѣ рядовского населенія мы имѣемъ данныя только отъ двухъ годовъ—отъ 1500 и 1569, и притомъ только отъ 6 городовъ; именно отъ 1500 остались описи съ указаніемъ на занятія жителей отъ 4 городовъ: Копорья, Ивангорода, Ямы и Ладоги ¹⁾; отъ 1569 г.—отъ трехъ приладожскихъ городовъ: Орѣшка, Ладоги и Корѣлы ²⁾.

Рядовское населеніе по занятіямъ можетъ быть раздѣлено на три группы: а) ремесленныхъ людей, б) торговыхъ людей и с) людей, жившихъ предложеніемъ личныхъ услугъ. Однако дѣленіе это не всегда можетъ быть проведено съ надлежащей точностью—по незнанію точнаго значенія словъ, обозначающихъ названіе занятій; таковы: красильникъ, стекольникъ. Какъ понимать эти названія? Должно ли разумѣть подъ красильниками и стекольниками приготовителей красокъ и стекла или же только продавцовъ этихъ товаровъ заграничнаго приготовленія? Подъ гусельниками должно ли разумѣть приготовителей гуслей или нѣчто въ родѣ бродячихъ пѣвцовъ, также

¹⁾ Новг. писц. книги т. III, стр. 494, 957, 879; объ Ивангородѣ — Арх. Мин. Ин. Д. по Пскову № 2. Описи Орѣшка и Корѣлы (Временникъ XI, III; XII, I) безъ указанія занятій рядовичей; въ Корѣлѣ указаны 2 перевозника въ числѣ рядовичей, да 1 бочечникъ и 6 скомороховъ въ числѣ 20 чел. безъ промысла.

²⁾ Арх. Мин. Ин. Д. по Новг. № 7, л. 207, 290 и 454.

называемых гусельниками? Въ одномъ случаѣ дворникъ является скорнякомъ, и мы отнесли его къ ремесленнымъ людямъ. Невозможность точности въ разграниченіи дѣленія видна также и изъ того, что количество собственно торговыхъ людей не совпадаетъ съ количествомъ торговыхъ мѣстъ въ городахъ. Въ Орѣшкѣ торговыхъ людей совсѣмъ не обозначено, а изъ ремесленныхъ людей обозначены только приготовители одежды 7 дв., 1 скорнякъ, 5 плотниковъ, 1 рѣшетникъ и 1 красильникъ — всего 15 дв., а амбаровъ считалось также 15 и всѣ они принадлежали посадскимъ людямъ. Кто же въ нихъ торговалъ, если торговыхъ людей не обозначено? Точно также въ Ладогѣ людей, могшихъ торговать, насчитывается 4 мясника, 1 щепетанъ, 6 хлѣбн., 1 калачн., 2 горшечн. (8 молодыхъ?)—всего 14 дв., остальные 16 дв. были ремесленники. Между тѣмъ торговыхъ мѣстъ, принадлежавшихъ посадскимъ людямъ, насчитывается 33. Въ Корѣмѣ торговыхъ людей можно насчитать: 1 торг. чел., 3 мясн., 1 стек., 1 крас., 1 хлѣбн., 2 горшечн., всего 9 торг. людей; остальные 37 были ремесленные люди, а торговыхъ мѣстъ считалось за посадскими людьми 19 и 13. Изъ этого можно заключить, что торговлей занимались далеко не одни только такъ-называемые „торговые люди“: ею занимались и ремесленники (а, быть можетъ, даже и рыболовы и огородники), тѣмъ болѣе, что торговые мѣста въ этихъ городахъ были расположены не въ ряду, не на площади, какъ это было въ Новгородѣ, а на улицахъ, по дворамъ и противъ дворовъ. Поэтому мы всѣхъ названныхъ (красильники, стекольники, гусельники) отнесли къ ремесленнымъ людямъ, подразумѣвая, что они могли заниматься и торговлей. Кромѣ того, въ числѣ занятій есть и такія, которыя или не относятся ни къ какой изъ названныхъ группъ—таковы: пожники, скоморохи, бапникъ, молничникъ и корчить или же непонятны по значенію, таковы: строи. Всѣхъ этихъ мы исключили совсѣмъ изъ группъ рядовскихъ, но будемъ указывать, въ какихъ городахъ они упоминаются.

Въ Копорѣ, какъ мы уже выше замѣчали, названо всего рядовскихъ людей 4 дв., именно: колпачникъ, скоморохъ, сѣдельникъ и строй. Изъ нихъ скоморохъ относится къ числу безпромышленныхъ людей, а значеніе слова строй неизвѣстно. Такимъ образомъ въ Копорѣ мы имѣемъ 2 дв. ремесленныхъ.

Въ Итѣ рядовскихъ 30 дв. 40 чел. Изъ нихъ ремесленныхъ людей: 3 портныхъ мастеровъ, 1 швецъ, 1 кожевникъ, 3 кузнеца, 3 плотника, 1 ковшачникъ, 1 токарь-дворникъ, 2 горньчара, 1 дегтярь, всего 16 чел.; торговцевъ: 2 москотилника, 1 мясникъ, 1 калачникъ, всего 4 чел.; изъ людей, жившихъ предложеніемъ

личныхъ услугъ: 7 дворниковъ ¹⁾, 4 пастуха, всего 11 чел. Кромѣ того изъ своеземцевъ названо 3 дв. ремесленныхъ людей: 2 сапожника и 1 лучникъ ²⁾. И здѣсь встрѣчаются 7 скомороховъ и 1 строй, да кромѣ того 1 корчмитъ, т.-е. содержатель корчмы. Итакъ въ Ямѣ въ 1500 г. всего числилось 19 чел. ремесленныхъ (и съ своеземцами), 4 чел. торговцевъ и 11 чел. рабочихъ — всего 34 человека. Значить, ихъ взаимныя отношенія выражаются цифрами: ремесленниковъ 55^{18/110}%, торговцевъ 11^{13/110}% и работниковъ 32^{8/110}%. Въ отношеніи къ посадскому населенію рем. 15^{115/119}, торг. 3^{43/119}, раб. 9^{29/119}. Въ отношеніи къ городскому (341 ч.)—рем. 5^{125/341}, торг. 1^{29/341}, раб. 3^{77/341}%.
³⁾

Въ Ивангородѣ рядовскихъ 43 дв. (безъ 2 огородниковъ). Изъ нихъ ремесленниковъ: 1 швецъ, 1 овчинникъ, 4 кузнеца, 5 плотниковъ, 1 торочечникъ ³⁾, 1 гребникъ, 1 учанникъ ⁴⁾, 1 жорновникъ—всего 15 чел.; торговцевъ: 3 купца, 1 бѣлочникъ (тоже купецъ), 1 москотиликъ, 1 вощечникъ, 6 мясниковъ, 2 хлѣбника, 5 калачниковъ — всего 19 чел. Людей, жившихъ предложеніемъ личныхъ услугъ: 5 извозниковъ, 2 перевозника, 1 дрягиль—всего 8 чел.

Кромѣ того, названъ 1 банникъ, т.-е. содержатель бань (бань-

¹⁾ Понятіе о древнемъ дворничествѣ очень темно, но во всякомъ случаѣ оно было далеко отъ современнаго понятія о дворничествѣ, такъ какъ древне-русскіе дворники жили только въ пустыхъ дворахъ чужихъ и обязаны были наблюдать за ихъ цѣлостію. Но были ли они наемные люди, какъ теперь и, если наемные, то ихъ обязательства въ отношеніи къ хозяину были ли похожи на современные или нѣтъ? На эти существенныя вопросы мы не находимъ въ источникахъ отвѣта. Должно только замѣтить, что дворники а) считались посадскими тяглыми людьми (что отличаетъ ихъ отъ бобылей), б) однакоже никогда не вносились въ дѣленіе посадскихъ по зажиточности (на лучш., среднихъ и мол.), а всегда рассматривались отъ нихъ отдѣльно, даже не смотря на то, что в) иногда они занимались и ремеслами. При этомъ интересенъ фактъ, что въ Ямѣ въ одномъ посадскомъ дворѣ дворникомъ называется братъ владѣльцевъ двора (дворъ Куземкинъ да Микиткинъ съ братьею, а въ немъ ихъ же братъ Левонко“. Н. П. Кн. III, 884). Мы отнесли дворниковъ въ число людей, живущихъ предложеніемъ личныхъ услугъ, — только въ формальномъ отношеніи, какъ людей обязанныхъ стеречь и наблюдать за безопасностію пустыхъ дворовъ. Въ матеріальномъ же отношеніи мы относили ихъ къ тѣмъ классамъ, къ которымъ они принадлежали по занятіямъ: такъ, токарь-дворникъ отнесенъ нами къ ремесленнымъ людямъ.

²⁾ Лучникъ—приготовитель луковъ; это имя должно отличать отъ названія „луковникъ“, которымъ въ Можайскѣ обозначался продавецъ лука.

³⁾ Торочечникъ — отъ торчъ, древко, на которое насаживалось конье, или отъ торчъ—названіе щита, середина котораго возвышалась по оканчивалась остріемъ въ родѣ коня (Голл., III).

⁴⁾ Учанникъ (отъ учанъ, названіе особаго рода лодокъ)—строитель лодокъ.

щикъ?). Итакъ въ Ивангородѣ считалось всего: 15 чел. ремесленниковъ, 19 чел. торговцевъ и 8 чел. рабочихъ—всего 42 чел. Значить, ихъ взаимныя отношенія выразятся цифрами: ремесленниковъ $35^{15}/_{21}\%$, торговцевъ $45^{9}/_{21}\%$ и рабочихъ $19^{1}/_{21}\%$. Въ отношеніи къ посадскому населенію (136) рем. $11^{12}/_{11}$, торг. $13^{20}/_{24}$, раб. $5^{15}/_{11}$. Въ отношеніи къ городскому населенію (200) рем. $7^{1}/_{2}$, торг. $9^{1}/_{2}$, раб. $4^{0}/_{0}$.

Въ Ладогѣ въ 1500 г. рядовскихъ 5 дв. 6 чел. Изъ нихъ ремесленниковъ: 1 портной мастеръ, 1 скорнякъ, 1 кожевникъ, 1 плотникъ, всего 4 чел.; торговцевъ ни одного; рабочихъ 2 дворника; да упоминается 1 строй. Такимъ образомъ въ Ладогѣ въ 1500 г. числилось всего 4 чел. ремесленниковъ и 2 рабочихъ, всего 6 чел. Значить, ихъ взаимныя отношенія выразятся цифрами: ремесленниковъ $66^{2}/_{3}\%$, рабочихъ $33^{1}/_{3}\%$. Въ отношеніи къ посадскому населенію (146 чел.) рем. $2^{54}/_{72}$, раб. $1^{27}/_{72}\%$. Въ отношеніи къ городскому населенію (154 чел.) рем. $2^{46}/_{71}$, раб. $1^{22}/_{71}\%$.

Такимъ образомъ въ четырехъ городахъ 1500 г. было рядовскихъ 93 чел. Изъ нихъ ремесленниковъ: 4 портныхъ мастера, 2 швеца, 1 калачникъ, 1 овчинникъ, 2 сапожника, 2 кожевника, 1 скорнякъ, 1 сѣдельникъ, 7 кузнецовъ, 9 плотниковъ, 1 гребникъ, 1 ковшачникъ, 1 торочечникъ, 1 лучникъ, 1 учанникъ, 1 токарь, 2 горньчара, 1 жорновникъ, 1 дегтарь; всего 40 чел.; торговыхъ людей: 3 купца, 1 бѣлочникъ, 1 вощечникъ, 3 москотилника, 7 мясниковъ, 2 хлѣбника, 6 калачниковъ; всего 23 чел.; людей, жившихъ предложеніемъ личныхъ услугъ: 9 дворниковъ, 5 язвошниковъ, 2 перевозчика, 1 дрыгиль, 4 пастуха, всего 21 чел. Кромѣ того, упоминаются: неремесленные—8 скомороховъ, 1 корчмистъ, 1 банникъ и неизвѣстныхъ по занятію—3 строя, всего 13 чел. Итакъ въ 4 городахъ числилось всего 40 чел. ремесленниковъ, 23 чел. торговцевъ и 21 чел. рабочихъ, всего 84 чел. Значить, ихъ взаимныя отношенія выразятся цифрами: ремесленниковъ $47^{13}/_{21}\%$, торговцевъ $27^{9}/_{21}\%$ и рабочихъ $25^{0}/_{0}$. Въ общемъ рядовскомъ населеніи (93 чел.) ремесленные составляли $43^{1}/_{22}\%$, торговые $24^{20}/_{22}\%$, рабочіе $22^{54}/_{32}$; остальные $13^{31}/_{32}\%$ приходятся на долю скомороховъ, корчмиста, банника и строевъ. Въ посадскомъ населеніи ремесленники составляли $9^{12}/_{102}$, торговцы $5^{20}/_{102}\%$ и работники $5^{10}/_{102}\%$. Въ городскомъ населеніи ремесленники составляли $5^{105}/_{179}\%$, торговые люди $3^{20}/_{179}\%$ и рабочіе $2^{167}/_{179}\%$.

Что касается до видовъ ремесленно-торгового производства, то ихъ легко опредѣлить изъ самыхъ предметовъ производства. Ремесленное производство дѣлится на 6 видовъ: 1) обработка полотна—портные, швецы и колпачники, всего 7 чел.; 2) обработка кожъ—

овчинники, кожевники, сапожники, скорняки, всего 6 чел.; 3) обработка желѣза—7 кузнецовъ; 4) обработка дерева—сѣдельники (дерево и кожа), гребники, торочечники (щиты — желѣзо и дерево), лучники, ковшечники, учанники (лодки), токари, плотники—всего 16 чел.; 5) обработка камня и глины—гончары и жорновники, всего 3 чел.; 6) 1 дегтаре. Такимъ образомъ въ отношеніи къ общему числу ремесленныхъ людей (40 чел.):

обрабатыв.	полотно	составить . . .	17 ^{1/2} %
„	кожи	„ . . .	15 „
„	желѣзо	„ . . .	17 ^{1/2} „
„	дерево	„ . . .	40 „
„	камень и глину	„ . . .	7 ^{1/2} „
„	дегтари	„ . . .	2 ^{1/2} „

Торговое производство можно раздѣлить на два вида: а) собственно купеческое—купцы, москотилники, вощечники и бѣлочники—всего 8 чел.; б) торговля съѣстными припасами—мясники, хлѣбники и калачники, всего 15 чел. Значить, въ общемъ счетѣ торговцевъ купцы составятъ 34^{28/32}, а торговцы съѣстными припасами 65^{5/32}%. Въ отношеніи же ко всему рядовскому населенію (93 чел.):

обрабатывающіе	полотно	составляли. . .	7 ^{49/32} %
„	кожи	„ . . .	6 ^{42/32} „
„	желѣзо	„ . . .	7 ^{49/32} „
„	дерево	„ . . .	17 ^{19/32} „
„	камень и глину	„ . . .	3 ^{21/32} „
„	дегтари	„ . . .	1 ^{7/32} „
„	купцы	„ . . .	8 ^{56/32} „
„	торговцы	„ . . .	16 ^{12/32} „

Въ отношеніи къ посадскому населенію—ко всѣмъ 412 чел.

обрабатывающіе	полотно	составляли. . .	1 ^{72/102} %
„	кожи	„ . . .	1 ^{47/102} „
„	желѣзо	„ . . .	1 ^{72/102} „
„	дерево	„ . . .	3 ^{31/102} „
„	камень и глину	„ . . .	1 ^{5/102} „
„	дегтари	„ . . .	2 ^{5/102} „
„	купцы	„ . . .	1 ^{97/102} „
„	торговцы	„ . . .	3 ^{68/102} „

Въ отношеніи къ городскому населенію въ 716 дв.

обрабатывающіе	полотно	составляли . .	$\frac{175}{179}$ %
"	кожи	" . .	$\frac{180}{179}$ "
"	желѣзо	" . .	$\frac{175}{179}$ "
"	дерево	" . .	$2\frac{42}{179}$ "
"	камень и глину	" . .	$\frac{75}{179}$ "
	дегтяри	" . .	$\frac{25}{179}$ "
	купцы	" . .	$1\frac{24}{179}$ "
	торговцы	" . .	$2\frac{47}{179}$ "

Итакъ въ обрабатывающей промышленности подавляющій процентъ принадлежитъ обработкѣ дерева: она одна въ ремесленномъ производствѣ составляла 40%. Второе мѣсто послѣ нея занимала обработка полотна, кожи и желѣза при довольно равномерномъ распределеніи отдѣльныхъ производствъ: она составляла въ ремесленномъ производствѣ 50%, т.-е. на каждое производство около 17%. Значить, количество рукъ, занятыхъ обработкой дерева, было втрое больше количества рукъ занятыхъ обработкой полотна, кожи и желѣза, отдѣльно каждое взятыхъ. Остальные три производства составляли ничтожный процентъ въ 10, т.-е. на каждое производство около 3%.

Что касается до торговой промышленности, то на долю торговцевъ съѣстныхъ припасовъ выпадаетъ вдвое большій процентъ, чѣмъ на долю купцовъ, и первые по отношенію ко вторымъ представляютъ такое же отношеніе, какъ процентъ обрабатывающихъ дерево къ проценту обрабатывающихъ полотно, кожи и желѣзо—къ каждому изъ нихъ отдѣльно.

Вообще первое мѣсто въ промышленности занимала обработка дерева (25%), второе—продажа съѣстныхъ припасовъ (24), третье—купцы (13), четвертое—обработка полотна и желѣза (11) пятое—кожи (9½), наконецъ камня (5) и дегтя (1½%).

Наибольшій процентъ въ промышленности выпадаетъ такимъ образомъ на долю обработки дерева и торговли съѣстными припасами. Вчетверо меньшій процентъ — на долю купеческой дѣятельности, обработки полотна, кожи и желѣза. Остальные три производства были крайне слабо развиты. Только одна обработка дерева и торговля съѣстными припасами составляли въ рядовскомъ населеніи $33\frac{31}{100}$ %, т.-е. около 16% на каждое производство, тогда какъ всѣ 4 производства остальные составляли $30\frac{10}{100}$ % рядовскаго населенія т.-е. въ среднемъ всего по 7% на каждое производство; остальные же 3 производства составляли всего лишь $4\frac{25}{100}$ % рядовскаго населенія, т.-е. на каждое производство не много болѣе 1%.

Для болѣе точнаго представленія о вліяніи торговыхъ путей на характеръ рядовской промышленности, рассмотримъ составъ рядовскаго населенія городовъ, расположенныхъ на Лугѣ и Наровѣ,—Ивангорода и Ямы.

Подводя итоги вышепредставленнымъ нами описаніямъ этихъ городовъ, мы найдемъ, что составъ ихъ промышленнаго населенія былъ слѣдующій:

а) ремесленниковъ:

	въ Ивангор.	въ Ямѣ	Всего
обраб. полотно .	1 чел. 6 ² / ₁₀ %	4 чел. 21 ¹ / ₁₀ %	5 чел. 14 ¹³ / ₁₁ %
„ кожи .	1 „ 6 ² / ₁₀ %	3 „ 15 ¹⁵ / ₁₀ %	4 „ 11 ¹³ / ₁₁ %
„ желѣзо .	4 „ 26 ² / ₁₀ %	3 „ 15 ¹⁵ / ₁₀ %	7 „ 20 ¹⁰ / ₁₁ %
„ дерево .	8 „ 53 ¹ / ₁₀ %	6 „ 31 ¹² / ₁₀ %	14 „ 41 ² / ₁₁ %
„ кам. и гл. .	1 „ 6 ² / ₁₀ %	2 „ 10 ¹⁰ / ₁₀ %	3 „ 8 ¹⁴ / ₁₁ %
дегтарей .	„ „ „	1 „ 5 ⁵ / ₁₀ %	1 „ 2 ¹⁸ / ₁₁ %
всего рем.: .	15 „ „	19 „ „	34 „ „

б) торговцевъ:

купцовъ . .	6 „ 31 ¹¹ / ₁₀ %	2 „ 50%	8 „ 34 ¹² / ₁₁ %
торговцевъ .	13 „ 68 ¹ / ₁₀ %	2 „ 50%	15 „ 65 ⁵ / ₁₁ %
всего торг. .	19 „ „	4 „ „	23 „ „

Такимъ образомъ въ ремеслахъ преобладала подавляющимъ образомъ обработка дерева: въ Ивангородѣ она составляла около половины всѣхъ ремеслъ (53%), въ Ямѣ—31¹/₁₀%, а въ обоихъ городахъ вмѣстѣ 41%. Второе по количеству было здѣсь желѣзное производство, которое составляло около ¹/₁₀ всѣхъ ремеслъ и около ¹/₁₀ ремесла всего обработано дерева: въ обоихъ городахъ вмѣстѣ оно составляло 20% всѣхъ ремеслъ. Однако это только въ общемъ итогѣ ремеслъ. Въ городахъ же была разница: въ Ивангородѣ вторымъ по количеству была обработка желѣза и составляла 27%, а обработка полотна 7% всѣхъ ремеслъ; въ Ямѣ же вторымъ по количеству была обработка полотна и составляла 21% всѣхъ ремеслъ, тогда какъ желѣзо составляло всего 16%. Обработка кожи занимала третье мѣсто и составляла въ Ивангородѣ 7%, въ Ямѣ—16%, въ обоихъ около 11¹/₁₀% всѣхъ ремеслъ. Остальные три ремесла представляютъ ничтожный процентъ 11¹/₁₀%, на каждое ремесло около 4%.

Въ торговой промышленности торговцы собственными припасами положительно преобладали надъ занимавшимися купеческою дѣятельностью, но только въ одномъ Ивангородѣ, гдѣ первые составили 68%, а вторые всего 32%. Въ Ямѣ тѣхъ и другихъ было равное ко-

личество. Въ общемъ итогѣ, однако, купцы составляли только $\frac{1}{2}$, а торговцы— $\frac{3}{2}$ торговаго производства и относились, какъ 65 къ 35.

При общемъ же осмотрѣ ремесленныхъ и торговыхъ силъ обоихъ городовъ, оказывается, что въ отношеніи ко всему ремесленно-торговому населенію (въ Ивангородѣ 34 чел., въ Ямѣ 23 чел., всего 57 чел. рем. и торг. людей):

	въ Ивангор.	въ Ямѣ	Всего
обработка полотна			
составляла: . .	$2^{16}/_{17}$ проц.	$17^{22}/_{23}$ проц.	$8^{44}/_{57}$ проц.
„ кожи . .	$2^{16}/_{17}$ „	$13^{12}/_{23}$ „	$7^{15}/_{57}$ „
„ желѣза . .	$11^{13}/_{17}$ „	$13^{12}/_{23}$ „	$12^{16}/_{57}$ „
„ дерева . .	$23^9/_{17}$ „	$26^{22}/_{23}$ „	$24^{22}/_{57}$ „
„ кам. и глины	$2^{10}/_{17}$ „	$8^{16}/_{23}$ „	$5^{15}/_{57}$ „
дегтяри . .	„ „	$4^5/_{23}$ „	$1^{49}/_{57}$ „
	$44^{22}/_{17}$ проц.	$82^{24}/_{23}$ проц.	$59^{27}/_{57}$ проц.
купцы . .	$17^{11}/_{17}$ „	$8^{16}/_{23}$ „	$14^{25}/_{57}$ „
торговцы	$38^4/_{17}$ „	$8^{16}/_{23}$ „	$26^{18}/_{57}$ „
	$55^{15}/_{17}$ проц.	$17^9/_{23}$ проц.	$40^{20}/_{57}$ проц.

Изъ этого видно, что характеръ промышленности Ивангорода и Ямы довольно сильно расходился—особенно въ отношеніи къ торговой дѣятельности. Въ Ивангородѣ купцы и торговцы составляли болѣе половины ремесленно-торговаго населенія—именно около 56% , тогда какъ въ Ямѣ они составляли всего 17% , т.-е. равны были проценту однихъ только обрабатывающихъ полотно въ Ямѣ. Точно также расходились эти города по числу лицъ, занятыхъ обработкой полотна и кожи: въ Ивангородѣ они едва достигали 5% , тогда какъ въ Ямѣ они составляли $30\frac{1}{2}\%$. Только въ развитіи обработки дерева и желѣза они близки по проценту: въ Ивангородѣ ихъ было болѣе 34% , а въ Ямѣ— 39% . Вообще же обработка дерева въ обоихъ городахъ составляла выдающуюся дѣятельность: въ Ямѣ она занимала первое мѣсто по проценту (26%), въ Ивангородѣ—второе мѣсто ($23\frac{1}{2}\%$) послѣ торговли съѣстными припасами. Въ Ямѣ второе мѣсто занимала обработка полотна (17%). Третье мѣсто въ Ямѣ принадлежало обработкѣ кожи и желѣза (по 13% въ каждомъ), въ Ивангородѣ—купцамъ ($17\frac{1}{2}\%$) и обработкѣ желѣза ($11\frac{1}{2}\%$). Четвертое мѣсто занимали въ Ямѣ обработка камня и глины ($8\frac{1}{2}\%$) и дегтяри (4%), въ Ивангородѣ обработка полотна, кожи, камня и глины (по 3% въ каждой). Въ общемъ же итогѣ обоихъ городовъ первое мѣсто принадлежитъ торговцамъ съѣстными припасами, второе—обработкѣ дерева, третье—купцамъ, четвертое—обработкѣ желѣза, пятое—обработкѣ полотна и

кожи, шестое—обработкѣ камня и глины и дегтяремъ. Изъ этого можно заключить, что Ивангородъ былъ по преимуществу торговый городъ, тогда какъ Яма по преимуществу ремесленный: въ Ивангородѣ 56% было на сторонѣ торговцевъ, въ Ямѣ 83% падало на долю ремесленныхъ людей.

Что касается до отношеній между собою ремесленниковъ, торговцевъ и рабочихъ, вѣсть взятыхъ (42 чел. въ Ивангородѣ и 34 чел. въ Ямѣ, всего 76 чел.), а также и всѣхъ ихъ ко всему рядовскому населенію (въ обоихъ городахъ 83 чел.), то здѣсь мы находимъ такія цифры:

а) ремесленниковъ:

	Въ Ивангор.	Въ Ямѣ	Всего меж-	Всего въ от-
				ду собою
обработ. полотна				ношкѣ ряд.
составляла	2 ² / ₂₁ %	11 ¹² / ₁₇ %	6 ¹¹ / ₁₉ %	6 ² / ₂₂ %
„ кожи	2 ² / ₂₁ %	8 ¹⁴ / ₁₇ %	5 ⁶ / ₁₉ %	4 ²² / ₂₂ %
„ желѣза	9 ¹¹ / ₂₁ %	8 ¹⁴ / ₁₇ %	9 ⁴ / ₁₉ %	8 ²¹ / ₂₂ %
„ дерева	19 ¹ / ₂₁ %	17 ¹¹ / ₁₇ %	18 ⁸ / ₁₉ %	16 ¹² / ₂₂ %
„ кам. и глины	2 ² / ₂₁ %	5 ¹² / ₁₇ %	3 ¹² / ₁₉ %	3 ⁵ / ₂₂ %
„ дегтярей		2 ¹⁶ / ₁₇ %	1 ⁶ / ₁₉ %	1 ¹⁷ / ₂₂ %
	(15 чел.)	(19 чел.)	(34 чел.)	—
	35 ¹² / ₂₁ %	55 ¹² / ₁₇ %	44 ¹⁴ / ₁₉ %	— 40 ²² / ₂₂ %

б) торговцевъ:

купцовъ	14 ⁶ / ₂₁ %	5 ¹² / ₁₇ %	10 ¹⁰ / ₁₉ %	9 ²² / ₂₂ %
торговцовъ	30 ²⁰ / ₂₁ %	5 ¹² / ₁₇ %	19 ¹⁴ / ₁₉ %	18 ⁸ / ₂₂ %
	(19 чел.)	(4 чел.)	(23 чел.)	—
	45 ⁵ / ₂₁ %	11 ¹² / ₁₇ %	30 ⁵ / ₁₉ %	57 ²² / ₂₂ %

в) рабочихъ всего

	(8 чел.)	(11 чел.)	(19 чел.)	—
	19 ¹ / ₂₁ %	32 ⁶ / ₁₇ %	25 ⁰ / ₁₉ %	22 ¹⁴ / ₂₂ %
Всего	42 чел.	34 чел.	76 чел.	—
	55 ⁵ / ₂₁ %	44 ¹⁴ / ₁₉ %	91 ⁴⁷ / ₂₂ %	1).

Изъ этой таблицы видно, что и въ рядовскихъ отношеніяхъ Ивангородъ и Яма отличались разнымъ характеромъ: въ Ивангородѣ первое мѣсто по численности занимаютъ торговые люди, второе—ремесленные и третье—рабочіе; въ Ямѣ, наоборотъ, первое мѣсто занимаютъ ремесленники, второе—рабочіе и третье торговцы. Это тоже убѣждаетъ насъ въ преимущественномъ значеніи Ивангорода,

1) Остальные 8²²/₂₂% приходится на долю не относящихся къ рядовскимъ людямъ и неизвестныхъ (13 чел.).

какъ торговцѣ, а Ямъ—ремесленно-рабочемъ. Въ общемъ, однакоже, первое мѣсто занимали ремесленники (45%), второе—торговцы (30%) и третье—работчіе (25%).

Въ отношеніи къ посадскому населенію—къ (И. 136, Я. 119)= 255 чел.

	въ Ивангор.	въ Ямѣ	Всего
обраб. пол. составляла:	$\frac{25}{34}$ проц.	$\frac{3^{42}}{119}$ проц.	$\frac{1^{49}}{51}$ проц.
„ кожи	$\frac{25}{34}$ „	$\frac{2^{72}}{119}$ „	$\frac{1^{30}}{51}$ „
„ желѣза	$\frac{2^{22}}{34}$ „	$\frac{2^{62}}{119}$ „	$\frac{2^{30}}{51}$ „
„ дерева	$\frac{5^{30}}{34}$ „	$\frac{5^5}{119}$ „	$\frac{5^{25}}{51}$ „
„ камни и глины .	$\frac{25}{34}$ „	$\frac{1^{61}}{119}$ „	$\frac{1^9}{51}$ „
дѣттари	„	$\frac{1^{60}}{119}$ „	$\frac{2^0}{51}$ „
	$\frac{11^{11}}{34}$ проц.	$\frac{15^{115}}{119}$ проц.	$\frac{13^7}{51}$ проц.
кушцы	$\frac{4^{41}}{34}$ „	$\frac{1^{21}}{119}$ „	$\frac{3^7}{51}$ „
торговцы	$\frac{9^{19}}{34}$ „	$\frac{1^{81}}{119}$ „	$\frac{5^{45}}{51}$ „
	$\frac{13^{22}}{34}$ проц.	$\frac{3^{42}}{119}$ проц.	$\frac{9^{11}}{51}$ проц.

Въ отношеніи къ городскому населенію: (И. 200, Я. 341)=541 чел.

	въ Ивангор.	въ Ямѣ	Всего
обраб. пол. составляла:	$\frac{1}{2}$ проц.	$\frac{1^{30}}{341}$ проц.	$\frac{1^{60}}{541}$ проц.
„ кожи	$\frac{1}{2}$ „	$\frac{2^{60}}{341}$ „	$\frac{2^{60}}{541}$ „
„ желѣза	2 „	$\frac{2^{60}}{341}$ „	$\frac{1^{20}}{541}$ „
„ дерева	4 „	$\frac{1^{20}}{341}$ „	$\frac{2^{20}}{541}$ „
„ камня и глины .	$\frac{1}{2}$ „	$\frac{2^{60}}{341}$ „	$\frac{2^{60}}{541}$ „
дѣттари	„	$\frac{1^{60}}{341}$ „	$\frac{1^{60}}{541}$ „
	$\frac{7^{12}}{2}$ „	$\frac{5^{208}}{341}$ „	$\frac{6^{124}}{541}$ „
кушцы	3 „	$\frac{2^{60}}{341}$ „	$\frac{1^{20}}{541}$ „
торговцы	$\frac{6^{12}}{2}$ „	$\frac{2^{60}}{341}$ „	$\frac{2^{418}}{541}$ „
	$\frac{9^{12}}{2}$ проц.	$\frac{1^{30}}{341}$ проц.	$\frac{4^{120}}{541}$ проц.

Такимъ образомъ, въ Ивангородѣ обработкѣ дерева, кушцамъ и торговцамъ принадлежало первое мѣсто, обработкѣ желѣза—второе, и остальнымъ третье; въ Ямѣ первое мѣсто принадлежало обработкѣ дерева, второе—обработкѣ полотна, кожи и желѣза, обработкѣ полотна, кожи и желѣза, третье—кушцамъ, торговцамъ и остальнымъ ремесленнымъ производствомъ. Въ общемъ же итогъ лица, занимавшіеся обработкой дерева, кушцы и торговцы составляли первое мѣсто, занимавшіеся обработкою желѣза, полотна и кожи—второе, остальные—третье: первые въ рядовскомъ населеніи составляли почти 49%, вторые—21%, третьи всего 5%. Такимъ образомъ, здѣсь точно повторяются тѣ цифры, которыя мы видѣли уже въ общемъ итогѣ ремесленно-торговой про-

мышленности во всѣхъ четырехъ городахъ. Это показываетъ, что первенствующее значеніе, опредѣляющее самый характеръ остальныхъ городовъ въ дѣлѣ промышленности, принадлежало изъ всѣхъ этихъ городовъ—Ивангороду и Ямѣ.

Интересно, что та разница, которую мы видимъ въ характерѣ промышленной дѣятельности Ивангорода и Ямы, обнаруживается и на составѣ класса людей, живущихъ предложеніемъ личныхъ услугъ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ торговымъ характеромъ Ивангорода, мы находимъ въ немъ изъ этого класса людей только тѣхъ, которые имѣютъ отношеніе къ торговой дѣятельности и связаны съ развитіемъ передаточныхъ средствъ, именно: драгилей (1), перевозчиковъ (2) и извозчиковъ (5). Въ Ямѣ, въ соотвѣтствіи съ ея ремесленнымъ характеромъ, ничего подобнаго мы не видимъ: здѣсь изъ названнаго нами класса людей встрѣчаются только дворники (7) и пастухи (4).

Интересно также было бы рѣшить, какіе предметы производства назначались для мѣстнаго потребленія и какіе для внѣшняго сбыта—внутренняго и заграничнаго. Объ этомъ можно было бы судить по количеству людей, занимавшихся тѣми или другими производствами, сравнительно съ общимъ количествомъ населенія города: если производителей извѣстнаго предмета больше, чѣмъ нужно для города, судя по количеству населенія, то, очевидно, предметъ назначенъ для сбыта. Точно такъ же предметы, ненужные для городской жизни, очевидно назначаются для сбыта. Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ трудно рѣшить, по недостаточности указаній. Однако, нѣкоторые производства бросаются въ глаза своимъ избыточнымъ для города количествомъ или же по ненужности для города предметовъ производства: такъ, 6 мясниковъ въ Ивангородѣ при населеніи въ какіе-нибудь 1500 чел. предполагаетъ сбытъ внѣшній—иностранцамъ за границу въ видѣ соленыхъ препаратовъ, такъ какъ этотъ видъ торговли упоминается иностранцами; присутствіе жорновниковъ также предполагаетъ сбытъ въ волости. Изъ торговцовъ бѣлочники, вощечники и купцы непосредственно могутъ быть причислены къ числу внѣшнихъ торговцовъ.

Теперь рассмотримъ составъ рядовскаго населенія въ 1569 г. въ трехъ приладожскихъ городахъ—Корѣлѣ, Орѣшкѣ и Ладогѣ, едипственныхныхъ, отъ которыхъ осталась опись 1569 г. Въ Корѣлѣ, какъ мы выше видѣли, названо всего рядовскихъ людей 59 дв. 69 чел. Изъ нихъ ремесленныхъ людей: 3 портныхъ, 9 овчинниковъ, 3 кожевника, 5 скорняковъ (1 скорнякъ дворникъ), 2 сапожника, 5 кузнецовъ, 3 котельника, 4 плотника, 6 бочарниковъ, 1 бочечникъ, 1 ведерникъ, 1 лоточникъ, 2 горшечниковъ, 2 смольника или смо-

линика ¹⁾, 1 стекольникъ, 1 красильникъ ²⁾ — всего 49 чел. Торговыхъ людей: 5 торговыхъ людей, 5 мясниковъ, 2 хлѣбника — всего 12 чел. Людей, жившихъ предложеніемъ личныхъ услугъ: 2 дворника, 2 извозчика — всего 4 чел. Кромѣ того изъ непринадлежащихъ сюда названо 2 скомороха и 2 содержателя мельницъ, или „мельничники“ (такъ названъ одинъ изъ нихъ, имѣвшій 2 мельницы и 1 толчею и, значить, занимавшійся специально съемкой мельницъ на оброкъ, чѣмъ и объясняется специальное названіе, къ нему приложенное, тогда какъ хлѣбникъ, имѣвшій тоже мельницу, и одинъ неизвѣстный не названы этимъ именемъ, очевидно, потому, что они специально занимались другими промыслами). Итакъ въ Корѣлѣ было всего: ремесленныхъ людей 49 чел., торговцовъ 12 чел. и рабочихъ 4 чел. — всего 65 чел. Слѣдовательно, ихъ взаимныя отношенія выразятся цифрами: ремесленниковъ $75\frac{5}{13}\%$, торговцовъ $18\frac{6}{13}$ и работниковъ $6\frac{2}{13}\%$; въ отношеніи къ посадскому населенію (581 чел.), ремесленниковъ $8\frac{52}{581}\%$, торговцовъ $2\frac{38}{581}$ и работниковъ $4\frac{00}{581}\%$; въ отношеніи къ городскому населенію (630 чел.), ремесленниковъ $7\frac{49}{63}\%$, торговцовъ $1\frac{57}{63}\%$ и работниковъ $4\frac{0}{63}\%$. — Въ распоряженіи людей, ведшихъ торговлю, были амбары и щербеты. „Да въ Корѣлѣ жъ на посадѣ, говорить оиисъ ³⁾, у Корелянъ у посадскихъ людей амбары и щербеты на улицахъ и подъ горницами во дворахъ — всего 9 амбаровъ (за 11 человекѣми) да 13 щербетей (за 18 чел.)“ — всего 22 амбаровъ и щербетей (за 29 чел.); „да у Корелянъ же у посадскихъ людей амбары подъ Иванскимъ монастыремъ на усть р. Узервы — стоятъ на монастырской землѣ — а оброку съ нихъ идетъ въ монастырь съ амбара по 1 алтыну, а въ государеву казну посаженное съ нихъ, ни иныхъ некоторыхъ пошлинъ не идетъ“ ⁴⁾. Такимъ образомъ

¹⁾ Смоляники или смоляники — тѣ, которые гонять смолу; значить, принадлежатъ къ одному роду занятій съ дегтярями.

²⁾ Въ настоящее время въ русскихъ городахъ существуютъ такъ называемые (если не ошибася) „набойники“, которые занимаютъ на базарахъ широкіе столы, удобные для раскладыванія холста, и набиваютъ особенными подушками съ синими, красными, голубыми и проч. разноцвѣтными красками простые деревенскіе холсты. Нельзя не видѣть въ нихъ представителей древнихъ „красильниковъ“. — Въ Московской Руси въ XVI в. упоминаются „шаровники“, отъ слова *шары* — краски (Аристовъ, Пром. др. Р., стр. 108).

³⁾ Архм. Мнн. Ив. Д. по Новг. № 7, л. 502—504.

⁴⁾ Не смотря на то, что съ амбаровъ этихъ шелъ оброкъ въ монастырь, а въ казну ни посаженнаго, ни иныхъ некоторыхъ пошлинъ не шло, мы признаемъ ихъ принадлежащими посадскимъ людямъ, а не монастырю, такъ какъ въ описи очень опредѣленно выражена эта принадлежность посадскимъ замѣчаніемъ, что „у посадскихъ людей амбары подъ Иванскимъ монастыремъ стоятъ на монастырской землѣ“. Для правильнаго пониманія этого замѣчанія

посадскіе люди владѣли 22 амбарами и 13 щербетами—всего 35 торговых мѣстъ, служившихъ для торговли 42 человѣкамъ. Однако изъ этихъ 35 амбаровъ и щербетей и 42 человѣкъ должно выдѣлить мѣста и лица, непринадлежавшія къ посадскимъ; именно: 1 амбаръ числился за церковнымъ дѣлкомъ, 1 амбаръ — за городовымъ прикащикомъ (онъ же имѣлъ мельницу и толчею, да при дворѣ (объезженномъ) огородъ), 1 щербеть—за пушкаремъ, всего 3 торговых мѣста за 3 челов. Остальные 19 амбаровъ и щербетей и 13 амбаровъ на монастырской землѣ всего 32 торг. мѣста числились за посадскими 39 чел. Итакъ въ Корѣѣ занимались торговлей не 12 чел., а 39. Но, слѣдуя указанію описи, специально занимавшихся торговлей было всего 12 чел. Остальные 27 чел., кромѣ своихъ специальныхъ занятій, занимались еще и торговлей, какъ подспорьемъ. И такъ 12 амбаровъ и щербетей можно отнести на долю специально торговыхъ людей, а остальные 20 на долю не-специалистовъ: ремесленниковъ и рыболововъ. Въ такомъ случаѣ специалисты по числу лицъ и торг. мѣстъ составятъ въ посадскомъ населеніи $2^{33}/_{61}^0\%$, а въ городскомъ населеніи $1^{57}/_{63}^0\%$, а не специалисты по числу лицъ $4^{376}/_{61}^0\%$, а по числу торг. мѣстъ $3^{257}/_{61}^0\%$ посадскаго населенія и по числу лицъ $4^{18}/_{61}^0\%$, а по числу торг. мѣстъ $3^{11}/_{61}^0\%$ городского населенія. Да за 3 чел. посадскими (кромѣ того за пушкаремъ 1 мельница да за городовымъ прикащикомъ мельница и толчея считались) считались мельницы и толчеи: за 1 неизвѣстнымъ по занятію 1 мельница, за 1 хлѣбникомъ 1 мельница и 1 толчея и за 1 мельничникомъ 2 мельницы и 1 толчея ¹⁾.

Въ Орѣшкѣ было рядовскихъ 21 дв. 23 чел. Изъ нихъ ремесленныхъ людей: 4 портныхъ, 1 колпачникъ, 1 скорнякъ, 2 сапожника, 5 плотниковъ, 1 рѣшетникъ, 1 красильникъ; всего 15 чел.; торговыхъ людей совсѣмъ не показано; людей, жившихъ предложеніемъ

должно принять во вниманіе параллельныя мѣста описи. Такъ въ описи Ладогъ говорится: „да въ Л. жъ на посадѣ амбары на землѣ Успенскаго дѣвеча монастыря“—3 амб. и въ итогѣ они числятся за посадскими людьми: „и всего Ладожанъ посадскихъ людей амбаровъ и щербетей 33“—цифра, которая составляетъ изъ 18 амб. и 12 щерб. на посадской землѣ и 3 амбаровъ на монастырской землѣ. Оброкъ же въ пользу монастыря въ Орѣшкѣ есть простая „поземная“ плата за пользованіе монастырской землей. Здѣсь онъ является какъ бы замѣной государственнаго „посаженнаго“ (съ каждой сажени, занимаемой торговыми мѣстами) сбора съ посадскихъ лавокъ. Дѣйствительно, въ Ладогѣ съ названныхъ 3 амбаровъ шло „посаженное“, но за то о повенномъ или оброкѣ монастырю нѣтъ помину. Очевидна замѣна одного другимъ. Самое посаженное называлось также оброкомъ—„оброкомъ посаженнымъ“ (Арх. Мин. Ист. Д. по Новг. № 7, л. 241).

¹⁾ Тамъ же л. 501.

личныхъ услугъ: 2 дворника, 3 перевозчика, 1 пастухъ; всего 6 чел. Кромѣ того, изъ непринадлежащихъ сюда названо 1 скоморохъ, 1 пожарникъ. Итакъ, въ Орѣшкѣ по описи числилось всего: ремесленныхъ людей 15 чел. и работниковъ 6 чел.—всего 21 чел., а о торговыхъ людяхъ опись совсѣмъ умалчиваетъ. Однакоже они должны были быть, такъ какъ за посадскими людьми числились торговые мѣста: „въ Орѣшкѣ на посадѣ у посадскихъ людей во дворахъ и противъ дворовъ амбары и щербеты товарные—на Лонской сторонѣ 9 амб., да на Корѣльской сторонѣ товарныхъ амбаровъ 6“—всего 15 амбаровъ за 15 чел. Всѣ они считались исключительно за посадскими людьми, хотя занятій ихъ и не обозначено. Это показываетъ только, что, быть можетъ, специальныхъ торговцевъ въ Орѣшкѣ и не было (если не по простой небрежности писца ихъ не числится въ посадскомъ населеніи), но были торговцы, занимавшіеся торговлей при другихъ специальныхъ занятіяхъ. Это должно имѣть въ виду при расчетѣ торговаго населенія въ городахъ. — Итакъ, взаимныя отношенія торгово-промышленнаго населенія выразятся слѣдующими цифрами: ремесленниковъ $71\frac{0}{21}\%$, торговцевъ 0 и $28\frac{13}{21}\%$ работниковъ; въ отношеніи къ посадскому населенію (238 чел.) ремесленниковъ $6\frac{36}{119}\%$, торговцевъ 0 и работниковъ $2\frac{62}{119}\%$; въ отношеніи къ городскому населенію (280 чел.) ремесленниковъ $5\frac{6}{14}\%$, торговцевъ 0 и работниковъ $2\frac{1}{14}\%$. По числу же неспециалистовъ торговцы по числу лицъ и торговыхъ мѣстъ (15) составляли $6\frac{36}{119}\%$ пос. нас. и $5\frac{6}{14}\%$ гор. населенія.

Въ Ладогѣ было рядовскихъ 32 дв. 39 чел. Изъ нихъ ремесленныхъ: 4 портныхъ, 1 овчинникъ, 1 скорпакъ, 4 сапожника, 1 кузнецъ, 3 плотника, 2 горшечника; всего 16 чел.; торговыхъ: 1 щепетинникъ, 4 мясника, 6 хлѣбниковъ, 1 калачникъ, 8 молодежниковъ ¹⁾, всего 20 чел.; людей, жившихъ предложеніемъ личныхъ услугъ: 1 пастухъ. Кромѣ того изъ непринадлежащихъ сюда названо 2 гусельника ²⁾. Итакъ въ Ладогѣ было всего ремесленныхъ 16 чел., торговцевъ 20 чел. и работниковъ 1 чел. — всего 37 чел. Значитъ, ихъ взаимныя отношенія выразятся цифрами: ремесленниковъ $43\frac{9}{37}\%$, торговцевъ $54\frac{3}{37}$ и рабочихъ $2\frac{36}{37}\%$; въ отношеніи къ посадскому населенію (149 чел.) ремесленники $10\frac{110}{149}$, торговцы $13\frac{62}{149}$ и работники $100\frac{1}{149}$; въ отношеніи къ городскому населенію (161 чел.) ре-

¹⁾ Молодожники—отъ *молодожь*—пѣна, показывающаяся на заквашенныхъ кислыхъ щахъ (Толль, II); въ древности могло обозначать и самыя щи кислыя. Въ московскихъ городахъ было множество подраздѣленій продавцовъ жавленыхъ припасовъ. Вотъ нѣкоторыя изъ ихъ названій: квашенинники, квасники, кисельники, сусленники, солоденники, блинники, гречишники и пр.

²⁾ Подъ гусельниками мы разумѣемъ пѣвцовъ народныхъ, и въ настоящее время появляющихся на ярмаркамъ подъ этимъ именемъ.

месленники $9^{181}/_{100}$, торговцы $12^{68}/_{100}$ и работники $1^{00}/_{100}$ 0/0. Въ распоряженіи людей, ведущихъ торговлю, были амбары и щербеты. „Да въ Ладогѣ жъ на посадѣ, говоритъ опись ¹⁾, у посадскихъ людей во дворахъ и противъ дворовъ амбары и щербеты товарныя—всего 18 амб. (за 20 чел.) да 12 щербетей (за 12 чел.) „Да въ Ладогѣ жъ на посадѣ амбары на землѣ Успенскаго дѣвичья монастыря“—3 амб. (за 5 чел.). Всего 33 амбаровъ и щербетей за 37 чел. Итого въ Ладогѣ занимались торговлей не 20 чел., а 37. Но, слѣдуя указанію описи, специально занимавшихся торговлей было 20 чел., остальные 17 чел. занимались торговлей только какъ подспорьемъ при другихъ специальныхъ занятіяхъ. Итакъ 20 амбаровъ и щербетей можно отнести на долю специальныхъ торговцевъ, а 13—на долю неспециалистовъ: ремесленниковъ и рыболовей. — Это количество торговыхъ мѣстъ указываетъ на значительное и преимущественное предѣ Корѣлой и Орѣшкомъ торговое развитіе, такъ какъ торговыхъ мѣстъ считалось въ Корѣлѣ 32, а въ Орѣшкѣ 15. Это преимущественное торговое развитіе подтверждается еще и тѣмъ, что въ Ладогѣ, кромѣ показанныхъ торговыхъ мѣстъ, было еще значительное количество мѣстъ, назначенныхъ специально для производства торговли въ продолженіи ярмарокъ, которыхъ было здѣсь двѣ: Успенская и Рождественская. „Да въ Ладогѣ жъ на посадѣ, говоритъ опись ²⁾, амбары Успенскаго дѣвичья монастыря, а торгуютъ въ нихъ, прѣѣзжая въ годъ на два праздника—на Успеніе и на Рождество Богородицы, ноугородцы посадскіе люди“—всего 15 амбаровъ ³⁾. И такъ специалисты торговцы составляли 13 0/0 пос. нас. и 12 0/0 гор. нас., а неспециалисты составляли по числу лицъ (17 ч.) $11^{61}/_{100}$, а по числу торговыхъ мѣстъ (13) $8^{108}/_{100}$ 0/0 пос. нас. и по числу лицъ $10^{90}/_{100}$, а по числу торговыхъ мѣстъ $8^{12}/_{100}$ 0/0 гор. населенія.

Такимъ образомъ въ трехъ городахъ 1569 г. было рядовскихъ (112 дв.) 131 чел. Изъ нихъ ремесленниковъ: 11 портныхъ, 1 колпачникъ, 3 кожевника, 10 овчинниковъ, 7 скорняковъ, 8 сапожниковъ, 6 кузнецовъ, 3 котельника, 12 плотниковъ, 1 рѣшетникъ, 6 бочарниковъ, 1 бочечникъ, 1 ведерникъ, 1 лодочникъ, 4 горшечника, 2 красильника, 1 стекольникъ, 2 смольника, всего 80 чел.; торговыхъ: 5 торговыхъ людей, 1 щепетинникъ, 9 мясниковъ, 8 хлѣбниковъ, 1 калачникъ, 8 молодожниковъ; всего 32 чел.; людей, жившихъ предположеніемъ личныхъ услугъ: 4 дворника, 2 извозчика, 3 перевозчика, 2 пастуха; всего 11 чел. Кромѣ того, упоминаются перемесленники:

¹⁾ Тамъ же, л. 312—313.

²⁾ Тамъ же, л. 314.

³⁾ Въ подлинникѣ не вѣрно показано 12 амбаровъ въ итогѣ.

3 скомороха, 2 гусельника, 1 пожنيкъ, 2 мельничника, всего 8 чел.— Итакъ, въ трехъ городахъ числилось всего: 80 чел. ремесленниковъ, 32 чел. торговыхъ людей и 11 чел. работниковъ, всего 123 чел.— Въ распоряженіи людей, занимавшихся торговлей, было 80 амбаровъ и щербетей, числившихся за 91 чел. (изъ нихъ 55 амбаровъ и 25 щербетей; да за служилыми людьми 1 амб. и 1 щербеть, да за церк. дьячкомъ 1 амбаръ). Но изъ нихъ на долю специальныхъ торговцовъ можно отнести по указанію описи только 32 торг. мѣста—по числу торговцовъ, остальные 48 торговыхъ мѣстъ, числившіяся за 59 чел., должны быть отнесены на долю неспециальныхъ торговцовъ.

Такимъ образомъ взаимныя отношенія собственно ремесленно-торгово-рабочаго населенія выразятся цифрами: ремесленниковъ $65\frac{8}{123}$, торговцовъ $26\frac{3}{123}$ и рабочихъ $8\frac{11}{123}\%$. Въ общемъ рядовскомъ населеніи (131 чел.) ремесленники составляли $61\frac{9}{131}$, торговцы $24\frac{56}{131}$ и рабочіе $8\frac{52}{131}$; остальные $6\frac{14}{131}\%$ приходились на долю скомороховъ, гусельниковъ, мельничниковъ и пожника. Въ посадскомъ населеніи ($581 + 238 + 149 = 968$ чел.) ремесленники составляли $8\frac{3}{968}$, торговцы специальные $3\frac{27}{968}$, и рабочіе $1\frac{32}{968}\%$, да неспециальные торговцы по числу торговыхъ мѣстъ $4\frac{116}{968}\%$, а по числу лицъ, занимавшихся торговлей, — $6\frac{22}{968}\%$. Въ городскомъ населеніи ($630 + 280 + 161 = 1071$ чел.) ремесленники составляли $7\frac{502}{1071}$, торговцы специальные $2\frac{1082}{1071}$, и рабочіе $1\frac{39}{1071}\%$; да неспециальные торговцы по числу торговыхъ мѣстъ $4\frac{516}{1071}$, а по числу лицъ, занимавшихся торговлей— $5\frac{545}{1071}$.

Сравненіе занятій, упоминаемыхъ въ 1500 и 1569 г., показываетъ, что въ рядовскомъ населеніи городовъ не всегда присутствовали всѣ элементы, изъ которыхъ обычно слагалось оно въ XVI в. Однако же для правильнаго пониманія этого положенія, его должно ввести въ границы, такъ какъ съ одной стороны свобода въ употребленіи названій для официальной характеристики занятій описываемыхъ дворовъ, вслѣдствіе какой занятія раздѣляются на разнообразнѣйшія частности, дѣленіе на которыя никакой нуждой не оправдывается, съ другой стороны небрежность самихъ писцовъ, благодаря которой въ Ладогѣ въ 1500 г., а въ Орѣшкѣ въ 1569 г. не оказывается занятій, которыя необходимо должны были быть въ нихъ—какъ мясники, хлѣбники и пр. — обѣ эти причины заставляютъ догадываться о пропускахъ и искать въ самихъ опредѣленіяхъ и показаніяхъ писца объясненія несообразностей. Такъ, мы видѣли, что въ Орѣшкѣ не названо ни одного торговца, а между тѣмъ въ городѣ было 15 торговыхъ мѣстъ, показанныхъ жителями. Точно также въ 1569 г. перечисляется множество мелкихъ подраздѣленій обработки дерева — такъ при бочарникѣ тутъ же и въ томъ же городѣ перечисляются

и бочечники и ведерники, точно будто бочары не были именно этими бочечниками и ведерниками и наоборот,—по не называется ни одного токаря, ковшечника и гребенщика, упоминаемыхъ въ 1500 г. Точно также мы должны считать такіа названія, какъ учанникъ, горичаръ, упоминаемыя въ 1500 г., за одинаковыя съ названіями: лодочникъ и горшечникъ, упоминаемыми въ 1569 г. Названіе: швецъ, употребляемое въ 1500 г. въ одно и то же время и въ одномъ мѣстѣ съ названіемъ портного мастера, какъ отдѣльное названіе, заставляетъ предполагать въ немъ одинаковость съ названіемъ: колпачникъ, употребляемымъ въ 1569 г., и по всей вѣроятности и то и другое были не больше, какъ видами того же портного мастерства. Точно также дегтари 1500 г. и смоляники или смоляники 1569 г. едва ли не были одно и то же; бѣлочникъ и вошечникъ 1500 г. должны быть рассматриваемы, какъ виды общаго обозначенія „торговые люди“ (въ Корѣѣ) 1569 г. и въ самой описи бѣлочникъ отнесенъ къ числу „купцовъ“. Такимъ образомъ изъ всѣхъ занятій, упоминаемыхъ въ 1500 г., можно считать дѣйствительно не упоминаемыми въ 1569 г. только: жорновникъ, торочечникъ, лучникъ и драгиль, а изъ всѣхъ занятій, упоминаемыхъ въ 1569 г., дѣйствительно неупомянутыми въ 1500 г. можно считать только красильниковъ, стекольниковъ и молотжниковъ.

Сообразно съ этимъ и дѣленіе на виды ремесленно-торгового производства въ 1569 г. должно остаться старое съ прибавкой только двухъ новыхъ видовъ: красильниковъ и стекольниковъ, т. е. 1) обработка полотна—портные и колпачники, всего 12 чел.; 2) обработка кож—овчинники, кожевники, скоряки, сапожники, всего 28 чел.; 3) обработка желѣза—кузнецы и котельники, всего 9 чел.; 4) обработка дерева—плотники, рѣшетники, бочарники, бочечники, ведерники, лодочники, всего 22 чел.; 5) обработка глины—горшечники 4 чел.; 6) 2 смоляника; 7) 2 красильника; 8) 1 стекольникъ—всего 8 видовъ 80 чел. Такимъ образомъ въ отношеніи къ общему числу ремесленныхъ людей:

	Въ Корѣѣ.		Въ Ладогѣ.		Въ Орѣшкѣ.		Всего.	
обр. полотна сост.	3 ч.	6 ^{2/3} пр.	4 ч.	25 пр.	5 ч.	33 ^{1/3} пр.	12 ч.	15 пр.
„ кожи „	19 „	38 ^{3/4} „	6 „	37 ^{1/2} „	3 „	20 „	28 „	35 „
„ желѣза „	8 „	16 ^{1/2} „	1 „	6 ^{1/4} „	— „	— „	9 „	11 ^{1/4} „
„ дерева „	13 „	26 ^{3/4} „	3 „	18 ^{3/4} „	6 „	40 „	22 „	27 ^{1/2} „
„ глины „	2 „	4 ^{1/2} „	2 „	12 ^{1/2} „	— „	— „	4 „	5 „
„ смолян. „	2 „	4 ^{1/2} „	— „	— „	— „	— „	2 „	2 ^{1/2} „
„ красил. „	1 „	2 ^{2/3} „	— „	— „	1 „	6 ^{2/3} „	2 „	2 ^{1/2} „
„ стекол. „	1 „	2 ^{2/3} „	— „	— „	— „	— „	1 „	1 ^{1/4} „
	49 ч. 61 ^{1/4} пр.		16 ч. 20 пр.		15 ч. 18 ^{1/4} пр.		80 ч.	

Такимъ образомъ въ ремеслахъ очевидное и подавляющее первенство принадлежитъ обработкѣ кожи и дерева: преобладаніе первой особенно обнаруживается въ Корѣлѣ и Ладогѣ, гдѣ она составляла 39 и 37%, преобладаніе второй—въ Орѣшкѣ, гдѣ она составляла 40%. Въ общемъ итогѣ обработкой кожи было занято 35%, обработкой дерева 27¹/₂%. Второе мѣсто занимаетъ обработка полотна въ Ладогѣ и Орѣшкѣ, гдѣ она составляла 25 и 33%, и желѣза въ Корѣлѣ, гдѣ она составляла 16%. Удивительно, что обработка полотна въ Корѣлѣ, желѣза въ Ладогѣ и Орѣшкѣ, дерева въ Ладогѣ и кожи въ Орѣшкѣ была весьма не развита. Однако въ общемъ итогѣ, сравнительно съ остальными ремеслами, они занимали второе мѣсто. Остальные ремесла — обработка глины, смолы, стекла и красокъ—стояли на низкой степени развитія и колебались между 1% и 5% въ общемъ итогѣ.

Торговое производство можно раздѣлить по прежнему на два вида: а) собственно купеческое — торговые люди и щепетинники, всего 6 чел., и б) торговля съѣстными припасами — мясники, хлѣбники, калачники и молодожники, всего 26 чел. Значить, въ общемъ счетѣ торговцовъ (32 чел.), купцы составляютъ 18³/₄%, а торговцы съѣстными припасами—81¹/₄%. Но они были распределены не въ равной степени:

	Въ Корѣлѣ.	Въ Ладогѣ.	Въ Орѣшкѣ.	Всего.
купцы состав.	5 ч. 41 ³ / ₄ пр.	1 ч. 5 пр.	0	6 ч. 18 ³ / ₄ пр.
торговцы „	7 „ 58 ¹ / ₄ „	19 „ 95 „	0	26 „ 81 ¹ / ₄ „
	12 ч. 37 ¹ / ₂ пр.	20 ч. 62 ¹ / ₂ пр.	0	32 ч.

Такимъ образомъ въ Ладогѣ, можно сказать, одни только торговцы съѣстными припасами и были, а въ Орѣшкѣ ни тѣхъ, ни другихъ совсѣмъ не показано. Въ общемъ же торговцы оказываются подавляющимъ процентомъ въ отношеніи къ купцамъ: ихъ было 81%, тогда какъ купцовъ всего 19%.

При общемъ же осмотрѣ ремесленныхъ и торговыхъ силъ городовъ оказывается, что въ отношеніи ко всему ремесленному и торговому населенію выѣстъ взятому (въ Корѣлѣ 49 чел. рем. и 12 торговыхъ—всего 61 чел.; въ Орѣшкѣ 15 чел. рем. и торговыхъ 0 чел.; въ Ладогѣ 16 чел. рем. и 20 чел. торг. — всего 36 чел.; всего въ 3 городахъ 80 чел. ремесл. и 32 чел. торговыхъ — всего 112 чел.).

обр. полотна сост.	Въ Корѣлѣ.	Въ Ладогѣ.	Въ Орѣшкѣ.	Всего.
	4 ^{80/61} пр.	11 ^{4/6} пр.	33 ^{1/6} пр.	10 ^{80/61} пр.
„ кожи „	31 ^{9/61} „	16 ^{4/6} „	20 „	25 „
„ желѣза „	13 ^{7/61} „	2 ^{7/6} „	— „	8 ^{1/26} „
„ дерева „	21 ^{20/61} „	8 ^{3/6} „	40 „	19 ^{10/26} „
„ глины „	3 ^{17/61} „	5 ^{5/6} „	— „	3 ^{10/26} „
„ смолян. „	3 ^{17/61} „	— „	— „	1 ^{22/26} „
„ красил. „	1 ^{20/61} „	— „	6 ^{3/6} „	1 ^{22/26} „
„ стекл. „	1 ^{20/61} „	— „	— „	— ^{25/26} „

49 ч. 80^{80/61} пр. 16 ч. 44^{4/6} пр. 15 ч. 100 пр. 80 ч. 71^{2/7} пр.

купцы 8^{12/61} пр. 2^{7/6} пр. — 5^{4/24} пр.

торговцы 11^{20/61} „ 52^{7/6} „ — 23^{9/24} „

12 ч. 19^{42/61} пр. 20 ч. 55^{5/6} пр. — 32 ч. 28^{4/7} пр.

61 ч. 54^{12/26} пр. 36 ч. 32^{1/7} пр. 15 ч. 13^{11/26} пр. 112 ч. 100 пр.

Изъ этого видно, что Ладога занимала исключительное положеніе въ отношеніи къ торговой промышленности: торговцы въ ней составляли большую половину промышленниковъ (55^{1/2}%) и притомъ почти исключительно торговцы съѣстными припасами (52%); между тѣмъ въ Корѣлѣ торговцы составляли едва 20%, всего промышленнаго населенія и торговцы съѣстными припасами всего на 4%, превосходили купцовъ, а въ Орѣшкѣ даже и совсѣмъ торговцовъ не показано. Поэтому, хотя торговцы съѣстными припасами и занимаютъ въ общемъ итогѣ первое мѣсто (23%)—на ряду съ обработкой желѣза, но это почти исключительно касается Ладоги. Въ общемъ же итогѣ торговцы и купцы составляютъ всего 28^{1/2}%, тогда какъ ремесленники—71^{1/2}%. Въ ремесленной промышленности мы находимъ преобладаніе обработки кожи и дерева, которая и занимаетъ первое мѣсто, второе мѣсто — торговая дѣятельность и только третье — обработка полотна и желѣза. Первыя имѣли 45%, т.-е. на каждое производство по 22^{1/2}%, вторыя 28%, т.-е. на каждый видъ по 14% и третьи 19%, т.-е. на каждый видъ по 9^{1/2}%. Но торговая дѣятельность, какъ мы видѣли, была распределѣна весьма неравномѣрно, такъ что второе мѣсто принадлежало ей въ Корѣлѣ, въ Ладогѣ первое, а въ Орѣшкѣ совсѣмъ ея не было, тогда какъ обработка полотна и желѣза была довольно равномѣрно распределѣна между городами.

Что касается до отношенія между собою ремесленниковъ, торговцовъ и рабочихъ, выѣстѣ взятыхъ, а также и всѣхъ ихъ ко всему рядовскому населенію, то здѣсь мы находимъ такія цифры.

а) ремесленники:		Въ Корѣѣ.	Въ Ладогѣ.	Въ Орѣшкѣ.
обр. полотна составляли		$4^{5/12}$ пр.	$10^{20/27}$ пр.	$23^{17/21}$ пр.
„ кожи „		$29^{9/12}$ „	$16^{2/27}$ „	$14^{8/21}$ „
„ желѣза „		$12^{4/12}$ „	$2^{26/27}$ „	— „
„ дерева „		20 „	$8^{4/27}$ „	$28^{22/21}$ „
„ глины „		$3^{4/12}$ „	$5^{18/27}$ „	— „
„ смолян. „		$3^{1/12}$ „	— „	— „
„ красил. „		$1^{7/12}$ „	— „	$4^{16/21}$ „
„ стекл. „		$1^{7/12}$ „	— „	— „
		$75^{5/12}$ пр.	$43^{9/27}$ пр.	$71^{9/21}$ пр.
b) торговцы:				
купцы		$7^{9/12}$ пр.	$2^{26/27}$ пр.	—
торговцы		$10^{10/12}$ „	$51^{19/27}$ „	—
		$18^{9/12}$ пр.	$54^{2/27}$ пр.	—
с) рабочіе		$6^{2/12}$ пр.	$2^{26/27}$ пр.	$28^{19/21}$ пр.
		65 ч. $52^{104/123}$ пр.	37 ч. $30^{10/123}$ пр.	21 ч. $17^{9/123}$ пр.

а) ремесленники:		Всего между собою.	Всего въ отношеніи къ рядовскому населен.
обр. полотна составляла . . .		$9^{29/123}$ пр.	$9^{51/121}$ пр.
„ кожи „ . . .		$22^{24/123}$ „	$21^{49/121}$ „
„ желѣза „ . . .		$7^{29/123}$ „	$6^{114/121}$ „
„ дерева „ . . .		$17^{109/123}$ „	$16^{104/121}$ „
„ глины „ . . .		$3^{21/123}$ „	$3^{7/121}$ „
„ смолян. „ . . .		$1^{77/123}$ „	$1^{69/121}$ „
„ красил. „ . . .		$1^{77/123}$ „	$1^{69/121}$ „
„ стекл. „ . . .		$1^{100/123}$ „	$1^{100/121}$ „
		$65^{8/123}$ пр.	$61^{9/121}$ пр.
b) торговцы:			
купцы		$4^{106/123}$ пр.	$4^{76/121}$ пр.
торговцы		$21^{17/123}$ „	$19^{114/121}$ „
		$26^{2/123}$ пр.	$24^{56/121}$ „
с) рабочіе		$8^{116/123}$ пр.	$8^{52/121}$ „
		123 ч. $93^{117/126}$ пр.	

Остальныя $6^{14/121} \%$ приходятся на долю не относящихся сюда занятій—сѣнокосовъ, пожниговъ, мельничниковъ, гусельниковъ.

Изъ этого виденъ характеръ промышленной дѣятельности каждаго изъ городовъ. Корѣѣ выдается изъ всѣхъ городовъ количество ремесленныхъ людей, Ладога—торговыхъ, Орѣшекъ—рабо-

чихъ. Последнее, впрочемъ, должно понимать только относительно: въ Корѣлѣ при 65 чел. рабочихъ всего было 4 чел., въ Ладогѣ при 37 чел.—1 чел., а въ Орѣшкѣ при 21 чел. было 6 чел. рабочихъ. Тѣмъ не менѣе въ общемъ итогѣ первое мѣсто занимаютъ ремесленники (65%), второе—торговцы (26%) и третье—рабочіе (9%).

Гораздо важнѣе знать отношеніе ремесленно-торговыхъ силъ къ посадскому и городскому населенію. Въ отношеніи къ посадскому населенію (К. 581 чел., Л. 149 чел., О. 238 чел.—всего 968 чел.):

	въ Корѣлѣ	въ Ладогѣ	въ Орѣшкѣ	всего
обрабатыв. полотно . . .	$\frac{300}{581}\%$	$\frac{2^{100}}{149}\%$	$\frac{2^{12}}{238}\%$	$\frac{1^{20}}{121}\%$
„ кожи . . .	$\frac{3^{187}}{581}$	$\frac{4^4}{149}\%$	$\frac{1^{21}}{238}$	$\frac{2^{100}}{243}$
„ желѣзо . . .	$\frac{1^{210}}{581}$	$\frac{100}{149}\%$	„	$\frac{225}{243}$
„ дерево . . .	$\frac{2^{120}}{581}$	$\frac{2^2}{149}\%$	$\frac{2^{62}}{238}\%$	$\frac{2^{20}}{231}$
„ глину . . .	$\frac{200}{581}$	$\frac{1^{21}}{149}\%$	„	$\frac{50}{231}$
„ смоляники . . .	$\frac{200}{581}$	„	„	$\frac{25}{231}$
„ красильники . . .	$\frac{100}{581}$	„	$\frac{50}{238}\%$	$\frac{25}{231}$
„ стекольники . . .	$\frac{100}{581}$	„	„	$\frac{25}{243}$
	$\frac{8^{250}}{581}\%$	$\frac{10^{110}}{149}\%$	$\frac{6^{20}}{238}\%$	$\frac{8^{20}}{231}\%$

б) торговцы:

купцы	$\frac{500}{581}\%$	$\frac{100}{149}\%$	„	$\frac{100}{238}\%$
торговцы	$\frac{1^{110}}{581}$	$\frac{12^{110}}{149}$	„	$\frac{2^{62}}{231}$
	$\frac{2^{25}}{581}\%$	$\frac{13^{62}}{149}\%$	„	$\frac{3^{21}}{231}\%$

с) рабочіе	$\frac{400}{581}\%$	$\frac{100}{149}\%$	$\frac{2^{62}}{238}\%$	$\frac{1^{20}}{243}\%$
	$\frac{11^{100}}{581}\%$	$\frac{24^{124}}{149}\%$	$\frac{8^{20}}{238}\%$	$\frac{12^{171}}{243}\%$

Въ отношеніи къ городскому населенію (К. 630, Л. 161, О. 280, всего 1071 чел.).

а) ремесленники:

обраб. пол. составляли:	въ Корѣлѣ	въ Ладогѣ	въ Орѣшкѣ	Всего:
	$\frac{30}{63}\%$	$\frac{2^{78}}{161}\%$	$\frac{1^{11}}{14}\%$	$\frac{1^{120}}{1071}\%$
„ кожи	$\frac{3^1}{63}$	$\frac{3^{117}}{161}$	$\frac{1^1}{14}$	$\frac{2^{658}}{1071}$
„ желѣзо	$\frac{1^{17}}{63}$	$\frac{100}{161}$	„	$\frac{200}{1071}$
„ дерево	$\frac{2^4}{63}$	$\frac{1^{120}}{161}$	$\frac{2^2}{14}$	$\frac{2^{58}}{1071}$
„ глину	$\frac{20}{63}$	$\frac{1^{20}}{161}$	„	$\frac{400}{1071}$
„ смоляники	$\frac{20}{63}$	„	„	$\frac{200}{1071}$
„ красильники	$\frac{10}{63}$	„	$\frac{5}{14}$	$\frac{200}{1071}$
„ стекольники	$\frac{10}{63}$	„	„	$\frac{100}{1071}$
	$\frac{7^{69}}{63}\%$	$\frac{9^{181}}{161}\%$	$\frac{5^1}{14}\%$	$\frac{7^{508}}{1071}\%$

b) торговцы:

купцы	$\frac{80}{63}\%$	$\frac{100}{161}\%$	"	$\frac{600}{1071}\%$
торговцы	$\frac{17}{63}$ "	$\frac{11^{123}}{161}$ "	"	$\frac{2^{432}}{1071}$ "

	$\frac{1^{87}}{63}\%$	$\frac{12^{68}}{161}\%$	"	$\frac{2^{1088}}{1071}\%$
c) рабочіе	$\frac{40}{63}$ "	$\frac{100}{161}$ "	$\frac{2^7}{14}$	$\frac{1^{32}}{1071}$ "
	$\frac{10^{30}}{63}\%$	$\frac{22^{122}}{161}\%$	$\frac{7^7}{14}$	$\frac{11^{512}}{1071}\%$

Такимъ образомъ и въ отношеніи къ городскому и посадскому населенію Ладога занимаетъ выдающееся мѣсто по развитію торгово-ремесленной промышленности: изъ всѣхъ торгово-ремесленныхъ силъ на ея долю болѣе, чѣмъ вдвое, сравнительно съ Корѣлой и втрое—сравнительно съ Орѣшкомъ приходилось этихъ силъ. И при томъ, это относилось не только къ ремесленнымъ занятіямъ, но еще болѣе къ торговымъ. Ремесленниковъ въ ней насчитывалось 11% изъ посадскаго и 10% изъ городского населенія, тогда какъ въ Корѣлѣ было 9—8%, а въ Орѣшкѣ всего 6—5%. Но разительнѣе всего выступаетъ торговое значеніе Ладоги. Въ посадскомъ населеніи занимавшіеся специально торговлею въ Ладогѣ составляли 13% въ городскомъ—12%, тогда какъ въ Корѣлѣ они составляли 2%, а въ Орѣшкѣ совсѣмъ не числилось. Если мы введемъ въ расчетъ и не специальныхъ торговцевъ, то торговое значеніе Ладоги еще рѣзче выступить въ сравненіи съ другими городами.

Мы видѣли, что торговыхъ мѣстъ (амбаровъ и щербетей) въ Корѣлѣ числилось за посадскими людьми 32 за 39 чел. (да 3 за церковными и служилыми), въ Ладогѣ—33 за 37 чел. и въ Орѣшкѣ 15—за 15 чел. Значить, на долю неспециальныхъ торговцевъ въ Корѣлѣ можетъ быть отнесено 20 амб. за 27 чел. (да служ. 3 чел. 3 амб.) и на долю специальныхъ 12 амб. за 12 чел.; въ Ладогѣ на долю не специалистовъ всего 13 амб. за 17 чел. и специалистовъ 20 амб. за 20 чел.; въ Орѣшкѣ всѣ 15 амбаровъ приходились на долю не специалистовъ. Но мы будемъ разсматривать торговцевъ, имѣвшихъ торговныя мѣста, безразлично—специалисты они или нѣтъ, такъ какъ только это и можетъ дать понятіе о размѣрѣ торговыхъ силъ городовъ. Итакъ, разсматривая эти цифры, въ отношеніи къ посадскому и городскому населенію городовъ по числу торговыхъ мѣстъ и по числу лицъ, въ нихъ торговавшихъ, мы найдемъ, что въ отношеніи къ посадскому населенію торговцы въ Корѣлѣ составляли по числу торговыхъ мѣстъ $\frac{5^{235}}{161}\%$, а по числу лицъ $\frac{6^{114}}{161}\%$ вмѣсто найденныхъ нами $\frac{2^{88}}{161}\%$; въ Ладогѣ составляли по числу торговыхъ мѣстъ $\frac{22^{23}}{161}\%$, а по числу лицъ $\frac{24^{124}}{161}\%$ вмѣсто $\frac{13^{68}}{161}\%$; въ Орѣшкѣ составляли по числу торговыхъ мѣстъ и по числу лицъ $\frac{6^{36}}{110}\%$, т.-е.

столько же, сколько и въ Корѣлѣ, всего по числу торговыхъ мѣстъ $8^{22}/_{121}^{\circ}/_0$, по числу лицъ $9^{22}/_{121}^{\circ}/_0$, вмѣсто $3^{22}/_{121}^{\circ}/_0$. Въ отношеніи къ городскому населенію торговцы въ Корѣлѣ составляли по числу торговыхъ мѣстъ $5^{22}/_{121}^{\circ}/_0$, а по числу лицъ $6^{22}/_{121}^{\circ}/_0$ вмѣсто $1^{22}/_{121}^{\circ}/_0$; въ Ладогѣ составляли по числу торговыхъ мѣстъ $20^{22}/_{121}^{\circ}/_0$, а по числу лицъ $22^{22}/_{121}^{\circ}/_0$, вмѣсто $12^{22}/_{121}^{\circ}/_0$; въ Орѣшкѣ по числу торговыхъ мѣстъ и лицъ $5^{22}/_{121}^{\circ}/_0$, т.-е. опять-таки столько же, сколько и въ Корѣлѣ. Всего по числу торговыхъ мѣстъ $7^{222}/_{121}^{\circ}/_0$, по числу лицъ — $8^{222}/_{121}^{\circ}/_0$, вмѣсто найденныхъ нами прежде $2^{222}/_{121}^{\circ}/_0$. Изъ этихъ цифръ открывається, что собственно торговыхъ людей въ городахъ было ничуть не меньше ремесленныхъ, какъ и слѣдуетъ быть, а въ городахъ съ преимущественнымъ торговымъ значеніемъ оно даже болѣе, чѣмъ вдвое, превосходило ремесленный и рабочій классы, вмѣстѣ взятыя. Ремесленное населеніе было довольно равномерно распределено по городамъ, хотя и здѣсь Ладога преимуществовала; именно: въ Корѣлѣ было $8^{1}/_2$, въ Орѣшкѣ $6^{1}/_0$, а въ Ладогѣ $11^{1}/_0$ посадскаго населенія. Торговое же населеніе по только-что приведеннымъ даннымъ имѣло въ Корѣлѣ $6-7^{1}/_0$, въ Орѣшкѣ $6^{1}/_0$, а въ Ладогѣ даже $22-25^{1}/_0$ посадскаго населенія. Не должно при этомъ забывать, что въ Ладогѣ кромѣ показанныхъ торговыхъ мѣстъ было еще 15 амбаровъ припасено для двухъ ярмарокъ, бывавшихъ въ этомъ городѣ. Очевидно, какую важную роль играла Ладога въ торговлѣ приладожья въ сравненіи съ Корѣлой и Орѣшкомъ.

Замѣчательно, что торговое значеніе городовъ отразилось, по-видимому, даже на сравнительной величинѣ ихъ торговыхъ построекъ. Это можно видѣть изъ размѣровъ послѣднихъ, какъ они являются въ описи. Вотъ эти размѣры:

Въ Корѣлѣ:

4 щерб. каж. по 2 саж.	3 амб. каж. по $1\frac{1}{2}$ с.
3 " " " $2\frac{1}{2}$ "	5 " " " 2 "
2 " " " $1\frac{1}{2}$ "	1 " " " 1 " 1 лок.
3 " " " 2 " 1 лок.	
1 " " " 2 " безъ 1	9 " " " $15\frac{1}{2}$ " 1 "
18 " " " 26 " 2 "	
	2 " " " 2 " 1 "
	2 " " " 2 " " "
	4 " " " $1\frac{1}{2}$ " " "
	2 " " " 2 " безъ 1 "
	1 " " " 2 " " "
	2 " " " 1 " съ 1 "
	13 " " " 22 " 2 "

Въ Ладогѣ:

1	щер. каж. по	2	с. безъ 1 лок.	5	амб. каж. по 2 саж.	"	"
3	"	"	1 ^{1/2} "	"	"	1 ^{1/2} "	"
5	"	"	2	"	"	2	безъ 1 лок.
1	"	"	2 ^{1/2} "	"	"	3	"
2	"	"	1	съ 1	"	3 ^{1/2} "	"
12		21	1				

1	3	"
4	8	1
1	2 ^{1/2}	"
21	48	2
армарочные: 3	"	2 ^{1/2} "
4	"	4
4	"	2
1	"	1 ^{1/2} "
3	"	1
15	36 саж.	

Въ Орѣшкѣ: 3 амб. кажд. по 2 саж. безъ 1 локтя

1	"	"	2	"	съ 1	"
4	"	"	2	"	"	"
5	"	"	1 ^{1/2} "	"	"	"
1	"	"	1	"	съ 1	"
1	"	"	1	"	"	"
15	"	"	25 ^{1/2} "	"	1	"

Должно замѣтить, что опредѣленіе величины торговыхъ построекъ нужно было правительству для сбора особаго вида налога съ послѣднихъ—такъ называемаго *посаженнаго*. Этотъ налогъ тѣмъ отличался отъ *оброка*, которымъ облагались въ московскихъ городахъ торговыя постройки, что при немъ за точку отправленія налога принимался размѣръ торговыхъ построекъ, выраженный въ саженихъ и локтяхъ, тогда какъ при обложеніи оброкомъ принимался въ соображеніе только видъ торговаго мѣста: такъ, съ лавокъ, прилавковъ, скамей, стульевъ и т. п. были разные размѣры оброковъ. Очевидно, посаженное было примѣненіемъ къ особенностямъ торговыхъ построекъ въ новгородскихъ городахъ, которые совсѣмъ не имѣли лавокъ, скамей, стульевъ и др. московскихъ торговыхъ мѣстъ, не могшихъ быть измѣряемыми саженими, а одни амбары и щербеты, подлежавшіе этому измѣренію,—примѣненіемъ съ цѣлью установить равномѣрность въ раскладкѣ оброковъ. Это видно

между прочимъ, и изъ того, что въ тѣхъ новгородскихъ мѣстностяхъ, гдѣ появлялись лавки, шалаши, и пр., не могшіе быть измѣренными саженими, какъ въ рядкахъ, тамъ появлялся и оброкъ, а посаженное исчезало. При этомъ замѣчательно, что между тѣмъ, какъ при измѣреніи дворовъ и огородовъ всегда показывается длина и ширина ихъ, при измѣреніи амбаровъ и щербетей этого не дѣлается, а просто отиѣчается: амбаръ 2 сажени 1 локоть, щербеть 2 сажени безъ 1 локтя и проч. Ненавѣстно, было ли это результатомъ квадратныхъ вычисленій, подобно десятинамъ, или же измѣреній только длины.—Во всякомъ случаѣ, интересно сравнить размѣры торговыхъ построекъ въ разныхъ городахъ.

Въ Ладогѣ приходилось на каждую щербеть по $1\frac{3}{4}$ сажени, такъ, однако, что изъ 12 щербетей 7 имѣли по 2 саж.; а 5—по $1\frac{1}{2}$ саж. Въ Корѣлѣ на щербеть приходилось ровно по 2 саж., такъ, что изъ 13 щербетей 10 имѣли по 2 саж. и болѣе, а всего 8—менѣе 2 до $1\frac{1}{2}$ саж. Что касается до амбарныхъ построекъ, то наименьшими размѣрами онѣ отличались въ городахъ Орѣшкѣ и Корѣлѣ и сравнительно чрезвычайной обширностью въ Ладогѣ.

Въ Орѣшкѣ на амбаръ приходилось по $1\frac{3}{4}$ саж., притомъ такъ, что въ 2 саж. было только 5 амбаровъ, а 10 амбаровъ имѣли менѣе 2 саж. Въ Корѣлѣ въ 9 городскихъ амбарахъ тоже на амбаръ приходилось по $1\frac{3}{4}$ саж., такъ, что въ 2 саж. было 5 амбаровъ, а 4 амбара—въ $1\frac{1}{2}$ саж.; но въ 13 поземныхъ амбарахъ на амбаръ въ среднемъ приходилось по $1\frac{3}{4}$ саж., причемъ по 2 саж. было всего въ 5 амбарахъ, а въ остальныхъ 8 амбарахъ меньше 2 саж.

Въ Ладогѣ на амбаръ неярмарочный приходилось въ среднемъ по $2\frac{3}{4}$ саж.—размѣръ, котораго не достигалъ ни одинъ амбаръ въ Корѣлѣ и Орѣшкѣ ни въ общемъ итогѣ, ни даже въ частности. При этомъ 7 амб. имѣли 3 и $3\frac{1}{2}$ саж., 7 амбаровъ 2 саж. и 3 саж. безъ 1 локтя, и 7 амбаровъ—отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 саж. безъ 1 локтя.—Ярмарочные амбары были еще обширнѣе; они имѣли въ среднемъ по $2\frac{3}{4}$ саж., причемъ 4 амбара имѣли по 4 саж. каждый, 7 амбаровъ—отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ саж. и только 4 амб.—отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ саж.

Такимъ образомъ въ Корѣлѣ и Орѣшкѣ не было ни одного амбара болѣе 3 сажень, а въ Ладогѣ такихъ было 11; въ Корѣлѣ и Орѣшкѣ было 15 амбаровъ болѣе 2 сажень, въ Ладогѣ такихъ было 14, наконецъ, въ Корѣлѣ и Орѣшкѣ было 22 амбара меньше 2 саж., въ Ладогѣ такихъ было всего 11 амб. Дѣля всѣ амбары на двѣ группы — болѣе 2 саж. и менѣе 2 саж. въ каждомъ, найдемъ, что первую группу въ Корѣлѣ и Орѣшкѣ составляли 15 амбаровъ, а вторую—22 амбара, между тѣмъ въ Ладогѣ, наоборотъ, первую группу составляли 25 амбаровъ, а вторую—всего 11 амбаровъ. Та-

кимъ образомъ и въ размѣрахъ торговыхъ построекъ видимо отражается размѣръ торговой и промышленной дѣятельности: болѣе обширныя и вмѣстительныя торговыя помѣщенія нужны тамъ, гдѣ бываетъ великъ привозъ и велико собственное торговое и промышленное производство, какъ въ Ладогѣ; гдѣ этого нѣтъ, тамъ довольствуются и помѣщеніями незначительнаго размѣра, какъ въ Корѣлѣ и Орѣшкѣ.

Итакъ, подводя итоги всему дознанному нами о ремесленно-торговомъ состояніи приладожскихъ городовъ въ 1569 г., должно признать, что торговыя и ремесленныя занятія были въ нихъ развиты одинаково, за исключеніемъ Ладоги, гдѣ торговлей занималось вдвое болѣе людей, чѣмъ ремеслами. Однакоже, составъ людей, занимавшихся торговлей, далеко не былъ изъ специалистовъ торговцевъ; значительная часть ихъ падала на остальные посадскіе классы, а въ Орѣшкѣ даже и весь составъ былъ изъ неспециалистовъ. Что касается въ частности до ремесленнаго класса, то преобладающими занятіями здѣсь была обработка кожи, полотна и дерева, а въ Корѣлѣ еще и желѣза: вмѣстѣ взяты, они составляли 89%. всѣхъ ремесленныхъ людей, тогда какъ всѣ остальные производства—обработка глины, смолники, красильники и стеколники — едва достигали 11%. Для характеристики занятій отдѣльныхъ городовъ интересно, что въ Корѣлѣ первое мѣсто въ производствѣ составляла обработка кожи, дерева и желѣза, въ Ладогѣ—обработка кожи и полотна, въ Орѣшкѣ—дерева и полотна.—Въ торговлѣ преобладалъ видъ торговцевъ съѣстными припасами. Но здѣсь трудно сказать что нибудь точно опредѣленное, такъ какъ этотъ выводъ основанъ на однихъ только данныхъ о специальныхъ торговцахъ, между тѣмъ большинство торговыхъ мѣстъ принадлежало неспеціальнымъ торговцамъ: изъ 80 торговыхъ мѣстъ, числившихся за 91 чел., могло принадлежать специальнымъ торговцамъ, судя по количеству ихъ, указанному въ описи, всего только 32 торг. мѣста за 32 чел.; остальные 48 торг. мѣстъ, числившихся за 59 чел., принадлежало не специальнымъ торговцамъ. Спрашивается, чѣмъ они торговали? Безъ сомнѣнія, нѣкоторая часть ихъ могла торговать предметами собственныхъ занятій—огородничествомъ и рыболовствомъ, но при незначительномъ количествѣ жителей въ городахъ трудно предположить, чтобы всѣ эти 59 чел. находили сбытъ товару, составлявшему чуть не принадлежность каждаго двора, какъ предметы огороднаго и рыбнаго промысловъ. Нужно думать, что предметы торговли этихъ не специально-торговыхъ людей были въ гораздо большей мѣрѣ иногороднаго производства—особенно иноземнаго, привозимаго на ярмарки новгородцами (и иностранцами: они, кажется, во внутреннюю торговлю не допускались,

но въ Ладогѣ была ихъ божница) и находившаго постоу сбыть не только въ самихъ городахъ, но также еще въ большомъ количествѣ расходившагося въ волости.

Интересно было бы сравнить состояніе городовъ 1569 г. съ ихъ состояніемъ въ 1500 г., но, къ сожалѣнію, для этого нѣтъ никакихъ данныхъ. Изъ городовъ, отъ которыхъ сохранилась опись съ указаніемъ занятій отъ обоихъ названныхъ періодовъ, только объ одной Ладогѣ имѣются данныя. Но эти данныя по своему характеру способны убѣдить только въ томъ, что такое сравненіе невозможно, такъ какъ опись 1500 г. представляетъ крайнюю бѣдность указаній на занятія, заставляющую подозрѣвать ее въ крайней неполнотѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ описи Ладоги 1500 г. изъ всего посадскаго населенія въ количествѣ 146 чел. названо всего только 4 чел. ремесленника и 2 дворника, а о торговцахъ совсѣмъ не упомянуто, такъ что все ремесленное ($2\frac{14}{100}$), а рабочее ($1\frac{7}{100}$) населеніе представляло всего $3\frac{1}{2}\%$ всего посадскаго населенія. Это совершенно невѣроятный процентъ и въ сравненіи съ другими городами и особенно въ сравненіи съ самою Ладогой чрезъ 69 лѣтъ. Если вѣрить даннымъ 1500 г., то прогрессъ промышленнаго населенія Ладоги къ 1569 г. сравнительно съ 1500 г. былъ необыкновенный. Очевидно, такую полную противоположность промышленнаго состоянія Ладоги въ 1500 и 1569 годахъ нельзя признать, такъ какъ Ладога въ періодъ новгородской самостоятельности играла также важную роль въ торговлѣ и имѣла даже для иностранцевъ нѣмецкую божницу и, вѣроятно, нѣмецкій гостинный дворъ. Самая скудость процента въ одномъ году и слишкомъ большое обиліе въ другомъ заставляютъ предполагать молчаливость перваго писца и похвальную разговорчивость втораго.

Такимъ образомъ прямое сравненіе двухъ періодовъ невозможно. Но это сравненіе возможно, если взять для двухъ разныхъ періодовъ группу городовъ, находившихся въ двухъ разныхъ мѣстностяхъ, но подверженныхъ однимъ и тѣмъ же условіямъ для развитія своей торгово-ремесленной дѣятельности. Именно, можно сравнить города, находившіеся на заграничномъ торговомъ пути по Лугѣ и Наровѣ и описанные въ 1500 г., съ городами, находившимися также на заграничномъ торговомъ пути—по Волхову и Ладожскому озеру, но описанными въ 1569 г. Сравненіе это тѣмъ болѣе важно, что оно укажетъ не только на сравнительное состояніе торгово-ремесленной дѣятельности въ два разные періода, но также и на сравнительное значеніе этихъ двухъ единственныхъ заграничныхъ путей для развитія мѣстной промышленности, а отсюда и на сравнительную оживленность ихъ и важность для внутреннихъ областей. Къ сожалѣнію, сравненіе это и выводы изъ него могутъ имѣть важность

только относительную, такъ какъ описъ одного пути не совпадаетъ по году съ описью другого,—именно: насколько можно предполагать неизмѣнность условій заграничной торговли по двумъ названнымъ путямъ. А эти условія были неодинаковы: съ половины XVI вѣка открылась бѣломорская торговля и чрезъ Обонежскій путь потянулись на Двину нѣмецкіе торговцы, чего не было до половины XVI в.; значить, съ этого времени торговое значеніе Ладожскаго озера, какъ необходимаго перепутья на пути въ Подвинье, увеличилось, а съ тѣмъ вмѣстѣ должно было увеличиться и торгово-промышленное движеніе, отразившееся, дѣйствительно, въ замѣтномъ увеличеніи населенія по Ладожскому озеру. Напротивъ, сношенія по Лугѣ и Наровѣ едва ли сохранили въ половинѣ XVI в. то значеніе, которое они имѣли въ самомъ началѣ его. Во второй четверти этого вѣка московское правительство начало ту пагубную политику по отношенію къ ливонцамъ, которая заставила ихъ не пропускать иностранныхъ корабли въ Новгородъ и усиливаться уничтожить рынокъ въ Ивангородѣ, тогда какъ московское правительство всячески преслѣдовало торговлю иностранную внѣ Ивангорода. Эта политика приносила вредъ, конечно, только одной Россіи, а особенно Новгороду, и привела, наконецъ, къ знаменитой по ужаснымъ послѣдствіямъ ливонской войнѣ, надолго задержавшей гражданское развитіе Россіи и отодвинувшей ее на многіе вѣка назадъ. Это особенно неблагоприятно должно было отразиться на городахъ, расположенныхъ по этому пути. И дѣйствительно, судя по Ямѣ, уже къ 1546 г. замѣтно опустѣніе въ ней: въ этомъ году изъ 248 дворовъ, числившихся въ 1500 г., осталось всего 177 дв.—уменьшеніе произошло на 71 дв.—Однако сравненіе должно быть произведено для того, чтобы судить, насколько ладожскій торговый путь достигъ того развитія, которое замѣчается въ пути по Лугѣ и Наровѣ. При этомъ въ отношеніи къ торговцамъ мы возьмемъ въ расчетъ въ приладожскихъ городахъ только специалистовъ, такъ какъ въ описяхъ Ивангорода и Ямы показаны тоже одни только специалисты, хотя конечно были и неспециалисты.

Мы видѣли уже, что въ Ивангородѣ и Ямѣ ремесленники составляли 13%, торговцы 9% и рабочіе 7½%, всего 30% посадскаго населенія,—притомъ такъ, что въ Ивангородѣ первые составляли только 11%, а въ Ямѣ 16%, вторые въ Ивангородѣ 14%, а въ Ямѣ 3%, и третьи въ Ивангородѣ 6%, а въ Ямѣ 9%, всего въ Ивангородѣ 31%, въ Ямѣ 28½%. Такимъ образомъ въ Ивангородѣ преобладало торговое населеніе, а въ Ямѣ—ремесленное.

Въ трехъ сѣверныхъ городахъ ремесленники составляли 8%, торговцы 3% и рабочіе 1%, всего 13% посадскаго населенія,—при-

томъ такъ, что въ Ладогѣ первыя составляли 11%, въ Корѣлѣ 9%, и Орѣшкѣ 6%, вторыя въ Ладогѣ 13%, въ Корѣлѣ 2%, и въ Орѣшкѣ 0, а третьи въ Ладогѣ $\frac{1}{2}$ %, въ Корѣлѣ 1%, и Орѣшкѣ 2%; всего въ Ладогѣ 25%, въ Корѣлѣ 11% и въ Орѣшкѣ 9%. Такимъ образомъ въ Ладогѣ преобладало торговое населеніе, въ Корѣлѣ и Орѣшкѣ — ремесленное.

Это сравненіе говоритъ не въ пользу Ладожскаго пути: изъ посадскаго населенія въ городахъ, расположенныхъ при немъ, ремесленники и торговцы составляли всего 13%, тогда какъ въ городахъ по Лугѣ ихъ было 30%, ремесленники составляли 8%, а по Ладогѣ 13%, торговцы 3%, а по Лугѣ—9%, рабочіе—1%, а по Лугѣ— $7\frac{1}{2}$ %. Одна только Ладога достигла развитія, равнаго Ивангороду: въ ней ремесленники и торговцы составляли 25%, что близко къ 31% Ивангорода; ремесленники составляли въ ней, какъ и въ Ивангородѣ, 11%, торговцевъ также только на 1% было меньше, чѣмъ въ Ивангородѣ (въ Л.—13%, въ И.—14%), но въ числѣ рабочихъ они расходились: въ Ивангородѣ было ихъ 6%, тогда какъ въ Ладогѣ было всего $\frac{1}{2}$ %. Такимъ образомъ Ладога въ ремесленномъ и торговомъ отношеніи была совершенно одинаково развита съ Ивангородомъ, что даетъ понятіе объ одинаково важномъ торговомъ значеніи для Новгорода этихъ двухъ городовъ.—За то второстепенные центры этихъ путей совершенно расходятся въ ремесленно-торговомъ значеніи: въ Ямѣ ремесленники составляли 16%, а въ Корѣлѣ 9% и Орѣшкѣ 6%, торговцы въ Ямѣ составляли 3%, въ Корѣлѣ же 2%, а въ Орѣшкѣ даже совсѣмъ ихъ не числилось; рабочихъ въ Ямѣ было 9%, а въ Корѣлѣ 1% и Орѣшкѣ 2%, всего въ Ямѣ ремесленно-торговое населеніе составляло $28\frac{1}{2}$ %, а въ Корѣлѣ 11% и въ Орѣшкѣ 9%. Такимъ образомъ въ Ямѣ болѣе, чѣмъ вдвое, была развита ремесленно-торговая промышленность сравнительно съ Корѣлой и Орѣшкомъ. Однако же, отличаясь количественно, качественно Яма не отличалась отъ названныхъ городовъ: какъ и въ нихъ, характеръ этого развитія былъ въ ней по преимуществу ремесленный, что составляло ихъ отличіе отъ главныхъ центровъ: въ нихъ точно также слабо развитъ былъ торговый классъ, едва такъ сказать существующій, тогда какъ въ Ивангородѣ и Ладогѣ, напротивъ, онъ сильно былъ развитъ, такъ что, во первыхъ, ремесленный классъ подавлялъ своею численностью торговый, во вторыхъ — наоборотъ торговый подавлялъ ремесленный. Въ общемъ же города по Лугѣ были болѣе развиты въ промышленномъ отношеніи, чѣмъ города по Ладожскому озеру, и только Ладога и Ивангородъ были совершенно тождественны по развитію и ремеслѣ, и торговли.

Что касается, въ частности, до вопроса о сравнительномъ характерѣ ремесленной промышленности, то и въ этомъ отношеніи

замѣчается разница только количественная, и лишь въ незначительной степени качественная. Первое мѣсто въ ремесленной промышленности въ городахъ по Лугѣ, какъ мы видѣли, принадлежитъ обработкѣ дерева и желѣза (62⁰/₀), тогда какъ въ городахъ по Ладожскому озеру — обработкѣ кожи и дерева (62⁰/₀); второе мѣсто по Лугѣ — обработкѣ полотна и кожи (26⁰/₀), по Ладожскому оз. — обработкѣ полотна и желѣза (также 26⁰/₀); остальные 12⁰/₀ и въ тѣхъ и въ другихъ городахъ приходились на долю мало развитыхъ ремеслъ, которыхъ по Лугѣ считалось 3, а по Ладожскому оз. — 4. Такимъ образомъ только кожа и желѣзо въ порядкѣ мѣстъ не сходятся между собою. Это касается не только общаго итога, но даже и частныхъ, такъ что, повидимому, это составляетъ характеристическое отличіе сѣверныхъ городовъ отъ болѣе южныхъ. Именно, въ сѣверныхъ городахъ по преимуществу замѣчается развитіе обработки кожъ (35⁰/₀), въ южныхъ — обработки дерева (41⁰/₀); во-вторыхъ, въ сѣверныхъ городахъ, кромѣ обработки дерева (27⁰/₀), обработка полотна (15⁰/₀), въ южныхъ городахъ — обработка желѣза (21⁰/₀). Кожѣ же и полотну въ южныхъ городахъ занимаютъ третье мѣсто (12—15⁰/₀), въ сѣверныхъ городахъ, напротивъ, желѣзо занимаетъ это мѣсто (11⁰/₀). Такъ мы находимъ мало развитыми обработку кожъ на югѣ, обработку желѣза на сѣверѣ; находимъ сильно развитыми обработку дерева и желѣза на югѣ, обработку кожъ и дерева на сѣверѣ. Значитъ, сходятся они только въ одинаково сильномъ развитіи обработки дерева, а расходятся въ отношеніи къ обработкѣ кожъ и желѣза.

Относительно характера торговой промышленности трудно сказать что нибудь опредѣленное, такъ какъ и въ тѣхъ и въ другихъ преобладали торговцы надъ купцами. Хотя при этомъ данныя склоняются въ пользу того, что въ южныхъ городахъ былъ болѣе большой процентъ купцовъ, чѣмъ въ сѣверныхъ (въ южныхъ купцовъ 35⁰/₀, а торговцовъ 65⁰/₀, въ сѣверныхъ купцовъ 19⁰/₀, а торговцовъ 81⁰/₀), но мы видѣли, что значительное количество неспеціалистовъ въ сѣверныхъ городахъ въ большей части своей должно быть отнесено на долю именно купцовъ. Между тѣмъ въ городахъ по Лугѣ совсѣмъ не показано количество этихъ не спеціальныхъ торговцовъ и потому сравненіе не можетъ быть точно. Однако относительно Ивангорода можно несомнѣнно сказать, что въ немъ купцы были классомъ развитымъ, въ гораздо болѣе степени, чѣмъ въ Ладогѣ. Кромѣ процентовъ въ томъ и другомъ городѣ (въ И. 32⁰/₀ всѣхъ торговцовъ, 4¹/₂⁰/₀ пос. нас. въ Л. — 5⁰/₀ всѣхъ торг. 1⁰/₀ пос. нас.), это видно изъ незначительности количества торговыхъ мѣстъ, приходящихся въ Ладогѣ на долю не спеціалистовъ — всего 13 амб. (изъ 33), что со-

ставить всего 9% пос. населения. Еслибы даже некоторая часть этих 9% и была занята купеческой деятельностью, то это не могло бы поколебать убѣжденія въ болѣе сильномъ развитіи купеческой дѣятельности въ Ивангородѣ, такъ какъ изъ этихъ же 9% должно отдѣлать часть и на долю рыболововъ, огородниковъ и пр., тогда какъ въ Ивангородѣ 4 1/2% было специально купеческихъ.

Такимъ образомъ ремесленно-торговое развитіе по Лугѣ было гораздо значительнѣе, чѣмъ ремесленно-торговое развитіе по Ладожскому озеру. Торговая промышленность по нимъ сосредоточивалась въ двухъ центрахъ—на Лугѣ въ Ивангородѣ, на Ладожскомъ оз.—въ Ладогѣ и эти два центра были совершенно тождественны по количеству торговыхъ и ремесленныхъ силъ, въ нихъ развившихся. Но въ то время какъ второстепенные центры на Лугѣ представляютъ также значительное развитіе—особенно ремесленное, по Ладожскому озеру они, напротивъ, весьма слабо развиты и не могутъ выдержать сравненія съ первыми.

Подводя итоги всему найденному нами о составѣ городского населенія 5 сѣверныхъ городовъ (Ивангорода, Лимы, Корѣлы, Орѣшка и Ладogi) за два разные періода, нельзя не замѣтить, какъ просто и немногосложненъ былъ этотъ составъ. Сословіи было три: служилое, церковное и посадское. Изъ нихъ церковное было несоставное (собственно, его можно было бы дѣлить на церковное и монастырское, но въ отношеніи къ городамъ это не имѣетъ смысла, такъ какъ и то и другое было одинаково чуждо экономическимъ отношеніямъ городовъ); служилое состояло изъ двухъ элементовъ: собственно служилыхъ и земцевъ; наконецъ, посадское состояло изъ трехъ главныхъ элементовъ: рыболовей, огородниковъ и рядовскихъ людей, изъ которыхъ послѣдніе въ свою очередь дѣлились на ремесленниковъ, торговцевъ и людей, жившихъ предложеніемъ личныхъ услугъ. Если все это сведемъ въ одну таблицу, то окажется, что сословія и занятія распредѣлялись между собою такъ:

Въ Ивангородѣ (1500 г.) при 167 дв. 200 ч. всего гор. нас.														
состав.		по ч. дв.		по ч. л.										
служил.	36 ¹ / ₂ %		29 ¹ / ₂ %											
своев.														
церков.	2%		1 ¹ / ₂ %	по ч. дв.		и ч. л.								
посадск.	63%	69%	{	рыб.	36 ¹ / ₂ %	"	21%	{	рем.	7 ¹ / ₂ %	{	обр. под.	1 ¹ / ₂ %	
				ряд.	"				рем.	7 ¹ / ₂ %		"	кож.	1 ¹ / ₂ %
												"	жел.	2%
												"	дер.	4%
												"	кам.	1 ¹ / ₂ %
													купц.	3%
													работ.	6 ¹ / ₂ %

Въ Ямѣ (1500 г.) при 248 дв. 341 ч. всего городского населенія.

служ.	$\frac{25}{31}$	$\frac{200}{341}\%$										
своез.	$57\frac{41}{62}\%$	$62\frac{150}{341}\%$										
церк.	3%	2%										
посад.	$35\frac{15}{31}\%$	35%	{	рыб.	$23\frac{1}{2}\%$	23%	{	рем.	6%	{	обр.пол.	1%
				ряд.	16%	12						
											" жел.	1 "
											" дер.	2 "
											" кам.	$\frac{2}{3}$ "
											" дег.	$\frac{1}{3}$ "
								торг.	$1\frac{1}{2}\%$	{	купц.	$\frac{2}{3}$ "
								раб.	3%		торг.	$\frac{2}{3}$ "

Такимъ образомъ въ Ивангородѣ и Ямѣ (1500 г.) при 415 дв. 541 чел. всего городского населенія составляли:

служ.	14 ⁵⁰ / ₆₂ °/о	11 ¹⁴⁰ / ₅₄₁ °/о								
своез.	34 ³⁰ / ₆₂ "	39 ²⁰¹ / ₅₄₁ "								
церк.	2 ³⁴ / ₆₂ "	1 ⁴⁵⁰ / ₅₄₁ "								
посад.	46 ⁴² / ₆₂ "	47 ²¹² / ₅₄₁ "	{	рыб.	28 ³⁰ / ₆₂ °/о	30 ⁷⁰ / ₅₄₁ °/о				
				ряд.	17 ²⁰ / ₆₂ "	16 ²⁰⁰ / ₅₄₁ "				
							{	рем.	6 ¹ / ₂ °/о	обр. пол. 1 ¹ / ₂ °/о
									"	кож. 4 ¹ / ₂ "
									"	ж. 1 ¹ / ₂ "
									"	дер. 2 ³ / ₂ "
									"	кам. 2 ¹ / ₂ "
									"	дег. 4 ¹ / ₂ "
								торг.	4 ¹ / ₂ °/о	купц. 1 ³ / ₂ "
								раб.	3 ² / ₂	торг. 2 ⁴ / ₂ "

Въ Корѣлѣ (1569 г.) при 440 дв. 630 чел. всего городск. нас.:

служ.	$3\frac{7}{11}\%$	$2\frac{24}{62}\%$											
своез.	$2\frac{1}{22}\%$	$2\frac{14}{62}\%$											
церк.	$3\frac{1}{2}\%$	8%											
посад.	91 "	92 "	{	рыб.	77%	81%	{	рем.	8%	{	обр. пол.	$1\frac{1}{2}\%$	
				ряд.	$13\frac{1}{2}\%$	11 "					" кож.	8 "	
											" жел.	1 "	
											" дер.	2 "	
											" гл.	$1\frac{1}{2}\%$	
											" смол.	$1\frac{1}{2}\%$	
											" крас.	$1\frac{1}{6}\%$	
											" стек.	$1\frac{1}{6}\%$	
								{	торг.	2 "	купц.	1 "	
							раб.				11 "	торг.	1 "

Въ Ладогѣ (1569 г.) при 115 дв. 161 чел. всего городск. нас.:

служ.	$2^{24}/_{100}\%$	$2^{22}/_{100}\%$							
землян	$1^{17}/_{100}\%$	$1^{20}/_{100}\%$							
церк.	4 „	4 „							
посад.	91 „	$92^{1}/_{2}\%$	{	рыбол. $63^{1}/_{2}\%$	68%				
			{	рядов. 26%	24%				
						{	рем. 10%	{	обр.пол. $2^{1}/_{2}\%$
								{	„ кож. 4 „
								{	„ жел. 1 „
								{	„ дер. 2 „
								{	„ глин. 1 „
						{	торг. $12^{1}/_{2}\%$	{	купец. 1 „
								{	торг. 12 „
						{	раб. 1 „		

Въ Орѣшкѣ (1569 г.) при 180 дв. 280 чел. всего городск. нас.:

служ.	$7^{1}/_{10}\%$	5%							
землян	$6^{1}/_{10}\%$	$4^{1}/_{10}\%$							
церк.	7 „	6 „							
посад.	79 „	85%	{	рыб. 27%	19%				
			{	огор. 40 „	$57^{1}/_{2}\%$				
			{	рад. 12 „	8%				
						{	рем. $5^{1}/_{10}\%$	{	обр.пол. 2%
								{	„ кож. 1 „
								{	„ дер. 2 „
								{	„ крас. $1^{1}/_{2}\%$
						{	торг. „		
						{	раб. 2%		

Такимъ образомъ въ Корѣлѣ, Ладогѣ и Орѣшкѣ (1569 г.) при 735 дв, 1071 чел. всего городского населенія составляли:

Служ.	$4^{22}/_{100}\%$	$3^{21}/_{100}\%$							
своес.	$3^{22}/_{100}\%$	$2^{22}/_{100}\%$							
церк.	$4^{1}/_{10}\%$	4							
посад.	88 „	$90^{1}/_{2}\%$	{	рыбол. $62^{1}/_{2}\%$	63%				
			{	огород. 10%	15%				
			{	рядов. 15%	12%				
						{	рем. $7^{1}/_{10}\%$	{	обр.пол. 1%
								{	„ кож. $2^{1}/_{10}\%$
								{	„ жел. $3^{1}/_{10}\%$
								{	„ дер. 2%
								{	„ глин. $3^{1}/_{10}\%$
								{	„ смол. $1^{1}/_{10}\%$
								{	„ крас. $1^{1}/_{10}\%$
								{	„ стек. $1^{1}/_{10}\%$
						{	торг. 3 „	{	купц. $3^{1}/_{10}\%$
								{	торг. $2^{1}/_{10}\%$
						{	рабоч. 1 „		

Слѣдовательно, въ двухъ городахъ по Лугѣ и Наровѣ въ 1500 г. самый большій процентъ приходился на долю своеземцевъ (39), затѣмъ рыболовей (30), потомъ служилыхъ (11), ремесленниковъ (6), торговцевъ (4), рабочихъ (4) и наконецъ духовенства (2). Впрочемъ, въ отношеніи къ численности всѣхъ этихъ группъ была значительная разница между Ивангородомъ и Ямой. Въ Ивангородѣ первыми по численности были рыболовы (42), въ Ямѣ—своеземцы (62), вторыми въ И.—служилые (29), въ Я.—рыболовы (23), третьими въ И.—торговцы (9), въ Я.—ремесленники (6), четвертыми въ И.—ремесленники (6), въ Я.—работіе (3), пятими въ И.—работіе (4), въ Я.—духовные (2), шестыми въ И.—работіе (1½), въ Я.—торговцы (1) и служилые (¾). Эта разница вполне соответствуетъ указанному нами отличительному характеру Ивангорода, и какъ города по преимуществу торговаго, и Ямы, какъ города служилаго потому развившаго исключительно ремесленную промышленность. Вообще же въ названныхъ двухъ городахъ служилые люди и своеземцы составляли ровно половину населенія (50%), а остальная половина распадалась на двѣ неравныя части: рыболовы занимали 30%, а ремесленники, работіе и торговцы всего 20% (между ними 2% было духовныхъ).

Три приладожскіе города въ 1569 г. представляютъ въ отношеніи къ распредѣленію занятій полную противоположность полужскимъ 1500 г. Въ нихъ первое мѣсто по численности принадлежало рыболовамъ (63), второе — огородникамъ (15), третье — ремесленникамъ (7), четвертое—духовенству (4), пятое—торговцамъ (3) и служилымъ (3), шестое—своеземцамъ (2½) и рабочимъ (1). Но замѣчательно, что и здѣсь разница въ этомъ распредѣленіи между разными городами была значительна. Въ Корѣлѣ и Ладогѣ первое мѣсто принадлежало рыболовамъ (81—68), въ Орѣшкѣ — огородникамъ (57), второе въ Корѣлѣ было за ремесленниками (8), въ Ладогѣ за торговцами (12), въ Орѣшкѣ за рыболовами (19); третье—въ К. за церковными (3) и Орѣшкѣ также (6), въ Л. — за ремесленниками (10), четвертое — въ К. за служилыми (2), своеземцами (2) и торговцами (2), въ Л.—за церковными (4) и служилыми (3), въ Ор.—за служилыми (5) ремесленниками (5) и земцами (4), пятое — въ К. за рабочими (1) и въ Орѣшкѣ также (2), въ Л.—за земцами (1) и рабочими (1). И здѣсь разница соответствуетъ указанному нами различію въ характерѣ промышленной жизни названныхъ городовъ: въ Ладогѣ, какъ въ торговомъ центрѣ, второе и третье мѣсто было за торговыми и ремесленными людьми, что въ Орѣшкѣ числились въ четвертомъ, а въ Корѣлѣ — тоже въ четвертомъ и во второмъ; въ Ладогѣ служилые, земцы и духовенство занимали четвертое и пятое мѣста, а въ Корѣлѣ и Орѣшкѣ церковные — третье, а служилые и земцы —

четвертое. Вообще же во всѣхъ трехъ названныхъ городахъ рыболовы и огородники составляли $\frac{3}{4}$ всего населенія (78%), а оставшаяся $\frac{1}{4}$ дѣлилась на двѣ равныя половины: ремесленники и торговцы имѣли 10%, а всѣ остальные 12% (6% служ. и своез., 4% церк. и 1% рабочихъ) распредѣлялись между тремя группами—церковной, служилой и рабочей.

Изъ этихъ цифръ видно, какъ важенъ былъ въ составѣ населенія городовъ полужскихъ—элементъ служилый, своеземческій. Эта важность особенно отъерывается изъ того факта, что въ городахъ прилужскихъ самый зажиточный городской классъ составлялся изъ своеземцевъ. Да и въ городахъ приладожскихъ, не смотря на немногочисленность въ нихъ земцевъ, всѣ они принадлежали къ числу зажиточнѣйшихъ классовъ. Это заставляетъ насъ въ вопросѣ о зажиточности ввести въ расчетъ также и своеземцевъ—тѣмъ болѣе, что сами описи систематически подвергаютъ ихъ такому же дѣленію по зажиточности, какъ и городчанъ, между тѣмъ какъ церковныхъ людей и служилыхъ они всюду обходятъ молчаніемъ, какъ лицъ, получавшихъ содержаніе или отъ правительства, или отъ общества. Такимъ образомъ для опредѣленія зажиточности городскихъ жителей мы имѣемъ указанія, касающихся двухъ классовъ городского общества—своеземцевъ и посадскихъ (дворники не причисляются), т.-е. именно тѣхъ классовъ, которые составляли ядро города. Впрочемъ, должно замѣтить, что указанія эти касаются только четырехъ городовъ—одного по Лугѣ—Ямы, и трехъ приладожскихъ—Корѣлы, Ладоги и Орѣшка, и притомъ главнымъ образомъ за 1500 г.; свѣдѣнія за 1569 г. вполнѣ обнимаютъ все населеніе только Орѣшка и даютъ нѣкоторые, весьма неполныя, указанія на составъ Корѣлы: о Ладогѣ же и Ямѣ за 1569 г. относительно зажиточности населенія никакихъ указаній не имѣется.

Приступая къ рѣшенію вопроса о зажиточности городскихъ жителей, должно замѣтить, что въ древней Россіи было въ этомъ отношеніи принято дѣленіе на три главныя группы: на лучшихъ, среднихъ и молодыхъ. Основаніемъ для этого дѣленія служила оцѣнка семейнаго имущества. Но какое имущество собственно подлежало оцѣнкѣ въ городскихъ семействахъ—неизвѣстно. Въ селахъ, какъ видно изъ оцѣнки произведенной въ Голинскомъ присельѣ, предметомъ имущественной оцѣнки служилъ одинъ только скотъ—лошади, коровы, овцы, свиньи и пр. Въ городахъ, по всей вѣроятности, такимъ предметомъ были орудія производства, которымъ занималось семейство,—рыболовные снасти у рыболововъ, землекопательныя орудія у огородниковъ, ремесленныя орудія у ремесленниковъ, а также и скотъ, у кого онъ былъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что предметомъ оцѣнки не служили ни дворы съ постройками, ни домашняя

утварь, пи одежда. Что касается до размѣровъ зажиточности, опредѣлявшихъ принадлежность семейства къ лучшимъ, среднимъ или молодымъ, то для XVI в. она можетъ быть опредѣлена только по сравненію денежныхъ размѣровъ, принятыхъ для этихъ трехъ группъ въ XVII в., съ натуральными размѣрами, принятыми для нихъ въ 1600 (до наступленія финансоваго кризиса) въ селѣ Голинѣ и по сравненію той и другой съ указаніемъ Новгородской судной грамоты 1471 г.

Въ сотной г. Дмитрова 1623—24 г.¹⁾ находятся весьма точныя и довольно подробныя указанія на то, какой размѣръ имущества считался нормой для лучшихъ, среднихъ и молодыхъ людей. Вотъ эти указанія: а) молотчіе люди: 2 кузнеца, кормятся рукодѣльемъ, торгу нѣтъ, живота у нихъ на 2 рубля, — молотчіе люди; мать съ сыномъ, кормятся извозничествомъ, торгу нѣтъ, живота у нихъ на 1 рубль, — молотчіе люди; 2 кузнеца, живота у нихъ на 2 рубля, — молотчіе люди; 1 огородникъ, кормится огородомъ, торгу нѣтъ, живота у него на 2 рубля, — молотчій человѣкъ; 4 чел. неизвѣстныхъ, живота у нихъ у каждого на 1 рубль, — молотчіе люди; 7 человѣкъ, промысловъ у нихъ нѣтъ, кормятся Христовымъ именемъ, — молотчіе люди; мать съ сыномъ, торгу и промысловъ нѣтъ, кормятся Христовымъ именемъ, — молотчіе люди; еще множество названо въ молотчихъ людяхъ, но размѣръ животомъ ихъ непоказанъ, хотя между ними есть: 1 овчинникъ, 1 колесникъ, 2 плотника, 1 кузнецъ, 2 сапожника, 3 калачника, 1 пастухъ, 1 солодовникъ и 1 кормится рукодѣльемъ; б) середніе люди: мать съ сыномъ, живота у нихъ на 4 р., — середніе люди, 1 вдова, живота у нея на 4 р., — середняя; 1 неизвѣстный, живота у него на 5 р., — середній, 1 вдова, живота у нея на 8 р., — середняя; мать съ сыномъ серебряникомъ, живота у нихъ на 10 р., — середніе; 1 торговецъ солью, живота у него на 10 р., — середній; отецъ съ 2 сыновьями колесники, живота у нихъ на 10 р., — середніе и 1 колесникъ безъ обозначенія живота середній — вотъ и *все* середніе, числящіеся въ Дмитровѣ²⁾; в) лучшіе люди: мать съ двумя сыновьями, живота у нихъ на 15 р., — лучшіе; 4 чел. неизвѣстные, живота у нихъ у каждого на 15 р., — лучшіе; 2 солодовника, живота у нихъ на 20 р., — лучшіе; мать съ 2 дѣтьми, живота у нихъ на 20 р., — лучшіе; 2 неизвѣстныхъ, живота у каждого

¹⁾ Временникъ О. И. и Др. Р., кн. 24.

²⁾ Мать съ однимъ сыномъ, живота у нихъ на 5 р., — молотчіе люди названы, очевидно, по ошибкѣ; мы имѣли два случая, въ которыхъ животъ въ 4 р. числился среднимъ, и 1 случай, въ которомъ животъ въ 5 р. числился также среднимъ.

изъ нихъ на 20 р.,—лучшіе; вотъ и *все* лучшіе, бывшіе въ Дмитровѣ въ 1524 г.

Изъ этого видно, что въ 1624 г. къ младшимъ людямъ причислялись тѣ, у которыхъ живота было менѣе, чѣмъ на 4 р., къ среднимъ людямъ, у которыхъ было живота менѣе, чѣмъ на 15 р., и къ лучшимъ людямъ тѣ, у которыхъ было живота болѣе, чѣмъ на 15 р. Этотъ цензъ, однако, не можетъ быть принятъ для XVI в., такъ какъ цензовой грабежъ, характеризующій финансовую систему XVII в. и служившій причиной полного паденія городовъ и окончательнаго запустѣнія селъ и деревень, сталъ входить въ политику московскаго правительства только со второй половины царствованія Ивана IV и все таки даже при Федорѣ и Борисѣ далеко не достигалъ такихъ размѣровъ, какъ при Михаилѣ и Алексѣѣ. Что цензъ этотъ не существовалъ въ XV в., это видно изъ новгородской судной грамоты 1471 г., по которой „у поля на виноватомъ за наводку“ а также и за грабежъ постановлено брать: на бояринѣ 50 р., на житѣмъ 20 р., на молотчѣмъ 10 р.¹⁾ Значитъ молотчіе конца XV в., по зажиточности своей равны официальнымъ цензомъ опредѣляемой зажиточности середнихъ XVII в. Не должно забывать при этомъ, что а) московскій рубль XVII в. былъ вдвое меньше рубля XVI в.: въ первомъ считалось 100 денегъ, а во второмъ—200 денегъ; б) самый московскій рубль XVI в. былъ меньше рубля новгородскаго. Значитъ, перевода 10 р., которые новгородская судная грамота считала въ силахъ уплатить молотчихъ людей, на финансовый языкъ XVII в., младшій человекъ конца XV в. могъ уплатить 120 р., а по московскому счету XVI в.—60 р. Правда, не должно упускать изъ виду, что это узаконеніе о пенѣ, очевидно, антидемократическаго происхожденія и, потворствуя богачамъ, прямо разоряетъ бѣдняковъ: 50 р. для боярѣ, владѣвшихъ громаднѣйшими и доходнѣйшими землями, ровно ничего не значили, тогда какъ платежъ 10 р. по какой угодно оцѣнкѣ для бѣднѣйшаго класса, какимъ были молодшіе люди, былъ весьма тяжелъ. Что 10 р. могло выражать все имущество молодшаго человека, въ этомъ можно убѣдиться изъ описи имуществъ молодшихъ людей въ Голенискомъ приселкѣ въ 1600 году. Въ Струнинскомъ погостѣ 29 дв. молодшихъ людей имѣли 49 лошадей и 5 жеребитъ (=54), 55 коровъ и 4 нетели (=59), 27 овецъ и 23 свиньи. Въ Медвѣдскомъ погостѣ 53 дв. молодшихъ людей имѣли 84 лош. и 9 жер. (=93), 80 кор. и 23 нетели (=103) и 44 овцы. Въ Свиноръцкомъ погостѣ 8 дв. молодшихъ людей имѣли 14 лош., 17 кор. и 1 нетель (=18) и 5 овецъ. Въ сельцѣ Дворицахъ 10 дв. молодшихъ людей

¹⁾ А. Арх. Эксп., I, 92; Карамзинъ, V, пр. 404.

имѣли 17 лош. и 1 жер. (=18), 17 кор. и 2 нетели (=19) и 10 овецъ. Всего 100 дв. имѣли 164 лош. и 15 жер. (=179), 169 кор. и 30 нет. (=199) 86 овецъ и 23 свиньи ¹⁾. Хотя собственно новгородскихъ цѣнъ на домашній скотъ въ концѣ XVI в. и неизвѣстно, но, насколько можно убѣдиться изъ примѣра многихъ другихъ товаровъ цѣны разнились вообще въ разныхъ мѣстностяхъ весьма мало. Поэтому мы возьмемъ цѣны изъ ближайшихъ къ Новгороду центровъ и также близкихъ къ границѣ—именно изъ Дорогобужа ²⁾. Корова въ немъ стоила 1 р., быкъ—23 алт. или $\frac{3}{4}$ р., баранъ—4 алт., цѣнность свиньи неизвѣстна, но, судя потому, что баранъ въ 1524 г. оцѣненъ въ 4 деньги, а въ 1603—въ 4 алт., а боровъ въ 1524 г. въ $1\frac{1}{2}$ гр. ³⁾, можно думать, что свинья стоила не менѣе 1 р. (собственно 1 р. 11 алт. съ лишнимъ). За казенныхъ лошадей, отданныхъ на храненіе и кормъ чернымъ людямъ, взыскивали въ 1594 г., въ случаѣ ихъ смерти, по 3 р. за лошадь ⁴⁾, и это не было возвышенной цѣной, такъ какъ въ Вѣжецкомъ Верхѣ въ княженіе Елены Глинской платили за крестьянскаго мерина по 2 р. ⁵⁾. Итакъ названные 100 дв. имѣли: на лошадяхъ (179. 3=) 537 р., на коровахъ 169 р. и ($\frac{3}{4}$. 30=) 20 р. на нетеляхъ, значить всего 189 р., на овцахъ (86. 4=) 344 алт. или немного болѣе 10 р. (10 р. 10 алт.), на свиньяхъ 23 р. Всего же 100 дв. имѣли 759 р. и на каждый дворъ приходилось въ среднемъ по $7\frac{1}{2}$ р. московскихъ. Въ частности же между молодыми числились и такіе, имущество которыхъ заходило далеко за эту цифру: такъ, у 1 крестьянина съ двумя сыновьями было 3 лошади, 4 коровы, 3 овцы и 4 свиньи—значить, его имущество, по принятой нами оцѣнкѣ, равнялось $9+4+1\frac{1}{2}+4=17\frac{1}{2}$ рублей; у 1 крестьянина было 2 лошади, 3 коровы, 2 овцы, 4 свиньи—значить, онъ имѣлъ $6+3+1\frac{1}{4}+4=13\frac{1}{4}$ р.; также были дворы съ имуществомъ въ 2 лош., 3 кор., 3 свиньи=12 р., 3 лош., 3 кор., 2 овцы=12 $\frac{1}{4}$ р., или 3 лош. съ жереб., 3 кор., 5 овецъ=болѣе 13 р., или 3 лош., 2 кор., 3 овцы=11 $\frac{1}{2}$ р., или 2 лош. и 1 жер., 4 кор., 3 овцы и 2 свиньи=болѣе 13 р.; 2 лош., 3 кор., 3 свиньи=12 р., или 2 лош., 2 кор., 2 овцы=9 р., 2 лош., 2 кор.=8 р.; 3 лош., 3 кор., 4 овцы=12 $\frac{1}{2}$ р.; 3 лош., 3 кор. съ 2 петел., 3 овцы=13 р. и въ 2 лош. 4 кор.=10 р. Изъ этой оцѣнки видно, что даже въ 1600 г. къ молодымъ людямъ причислялись тѣ, которые въ 1623 г.

¹⁾ А. М. Ю. № 976, л. 167, 192, 200, 220.

²⁾ Акты, отн. до юр. быта, II, 142—I.

³⁾ А. М. Ю. № 706, л. 271.

⁴⁾ А. М. И. Д. Приказн. дѣла, связка 2, № 2.

⁵⁾ А. М. Ю. По Вѣжецк. уѣзду, № 220/1242.

должны были бы по размѣрамъ своего имущества числиться въ лучшихъ—напр., имѣвшіе живота на 17½ р., или же въ среднихъ—какъ *есть* остальные нами перечисленные. Изъ этого можно заключить, что хотя московская оцѣнка XVI в. и не достигала широты нормы новгородской конца XV в., но все-таки была, сравнительно съ оцѣнкой XVII в., весьма умѣренна. Можно думать, что въ XVI в. къ молодымъ людямъ причислялись тѣ, у которыхъ было животныхъ не болѣе, какъ на 20 р. А такъ какъ въ оцѣнкѣ 1623 г. по высшей нормѣ имущественно молодшіе относились къ среднимъ, какъ 3 къ 14 (3 р. — наимѣнш. имущества молодшаго, 14 р. — наибѣнш. имущества средняго; дальше — лучше), то къ среднимъ должны были принадлежать тѣ, у которыхъ имущества было не больше, какъ на 100 р. Люди, имѣвшіе животныхъ болѣе, чѣмъ на 100 р., были лучше. Такимъ образомъ къ молодымъ принадлежали люди, у которыхъ живота было отъ 1 до 20 р., къ среднимъ — отъ 21 до 100 и къ лучшимъ — болѣе 100. Это, конечно, также весьма тяжелый цензъ, такъ какъ къ молодымъ людямъ могли принадлежать только такіе, которые, какъ выражается дозоръ Голина о дворахъ, у которыхъ живота было на 17, и на 13, и на 12 р., и пр., „съ своихъ старыхъ з живущихъ участковъ и съ своихъ дворышковъ въ село Голино на государеву на пустую на десятинную пашню итти *на моту* и новыхъ дворовъ собою ставить и пашни распахать не мочно, и нечѣмъ, потому что животомъ непржиточны и одолжали великимъ долгомъ“ отъ животиннаго падежу, отъ платежей за подати и посонной хлѣбъ выше торговой цѣны и по другимъ причинамъ ¹⁾). Эта характеристика молодыхъ показываетъ, что это были полунищіе. Это были люди, которые при существовавшихъ въ то время финансовыхъ и административныхъ порядкахъ близки были къ нищенству и неспособны были ни на какія улучшенія и предпріятія, такъ какъ малѣйшее передвиженіе ихъ со старой пашни и со старыхъ домишковъ, даже на льготу, должно было неминуемо раззорить ихъ, по заявленію самой описи. Этотъ-то цензъ, вмѣстѣ съ финансовыми и административными мѣрами, и послужилъ самымъ лучшимъ средствомъ для прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, такъ какъ при такомъ составѣ класса молодыхъ людей, средніе должны были быть людьми, которыхъ именно должно было бы назвать молодыми, т.-е. не полунищими. Къ сожалѣнію, описи ихъ имущества мы не встрѣтили и потому не можемъ судить объ ихъ натуральной жжиточности. Но изъ того, что разумѣлось подъ младшими, можно видѣть, что средніе именно представляютъ тотъ классъ,

¹⁾ А. М. Ю., кн. 976, л. 168 об. и др.

который находится на первой ступени благосостоянія послѣ собственников—полунищихъ, классъ самыхъ умѣренныхъ, низшихъ доходовъ, который никакъ нельзя назвать зажиточнымъ ¹⁾, и только лучшіе люди могутъ быть дѣйствительно названы зажиточными. Имѣя все это въ виду, мы должны признать, что въ XVI в. подъ молодыми людьми должно разумѣть бѣднѣйшій классъ населенія, людей, одолжавшихъ великими долгами и маломочныхъ, съ превышеніемъ расходовъ надъ доходами, иначе, классъ, находившійся на степени полунищихъ; подъ средними—собственниковъ, находившихся на первой, низшей ступени благосостоянія, людей безъ всякаго превышенія доходовъ надъ расходами и, наконецъ, подъ лучшими—людей зажиточныхъ, съ превышеніемъ доходовъ надъ расходами.

Имѣя въ виду это понятіе о младшихъ, среднихъ и лучшихъ людяхъ, посмотримъ какъ они были распределены въ названныхъ 4 городахъ въ 1500 г.

Въ Ямѣ было своеземцевъ: лучшихъ 32 дв. 59 чел., среднихъ 49 дв. 69 чел., молодыхъ 62 дв. 85 чел.—всего 143 дв. 213 чел.; городчанъ: лучшихъ 8 дв. 14 чел., среднихъ 22 дв. 28 чел., молодыхъ 58 дв. 69 чел.—всего 88 дв. 111 чел. (8 дворниковъ не внесены въ счетъ). Всего же: лучшихъ 40 дв. 73 чел., среднихъ 71 дв. 97 чел., молодыхъ 120 дв. 154 чел.—всего 231 дв. 324 чел.

Въ Орѣшкѣ было своеземцевъ: лучшихъ 12 дв. 25 чел., среднихъ и молодыхъ не упоминается; городскихъ людей лучшихъ 12 дв. 20 чел., среднихъ не упоминается, молодыхъ 139 дв. 252 чел.—всего городскихъ 151 дв. 272 чел. (не упоминая о 4 дв. поземныхъ и 18 дворникахъ). Всего: лучшихъ 24 дв. 45 чел., среднихъ не упоминается, молодыхъ 139 дв. 252 чел.—всего 163 дв. 297 чел.

Въ Ладогѣ своеземцевъ нѣтъ; городскихъ людей: лучшихъ 9 дв. 14 чел., среднихъ 16 дв. 19 чел. и молодыхъ (54+27=) 81 дв. (66+45=) 111 чел. — всего 106 дв. 144 чел. (не внося въ счетъ 2 дворниковъ).

Въ Корѣлѣ хѣтя своеземцы и были, но зажиточность ихъ не показана; городскихъ людей: лучшихъ (ряд. 15—21, руб. 15—21=) 30 дв. 42 чел., среднихъ не показано; молодыхъ (ряд. 32—38, руб. 106—244, безъ пром. 20—20=) 158 дв. 302 чел.—всего (ряд. 47—59, руб. 121—265, безъ пром. 20—20=) 188 дв. 344 чел. (не считая 17 дворниковъ).

¹⁾ Во время новгородской самостоятельности, напротивъ, средній классъ, кажется, дѣйствительно можетъ быть названъ зажиточнымъ, какъ это видно и изъ пени его, сравнительно съ пеней молодыхъ и изъ самаго названія „житныи“ людьми.

Итакъ отношеніе между лучшими, средними и молодыми выразится слѣдующими цифрами:

Въ Ямѣ:	своеземцы		городчане		всего	
	по ч. дв.	по ч. л.	по ч. дв.	по ч. л.	по ч. дв.	по ч. л.
лучшіе	22 ⁸⁴ / ₁₄₂ °/о	27 ¹⁴⁹ / ₂₁₁ °/о	9 ¹ / ₁₁ °/о	12 ⁶⁸ / ₁₁₁ °/о	17 ¹⁹ / ₂₂₁ °/о	22 ⁴⁸ / ₃₁ °/о
средніе	34 ²⁸ / ₁₄₂ „	32 ⁸⁴ / ₂₁₁ „	25°/о	25 ²⁵ / ₁₁₁ „	30 ¹⁷⁰ / ₂₂₁ „	29 ⁷⁰ / ₃₁ „
молодые	43 ¹¹ / ₁₄₂ „	39 ¹⁹³ / ₂₁₁ „	65 ¹⁰ / ₁₁ „	62 ¹⁸ / ₁₁₁ „	51 ²¹⁵ / ₂₂₁ „	47 ⁴⁸ / ₃₁ „
	143 дв.	213 чел.	88 дв.	111 чел.	231 дв.	324 чел.

Въ Орѣшкѣ:

	своеземцы		городчане		всего	
	по ч. дв.	по ч. л.	по ч. дв.	по ч. л.	по ч. дв.	по ч. л.
лучшіе	100°/о		7 ¹⁴³ / ₁₅₁ °/о	7 ⁸ / ₁₇ °/о	14 ¹¹⁸ / ₁₅₁ °/о	15 ⁴⁵ / ₂₀₇ °/о
средніе	„	„	„	„	„	„
молодые	„	„	92 ⁸ / ₁₅₁ „	92 ¹⁰ / ₆₃ „	85 ⁴⁵ / ₁₅₁ „	85 ²³ / ₂₀₇ „
	12 дв.	25 ч.	151 дв.	272 чел.	163 дв.	297 чел.

Въ Ладогѣ городскіе люди:

	по ч. дв.	по ч. л.
лучшіе	8 ³⁶ / ₅₃ °/о	9 ¹² / ₁₃ °/о
средніе	15 ⁷ / ₅₃ „	13 ⁷ / ₃₆ „
молодые	76 ²¹ / ₅₃ „	77 ¹ / ₁₃ „
	106 дв.	144 чел.

Въ Корѣлѣ городскіе люди:

	по ч. дв.	по ч. л.
лучшіе	15 ⁴⁵ / ₄₆ °/о	12 ⁹ / ₄₃ °/о
средніе	0	0
молодые	84 ¹ / ₂₃ „	87 ²⁴ / ₄₃ „
	188 дв.	344 чел.

Значить, изъ всего количества бывшихъ въ этихъ городахъ своеземцевъ (въ Ямѣ 143—213, въ Орѣшкѣ 29—25, въ Ладогѣ 1—0, въ Корѣлѣ 17—15=) 190 дв. 253 чел. и городчанъ или посадскихъ людей (въ Ямѣ 88—119, въ Орѣшкѣ 155—294, въ Ладогѣ 106—146, въ Корѣлѣ 188—361=) 537 дворовъ 920 чел.:

своеземцы:		городчане:		всего:	
по ч. л.	по ч. дв.	по ч. л.	по ч. дв.	по ч. л.	по ч. дв.
лучш. 23 ³ / ₁₉ °/о	33 ⁶¹ / ₂₅₃ °/о	10 ³²⁰ / ₅₂₇ °/о	9 ¹⁸ / ₂₃ °/о	14 ¹²² / ₇₂₇ °/о	14 ²⁷⁸ / ₁₁₇₈ °/о
серед. 25 ¹⁵ / ₁₉ „	27 ⁶⁹ / ₂₅₃ „	74 ¹ / ₅₂₇ „	5 ⁵ / ₄₆ „	11 ⁷⁰⁸ / ₇₂₇ „	9 ¹⁰⁴³ / ₁₁₇₈ „
молод. 32 ¹³ / ₁₉ „	33 ¹⁵¹ / ₂₅₃ „	81 ¹⁰⁸ / ₅₂₇ „	79 ¹⁸ / ₂₃ „	68 ²⁶⁴ / ₇₂₇ „	69 ²⁶⁸ / ₁₁₇₈ „
81 ¹¹ / ₁₉ °/о	94 ¹⁸ / ₂₅₃	99 ¹²⁷ / ₅₂₇ °/о	94 ³¹ / ₄₆ °/о	94 ⁴⁶³ / ₇₂₇ °/о	94 ⁴⁴⁸ / ₁₁₇₈ °/о

Остальные $5^{325/1173}/\%$ приходятся на долю неизвѣстныхъ. Однако только относительно своеземцевъ можно дѣйствительно сказать, что $5^{325/1173}/\%$ неизвѣстно—были ли лучшіе, середніе или молодые; относительно же $5^{15/46}/\%$ посадскихъ можно положительно думать, что они принадлежали къ числу молодыхъ, такъ какъ всѣ эти $5/\%$ состояли изъ дворниковъ и 4 поземныхъ дворовъ — людей, самое занятіе которыхъ и неспособность пріобрѣсти въ собственность дворовыя мѣста даютъ понятіе объ ихъ маломочности.

Изъ этого итога видно, что вообще процентъ лучшихъ и среднихъ людей былъ чрезвычайно незначителенъ: вмѣстѣ взятые, они едва составляли и $25/\%$, тогда какъ на долю молодыхъ приходится по меньшей мѣрѣ 70, а, быть можетъ, и всѣ $75/\%$. Но это относится почти исключительно къ классу городчанъ. Своеземцы, сравнительно съ городчанами, были чрезвычайно зажиточнымъ классомъ: лучшіе и средніе люди составляли между ними $60^{1/2}/\%$, такъ что, за вычетомъ 6— неизвѣстныхъ, на долю молодыхъ между земцами приходилось всего $33^{1/2}/\%$. Такимъ образомъ $3/4$ всѣхъ своеземцевъ были люди состоятельные и только $1/4$ —маломочные. Не то мы видимъ между городчанами. Здѣсь средніе и лучшіе люди составляли всего только $15/\%$, т.-е. ихъ было вчетверо меньше, чѣмъ между своеземцами; остальные $85/\%$ можно считать вполне за молодыми, такъ какъ $5/\%$, приходящіеся на долю неизвѣстныхъ, какъ мы видѣли, можно причислить къ молодымъ, и въ такомъ случаѣ молодыхъ между городчанами было почти втрое больше, чѣмъ между своеземцами. Въ частности въ отношеніи къ распредѣленію зажиточности городчанъ по классамъ названные четыре города можно раздѣлить на двѣ группы: въ одной находятся Яма и Ладога, имѣвшіе всѣ три класса—лучшихъ, среднихъ и молодыхъ, въ другой—Орѣшекъ и Корѣла, имѣвшіе только два класса: лучшихъ и молодыхъ. Разница между этими группами громадная. Въ Ямѣ числилось $12^{1/2}/\%$ лучшихъ и $25/\%$ среднихъ, — значить всего $37^{1/2}/\%$ зажиточныхъ; въ Ладогѣ числилось лучшихъ $10/\%$ и среднихъ $13^{1/2}/\%$ — значить всего $23/\%$ зажиточныхъ. Между тѣмъ въ Орѣшкѣ лучшихъ числилось всего $7/\%$, а среднихъ совсѣмъ не было, значить, зажиточныхъ было болѣе, чѣмъ на $30/\%$, т.-е. впятеро меньше Ямскихъ и на $16/\%$, т.-е. болѣе, чѣмъ втрое, меньше Ладожскихъ. Въ Корѣлѣ также числилось лучшихъ всего $12/\%$, а среднихъ совсѣмъ не было, значить, зажиточныхъ также было на $25/\%$, т.-е. втрое меньше, чѣмъ въ Ямѣ, и на $11/\%$, т. е. вдвое менѣе, чѣмъ въ Ладогѣ. Эти отношенія между зажиточными классами должны были повліять конечно и на разницу между городами по количеству молодыхъ людей. Въ Ямѣ ихъ было $62/\%$, въ Ладогѣ— $77/\%$, между тѣмъ какъ въ Орѣшкѣ было ихъ $92/\%$, а

въ Корѣлѣ—88%, т. е. въ Орѣшкѣ молодыхъ было на 30% больше, чѣмъ въ Ямѣ и на 15% больше, чѣмъ въ Ладогѣ, а въ Корѣлѣ на 26% больше, чѣмъ въ Ямѣ и на 11% больше, чѣмъ въ Ладогѣ. Такимъ образомъ въ Ямѣ и Ладогѣ зажиточные классы составляли приблизительно около $\frac{1}{3}$ населенія и $\frac{1}{3}$ составляли молодые, а въ Орѣшкѣ и Корѣлѣ зажиточные составляли всего около $\frac{1}{3}$ населенія, а $\frac{2}{3}$ приходилось на долю молодыхъ.

Любопытно это замѣченное нами во всѣхъ городахъ, не исключая и Ямы съ Ладогой, слабое развитіе класса середнихъ людей. При этомъ своеземцы, конечно, не должны быть принимаемы въ расчетъ, такъ какъ основа ихъ благосостоянія находилась не въ городскихъ промыслахъ, а въ земляхъ, имъ принадлежавшихъ. Однако и въ ихъ средѣ гораздо болѣе видно лучшихъ людей, чѣмъ середнихъ: первые составляютъ 33%, вторые всего 27%. Но особенно рѣзко выступаетъ эта особенность въ посадскомъ населеніи. Въ Корѣлѣ и Орѣшкѣ совсѣмъ нѣтъ класса среднихъ людей; въ Ямѣ ихъ было всего только вдвое больше лучшихъ (лучшихъ 12½, среднихъ 25%), а въ Ладогѣ ихъ было почти поровну (лучшихъ 10%, среднихъ 13%). Такимъ образомъ въ общемъ итогъ является поразительный процентъ въ посадскомъ населеніи 10% лучшихъ и всего 5% среднихъ при 80% или и всѣхъ 85% молодыхъ. Это отношеніе мало мѣняется даже отъ присоединенія своеземцевъ, такъ какъ все-таки лучшихъ оказывается 15%, а среднихъ всего 10% при 70—75% молодыхъ. Это явленіе трудно объяснить чѣмъ нибудь инымъ, какъ только вліяніемъ монополій, привилегій, тархановъ и прочихъ принадлежностей московской финансовой администраціи, нисколько не заботившейся о благосостояніи народонаселенія. Благодаря имъ, все городское населеніе раздѣлилось на два противоположные и, быть можетъ, враждебные классы: классъ, обладавшій различными монополіями, тарханами, привилегіями, доходными ресурсами и прочими — классъ лучшихъ людей, и классъ, лишенный всякихъ привилегій и тархановъ — классъ молодыхъ людей. Понятно, при такихъ условіяхъ, при которыхъ дается возможность одной части населенія дѣйствовать свободно, безъ правительственныхъ стѣсненій, другая же часть должна дѣйствовать, подвергаясь всей тяжести этихъ стѣсненій, на которыя такъ щедро было московское правительство, — между этими двумя частями населенія образуется полная противоположность и средняго класса не можетъ существовать. При такихъ условіяхъ могли существовать только два класса; привилегированный и непривилегированный, т. е. лучший и молодой, и среднему классу, какъ по логической необходимости долженствовавшему примкнуть къ тому или другому, не было между ними мѣста. Замѣчательно, что привилегирован-

пость лучших касалась не однихъ только экономическихъ отношеній, а также и всѣхъ другихъ. По пресловутому закону о самоуправленіи всѣ президентскія выборныя должности могли быть замѣщаемы не иначе, какъ только лучшими людьми. Такимъ образомъ молодые люди являются въ полной зависимости и экономической, вслѣдствіе отсутствія среднего класса, и административной и судебной отъ лучшихъ людей, и съ этой точки зрѣнія законъ о самоуправленіи нисколько не былъ шагомъ впередъ, такъ какъ онъ, избавляя массу населенія отъ одного зла — чиновническаго самоуправства, отдавалъ эту самую массу въ руки другого зла — быть можетъ еще худшаго, такъ какъ оно связано было кромѣ правительственныхъ и съ экономическими отношеніями, — полного и безграничнаго господства во всѣхъ сферахъ жизни лучшихъ надъ молодыми. И замѣчательно, что тамъ, гдѣ монополіи и привилегіи трудно было захватить все въ свои руки вслѣдствіе большей широты промысловой дѣятельности, какъ въ городахъ торговыхъ и промышленныхъ — въ силу ихъ географическаго положенія, гдѣ возможно было людямъ непривилегированнымъ имѣть заработокъ помимо мѣстныхъ запатій, монополизированныхъ лучшими, — тамъ средній классъ является сравнительно болѣе развитымъ и превосходящимъ количество лучшихъ; такъ, въ Ямѣ среднихъ людей числилось 25%, а лучшихъ всего 12¹/₂%, въ Ладогѣ среднихъ числилось 13%, а лучшихъ 10%. Конечно, абсолютно это весьма незначительное количество, но вся сила его видна изъ того, что въ Орѣшкѣ и Корѣлѣ совсѣмъ не было среднихъ и между лучшими и молодыми совсѣмъ не существовало столь важнаго и необходимаго и въ экономической, и въ соціальной жизни средняго класса, — независимаго экономически отъ лучшихъ и тѣмъ самымъ служащаго опорой для молодыхъ — полулучшихъ, паходящихся въ полномъ распоряженіи лучшихъ. Вотъ почему не привилось и погубило преждевременной смертью пресловутое самоуправленіе, введенное Иваномъ IV; оно было для народа еще большимъ зломъ, чѣмъ прежнее чиновническое управленіе, такъ какъ, благодаря этому закону, къ экономическому закрѣпощенію молодыхъ лучшимъ присоединилось еще закрѣпощеніе административное и судебное все тѣмъ же лучшимъ.

Что касается до относительной зажиточности городовъ сравнительно съ ихъ занятіями, то для этого существуютъ данныя весьма неполныя. Такъ, о раздѣленіи по занятіямъ въ Орѣшкѣ совсѣмъ ничего неизвѣстно, о Корѣльскихъ городскихъ людяхъ можно судить только по общему дѣленію посадскихъ на три группы — рыболововъ, рядовичей и безпромышленныхъ людей; указанія на дѣленіе по занятіямъ въ Ладогѣ отличаются крайней неполнотой, такъ что изъ нихъ ника-

кого заключенія нельзя вывести. Только относительно Ямских городских людей можно составить довольно определенное понятие, но именно лишь по вопросу объ участіи въ ремесленно-торговой и рабочей дѣятельности; объ остальныхъ неизвѣстно, чѣмъ они занимались, и неизвѣстно, какіе ресурсы служили причиной отнесенія ихъ къ тому или другому классу.

Въ Корѣѣ все посадское населеніе подѣлено на три класса: рядовичей, рыболовей и безпромышленныхъ. Рядовичей въ числѣ лучшихъ людей считалось 15 дв.—21 чел., въ числѣ молодыхъ — 32 дв. 38 чел. Рыболовей въ числѣ лучшихъ считалось 15 дв. 21 чел., въ числѣ молодыхъ—106 дв. 244 чел. Безпромышленные люди всѣ отнесены къ молодымъ и имѣли 20 дв. 20 чел. Такимъ образомъ рядовичи, рыболовы и безпромышленные люди по зажиточности представляли такія отношенія:

	рядовичей		рыболововъ		безпромышл.
	по ч. дв.	по ч. л.	по ч. дв.	по ч. л.	поч. л.
лучшихъ	31 ^{48/47} пр.	35 ^{38/39} пр.	12 ^{48/121} пр.	7 ^{49/52}	0
среднихъ	0	0	0	0	0
молодыхъ	68 ^{4/47} „	64 ^{34/39} „	87 ^{79/121} „	92 ^{4/52}	100
	25 пр.	17 ^{12/36} пр.	64 ^{17/47} пр.	77 ^{3/36}	10 ^{30/47} 5 ^{38/46}

Такимъ образомъ самые зажиточные люди были рядовичи: между ними лучшихъ было почти 36%, а молодыхъ всего 64%. Рыболовы же были весьма бѣдный народъ: лучшихъ было всего 8%, на 28% меньше, чѣмъ рядовичей, т. е. болѣе, чѣмъ вчетверо, меньше послѣднихъ; молодыхъ было 92%, на 28% болѣе, чѣмъ у рядовичей, т. е. въ полтора раза болѣе, чѣмъ у послѣднихъ.

Въ Ямѣ обозначено только два двора рыболововъ: 1 дв. между средними городскими людьми и 1 дв. между молодыми городскими людьми. Остальные дворы съ отмѣтками о занятіяхъ и зажиточности всѣ относятся къ ремесленнымъ, торговымъ и рабочимъ людямъ. Изъ своеземцевъ въ ремеслахъ участвовало 3 дв. 3 чел. средніе (2 сапожн. и 1 лучникъ.). Изъ городскихъ людей—изъ лучшихъ въ ремеслахъ не участвовалъ никто; изъ среднихъ въ ремеслахъ участвовало (3 кузнеца, 1 дегтяръ, 3 кожевника, 2 плотника) 6 дв. 9 чел., въ торговлѣ (1 масникъ, 2 москотилника) 3 дв. 3 чел., въ рабочихъ—ни одного. Итакъ изъ 16 чел. всѣхъ ремесленниковъ 7 приходилось на долю среднихъ; изъ 4 чел. торговцевъ—3 чел. среднихъ—всего изъ 20 чел. рем. и торговцевъ 10 приходится на долю среднихъ изъ всѣхъ 28 чел. среднихъ. Остальные 9 чел. ремесленниковъ и 1 чел. торговый — всего 10 чел., равно какъ 11 чел. людей, жившихъ личными услугами,

корчмитъ, 7 скомороховъ и строй—всего 20 чел., а съ ремесленными и торговыми 30 чел. приходилось на долю молодыхъ изъ всѣхъ 69 чел. Такимъ образомъ изъ 20 чел. ремесленниковъ и торговыхъ 10 чел. приходилось на долю среднихъ изъ 28 чел. и 10 чел. на долю молодыхъ изъ 69 чел.; изъ рабочихъ и безпромышленныхъ людей (кромя корчмита и строя) ни одного человѣка не числится въ среднихъ и всѣ 20 чел. приходятся на долю молодыхъ — всего 30 чел. изъ 69. Остальные лучшие, средние и молодые дворы должны быть отнесены, по принятому нами дѣленію, на счетъ рыболововъ, т. е. 14 чел. лучшихъ, 18 среднихъ и 39 молодыхъ—всего 71 чел. (безъ 8 чел. дворниковъ). Значить, отношенія лучшихъ, среднихъ и молодыхъ по занятіямъ должны выразиться слѣдующими цифрами (исключая своеземцевъ и причисляя корчмита и строя къ числу рабочихъ и безпромышленныхъ):

	рыболов. по ч. л.	ремесленн. по ч. л.	торгов. по ч. л.	рабочихъ. по ч. л.
лучшихъ	19 ^{61/71} пр.	— пр.	— пр.	— пр.
средн.	25 ^{28/71} „	43 ^{3/4} „	75 „	— „
молод.	54 ^{66/71} „	56 ^{1/4} „	25 „	100 „
	63 ^{107/111} пр.	14 ^{46/111} пр.	37 ^{7/111} пр.	18 ^{3/111} пр.

Изъ этого видно, въ подтвержденіе высказаннаго нами выше, что тамъ, гдѣ привилегія была наименѣе приложима — именно въ ремеслахъ, — тамъ средній классъ является весьма развитымъ, и въ рукахъ его сосредоточивается главная производительность: между ремесленниками половину составляли средніе (44%) и половину молодые (56%). Между рыболовами, гдѣ возможно было болѣе широкое приложеніе привилегіи, средніе уже являются въ подавленномъ состояніи, такъ какъ ихъ было всего только 25%, а лучшихъ 20%, и, сообразно съ этимъ незначительнымъ развитіемъ средняго класса, большая половина приходится на долю молодыхъ—55%. О торговлѣ нельзя ничего сказать опредѣленнаго, такъ какъ здѣсь, какъ мы видѣли, всюду главѣйшую роль по количеству играли не спеціальныя торговцы, число которыхъ въ Ямѣ неизвѣстно. Однакоже, незначительность количества среднихъ и молодыхъ, участвовавшихъ въ спеціальной торговлѣ, заставляетъ предполагать именно здѣсь наибольшее приложеніе привилегій, такъ что, по всей вѣроятности, лучшие люди рыболовы составляли именно тотъ классъ, въ рукахъ котораго сосредоточилась вся торговля и который воспрепятствовалъ среднему и молодому классу искать въ торговлѣ ресурсовъ для своей предприимчивости. Въ самомъ дѣлѣ, трудно допустить, чтобы

при сравнительно значительномъ развитіи городской жизни въ Ямѣ было всего 4 чел. торговцевъ. Безъ сомнѣнія, ихъ было больше, и во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ въ 1569 г. было торговцевъ въ Ладогѣ, Корѣлѣ или Орѣшкѣ, т. е. по меньшей мѣрѣ человекъ 20. Кто же составлялъ торговый классъ? Изъ среднихъ людей названо специалистовъ всего 3 торговыхъ чел.; изъ молодыхъ всего 1 чел. Очевидно, остальные торговцы должны были распредѣлиться между лучшими и молодыми, такъ какъ изъ среднихъ только 17 чел. (остальные были 7 рем., 1 рыб. и 3 торг.) чужды были ремесламъ и торговлѣ и могутъ быть отнесены къ рыболовамъ, между тѣмъ какъ изъ молодыхъ 38 чел. (остальные были 1 рыб., 9 рем., и 1 торг.), а изъ лучшихъ всѣ 14 чел. были чужды имъ. Вообще лучшіе, средніе и молодые въ такихъ размѣрахъ участвовали въ посадскихъ занятіяхъ по описи:

	изъ лучшихъ.	изъ среднихъ.	изъ молодыхъ.
рыболововъ . . .	100 пр.	64 ^{2/3} пр.	56 ^{12/25} пр.
ремесленниковъ . .	— „	25 „	13 ^{1/25} „
торговыхъ	— „	10 ^{1/3} „	1 ^{21/100} „
рабочихъ	— „	— „	28 ^{68/100} „
	14 чел.	28 чел.	69 чел.
	42 чел.		

Такимъ образомъ изъ среднихъ людей $\frac{1}{3}$ занималась (36%) ремеслами и торговлей, а $\frac{2}{3}$ —рыболовствомъ (64%); изъ молодыхъ всего только $\frac{1}{3}$ занималась ремеслами и торговлей (14 $\frac{1}{25}$ %), $\frac{2}{3}$ —предложеніемъ личныхъ услугъ (29%), а $\frac{1}{3}$ —рыболовствомъ (56 $\frac{1}{25}$ %); лучшіе же всѣ принадлежали къ рыболовамъ и, вѣроятно, еще къ торговцамъ. Такимъ образомъ, по указаніямъ описи, по зажиточности классы распредѣлялись такъ:

	рыболов.	рем. и торг.	рабочихъ.
лучшихъ	19 ^{54/71} пр.	— пр.	— пр.
среднихъ . . .	25 ^{36/71} „	50 „	— „
молодыхъ . . .	54 ^{68/71} „	50 „	100 „

Изъ этого видно, что по зажиточности классы ремесленный и торговый съ одной стороны и рыболовческій съ другой были равны, такъ какъ въ рыболовческомъ лучшіе и средніе составляли 45%, а въ ремесленномъ и торговомъ—50%, т. е. ровно пополамъ — половина среднихъ и половина молодыхъ. Но ремесленный и торговый классъ представляетъ болѣе равномерности въ распредѣленіи зажи-

точности, чѣмъ рыболовческой. Въ первомъ совѣтѣ не было лучшихъ людей, а средніе составляли ровно половину его, тогда какъ въ рыболовческомъ классѣ на долю лучшихъ приходилось 20% и на долю среднихъ всего 25%, а молодые составляли болѣе половины— 55%. Въ этомъ преобладаніи лучшихъ и молодыхъ надъ средними, очевидно, сказывается вліяніе монополій и привилегій всякаго рода— особенно приложимыхъ въ рыболовствѣ. Тоже было по всей вѣроятности и съ торговымъ классомъ, но опредѣленныхъ свѣдѣній о немъ не имѣется.

Свѣдѣнія о распредѣленіи лучшихъ, среднихъ и молодыхъ по занятіямъ въ г. Ладогѣ не имѣютъ никакого значенія по своей крайней неполнотѣ, которая особенно обнаруживается по сравненію съ описью того же города за 1569 г. Изъ лучшихъ и среднихъ людей въ 1500 г. не называется ни одного человѣка по занятіямъ, а изъ молодыхъ называется всего 4 чел. ремесленниковъ и одинъ строй. Между тѣмъ въ 1569 г. Ладога была однимъ изъ лучшихъ городовъ по развитію ремесленного и торговаго сословія. Это показываетъ, что выводы изъ описи 1500 г. относительно вліянія занятій на зажиточность не можетъ быть допущено никакихъ.

Что касается до сравнительной зажиточности городовъ, то она лучше всего можетъ обнаружиться изъ процентнаго отношенія лучшихъ, среднихъ и молодыхъ ко всему городскому населенію, не исключая и духовныхъ и служилыхъ людей.

Въ Лифѣ было всего городскихъ жителей 248 дв. 341 чел., значить составится:

	своеземцы.		городчане.		всего.	
	по ч. дв.	по ч. л.	по ч. дв.	по ч. л.	по ч. дв.	по ч. л.
лучшіе	12 ²⁰ / ₃₁	17 ¹⁰³ / ₃₄₁ пр.	8 ⁷ / ₃₁ пр.	4 ²⁰ / ₃₄₁	16 ⁴ / ₃₁ пр.	21 ¹²⁹ / ₃₄₁ пр.
средніе	19 ⁴⁷ / ₆₃	20 ³⁰ / ₃₄₁ „	8 ²⁷ / ₃₁ „	8 ⁷³ / ₃₄₁	28 ²⁹ / ₆₃ „	28 ¹³² / ₃₄₁ „
молодые	25 пр.	24 ²¹⁶ / ₃₄₁ „	23 ¹³ / ₃₁ „	20 ²⁰ / ₃₄₁	48 ¹³ / ₃₁ „	45 ²⁵ / ₃₄₁ „

Остальные 6³³/₃₂₀% по ч. дворовъ и 4²²⁶/₃₄₁₀% по числу людей приходятся на долю служилыхъ и церковныхъ людей и дворниковъ.

Въ Орѣшкѣ было всего городскихъ жителей 200 дв. 335 чел.

лучшіе	6 пр.	7 ³¹ / ₆₇ пр.	6 пр.	5 ⁶³ / ₆₇ пр.	12 пр.	13 ³⁹ / ₆₇ пр.
средніе	„	„	„	„	„	„
молодые	„	„	69 ¹ / ₂ пр.	75 ¹³ / ₆₇ „	69 ¹ / ₂	75 ¹³ / ₆₇ „

Остальные 18¹/₂% по числу дворовъ и 11³³/₆₇₀% по числу людей приходятся на долю служилыхъ и духовныхъ, а также и не упомянутыхъ своеземцевъ и дворниковъ и поземныхъ.

Въ Ладогѣ было всего городскихъ жителей 114 дв. 154 чел., значить городскіе люди составляли (своеземцевъ нѣтъ):

	по ч. дв.	по ч. л.
лучшіе	$7^{51/57}$ пр.	$9^{7/77}$ пр.
средніе	$14^{2/57}$ „	$12^{26/77}$ „
молодые	$71^{3/57}$ „	$72^{6/77}$ „

Остальные $7^{1/57}/\%$ по числу дворовъ и $6^{26/77}/\%$ по числу людей приходится на долю служилыхъ, церковныхъ и дворниковъ. Въ Корѣѣ было всего городскихъ жителей 230 дв. 403 чел., значить, городскіе люди составляли:

лучшіе	$13^{1/22}$ пр.	$10^{170/402}$ пр.
средніе	0	0
молодые	$68^{16/22}$ пр.	$74^{278/402}$ пр.

Остальные $18^{6/22}/\%$ по числу дворовъ и $14^{258/402}/\%$ по числу людей приходится на долю служилыхъ, церковныхъ, дворниковъ и своеземцевъ.

Такимъ образомъ въ отношеніи ко всему городскому населенію, бывшему въ этихъ городахъ,—ко всѣмъ 792 дв. 1232 чел. составляли:

	своеземцы.		городчане.		всего.	
	по ч. дв.	по ч. л.	по ч. дв.	по ч. л.	по ч. дв.	по ч. л.
луч.	$5^{55/22}$ пр.	$6^{1102/1232}$ пр.	$7^{22/122}$ пр.	$7^{262/1232}$ пр.	$13^{1/122}$ пр.	$14^{184/1232}$ пр.
сред.	$6^{27/122}$ „	$5^{735/1232}$ „	$4^{73/22}$ „	$3^{1101/1232}$ „	$10^{125/122}$ „	$9^{563/1232}$ „
молод.	$7^{22/22}$ „	$6^{1102/1232}$ „	$55^{6/22}$ „	$59^{633/1232}$ „	$62^{22/22}$ „	$62^{522/1232}$ „

Остальные $13^{12/22}/\%$ по числу дворовъ и $10^{70/1232}/\%$ по числу людей приходится на долю служилыхъ, церковныхъ, поземныхъ, дворниковъ и незначительныхъ своеземцевъ.

Изъ этого обзора видно, что самымъ зажиточнымъ городомъ была Яма. Это касается не только всего населенія, въ которомъ средніе и лучшіе составляли ровно половину (50%),—отношеніе, до котораго даже приблизительно не достигалъ ни одинъ изъ остальныхъ городовъ, но и въ частности собственно городчанъ, т. е. посадскихъ. Изъ нихъ 12% всего городского населенія было лучшихъ и среднихъ и всего 20% молодыхъ. Такихъ благоприятныхъ отношеній не встрѣчалось ни въ одномъ изъ остальныхъ городовъ. Вторымъ по зажиточности можно назвать Ладугу, состоявшую исключительно изъ посадскихъ, по ея отношенія были далеко не такъ благоприятны, какъ Ямы. Въ ней лучшіе и средніе посадскіе, правда, составляли

21^{1/2}% всего городского населенія, т. е. почти вдвое больше, чѣмъ въ Ямѣ, но за то молодые въ ней составляли 72% городского населенія. Остальные два города представляли картину крайней нищеты и безграничнаго господства незначительнаго количества монополистовъ, вслѣдствіе отсутствія людей средней зажиточности, надъ полунищетою массою. Среднихъ людей въ нихъ совсѣмъ не было, но и лучшихъ былъ тоже весьма незначительный процентъ. Въ Орѣшкѣ, впрочемъ, всѣ лучшіе люди составляли 13% городского населенія, но изъ нихъ 7% приходилось на долю своеземцевъ, а 6% на долю посадскихъ, между тѣмъ какъ молодые посадскіе составляли 75% всего городского населенія. Въ Корѣлѣ посадскіе люди давали городскому населенію лучшихъ всего 10%, но за то молодыхъ цѣлыхъ 75%. Такимъ образомъ, если всѣ эти три приладожскіе города сравнить съ Ямой, то нельзя не видѣть, что первые были весьма бѣдны сравнительно съ послѣдней. Въ городскомъ населеніи первыхъ было всюду не менѣе 72—75% молодыхъ людей и не болѣе 6—21% среднихъ и лучшихъ, тогда какъ въ Ямѣ половина неслужилаго и служилаго населенія состояла изъ среднихъ и лучшихъ (50%) и немного менѣе половины (45%) изъ молодыхъ, т. е., беря круглыя цифры, въ Ямѣ было втрое больше зажиточныхъ людей (лучшихъ и среднихъ) и вдвое меньше полунищихъ (молодыхъ), чѣмъ въ каждомъ изъ приладожскихъ городовъ.

Что касается до вопроса о зажиточности городовъ 1569 г., то данныя для рѣшенія его есть только для одного Орѣшка—и то, какъ мы увидимъ, недостаточно опредѣленныя. Относительно же Корѣлы и Ладоги мы остаемся въ полномъ невѣдѣніи на счетъ количества людей лучшихъ, среднихъ и молодыхъ. Въ описи Ладоги совсѣмъ нѣтъ дѣленія посадскихъ на эти группы, въ описи же Корѣлы, хотя и названы 34 дв. 43 чел. „молодыми“, за то остальные оставлены при общемъ обозначеніи дворовъ „таглыхъ“. Такъ какъ въ порядкѣ изложенія послѣдніе предшествуютъ первымъ и переходятъ въ описи дворовъ молодыхъ сдѣланъ такъ: „въ Корѣлѣ жъ на посадѣ дворы таглые молотчихъ людей“, то можно было бы предполагать, что предшествующіе имъ—люди средніе и лучшіе, но этому препятствуетъ количество показанныхъ въ этомъ отдѣлѣ дворовъ и людей: перечислено въ немъ 362 дв. 531 чел. однихъ только посадскихъ людей, значитъ, еслибы принять эту цифру за выраженіе количества среднихъ и лучшихъ людей, то пришлось бы утверждать, что въ Корѣлѣ въ 1569 г. въ городскомъ населеніи было изъ посадскихъ 82^{1/11}% по числу дворовъ и 84^{13/11}% по числу людей лучшихъ и среднихъ людей, а всего 7% (7^{8/11}% по числу дворовъ и 6^{33/110}% по числу людей) молодыхъ. Очевидно, невозможныя отношенія.

Что касается до Орѣшка, то о зажиточности его населенія

имѣются данныя, хотя въ одномъ случаѣ и неопредѣленныя. Именно въ немъ показано 30 дв. 56 чел. и изъ нихъ къ посадскимъ не принадлежало только два человека (1 толмачъ во дворѣ съ другимъ и 1 пушкаръ во дворѣ рыбнаго ловца)—значить всего посадскихъ 30 дв. 54 чел. „А молодшихъ людей на Лопской сторонѣ“ 62 дв. а въ нихъ 107 чел., но изъ нихъ 3 дв. 5 чел. церковныхъ, 2 дв. 2 дворника и 1 дв. 2 чел. (палачъ и пушкаръ); губнаго дьяка и земскаго дьяка считаемъ въ посадскихъ) служилыхъ; значить, всего посадскихъ 56 дв. 98 чел. Наконецъ „въ Орѣшкѣ жъ на посадѣ на Корѣльской сторонѣ за рѣкою Невою черныя тяглыя дворы середнихъ и молодыхъ людей“ всего 75 дв., а въ нихъ 103 чел. Но между ними встрѣчаются 4 дв. 4 чел. служилыхъ, 12 дв. 12 чел. земцевъ и 3 дв. 3 чел. церковныхъ (церковный дьякъ и два церковныхъ сторожа), всего 19 дв. 19 чел.; значить, на долю посадскихъ остается 56 дв. 84 чел. Всего посадскихъ 142 дв. 236 чел. (безъ 2 дворниковъ). Спрашивается: сколько было середнихъ людей? Отвѣта изъ описи на этотъ вопросъ не можетъ быть извлечено, такъ какъ нѣтъ никакихъ признаковъ, которые бы разграничивали середнихъ отъ молодыхъ. Но если сравнимъ эту опись съ описью 1500 г., то найдемъ, что въ описи 1500 г. названо жилыми 12 дв. своеземцевъ и отнесены они къ числу лучшихъ. Въ описи 1569 г. это количество земцевъ повторено, но уже они отнесены къ середнимъ, а не къ лучшимъ. Это даетъ поводъ предполагать, что подъ средними людьми 1569 г. разумѣются именно тѣ 12 дворовъ своеземцевъ, которыя въ 1500 г. отнесены къ числу лучшихъ. На этой цифрѣ мы и должны остановиться относительно количества среднихъ въ 1569 г. Быть можетъ, конечно, ихъ было и больше, но такъ какъ данныхъ для сужденія объ этомъ нѣтъ, то мы и остановимся на болѣе вѣроятной цифрѣ. Въ такомъ случаѣ посадское населеніе Орѣшка въ 1569 г. состояло только изъ двухъ группъ: лучшихъ и молодыхъ, какъ это было и въ 1500 г. (что въ свою очередь служитъ подтвержденіемъ достовѣрности того, что подъ средними разумѣлись одни земцы), и изъ нихъ первыхъ считалось 30 дв. 54 чел., а вторыхъ—112 дв. 182 чел. т. е. разсматриваемые сами въ себѣ, отдѣльно отъ остальнаго населенія, первые составляли $21\frac{3}{11}\%$ по числу дворовъ и $22\frac{53}{100}\%$ по числу людей, а вторые— $78\frac{63}{11}\%$ по числу дворовъ и $77\frac{7}{100}\%$ по числу людей всего населенія лучшихъ и молодыхъ. Въ отношеніи къ зажиточности по занятіямъ, замѣчательно, что изъ числа лучшихъ рыбныхъ ловцовъ числилось всего 6 дв. 11 чел., ремесленниковъ всего 2 дв. 2 чел. (рѣшетникъ и плотникъ) и наконецъ одинъ предприниматель — поженикъ; значить остальные 21 дв. 40 чел. занимались огородничествомъ, причемъ у двухъ рыбныхъ ловцовъ (1 дворъ) и

у 2 огородниковъ (1 дворъ) показана пашня на ихъ прискотинной землѣ на 1 дес. и $1\frac{1}{2}$ четверти и у одного вмѣсто огорода пашни 3 десятины. Значить, остальные 43 дв. 43 чел. рыболовей, 51 дв. 121 чел. огородниковъ, 13 дв. 13 чел. ремесленниковъ и 4 дв. 4 чел., жившихъ предложеніемъ личныхъ услугъ и 1 скоморохъ (2 дворника исключаются) во дворѣ съ братомъ. Такимъ образомъ по занятіямъ названныя группы такъ раздѣлялись по числу людей.

	рыболов.	огородникъ	ремесленн.	рабочихъ.
лучшихъ	$20^{10/27}$ пр.	$24^{136/161}$ пр.	$13^{1/2}$ пр.	0
среднихъ	0	0	0	0
молодыхъ	$79^{17/27}$ „	$75^{25/161}$ „	$86^{2/2}$ „	100 пр.
	54	161	15	4

Такимъ образомъ въ огородничествѣ и рыболовствѣ лучшіе составляли гораздо большій процентъ, чѣмъ въ ремеслахъ. Это особенно будетъ видно, если рассмотримъ населеніе по группамъ занятій. Тогда мы найдемъ:

	изъ лучшихъ.	изъ среднихъ.	изъ молодыхъ.
рыболововъ	$20^{10/27}$ пр.	0	$23^{57/91}$ пр.
огородниковъ	$74^{2/27}$ „	0	$66^{44/91}$ „
ремесленниковъ	$3^{10/27}$ „	0	$7^{12/91}$ „
рабочихъ	0	0	$2^{18/91}$ „
	54 чел.	0	182 чел.

Такимъ образомъ огородничество составляло главное занятіе жителей. Но оно было захвачено въ свои руки лучшими: изъ лучшихъ въ огородахъ числилось 74% тогда какъ молодыхъ только $66\frac{1}{2}\%$. Въ рыболовствѣ также лучшихъ было равное количество (20% лучшихъ, 23% молодыхъ) съ молодыми. Только рабочее населеніе состояло исключительно изъ молодыхъ, а въ ремеслахъ молодыхъ было вдвое больше ($3\frac{1}{2}\%$ лучшихъ, 7% молодыхъ) лучшихъ. Отсутствіе среднего класса и здѣсь указываетъ на причину такого неравномѣрнаго распредѣленія по занятіямъ молодыхъ и лучшихъ. Въ огородничествѣ и рыболовствѣ очевидно конкурировать молодымъ съ лучшими было трудно, и потому что они участвовали въ этихъ производствахъ въ болѣе слабой степени, чѣмъ лучшіе. Въ ремеслахъ, не подлежащихъ монополии, напротивъ, было широкое поле для свободной конкуренціи—и потому здѣсь мы видимъ молодыхъ вдвое больше, чѣмъ лучшихъ. Но, кромѣ городчанъ, было еще 12 дв. 12 чел. земцевъ среднихъ людей. Разсматриваемые вмѣстѣ съ городчанами, лучшіе, средніе и

молодые земцы и посадские люди въ отношеніи ко всему городскому населенію—ко всѣмъ 180 дв. 280 чел., составлявшимъ городское населеніе въ 1569 г.,—представляютъ такіа цифры:

	своеземцы		городчане		всего	
	по ч. дв.	по ч. л.	по ч. дв.	по ч. л.	по ч. дв.	по ч. л.
лучшіе	—	—	16 ² / ₃ %	19 ² / ₃ %	16 ² / ₃ %	19 ² / ₃ %
средніе	6 ² / ₃ %	4 ² / ₃ %	—	—	6 ² / ₃ %	4 ² / ₃ %
молодые	—	—	62 ² / ₃ %	65%	62 ² / ₃ %	65%

Остальные 21¹/₃%, по числу дворовъ и 15¹/₃% по числу людей прихотятся на долю служилыхъ людей, церковныхъ и 2 дворниковъ.

Изъ этого итога видно, что Орѣшекъ принадлежалъ въ 1569 г. къ числу довольно значительныхъ городовъ, такъ какъ въ немъ было 23¹/₃% среднихъ и лучшихъ людей и всего 65% молодыхъ. Это особенно ясно обнаружится, если мы сравнимъ эти итоги съ итогами, добытыми нами относительно городовъ 1500 г. вообще, и итогомъ Орѣшка за этотъ годъ въ частности.

Сравнивая Орѣшекъ 1569 г. вообще съ городами 1500 г., нельзя не замѣтить, что отношенія въ немъ лучшихъ и среднихъ къ молодымъ съ буквальной точностью соотвѣтствуютъ общему итогу этихъ отношеній въ 1500 г.: въ этомъ году лучшие и средніе составляли во всѣхъ 4 городахъ вмѣстѣ 23¹/₃% и молодые 66, а въ 1569 г. въ Орѣшкѣ, какъ мы видѣли, первые составляли также 23¹/₃%, а вторые—65%, всего городского населенія. Въ частности Орѣшекъ 1569 г. можетъ быть приравненъ по степени зажиточности къ одному изъ лучшихъ городовъ 1500 г. — къ Ладогѣ. Мы видѣли уже, что въ этомъ послѣднемъ городѣ въ 1500 г. городчанѣ среднихъ и лучшихъ было 21%, а молодыхъ—72%. Въ Орѣшкѣ 1569 г. точно также, исключая изъ расчета среднихъ земцевъ, городчане имѣли лучшихъ 19% и молодыхъ 65%. Съ Ямой 1500 г. Орѣшекъ 1569 г. не имѣетъ никакого сходства, уступая ей и въ степени зажиточности, и въ распредѣленіи ремеслъ по группамъ ценовымъ: въ Ямѣ, какъ мы видѣли, считалось городчанъ и своеземцевъ 50% лучшихъ и среднихъ и всего 45% молодыхъ, а однихъ городчанъ—12%, лучшихъ и среднихъ и всего 20% молодыхъ. Между тѣмъ въ Орѣшкѣ съ земцами было лучшихъ и среднихъ всего 23%, и 65% молодыхъ, а однихъ городчанъ—19% лучшихъ и 65% молодыхъ. Въ распредѣленіи занятій также замѣчается громадная разница: въ Ямѣ изъ молодыхъ въ рыболовствѣ участвовало всего 56¹/₃%, а въ ремеслахъ и торговлѣ всего 14²/₃% и рабочихъ 29%; въ Орѣшкѣ 1569 г. изъ молодыхъ въ рыболовствѣ (23¹/₃) и огород-

ничество (66 $\frac{1}{2}$ %) участвовало 90%, въ ремеслахъ 7% и рабочихъ 2%. Точно также и относительно зажиточныхъ классовъ: въ Ямѣ въ рыболовствѣ участвовало изъ лучшихъ и среднихъ 76%, а въ ремеслахъ и торговлѣ 24%, тогда какъ въ Орѣшкѣ изъ лучшихъ въ рыболовствѣ и огородничествѣ участвовало 95%, а въ ремеслахъ всего 4%. Эти цифры убѣждаютъ, что между Ямой 1500 г. и Орѣшкомъ 1569 г. не было ничего общаго ни по зажиточности, ни по характеру занятій городского населенія.

Что касается до сравненія Орѣшка 1569 г. съ Орѣшкомъ въ 1500 г., то изъ общаго сопоставленія ихъ (такъ какъ частныхъ нельзя произвести по отсутствію указаній на занятія жителей въ 1500 г.) можно вывести то заключеніе, что Орѣшекъ 1569 г. значительно поднималъ по степени зажиточности сравнительно съ 1500 г. Мы видѣли уже, что въ 1500 г. лучшіе своеземцы и городчане составляли 13 $\frac{1}{2}$ %, между тѣмъ въ 1569 г. лучшіе городчане и средніе земцы составляли 23 $\frac{1}{2}$ %, т. е. количество зажиточныхъ людей увеличилось почти вдвое. Точно также и молодыхъ людей въ 1500 г. считалось 75%, тогда какъ въ 1569 ихъ было всего 65% всего городского населенія, т. е. число ихъ уменьшилось на 5%. Но особенно этотъ прогрессъ зажиточности обнаруживается на посадскихъ: уменьшившись на 5% по количеству молодыхъ, городское населеніе въ 1569 г. по количеству лучшихъ увеличилось на 13%, такъ какъ въ 1500 г. лучшихъ считалось всего 6% (среднихъ не было), а въ 1569 г. ихъ стало 19% (среднихъ также не было), т. е. число лучшихъ увеличилось втрое. Въ этомъ нельзя не видѣть обнаруженія вліянія открытія бѣломорской торговли, которое вызвало усиленное торговое заграничное движеніе на берега Вѣлаго моря, движеніе, совершавшееся по пути, на которомъ лежали Орѣшекъ и Ладога. Изъ сравненія состоянія городовъ въ 1500 г. по рр. Наровѣ и Лугѣ съ одной стороны и у Ладожскаго озера—съ другой видно, что торговли заграничныя сношенія этого времени, ограничиваясь однимъ только Новгородомъ, гораздо въ большей мѣрѣ совершались по Лугѣ, чѣмъ чрезъ Ладожское озеро по Волхову: это видно изъ сравненія состоянія промышленнаго и торговаго сословія по количеству и по зажиточности Ямы и Ивангорода съ приладожскими городами. Въ половинѣ XVI в. движеніе въ Новгородъ по старой дорогѣ — по Лугѣ продолжалось, но вмѣстѣ съ тѣмъ усилилось движеніе и по Невѣ и Ладожскому озеру, такъ какъ кромѣ товаровъ, предназначавшихся для Новгорода, по этому же пути стали двигаться и товары, на вновь открытый рынокъ у устьевъ св. Николая. Это, конечно, подняло промышленность попутныхъ городовъ сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда путь этотъ оставался второстепеннымъ, что мы дѣйствительно и ви-

димъ изъ сравненія Орѣшка, какинъ онъ представляется въ 1569 г., съ Орѣшкомъ 1500 г.

Такимъ образомъ сравненіе состоянія городовъ въ началѣ XVI и въ половинѣ этого вѣка, хотя произведенное, по самому состоянію источниковъ, поверхностно, ведетъ къ заключенію, что не въ этомъ періодѣ началось паденіе ихъ, но въ этомъ періодѣ можно увидѣть начало задатковъ для паденія, которые стали со всею силою развиваться только позднѣе и привели къ тому полному, всестороннему и абсолютному паденію городовъ, какое мы замѣчаемъ въ XVII в., когда они дѣйствительно мало чѣмъ отличались отъ селъ. Въ половинѣ же XVI в., напротивъ, замѣчается значительный прогрессъ и по числу жителей и по развитію ремесленно-торговой промышленности и по зажиточности—по крайней мѣрѣ въ приладожскихъ городахъ. Значить, собственно въ экономическомъ отношеніи всетаки существовали данныя для дальнѣйшаго богатаго развитія городской жизни. И, однако, въ концѣ XVI в. мы вдругъ замѣчаемъ страшное паденіе торгово-промышленной дѣятельности, отразившееся совершеннымъ упадкомъ и рядковъ, и городовъ.

Вторая половина XVI в. была одна изъ несчастнѣйшихъ эпохъ въ исторіи древней Россіи. Бездарное правительство, доведшее дурною администраціею и своимъ не по силамъ воинственнымъ настроеніемъ государственные финансы до величайшаго истощенія и видѣвшее единственно возможное для себя спасеніе во всестороннемъ закрѣпощеніи народа привилегированнымъ сословіемъ и въ систематическомъ ограбленіи его,—соединилось съ природою, которая обрушилась невиданными дотогѣ по своимъ размѣрамъ бѣдствіями—голодами и морами, и оба вѣстѣ произвели страшное запустѣніе въ русской землѣ, особенно въ новгородской области. Можно сказать положительно, что вся вторая половина XVI в. для Новгорода и его областей была однимъ длиннымъ періодомъ экзекуцій, производимыхъ войсками то московскаго правительства, то шведовъ, ливонцевъ и литовцевъ.

Въ 1552—53 г. въ новгородскихъ областяхъ свирѣпствовало страшное повѣтріе, отъ котораго погибло по однимъ 279,594 чело-
вѣкъ¹⁾, а по другимъ даже 500,000 чело-
вѣкъ²⁾. Въ 1555 г. былъ громаднѣйшій пожаръ въ Новгородѣ: сгорѣло 16 церквей, 15 улицъ, 1500 дворовъ и монастырь³⁾. Въ 1556—57 г. затѣваются со Шведами порубежные споры, въ которыхъ, впрочемъ, русскіе дѣйствовали удачно,

¹⁾ П. С. Р. Л., III (III новг.) 251.

²⁾ Никон. лѣтоп. VII, 197; Карамзинъ, VIII, 128; Татищевъ, V, 383.

³⁾ П. С. Р. Л., III (II новг.), 158 (III новг.), 252; Карамзинъ, VIII, пр. 587.

такъ что миръ скоро былъ заключенъ, но не долго продолжался, какъ увидимъ. Тѣмъ не менѣе эти споры обрушились на ту же новгородскую область: она терпѣла и отъ правительственныхъ войскъ, и отъ мести Шведовъ ¹⁾ Въ это же время „по всѣмъ московскимъ городамъ и по всей землѣ, а больше въ Заволжьѣ“ свирѣпствовалъ страшный голодъ вслѣдствіе дождей во время жатвы и необыкновенно холодной зимы ²⁾. Голодъ этотъ вызвалъ даже посланіе митрополита Макарія къ арх. новгородскому Пимену, въ которомъ онъ свидѣтельствуетъ, что „не токмо здѣ—въ царствующемъ градѣ Москвѣ, но и по всѣмъ градомъ и по волостемъ и вѣсемъ всего Россійскаго царства по которымъ лѣта хлѣбъ не родится: наипаче же нынѣшній годъ велики скуденъ и скорбенъ явися всѣмъ христіаномъ хлѣбнымъ гладомъ“ ³⁾. Наконецъ, около этого же времени начинается и несчастная Ливонская война. Всею тяжестію она легла на Новгородъ, такъ какъ онъ былъ главнымъ операціоннымъ пунктомъ, черезъ его области двигались русскія войска въ Ливонію, здѣсь были военные склады. Понятно, все это не могло содѣйствовать процвѣтанію областей, при отсутствіи торговли и недостаткѣ промышленнаго сбыта, необходимо связанныхъ съ войною. — Въ 1566 и 1567 годахъ свирѣпствовало моровое повѣтріе сначала въ Шелонской пятинѣ, потомъ въ Новгородѣ и отсюда во всей средней землѣ русской ⁴⁾. Наконецъ, въ концѣ 1569 г. и началѣ 1570 г. былъ произведенъ Иваномъ IV знаменитый погромъ Новгородскій, и въ этомъ же году природа обрушилась голодомъ, который продолжался до 1572 г. и былъ такъ силенъ, что, по выраженію Таубе и Крузе, со времени іерусалимскаго разрушенія не бывало подобнаго тогдашнему новгородскому ⁵⁾.

Разгромъ Новгорода начался, собственно говоря, вовсе не въ 1570 г. Въ этомъ году только самъ Иванъ IV принялъ личное участіе въ разгромѣ, избравши для личной дѣятельности самый В. Новгородъ. Какъ видно, Великій Новгородъ былъ избранъ Иваномъ IV для личной потѣхи и расправы, такъ какъ опустошеніе волостей началось за два года раньше—съ 1568 г. и было поручено мѣстнымъ помѣщикамъ изъ татаръ, которыхъ московское правительство во множествѣ поселило въ новгородской области, съ дружинами, составленными изъ татаръ

¹⁾ Никон. VII, 255, 281; „а которыхъ гостей и иныхъ людей задержалъ—и тѣхъ всѣхъ со всѣми ихъ животы (при заключеніи мира) отпустилъ король“.

²⁾ Никон. VII, 280; Временникъ М. Общ. Ист. и Др. 5; лѣтописецъ Нормантскаго, стр. 107.

³⁾ Дов. къ А. II., т. I, № 221.

⁴⁾ Карамзинъ IX, 64, пр. 258.

⁵⁾ Карамзинъ IX, 99, пр. 296; стр. 112.

же, и продолжалось и послѣ отъѣзда Ивана IV изъ Новгорода—вплоть до 1571 г. включительно. Значить, погромъ Новгорода продолжался цѣлыхъ 4 года, и трехмѣсячныя злодѣйства самого Ивана въ Новгородѣ были еще короткой расправой въ сравненіи съ четырехлѣтними неистовствами татаръ въ волостяхъ. Замѣчательно, что въ описяхъ неистовства опричниковъ называются особымъ именемъ—„опричнымъ правожемъ“. Въ „книгахъ Орѣховскаго Присудъ обыскныхъ Спасскаго погоста“ (Городенскаго) 1574—75 г. показано множество обожъ запустѣвшими „отъ опричнаго правезу отъ Темеша Бастанова“ или: „отъ опричнаго правезу отъ Т. Бастанова и отъ татаръ“; иногда просто: „отъ Темешова правезу Бастанова“ и опричный правезъ значится производившимся въ 1568, 1569, 1570 и 1571 годахъ¹⁾. Такимъ образомъ подвиги Ивана IV въ самомъ В. Новгородѣ и во время движенія на Новгородъ были только личной потѣхой царя, а въ волостяхъ потѣха предоставлена была татарамъ. Уже дѣйствіемъ его по пути въ Новгородъ показывали, какъ онъ намѣренъ былъ распорядиться съ нимъ; по красивому выраженію Карамзина, Вышній Волочекъ и всѣ мѣста до Ильмена были опустошены „огнемъ и мечомъ“²⁾, т.-е. опустошена вся большая сухопутная дорога и вся р. Мста,—мѣстности, какъ мы видѣли, кипѣвшія торгово-промышленной дѣятельностью и богатныя торговыми постройками; самыя важныя артеріи новгородской торговой промышленности были истреблены до тла. Въ самомъ В. Новгородѣ неистовства Ивана IV слишкомъ извѣстны. Спорный вопросъ представляетъ количество погибшихъ, такъ какъ современники показываютъ разныя цифры. Псковской лѣтописецъ показываетъ неопредѣленно громадное количество погибшихъ: „многихъ умучи, говоритъ онъ³⁾, многими муками, а протчихъ людей, глаголютъ, 60.000 мужей и женъ и дѣтей въ Волховъ вмета, яко и рѣкъ запрудитися“. Одинъ изъ новгородскихъ лѣтописцевъ точнѣе выражается: „И таково горе и мука бысть... яко на 5 недѣль и болши: по вся дни въ воду вметаше всякаго возраста челоувѣкъ до 1000, а иного дни и до 1500, а тотъ убо день благодаренъ, коего дни ввергнуть въ воду 500 или 600 челоувѣкъ“⁴⁾. Для большей вѣроятности, расположимъ количество истребленныхъ жертвъ на три равныя группы: одна—въ 500 чел., другая въ 1000 и третья въ 1500 челоувѣкъ и предположимъ, что они истреблялись въ равное количество времени—каждая отдѣльно. Такъ какъ истребленіемъ занято было: лично Иваномъ

¹⁾ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1836 г. № 6, стр. 391—425: статья Буткова.

²⁾ Карамзинъ, IX, 87.

³⁾ П. С. Р. Л., IV, (I пск.), 343.

⁴⁾ Тамже, III (III нов.), 258 и 261.

36 дней (отъ 7 янв. до 11 февр.) и его дворомъ 5 дней (отъ 2 янв. до 6 янв.)—всего 41 день, то и предположимъ, что группы въ 500 чел. топились въ Волховѣ въ продолженіе 13 дней — значить, за это время составили 6500 чел.; группы въ 1000 чел.—въ продолженіе 14 дней—значить, составили 14,000 чел.; группы въ 1500 чел. — въ продолженіе также 14 дней—значить, составили 21000 человекъ. Хотя послѣдняя цифра и очень велика, но она уменьшается тѣмъ, что мы совсѣмъ не брали группъ въ 600 чел., а онѣ были. Итого, всего погибло, по приблизительному расчету новгородскаго лѣтописца, 41,500 человекъ, что сближаетъ его съ показаніемъ псковскаго лѣтописца (60 т.), т.-е. по 1000 человекъ въ день въ среднемъ, какъ дѣйствительно и самъ лѣтописецъ предполагаетъ въ среднемъ по 1000 человекъ въ день. Съ этимъ общимъ итогомъ болѣе или менѣе сходится и показаніе московскаго лѣтописца, опредѣляющаго число казненныхъ въ 35000 человекъ¹⁾. Не должно упускать изъ виду, что эти цифры—35000—60000 ч. выражаютъ только количество брошенныхъ въ Волховъ, значить такихъ, тѣла которыхъ были унесены въ Ильмень и остались, значить, непогребенными. Количество же „многихъ, умученныхъ многими муками“, остается неопредѣленнымъ. Оно скрывается въ общемъ числѣ погребенныхъ осенью — черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ погрома,—умершихъ какъ во время погрома отъ мукъ, такъ и послѣ погрома, вслѣдствіе наступившаго затѣмъ голода. Сентября 8 того же года происходило отпѣваніе всѣмъ Новгородомъ и всѣми семью соборами умершихъ надъ скудельницею. Торговой стороны „и загребли скудельницу, а душъ въ той скудельницы 10,000“²⁾. Торжественность погребенія—всѣмъ Новгородомъ показываетъ, что въ эту скудельницу (ихъ было нѣсколько—не менѣе 4-хъ) были перенесены жертвы неистовствъ Ивана IV, по нѣтъ никакихъ данныхъ думать, что не были сюда же перенесены и умершіе съ голоду за это время.

Такимъ образомъ, по свидѣтельству современниковъ и даже очевидцевъ, какимъ можно предполагать новгородскаго лѣтописца, истреблено было не менѣе 40,000 человекъ, т.-е. почти все населеніе Великаго Новгорода. Иностранцы, говорящіе о погромѣ новгородскомъ, всѣ уменьшаютъ эту цифру—быть можетъ, потому, что не могли себѣ представить всей громады азіатско-византійскаго звѣрства московскаго правительства, и, при всемъ знаніи неистоваго характера этого правительства, все таки не могли примириться

¹⁾ Карамзинъ IX, пр. 294.

²⁾ П. С. Р. Л., III (II новг.), 164. Въ маѣ 1571 года также происходило отпѣваніе надъ этой скудельницей, но уже безъ всякой торжественности,—не говорится, что было отпѣваніе „всѣмъ Новгородомъ, всѣми 7 соборами“.

съ неувѣроятной для европейскаго ума цифрой замученныхъ. Ихъ показанія колеблются между 2770 чел., кромѣ женщинъ и черныхъ людей, 18,000 и 27,000 убитыхъ ¹⁾. Эта цифра обнимаетъ, быть можетъ, одинъ только изъ дней, когда, по Курбскому, было истреблено 15,000 ч. втеченіе дня ²⁾. Правда, Таубе и Крузе думаютъ, что всѣхъ людей въ продолженіи погрома погибло не менѣе 90,000 ч., а послѣ умерло отъ голода втрое больше ³⁾. Показаніе ихъ легко можетъ быть принято въ отношеніи къ умершимъ отъ голода, т.-е. около 200—300,000 чел.—цифра, близкая съ количествомъ жертвъ отъ двухлѣтняго мора 1552—53 годовъ. Но относительно погибшихъ въ продолженіе погрома, отъ неистовствъ цифра, ими приводимая (90000), должна быть признана ниже дѣйствительной, такъ какъ только въ одномъ Новгородѣ и притомъ въ продолженіе только полутора мѣсяцевъ погибло болѣе 40,000, а въ волостяхъ погромъ продолжался цѣлыхъ четыре года и производился не менѣе кровавыми людьми, чѣмъ самъ Иванъ IV.

Что лѣтописцы нисколько не преувеличили цифру погибшихъ, показывая истребленнымъ почти все населеніе В. Новгорода, на это мы имѣемъ безпристрастное свидѣтельство описи В. Новгорода, произведенной въ 1581—82 г., но со ссылками на опись 1579 г., слѣдовательно, дающей понятіе о населенности В. Новгорода чрезъ 8 лѣтъ послѣ погрома и чрезъ 6 лѣтъ послѣ голода.

Сохранившаяся часть описи обнимаетъ одну только Софійскую сторону съ ея тремя концами (Неревскимъ, Загородскимъ и Гончарскимъ), но по ней можно судить и о населеніи Торговой стороны ⁴⁾.

По книгамъ письма Юрья Дмитріева 7088 г. (1579—80) на Софійской сторонѣ въ трехъ концахъ черныхъ тяглыхъ живущихъ 158 дв. (а людей въ нихъ лучшихъ, середнихъ и молодыхъ 651 ч.)... да черныхъ же пустыхъ 468 дворовъ, да 1402 ¹/₂ мѣстъ дворовыхъ. Да взято подъ деревянный и земляной городъ 122 мѣста дворовыхъ пустыхъ тяглыхъ и 88 мѣстъ дв. бѣлыхъ, да 27 мѣстъ дворовыхъ

¹⁾ Сводъ ихъ показаній см. у Карамзина IX, стр. 329 и 294.

²⁾ Карамзинъ IX, пр. 294. Что касается до цифры Кирилловскаго монастыря поминанья, гдѣ говорится о 1506 чел. новгородцахъ, то въ нихъ должно видѣть только бояръ и богатыхъ купцовъ, такъ какъ церковь XVI в. заботилась о спасеніи душъ и тѣлесѣ только высшихъ сословій и митрополиты печаловались только за бояръ и князей, хотя черныхъ людей, по словамъ Флетчера, у нихъ же на глазахъ челоуѣкъ по 50 мучили ежедневно въ Москвѣ на правожѣ.

³⁾ Там же, пр. 287.

⁴⁾ Вибл. Академіи Наукъ, русское рукописное отдѣленіе № 88 (стар. 235).

церковныхъ—всего 237 дв. мѣстъ. Итого всего въ 1579 г. было живущихъ 158 дв. (651 чел.), пустыхъ 468 дв., да мѣстъ дворовыхъ 1639^{1/2}, а всего пустыхъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ 2108.

По Левонтіеву писму Оксакова 7090 г. (1581—82) черныхъ тяглыхъ живущихъ 122^{1/2} дв., (а людей въ нихъ 8 чел. лучшихъ, 113 чел. среднихъ, да 300 чел. молотчихъ, да 5 чел. подсуѣдниковъ—всего 426 чел.), да пустыхъ черныхъ тяглыхъ 355^{1/2} дв., да 1357 мѣстъ дворовыхъ и съ припускными¹⁾. Значить, за два года количество живущихъ дворовъ уменьшилось на 35^{1/2} дв. (225 чел.); вычитая это количество изъ 355^{1/2}, получимъ 320 дв. пустыхъ, сохранившихся изъ 468 дв. 1579 года,—значить, уничтожилось и превратилось въ мѣста дворовыя 148 дв. Слѣдовательно, всего пропущено къ 1357 сохранившимся дворовымъ мѣстамъ 148 дворовыхъ мѣстъ. Такимъ образомъ въ 1581 г. всего было 122^{1/2} (426 чел.) живущихъ, 355^{1/2} дв. пустыхъ, и 1618 дворовыхъ мѣстъ; да къ послѣднимъ должно присоединить 237 дв. мѣстъ, занятыхъ подъ валы—итого дворовыхъ мѣстъ будетъ 1855. Всего же пустыхъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ 2210.

Кромѣ того, и въ 1579 г. и въ 1581 г. были на Софійской сторонѣ бѣлые дворы нетяглые—живущіе и пусты: въ каменномъ городѣ—государя царя и в. кн. 3 дв. (сытной, житничной и пушечной), дворъ архіепископа Александра, 2 дв. намѣстничихъ, 2 дв. дьячихъ, да осадныхъ дворовъ (дворянъ, дѣтей боярскихъ, помѣщиковыхъ, всякихъ приказныхъ людей, стрѣлечихъ, плотничихъ, воротничихъ, посадскихъ черныхъ людей, владычныхъ служилыхъ людей, монастырскихъ и церковныхъ) 95 дв. (а людей въ нихъ 111 чел.), да 6 дв. пустыхъ да 16 мѣстъ дворовыхъ; въ деревянномъ городѣ и за городомъ: дворъ в. князя Семіона Векбулатовича Тверскаго, да князей и дѣтей боярскихъ, помѣщиковыхъ и татарскихъ, и подъячихъ, и разсылщичиныхъ 115 дв. (119 чел.), да 22 дв. пустыхъ, да 169 мѣстъ дворовыхъ, да плотничихъ и кузнецкихъ 38 дв. (56 чел. плотниковъ и кузнецовъ, да у нихъ же 13 чел. подсуѣдниковъ,—всего 69 чел.), да 4 дв. пусты и 11 мѣстъ дворовыхъ. Итого всего служилыхъ людей (считая и дворы царя и архіепископа и осадные) живущихъ 257 дв. (299 чел.), да 32 дв. пусты, да 196 мѣстъ дворовыхъ.—Да нетяглыхъ же архіепископскихъ дворовъ (его служилыхъ людей и поповскихъ и дьяконскихъ и пѣвчихъ, дьяковъ и крестьянскихъ) 110 дв. (125 чел.), да 3 дв. пусты, да 64 мѣста дворовыхъ. Да монастырскихъ живущихъ 30 дв., да 7 дв. пусты, да 60

¹⁾ Припускными назывались такіе, которые отдавались къ жилимъ въ видѣ угодій—для пашни, огородовъ и пр., какъ прибавка къ нормѣ.

мѣстъ дворовыхъ. Да церковныхъ живущихъ 92¹/₄ дв. (95 чел.), да 8 дв. пусты, да 41 мѣсто дворовое. Всего архіепископскихъ, монастырскихъ и церковныхъ 233 дв. (220 чел.), да 13 дв. пустыхъ, да 165 мѣстъ дворовыхъ. Всего нетяглыхъ—служилыхъ и духовныхъ живущихъ 490 дв. (519 чел.), 45 дв. пустыхъ, 361 дворовыхъ мѣстъ; всего же пустыхъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ 406.

Итакъ, во всехъ трехъ концахъ Софійской стороны въ 1579 г. жилыхъ дворовъ было всего 158 дв. (651 чел.) посадскихъ, да служилыхъ и духовныхъ 490 дв. (519 чел.)—всего живущихъ 648 дв. (1170 чел.); пустыхъ дворовъ посадскихъ 468, да служилыхъ и духовныхъ 45—всего 513 пустыхъ дворовъ; дворовыхъ мѣстъ посадскихъ 1640, да церковныхъ и служилыхъ 361—всего 2001 или круглымъ счетомъ 2000 дворовыхъ мѣстъ.

Въ 1581 г. на Софійской сторонѣ было жилыхъ дворовъ 123 дв. (426 чел.) посадскихъ и 490 дв. (519 чел.) служилыхъ и духовныхъ, всего живущихъ 613 дв. (945 чел.); пустыхъ дворовъ посадскихъ 355, да служилыхъ и духовныхъ 45—всего 400 пустыхъ дворовъ; дворовыхъ мѣстъ посадскихъ 1855 да церковныхъ и служилыхъ 361, всего 2216 дворовыхъ мѣстъ.

Вотъ какой печальный видъ представлялъ Великій Новгородъ въ концѣ XVI в. послѣ двухлѣтняго голода и полуторамѣсячной потѣхи Ивана IV. Можно предположить, что Софійская сторона составляла меньшую половину Новгорода: это видно и изъ количества дворовъ въ ней, которые были до опустошенія. Если соединить количество жилыхъ и пустыхъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ, то они составить всѣ вмѣстѣ цифру въ 3161 дворъ, по даннымъ 1579 г. Если сравнивать это количество съ количествомъ населенія въ 1546 г., когда всего въ Новгородѣ на обѣихъ сторонахъ считалось около 5300 дв., то Софійская сторона заключала болѣе половины всего населенія В. Новгорода. Но, можетъ быть, населеніе В. Новгорода во второй половинѣ XVI в., благодаря возобновившимся сношеніямъ съ Ганзой, Любекомъ и проч., увеличилось, а потому для Торговой стороны мы примемъ общую цифру до разрушенія В. Новгорода, равную съ Софійской стороной. Тогда населеніе В. Новгорода до разгрома равнялось 6322 дв. Изъ нихъ въ 1579 г. осталось всего около 1300 дв. (2340 чел.). Остальные 5200 двор. считались или пустыми (1000 дв.) или дворовыми мѣстами (4200). Вся громадность запустѣнія будетъ видна даже и тогда, если мы примемъ общую цифру населенія В. Новгорода, точно извѣстную, т.-е. въ 5300 дв.; и въ такомъ случаѣ жилыхъ дворовъ всего осталась ¹/₄ часть (1300), ³/₄ или считались пустыми (1000 дв.) или и совсѣмъ превратились въ пустыри (3000 дв.). Уже и изъ этихъ общихъ соображеній видно, какъ велико было запустѣніе В. Новго-

рода въ 1579 г. Но вся сила паденія его можетъ быть измѣрена лишь при выдѣленіи изъ общаго расчета служилыхъ и церковныхъ и сравненіи цифры посадскихъ въ 1546 и 1579 годахъ. Въ самомъ дѣлѣ, на служилыхъ и духовныхъ людяхъ и голодъ, и погромъ должны были отразиться меньше или же и совсѣмъ миновать ихъ, такъ какъ ресурсы для жизни они получали не изъ собственной производительности, а отъ трудовъ другихъ, и отличались зажиточностью, могшею противодѣйствовать голоду, а въ отношеніи къ Ивану IV они были его слуги и потому могли не только не подвергнуться его неистовствамъ, а еще и сами участвовать въ нихъ (не говоримъ объ исключеніяхъ, впрочемъ, рѣдкихъ). Поэтому мы и видимъ, что по описи 1579 г. на Софійской сторонѣ имъ вчетверо больше, чѣмъ посадскимъ, принадлежало жилыхъ дворовъ, а вдесятеро меньше пустыхъ дворовъ и впятеро меньше дворовыхъ мѣстъ.—Выдѣливъ ихъ изъ общаго расчета, найдемъ, что на Софійской сторонѣ жилыхъ посадскихъ дворовъ было всего 158, тогда какъ пустыхъ 468 дв., а дворовыхъ мѣстъ—1640. Если мы предположимъ такое же количество и на Торговой сторонѣ, то жилыхъ посадскихъ будемъ имѣть 316 дв., пустыхъ 936 дв. и дворовыхъ мѣстъ—3280, всего же посадскихъ до 1578 г. было 4532 дв. Значить, изъ общаго количества посадскихъ 1570 года жилыхъ сохранилось только 7%, а 93% погибли и изъ этихъ послѣднихъ 20¹/₂% считалось за пустыми дворами, а 72¹/₂%—за дворовыми мѣстами. Если даже мы допустимъ, что общее посадское населеніе В. Новгорода было равно количеству его въ 1546 г., т. е. 4157 дв., а не 4532 дв., то и тогда процентное отношеніе погибшихъ отъ голода и погрома мало измѣнится. Оставляя прежнее количество жилыхъ (316) и пустыхъ (936) дворовъ, мы найдемъ, что изъ 4157 дв. осталось жилыми всего 7¹/₂%, а 92¹/₂% погибли и изъ нихъ 22¹/₂% считалось за пустыми дворами, а 70% за дворовыми мѣстами.

Что касается вопроса: какое изъ явленій было собственно причиною запустѣнія или, что тоже, какое изъ явленій произвело большее опустошеніе — голодъ или погромъ, то онъ рѣшается самъ собою на основаніи данныхъ описи. Голодъ истребляетъ людей, но не истребляетъ зданій и дворовъ, дѣлаетъ дворы пустыми, но не превращаетъ ихъ въ пустыри, на которыхъ и слѣдовъ нѣтъ зданій, такъ что ихъ считаютъ возможнымъ пропускать въ жилымъ дворамъ для обработки подъ огороды и подъ другія угодья. Это послѣднее превращеніе совершаетъ только огонь и мечъ. Но о пожарахъ въ Новгородѣ за періодъ времени отъ 1570 до 1579 года нѣтъ никакихъ извѣстій. О дѣйствіяхъ же меча, т. е. Ивана съ его татарами, лѣтопись очень распространяется. „И повелѣ Иванъ, говорить новгород-

скій лѣтописецъ¹⁾, по всему Новгороду — по всѣмъ торговымъ рядамъ и по всѣмъ улицамъ въ торжѣхъ у градскихъ торговыхъ людей и въ лавкахъ всякой товаръ грабити, и торговые амбары и лавки повелѣ разсѣкати и *до основанія разсыпати*. И потомъ царь со всѣми своими людьми и со всѣми воинскими полки начать ѣздити по всему Новгороду и по всѣмъ посадамъ, и повелѣ государь у всѣхъ градскихъ жителей во всѣхъ домахъ ихъ имѣнія грабити, а самихъ людей и женъ ихъ безпощадно *безъ останковъ* всѣхъ грабити и *дворы ихъ и хоромы ломати*, а окна и ворота вскорѣ повелѣ безъ милости высѣкати“. Вотъ эти дѣйствія, дѣйствительно, превращаютъ дворы въ пустыри и не оставляютъ и слѣда хоромъ, бывшихъ на данномъ мѣстѣ. Поэтому, къ результатамъ голода можно съ вѣроятностью отнести только пустыне дворы—1000 дворовъ, что составить населеніе приблизительно въ 6000 человекъ мужчинъ и женщинъ. Пустыя же дворовыя мѣста можно отнести къ результатамъ дѣятельности Ивана IV — около 3000—4000 мѣстъ, что составить населеніе приблизительно въ 20—25000 человекъ. Эти цифры, конечно, не могутъ имѣть значенія точнаго измѣренія количества погибшихъ отъ погрома. Онѣ только должны убѣдить въ вѣрности тѣхъ громадныхъ цифръ жертвъ потѣхи Ивана, которыя приводятъ лѣтописцы; онѣ должны лишь убѣдить въ томъ, что цифра въ 40,000 человекъ, которою измѣряетъ новгородскій лѣтописецъ количество погибшихъ, должна быть принята, какъ достовѣрная, такъ какъ, съ одной стороны, вообще мы не имѣемъ свѣдѣній о количествѣ всего населенія В. Новгорода во второй половинѣ XVI в., съ другой стороны, въ частности мы не знаемъ, насколько Торговая сторона въ 1579 г. превосходила Софійскую по населенности.

Напримѣръ, если мы допустимъ, что Торговая сторона была вдвое населеннѣе Софійской, что не невѣроятно, судя по обширности занимаемой Торговою стороною площади сравнительно съ Софійской и по тому, что здѣсь была сосредоточена торговая дѣятельность, то всѣхъ дворовъ на обѣихъ сторонахъ передъ 1570 годомъ должно считать около 10,000 и изъ нихъ около 7,700 послѣ 1570 года запустѣло, что составитъ цифру погибшихъ въ 46,200 человекъ—больше даже, чѣмъ считаетъ новгородскій лѣтописецъ.

Такимъ образомъ запустѣніе В. Новгорода приурочивается весьма точно ко времени казни Ивана — къ 1570 году. Псковской лѣтописецъ совершенно справедливо съ этого года полагаетъ запустѣніе В. Новгорода. Описавши неистовства Ивана, онъ добавляетъ; „и

¹⁾ П. С. Р. Л., III (III новг.), 261 и 259.

сиде бысть В. Новугороду заустѣніе¹⁾. Новгородъ, дѣйствительно, съ этого времени заустѣлъ и больше уже никогда не поднимался. Мы видѣли, что въ 1579 г. на одной только Софійской сторонѣ насчитывалось 648 жилыхъ дворовъ, значить, на обѣихъ сторонахъ не менѣе 1,300 дворовъ; черезъ 2 года (въ 1581 г.) это количество еще убавилось и сошло на 1,200 дв. Въ 1605 г. митр. Евгенийъ указываетъ въ Новгородѣ населеніе въ 1,500 дв.²⁾, но подъ этимъ же годомъ въ лѣтописи занесено извѣстіе о пожарѣ, истребившемъ 300 дворовъ³⁾. Наконецъ въ половинѣ XVII в. въ Новгородѣ считалось 1,100 дворовъ⁴⁾. Да и не осталось у Новгорода никакихъ ресурсовъ для того, чтобы оправиться. Мы видѣли уже, что Мста — эта жизненная артерія Новгорода — была опустошена огнемъ и мечомъ Ивана IV и татарами; области его были разорены четырехлѣтнимъ опричнымъ правженіемъ. Всѣ эти раны могли бы зажить съ теченіемъ времени, но скоро Новгородъ постигло рѣшительное несчастіе — потеря портовъ его на Балтійскомъ побережьи — Ивангорода и Ямы, Орѣшка, Корѣлы и Ладоги въ періодъ времени отъ 1580—85 г. И въ это же время литовцы дѣлають опустошительныя набѣги на Шелонскую и Деревскую пятинны и доходятъ почти до самаго В. Новгорода. Хотя указанные города и были возвращены при Ѳедорѣ (не всѣ, впрочемъ), но скоро начался знаменитый голодъ, потомъ смутное время, которое снова лишило Новгородъ названныхъ городовъ на цѣлое столѣтіе.

Такъ палъ Великій Новгородъ. Ровно 100 лѣтъ прожилъ онъ подъ владычествомъ московскимъ — и правительство московское не сѣумѣло развить его богатія силы. Они, напротивъ, погибли, какъ гибло все живое и лучшее, что попадало въ варварскія руки византийско-татарско-московскаго правительства.

А. Ильинскій.

¹⁾ П. С. Р. Л., IV (I пск.), 343.

²⁾ Разговоры о древн. Новгородѣ.

³⁾ П. С. Р. Л., III (III п.), стр. 264.

⁴⁾ Соловьевъ, Ист. Р., XIII.

Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка.

В. И. Семевского.

Въ исторіи русскаго общества XVIII и XIX столѣтій (до крестьянской реформы) мы замѣчаемъ два наиболѣе выдающихся теченія: съ одной стороны стремленіе къ ограниченію крѣпостного права, съ другой—стремленіе къ реформамъ въ области государственнаго устройства. Эти два направленія далеко не всегда совпадали; напротивъ, они весьма нерѣдко приходили въ столкновение между собою. ✓ Либераль въ политическомъ смыслѣ могъ быть въ то же время совершеннымъ крѣпостникомъ; или онъ могъ считать наиболѣе настоятельнымъ введеніе политическихъ реформъ и откладывать на неопредѣленное время рѣшеніе крестьянскаго вопроса; или, наоборотъ, при всемъ своемъ либерализмѣ въ вопросахъ политическихъ, онъ могъ желать прежде всего уничтоженія крѣпостного права. Среди консерваторовъ въ политическомъ отношеніи возможно было также не малое разнообразіе во взглядахъ на крестьянскій вопросъ: мы встрѣчаемъ среди нихъ и совершенныхъ крѣпостниковъ, и лицъ, желавшихъ ограниченія крѣпостного права. Такимъ образомъ оба эти теченія постоянно то сливались, то сталкивались между собою; наиболѣе сильная борьба между ихъ представителями происходитъ въ царствованіе Александра I, но признаки двухъ указанныхъ теченій можно подмѣтить и въ болѣе раннюю эпоху. Сжатоу выясненію этихъ двухъ теченій и будетъ посвященъ настоящій очеркъ ¹⁾.

¹⁾ Для характеристики аболіціонистскаго теченія въ крестьянскомъ дѣлѣ мы даемъ лишь общіе выводы, въ самомъ сжатомъ видѣ, изъ нашего труда „Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“ (1888 г. 2 тома). Многія данныя изъ исторіи другихъ теченій были уже приведены въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Щеголь. „Государственный Совѣтъ въ Россіи“, т. I. Ярослав. 1892 г.; Богдановичъ. „Исторія царств. имп. Александра I“; Липина

Извѣстно, на какую высоту поставилъ самодержавную власть Петръ Великій. Его взгляды въ этомъ отношеніи были весьма опредѣленно формулированы въ Воинскомъ Уставѣ, Духовномъ Регламентѣ и „Правдѣ воли монаршей“. Правда, учреждая сенатъ, Петръ предоставилъ ему весьма обширную власть, но по окончаніи шведской войны онъ повелѣлъ, чтобы никакихъ новыхъ общихъ мѣръ сенатъ не принималъ безъ утвержденія государя, кромѣ случаевъ крайней необходимости во время его отсутствія.

„Правда воли монаршей“, гдѣ такъ категорически сформулировалось понятіе о самодержавной власти, въ то же время вносила въ русское общество нѣкоторые новые для него взгляды и вообще будила политическую мысль. Въ ней русскій читатель могъ встрѣтить разъясненіе того, что такое демократія, аристократія, монархія; ему сообщалось, что монархія бываетъ избирательная и наследственная; разбирались доводы за и противъ того и другого вида монархій; мало того, читатель знакомился съ ученіемъ, несомнѣнно новымъ для большинства общества и почерпнутымъ авторомъ „Правды воли монаршей“, Теофаномъ Прокоповичемъ, у „изряднѣйшихъ законоучителей Гугона Гроція, Томы Гоббеса и Самуила Пуффендорфа“,—ученіемъ о томъ, что государство основывается на первоначальномъ договорѣ. Разбирая доводы защитниковъ избирательной монархіи, авторъ упоминаетъ о томъ, что, по ихъ мнѣнію, въ наследственной монархіи сынъ государя, увѣренный въ полученіи престола, менѣе заботится о своемъ умственномъ и нравственномъ усовершенствованіи; напротивъ, избранный монархъ, благодарный избравшему его народу, правитъ съ большою кротостію, и вообще избирается наиболее того достойный. Хотя авторъ и опровергаетъ эти доводы, но все-таки распространеніе указанныхъ идей въ государствѣ съ монархическимъ образомъ правленія могло, безъ сомнѣнія, способствовать развитію политическаго либерализма. Самая неограниченность власти самодержавнаго монарха обуславливалась въ „Правдѣ воли монаршей“ тѣмъ, чтобы повелѣнія государя не были вредны народу ¹⁾. Это естественно вызывало въ читателяхъ мысль о томъ, соответствуютъ ли мѣры правительства интересамъ общества ²⁾. Широкое распространеніе этого трактата,

„Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“, изд. 2-е, 1886 г.; *Шмидеръ*, Біографія имп. Александра I въ „Русскомъ біографическомъ словарѣ“, т. I, изд. Императ. Историч. Общества, 1896 г.; *Шмидеръ*, „Императоръ Александръ I“, т. I и II, 1897 г. и въ моей книгѣ „Крестьянскій вопросъ“.

¹⁾ И. С. З. т. VII, № 4870, особенно стр. 604, 623—624, 626—634.

²⁾ Напоминъ, что Посошковъ, хотя и не считалъ нужнымъ ограниченіе самодержавія, но требовалъ „народосоветія“ при составленіи новаго Уложенія и „освидѣтельствванія“ его „самымъ вольнымъ голосомъ“.

разосланнаго при Екатеринѣ I по всему государству въ количествѣ около 20 тысячъ экземпляровъ, не могло не содѣйствовать возбужденію интереса къ вопросу о политическихъ реформахъ, тѣмъ болѣе, что стремленіе къ нимъ вызывалось смертію Петра В. и событіями, за нею послѣдовавшими.

Уже немедленно по смерти Петра, кн. Дмитрій Михайловичъ Голицынъ и другіе приверженцы вел. князя Петра Алексѣевича предлагали возвести на престолъ этого ребенка, а за малолѣтствомъ его поручить правленіе имп. Екатеринѣ, вмѣстѣ съ сенатомъ. Хотя этотъ планъ и не былъ осуществленъ, но желаніе, зародившееся въ известной части нашей знати, ограничить самодержавную власть было очень скоро подмѣчено наблюдательнымъ французскимъ посломъ Кампредономъ. Въ февралѣ 1726 г. былъ учрежденъ верховный тайный совѣтъ, который имѣлъ право посылать указы даже въ сенатъ, и Кампредонъ спѣшилъ отиѣтить этотъ фактъ, какъ „первый шагъ къ переимѣннѣ формы правленія“. Обстоятельства благоприятствовали аристократическимъ стремленіямъ. Любопытно, что известный кабинетъ-секретарь Макаровъ, извѣщая Москву о восшествіи на престолъ Петра II, выражался такимъ образомъ, что по „тестamentу ея величества учинено избраніе на престолъ російскій новымъ императоромъ наслѣдственному государю вел. кн. Петру Алексѣевичу“.

Аристократическія притязанія, навѣянные отчасти воспоминаніями о роли боярства въ до-петровской Руси, отчасти западно-европейскими примѣрами, встрѣтили еще болѣе благоприятныя условія по смерти Петра II, и верховный тайный совѣтъ отправилъ къ Анніѣ Іоанновнѣ извѣстныя „кондиціи“. Стремленіе къ ограниченію самодержавной власти обнаруживалось не у однихъ верховниковъ, хотя лица, этого желавшія, и не сочувствовали притязаніямъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта. Противники неограниченной самодержавной власти приводили тогда слѣдующія возраженія противъ этой формы правленія. Во-первыхъ общее, принципиальное возраженіе, что не безопасно дать одному человѣку великую власть надъ всѣмъ народомъ; если даже онъ будетъ мудръ, кротокъ и справедливъ, онъ не можетъ быть непогрѣшимымъ, и силъ его одного не можетъ на все хватить; если же онъ дастъ волю своимъ страстямъ, то произойдутъ всевозможныя насилія и гибель невинныхъ. Два другія возраженія были очевидно навѣяны новѣйшими фактами русской исторіи: 1) временщикъ при неограниченномъ государѣ, особенно, если онъ низкаго происхожденія или иноземецъ, ненавидитъ и преслѣдуетъ знатныхъ и заслуженныхъ людей, а себѣ ненасытно собираетъ имѣнія (намекъ на Меньшикова и кн. Долгорукихъ); 2) существованіе тайной канцеляріи, которая составляетъ стыдъ предъ другими наро-

дами и при которой за одно неосторожно сказанное слово пытаются, казнять и лишают имѣнія невинныхъ дѣтей.

Одни изъ противниковъ верховниковъ стояли за ограниченіе верховной власти, но при участіи выборныхъ отъ генералитета и шляхетства, другіе — за сохраненіе самодержавія. Изъ проектовъ государственныхъ преобразованій, поданныхъ находившимся въ Москвѣ шляхетствомъ, одни совершенно упраздняли верховный тайный совѣтъ, другіе, болѣе умѣренные, допускали его существованіе, но требовали увеличенія числа его членовъ. Почти во всѣхъ проектахъ высказывалась мысль о необходимости тщательнаго пересмотра государственныхъ нуждъ выборными отъ шляхетства, чтобы затѣмъ приступить къ рассмотрѣнію подробностей государственныхъ преобразованій ¹⁾.

Дѣло, какъ извѣстно, окончилось торжествомъ самодержавія, и въ царствованіе Анны Іоанновны два видныхъ лица, Оеопанъ Прокіоповичъ и Татищевъ, высказываются въ своихъ произведеніяхъ за преимущество для Россіи монархіи предъ другими формами правленія.

Если отъ изученія политическихъ взглядовъ и стремленій къ ограниченію самодержавной власти мы обратимся къ крестьянскому вопросу, то найдемъ, что хотя при Петрѣ Великомъ крѣпостное право и усилилось, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принялъ нѣсколько важныхъ мѣръ для ограниченія помѣщичьей власти. Напротивъ, въ правленіе преемниковъ Петра Великаго до Екатерины II дворянство заботится болѣе всего объ уничтоженіи различныхъ стѣснительныхъ для себя законовъ и требованій правительства: хлопочетъ прежде всего объ отиѣнѣ закона о единонаслѣдіи и объ опредѣленіи срока службы, а затѣмъ и о совершенномъ уничтоженіи ея обязательности, не связывая этого съ улучшеніемъ въ положеніи крестьянъ: такъ въ шляхетскихъ проектахъ 1730 г. нѣтъ ни слова въ пользу закрѣпощеннаго крестьянства. Въ этотъ періодъ крѣпостное право и распространяется, и усиливается, не подвергаясь никакимъ ограниченіямъ. Неудача шляхетства въ приобрѣтеніи политическихъ правъ вынудила для него вознаграждаться освобожденіемъ его отъ обязательной службы, усиленіемъ крѣпостного права и щедрою раздачею населенныхъ имѣній. Эти же причины оказываютъ могущественное вліяніе на огромное большинство дворянства и во все правленіе имп. Екатерины II. Весьма естественно, что нѣкоторымъ защитникамъ неограниченной монархіи, какъ, напр., историку Татищеву, а при Екатеринѣ II де-

¹⁾ Подробнѣе см. въ статьѣ П. Н. Милюкова: „Попытка государственной реформы при воцареніи имп. Анны Іоанновны“ въ „Сборникѣ въ пользу воскресныхъ школъ“. СПб. 1894 г.

путату въ законодательной комисіи Протасову, освобожденіе крестьянъ казалось даже несовмѣстнымъ съ нашею монархическою формою правленія.

Императрица Екатерина II въ своемъ Наказѣ высказывается за необходимость самодержавія для такого обширнаго государства, какъ Россія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуя Монтескье, она думаетъ, что существованіе основныхъ законовъ и охраняющихъ ихъ учрежденій составляетъ отличіе монархіи отъ деспотіи ¹⁾. Созваніемъ комисіи для составленія новаго уложенія она показала, что, по ея мнѣнію, существованіе монархической формы правленія вполне совмѣстимо съ обращеніемъ къ содѣйствію общества въ дѣлѣ законодательства.

Впрочемъ, и въ царствованіе Екатерины II не исчезла совершенно мысль объ ограниченіи самодержавія. Прежде всего она проявилась съ аристократическимъ оттѣнкомъ въ лицѣ Н. И. Панина, который, проведя молодость въ Швеціи, былъ хорошо знакомъ съ тамошнимъ государственнымъ устройствомъ. Въ 1762 г. Панинъ представилъ имп. Екатеринѣ проектъ учрежденія совѣта и реформы сената; въ этомъ проектѣ ясно сказывается стремленіе ограничить произволъ верховной власти ²⁾. Подобныхъ же взглядовъ Панинъ держался и позднѣе. По разсказамъ знающихъ современниковъ, „ему хотѣлось ограничить самовластіе твердыми аристократическими ин-ституціями“. Онъ предлагалъ „основать политическую свободу сначала для одного дворянства“, учредивъ верховный сенатъ, часть несмѣняемыхъ членовъ котораго назначалась бы отъ короны, а большинство состояло бы изъ лицъ, избранныхъ дворянствомъ изъ своего сословія. Синодъ также долженъ входить въ составъ общаго собранія сената. Дворянскимъ собраніямъ, губернскимъ и уѣзднымъ, предполагалось дать право совѣщаться объ общественныхъ дѣлахъ и мѣстныхъ пуждахъ, представлять о нихъ сенату и предлагать ему новые законы. Выборъ какъ сенаторовъ, такъ и всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ долженъ былъ производиться въ этихъ же собраніяхъ. Сенатъ былъ бы облеченъ законодательною властію, а императору оставалась бы власть исполнительная съ правомъ утверждать принятые сенатомъ законы.

Проектъ этотъ былъ написанъ извѣстнымъ драматургомъ Фонъ-

¹⁾ Въ письмѣ къ Циммерману Екатерина объявила себя „отмѣнною въ душѣ республиканкою“; своимъ приближеннымъ она говорила, что ненавидитъ деспотизмъ.

²⁾ См. Щеломъ. „Государственный совѣтъ въ Россіи“, т. I, Ярослав., 1892 г. стр. 653—665; того же автора „Государст. совѣтъ въ Россіи въ царствованіе имп. Александра I“. Ярослав., 1895 г., стр. 56—74.

Визинимъ подъ руководствомъ гр. Н. И. Панина ¹⁾. Сохранилось весьма интересное введеніе къ этому проекту, въ которомъ Фонъ-Визинъ доказываетъ опасность неограниченной власти и необходимость установленія „непремѣнныхъ государственныхъ законовъ“, безъ которыхъ „не прочно ни состояніе государства, ни состояніе государя“. Нельзя не замѣтить, что осуществленіе проекта Панина, отдающаго законодательную власть въ руки дворянства (такъ какъ оно выбирало большинство членовъ верховнаго сената), могло бы весьма вредно отразиться на положеніи народа. Такъ, напр., тогда могли бы исполнить совѣты нѣкоторыхъ лицъ относительно передачи въ руки дворянъ отобранныхъ отъ духовенства крестьянъ, судьба которыхъ послѣ секуляризаціи имѣній духовенства при Екатеринѣ II была устроена весьма хорошо. Въ числѣ лицъ, желавшихъ въ царствованіе Екатерины II ограниченія самодержавія въ Россіи, слѣдуетъ назвать и извѣстную внягину Дашкову; подъ этимъ условіемъ она готова была даже согласиться на ограниченіе крѣпостного права, между тѣмъ какъ вообще она высказывала крѣпостническіе взгляды.

Извѣстный историкъ кн. М. М. Щербатовъ, при его аристократическихъ воззрѣніяхъ, такъ часто обнаруживавшихся въ комиссіи для составленія новаго уложенія, не могъ не оказаться въ числѣ лицъ, сочувствовавшихъ ограниченію самодержавной власти. И дѣйствительно, изъ его сочиненія „О поврежденіи правовъ въ Россіи“ видно, что онъ желалъ установленія основныхъ законовъ государства и ограниченія власти государя сенатомъ или парламентомъ, но олигархическія притязанія верховниковъ онъ строго осуждалъ.

Въ другомъ, также не напечатанномъ въ свое время, сочиненіи „Разныя разсужденія о правленіи“, кн. Щербатовъ старался по возможности безпристрастно отнестись къ различнымъ формамъ правленія: монархическому, аристократическому и демократическому, но рѣзко порицалъ правленіе самовластное ²⁾.

Другой историкъ того времени, Болтинъ, не сочувствовалъ ни аристократическому, ни народному правленію и видѣлъ въ монархіи „надежнѣйшее убѣжище свободъ“.

Усерднымъ проповѣдникомъ монархическихъ взглядовъ на каѳедрѣ въ московскомъ университетѣ былъ профессоръ Шаденъ, ученикомъ котораго былъ Карамзинъ.

Мы указывали до сихъ поръ лишь на взгляды монархическіе и аристократическіе; однако постепенно, преимущественно подъ влия-

¹⁾ „Русская Старина“ 1884 г., т. 42, стр. 60—61.

²⁾ Политическія сочиненія М. М. Щербатова издавы въ 1896 г. подъ редакціею г. Хрущова.

ниемъ французской литературы, стали проникать въ русскую литературу и болѣе крайнія воззрѣнія. Выразителемъ демократически-радикальныхъ идей въ литературѣ является Радищевъ, взгляды котораго сложились подъ вліяніемъ Гельвеція, Руссо, Гердера и другихъ. Еще въ 1773 г. въ сдѣланномъ имъ переводѣ сочиненія Мабли „*Observations sur l'histoire de la Grèce*“, Радищевъ перевелъ слово *despotisme* словомъ *самодержавство*, которое называлъ въ особомъ примѣчаніи „напротивнѣйшимъ челоѣческому естеству состояніемъ“ и основалъ обязанность повиноваться законамъ на безмолвномъ договорѣ съ обществомъ, „нарушеніе котораго снимаетъ и съ насъ обязанность“ ¹⁾. Въ главномъ своемъ сочиненіи „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, напечатанномъ въ 1790 г., Радищевъ возстаетъ противъ самовласти государей и требуетъ свободы слова; въ одѣ „Вольность“, входящей въ составъ этого сочиненія, онъ выражаетъ сочувствіе возстанію народовъ противъ ихъ угнетателей, но не скрываетъ того, что распри и междоусобія обыкновенно приводятъ къ новому рабству.

Вліяніе французской революціи отразилось далеко не на одномъ Радищевѣ: по свидѣтельству В. Н. Каразина, вліяніе этого событія на молодые умы обнаружилось не только въ отдаленныхъ отъ столицъ губерніяхъ европейской Россіи, но даже и въ глубинѣ Сибири. По свидѣтельству Сегюра, взятіе Бастиліи возбудило шумный восторгъ въ петербургскомъ обществѣ, такъ что даже на улицахъ поздравляли другъ друга ²⁾. Въ виду всеобщихъ разговоровъ объ этомъ событіи не удивительно, что и семилѣтняя дочь Соймонова, неожиданно для ея отца, иллюминировала галерею своего дома въ честь этого событія.

Посмотримъ теперь, какъ относились къ крѣпостному праву тѣ лица, политическіе взгляды которыхъ мы только что изложили. Начнемъ съ тѣхъ, которые держались монархическаго образа мыслей. Императрица Екатерина указывала въ Наказѣ на необходимость ограничить крѣпостное право. Болтинъ, къ сожалѣнію, держался мнѣнія Руссо, что просвѣщеніе должно предшествовать освобожденію, что „прежде должно освободить души рабовъ, а потомъ уже тѣла“, но въ то же время онъ считалъ необходимымъ ограничить крѣпостное право,

¹⁾ *Оухомлиновъ*. „Радищевъ“, 1883 г., стр. 26—27.

²⁾ Въ концѣ 80-хъ годовъ наставникъ вел. кн. Александра Павловича, священникъ Самборскій, писалъ гр. Н. И. Салтыкову: „Вольноглаголаніе о власти самодержавной почти всеобщее, и чувство, устремляющееся къ необузданной вольности, воспалившееся примѣромъ Франціи, предвѣщаетъ нашему отечеству наущающійшее кровопролитіе“. „Русск. Огарина“, 1896 г. № 11, стр. 452.

а своими указаніями на дурныя стороны жизни крестьянъ въ Западной Европѣ предостерегалъ русское общество и правительство отъ безземельнаго освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ.

Перехода къ лицамъ, желавшимъ ограниченія самодержавной власти въ царствованіе имп. Екатерины II, прежде всего замѣтимъ, что въ проектѣ конституціи, составленномъ Фонъ-Визинимъ, подъ руководствомъ Панина, упоминалось о необходимости постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей, а во введеніи къ проекту въ рѣзкихъ выраженіяхъ бичевалось крѣпостное право; но тѣмъ не менѣе осуществленіе этого проекта вредно отразилось бы на будущности помѣщичьихъ крестьянъ, такъ какъ дворянство, въ руки котораго проектъ отдавалъ законодательную власть, держалось въ массѣ въ высшей степени консервативныхъ мнѣній по крестьянскому вопросу. Мы упоминали уже о готовности кн. Дашковой допустить ограниченіе крѣпостнаго права подъ условіемъ одновременнаго ограниченія самодержавной власти. Такимъ образомъ она прикрывала свое крѣпостничество либерализмомъ въ вопросахъ политическихъ и слѣдовательно являлась предшественницею тѣхъ крѣпостниковъ-конституціоналистовъ, представителемъ которыхъ въ первыя десятилѣтія XIX вѣка былъ извѣстный адмиралъ Мордвиновъ. Князь Щербатовъ высказывался по крестьянскому вопросу въ законодательной комиссіи вообще въ консервативномъ смыслѣ, но его знаніе народной жизни обнаружилось въ томъ, что онъ протестовалъ противъ дозволенія помѣщикамъ даровать свободу цѣлымъ вотчинамъ безъ земли и считалъ вреднымъ для самихъ крестьянъ предоставленіе имъ земли въ полную собственность съ правомъ ея отчужденія, такъ какъ это могло бы повести къ ихъ обезземеленію. Впрочемъ, онъ соглашался на одно ограниченіе помѣщичьей власти: запрещеніе продавать людей по одиночкѣ безъ земли.

Такимъ образомъ среди людей съ аристократически-конституціоннымъ образомъ мыслей мы встрѣчаемъ или лицъ, требовавшихъ политическихъ реформъ ранѣе уничтоженія крѣпостнаго права, или обусловливавшихъ такими реформами даже ограниченіе помѣщичьей власти, или такихъ, которые не допускали почти никакого ослабленія крѣпостнаго права. Представитель демократически-радикальныхъ воззрѣній, Радищевъ, выработалъ напротивъ цѣлую программу постепеннаго ограниченія крѣпостнаго права, а въ концѣ концовъ и освобожденія крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ. Радищевъ, повидимому, не надѣялся, что правительство скоро возьметъ въ свои руки дѣло крестьянской реформы, и потому, осуждая крайности Пугачевщины, онъ въ то же время давалъ понять, что только повтореніе крестьянскихъ волненій заставитъ правительство выйти изъ бездѣйствія.

Не имѣя возможности подробно останавливаться здѣсь на изложеніи хода крестьянскаго вопроса въ царствованіе имп. Екатерины, мы только скажемъ отиѣтимъ главныя черты въ его развитіи за это время.

Господствующею мыслью *русскихъ* людей, высказывавшихся въ эпоху Екатерины II по крестьянскому вопросу въ либеральномъ смыслѣ, было требованіе ограниченія крѣпостнаго права, а не совершеннаго его уничтоженія. Мысль о выгодности для помѣщиковъ безземельнаго освобожденія крестьянъ мы встрѣчаемъ въ это время, лишь какъ рѣдкое исключеніе. Изъ *иностранцевъ*, отиѣты которыхъ на задачу вольнаго экономическаго общества (1766 г.) о правѣ собственности крестьянъ заслужили одобреніе этого общества, писатели-французы то довольствовались, какъ Вольтеръ, однимъ личнымъ освобожденіемъ, то совѣтовали соблюдать въ этомъ отношеніи постепенность и въ концѣ концовъ надѣлать крестьянина маленькимъ клочкомъ земли, не обезпечивающимъ вполнѣ его существованія (Беарде-де-Лабей), то, какъ Грисленъ, высказывали мысль, что право собственности на землю должно принадлежать лишь тѣмъ, кто ее обрабатываетъ. Авторы нѣмецкихъ отиѣтовъ обыкновенно рекомендовали предоставленіе крестьянамъ земли въ постоянное пользованіе за опредѣленныя повинности. Въ законодательной коммисіи большинство дворянскихъ депутатовъ было противъ всякой реформы въ бытѣ крѣпостныхъ крестьянъ, за исключеніемъ запрещенія торга людьми въ розницу, на которое соглашались почти все ораторы изъ дворянъ. Что касается правительства, то нельзя не признать, что въ царствованіе Екатерины II было сдѣлано гораздо болѣе для усиленія и распространенія крѣпостнаго права, чѣмъ для его ограниченія ¹⁾, но большую заслугу императрицы составляетъ то, что она громко поставила вопросъ о необходимости улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Настойчивое указаніе многими дѣятелями и писателями екатерининскаго времени на то, что необходимо ограничить крѣпостное право, привело къ первому опыту въ этомъ направленіи въ слѣдующее царствованіе. Указъ имп. Павла о трехдневной барщинѣ сплошь и рядомъ не исполнялся (по все-таки нельзя отрицать его большого значенія, какъ первой попытки опредѣленія повинностей крестьянъ въ пользу помѣщика). Впрочемъ, въ Малороссіи, гдѣ при Екатеринѣ II были прекращены переходы крестьянъ, онъ имѣлъ неблагоприятное вліяніе, вызвавъ увеличеніе обычной въ этой мѣстности двухдневной барщины до трехъ дней; но зато при Павлѣ была запрещена въ Малороссіи продажа крестьянъ безъ земли. Съ другой стороны, крѣ-

¹⁾ Между прочимъ было пожаловано 800.000 душъ крестьянъ обоюго пола въ полную собственность.

постное право въ царствованіе Павла было распространено на землю Войска Донскаго, Повороссію и Кавказскую губернію, а также въ 4 года пожаловано 600.000 душъ крестьянъ обоего пола.

Въ царствованіе Павла было, разумѣется, не до того, чтобы составлять конституціонные планы, — и въ то-же время имп. Павелъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ, содѣйствовалъ распространенію мысли о необходимости политическихъ реформъ. Даже такой ярый консерваторъ, какъ Карамзинъ, дѣлаетъ въ „Запискѣ о древней и новой Россіи“ рѣзкую характеристику царствованія Павла, въ которой между прочимъ чувствуется вліяніе ученія о договорномъ происхожденіи государственной власти. Карамзинъ напоминаетъ, что „государь не менѣе подданныхъ долженъ исполнять свои святыя обязанности, коихъ нарушеніе уничтожаетъ древній завѣтъ власти съ повинновеніемъ“, и въ весьма суровыхъ выраженіяхъ осуждаетъ правленіе Павла ¹⁾. Если это царствованіе заставило говорить такимъ тономъ Карамзина, то понятно, что во многихъ другихъ лицахъ оно возбудило конституціонныя стремленія. На развитіе крестьянскаго вопроса это имѣло неблагоприятное вліяніе въ томъ отношеніи, что мысль лучшихъ людей въ самыхъ вліятельныхъ сферахъ, ища гарантій отъ безпримѣрнаго произвола, направилась въ слѣдующее царствованіе на обсужденіе политическихъ реформъ, между тѣмъ, какъ Россія нуждалась прежде всего въ уничтоженіи крѣпостного права и въ выработкѣ основныхъ принциповъ этой реформы.

Взгляды вел. кн. Александра Павловича въ юности сложились всецѣло подъ вліяніемъ Лагарпа ²⁾. Въ извѣстномъ разговорѣ своемъ съ княземъ Адамомъ Чарторыскимъ въ 1796 г. онъ заявилъ, что „презираетъ деспотизмъ повсюду, какимъ бы образомъ онъ ни выражался, что онъ любитъ свободу, что она должна быть достояніемъ всѣхъ людей, что онъ принималъ самый живой интересъ во французской революціи, что, не одобряя ея ужасныхъ заблужденій, онъ желалъ успѣха республикѣ и радовался этому успѣху“. Чарторыскій такимъ образомъ характеризуетъ взгляды Александра Павловича въ это время: „Онъ хотѣлъ бы повсюду видѣть республики и смотрѣлъ на эту форму правленія, какъ на единственно согласную съ желаніемъ

¹⁾ Шильдеръ. Біографія имп. Александра I въ „Русскомъ біографическомъ Словарѣ“, изд. Императ. Историч. Общества, т. I, Спб. 1896, стр. 16. Срав. письмо цес. Александра Павловича къ Лагарпу. Шильдеръ. „Имп. Александръ I“, т. I, стр. 162.

²⁾ Любопытно, что императрица Екатерина не позже 1792 г., т.-е. когда Александру Павловичу было всего 15 лѣтъ, прочла съ нимъ французскую конституцію и разъяснила ему всѣ статьи ея, равно какъ и причины французской революціи. Шильдеръ, „Имп. Александръ I“, т. I, стр. 100, 269.

ніями и правами человечества... Между прочимъ онъ утверждалъ, что наследственная монархія учрежденіе несправедливое и нецѣлое, что верховная власть должна быть вѣршена не вслѣдствіе случайности рожденія, а по голосованію націи, которая сѣмѣетъ выбрать наиболѣе способнаго управлять ею¹⁾. Въ царствованіе Павла во время коронаціи (совершившейся въ Москвѣ 5 апрѣля 1797 г.) вел. кн. Александръ просилъ кн. Чарторыскаго составить для него проектъ манифеста, въ которомъ излагались бы намѣренія наследника престола въ тотъ моментъ, когда къ нему перейдетъ верховная власть. Чарторыскій наскоро набросалъ этотъ манифестъ, въ которомъ прежде всего указывалось на неудобства существовавшей до того времени въ Россіи формы правленія и на выгоды той, которую Александръ предполагалъ ей даровать, на благодѣянія свободы и правосудія, которыми она будетъ пользоваться, когда уничтожатся препятствія, мѣшающія ея благополучію, наконецъ, заявлялось его рѣшеніе, исполнить эту священную для него обязанность, отказаться отъ власти для того, чтобы тотъ, кого найдутъ наиболѣе достойнымъ ее носить, могъ быть призванъ для упроченія и усовершенствованія дѣла, основаніе котораго онъ положилъ. Александръ Павловичъ былъ очень доволенъ этимъ произведеніемъ Чарторыскаго, горячо благодарилъ его и затѣмъ никогда не заговаривалъ съ нимъ объ этомъ документѣ; впрочемъ, Чарторыскій и тогда сомнѣвался въ осуществимости проекта, который онъ набросалъ, лишь уступая настоятельнымъ требованіямъ Александра Павловича.

Въ письмѣ къ Лагарпу, отъ 27 сентября 1797 г., пересланномъ черезъ Н. Н. Новосильцова, цесаревичъ Александръ Павловичъ писалъ: „Вамъ уже давно извѣстны мои мысли, клонившіяся къ тому, чтобы покинуть свою родину. Въ настоящее время... несчастное положеніе моего отечества заставляетъ меня придать своимъ мыслямъ иное направленіе. Мнѣ думалось, что если когда-либо придетъ и мой чередъ царствовать, то, вмѣсто добровольнаго изгнанія себя, я сдѣлаю несравненно лучше, посвятивъ себя задачѣ даровать странѣ свободу и тѣмъ не допустить ея сдѣлаться въ будущемъ игрушкою въ рукахъ какихъ-либо безумцевъ. Это заставило меня передумать о многомъ, и мнѣ кажется, что это было бы лучшимъ образцомъ революціи, такъ какъ она была бы произведена законною властью, которая перестала

¹⁾ „Mémoires du prince Adam Czartoryski“, Р. 1887, т. I, 96, 102—103 Шильдеръ, „Имп. Александръ I“, т. I, стр. 116, 119; Пытинъ „Обществ. движеніе при Александрѣ I“, изд. 2-е, стр. 33. Противъ наследственной монархіи имп. Александръ высказался также десять лѣтъ поздиѣе, въ разговорѣ съ Наполеономъ въ Тильзитѣ, въ 1807 г. Шильдеръ, Ibid, 239.

бы существовать, какъ только конституція была бы закончена и нація избрала бы своихъ представителей... Когда придетъ мой чередъ, тогда нужно будетъ стараться, само собою разумѣется постепенно, образовывать народное представительство, которое, должнымъ образомъ руководимое, составило бы свободную конституцію, послѣ чего моя власть совершенно прекратилась бы¹⁾.

Общество шло на встрѣчу этимъ либеральнымъ мечтаніямъ. Въ анонимномъ посланіи, найденномъ во дворцѣ черезъ десять дней по вступленіи Александра I на престолъ и написанномъ В. Н. Карзиннымъ, послѣдній выражалъ надежду, что государь дастъ странѣ „непреложные законы“, „составить коренное учрежденіе, изберетъ ему блюстителей и, оградивъ ихъ личною безопасностью, поставивъ ихъ внѣ сферы честолюбія и боязни, удѣлитъ имъ *избытокъ* своей власти на охраненіе святыхъ сакоповъ отечества“.

Государь задумалъ обнародовать „всеилостивѣйшую грамоту российскому народу“, проектъ которой былъ составленъ Трошинскимъ или А. Воронцовымъ. Нѣкоторыми статьями этой грамоты только подтверждалось то, что было отмѣнено или измѣнено въ предшествующее царствование, — дворянская грамота, городовое положеніе, общія права собственности и давности, уничтоженіе конфискаціи, право выѣзда за границу и проч. Екатерининскими учрежденіями о губерніи предоставлялось всякому, содержащемуся въ тюрьмѣ (кромя виновныхъ въ оскорбленіи величества, въ измѣнѣ, убійствѣ, воровствѣ и разбоѣ), если въ теченіе трехъ дней по арестованіи, онъ не будетъ призванъ къ допросу, жаловаться въ совѣстный судъ, по повелѣнію котораго онъ долженъ быть отпущенъ на поруки (п. 401). „Грамотою“ 1801 г. предполагалось расширить это право и предоставить каждому, посаженному въ заключеніе, требовать своего освобожденія, если онъ въ три дня не будетъ представленъ въ судъ къ допросу, съ правомъ затѣи начать искъ противъ задержавшаго его лица. Предполагалось также постановить, что считать оскорбленіемъ Величества и подвергать соответственному наказанію можно только за извѣстное дѣйствіе, а отнюдь не за слова или сочиненія. „Каждый российский гражданинъ“, сказано было также въ грамотѣ, „да пользуется невозбранно свободою мысли, вѣры или исповѣданія, богослуженія, слова или рѣчи, письма и дѣланія, поелику они законамъ государственнымъ не противны и никому не оскорбительны“. Наконецъ въ грамотѣ давалось обѣщаніе не перемѣнять никакихъ гражданскихъ законовъ иначе, какъ вслѣдствіе докладовъ, подносимыхъ отъ сената, по общему совѣщанію съ коллегіями¹⁾.

¹⁾ Шмидеръ, „Импер. Александръ I“, т. I, стр. 163—164, II, 32—34, 75—79.

Предполагалось обнародовать эту грамоту во время коронации в Москвѣ в сентябрѣ 1801 г., но намѣреніе это исполнено не было. Правда, тѣ ея части, которыми подтверждались и восстанавливались прежнія узаконенія, были обнародованы отдѣльно, но все, что грамота содержала въ себѣ новаго, никогда не получило силы закона ¹⁾.

Лица наиболѣе приближенные къ императору Александру, — Новосильцовъ, Кочубей, гр. Строгановъ и Чарторискій, отличались либеральнымъ образомъ мыслей и мечтали о введеніи въ Россіи представительнаго образа правленія. Такъ какъ императоръ Александръ первое время чаще, чѣмъ кто-либо, выражалъ пожеланія объ ограниченіи произвола, то въ неофициальномъ комитетѣ разговоръ нерѣдко касался вопроса о политическихъ реформахъ. Нѣкоторую поддержку молодые друзья государя нашли въ столь опытномъ и заслуженномъ человѣкѣ, какъ гр. А. Р. Воронцовъ, въ которомъ чувствовалась склонность къ аристократически-конституціоннымъ воззрѣніямъ, и въ пріѣзжавшемъ изъ Англіи его братѣ Семенѣ Романовичѣ, горячемъ поклонникѣ англійской конституціи, который полагалъ, что въ столь обширной странѣ, какъ Россія, государь, если бы онъ даже былъ вторымъ Петромъ Великимъ, не можетъ сдѣлать всего самъ „при существующей формѣ правленія безъ конституціи, безъ точныхъ законовъ, безъ независимыхъ и несмѣняемыхъ судей“ и при которой государю приходится „положиться на министра-фаворита“, превращающагося такимъ образомъ въ „великаго визиря“. Онъ обвинялъ наше общество въ крайнемъ легкомысліи, говоря, что „оно готово забыть ужасный деспотизмъ, отъ котораго страдало, потому что получило возможность носить круглыя шляпы и сапоги съ отворотами“ (запрещенные при имп. Павлѣ) и сравнивалъ нашихъ соотечественниковъ „съ римскими рабами въ праздники Сатурналій, послѣ котораго они впадали въ обычное рабство“ ²⁾.

Подобно С. Р. Воронцову, поклонникомъ англійскихъ свободныхъ учрежденій былъ Н. С. Мордвиновъ. Въ одномъ изъ своихъ мѣтій, поданныхъ въ Совѣтъ въ 1802 г., онъ далъ понять, что только при существованіи непреложныхъ законовъ монархическая власть отличается отъ произвольной (деспотической).

Изъ лицъ, пользовавшихся довѣріемъ имп. Александра, слѣдуетъ упомянуть о Лагарпѣ, но, какъ извѣстно, онъ пріѣхалъ въ Россію

¹⁾ Въ коронаціонномъ манифестѣ имп. Александръ I упомянулъ объ обязанностяхъ своего „великаго служенія“.

²⁾ „Архивъ кн. Воронцова“, т. XVII, 5—6. Но въ то же время гр. С. Р. Воронцовъ предостерегалъ противъ излишней поспѣшности въ дѣлѣ ограниченія самодержавной власти.

сильно измѣнившимся, и, предостерегая молодого государя отъ либеральныхъ увлеченій, убѣждалъ его дорожить своею властію, „видонзѣняя ее мало-по-малу, безъ шума и крика народныхъ собраній, мудрыми и прочными учрежденіями“. При этомъ онъ указывалъ на примѣръ Пруссіи, нашедшей тайну соединить абсолютизмъ съ законностью и правосудіемъ.

5 іюня 1801 г. данъ былъ именной указъ сенату о томъ, чтобы онъ составилъ доклады о своихъ правахъ и обязанностяхъ ¹⁾. Это возбудило въ сенатѣ бурныя пренія, причемъ особенно выдѣлились мнѣнія Державина, гр. Завадовскаго и гр. Воронцова. Гр. Завадовскій между прочимъ желалъ, чтобы сенату было предоставлено право ко-дифицировать объ установленіи новыхъ налоговъ и податей ²⁾. Кн. Чарторыйскій замѣчаетъ въ своихъ мемуарахъ, что сенатъ составлялъ *idée fixe* братьевъ Воронцовыхъ: „въ немъ они видѣли средства, основу и источникъ всѣхъ безопасныхъ улучшеній“. Записка Воронцова не понравилась государю, и онъ съ грустью замѣтилъ, что это ни на шагъ не подвигаетъ его къ столь желанной имъ цѣли—обузданію деспотизма нашего правленія. Упомянемъ о запискѣ неизвѣстнаго лица, присланной А. Р. Воронцову по прочтеніи его „Примѣчаній о правахъ и преимуществахъ сената“. Неизвѣстный авторъ записки желалъ, чтобы сенатъ сталъ не только хранилищемъ законовъ, но и, такъ сказать, посредствующею властію между государемъ и народомъ. Кромѣ того, авторъ считалъ необходимымъ установленіе коренныхъ законовъ, которые совѣтуетъ заимствовать, примѣнивъ къ нашимъ условіямъ, изъ англійскихъ великой хартіи и *habeas corpus* акта, „конны личная безопасность каждаго толь ограждена была бы“. Существовалъ еще проектъ Зубова, о которомъ есть извѣстіе, что въ немъ сенатъ обращался въ законодательное собраніе.

Докладъ Сената о его правахъ былъ разсмотрѣнъ Новосильцовымъ, который свое донесеніе государю прочелъ въ неофициальномъ комитетѣ. Основною его мыслью было то, что не слѣдуетъ предоставлять власти законодательной учрежденію, которое, по самому своему

¹⁾ П. С. З., т. XXVI, № 19.908.

²⁾ „Сборникъ Археолог. Института“, 1878 г., т. I, стр. 68—118. Въ особомъ проектѣ устройства сената, составленномъ Державинимъ въ 1801 г., онъ между прочимъ предлагаетъ, чтобы кандидаты въ сенаторы выбирались изъ четырехъ служащихъ классовъ собраніемъ знатнѣйшихъ государственныхъ чиновъ и 5-ти-классными всѣхъ присутственныхъ мѣстъ чиновниками въ обѣихъ столицахъ. Изъ трехъ кандидатовъ государь выбираетъ одного сенатора; изъ сенаторовъ онъ выбираетъ министровъ. „Сборникъ Археологич. Института“, кн. I, 1878 г., стр. 134—151. Срав. статью *Н. М. Коркунова* „Проектъ устройству сената Г. Р. Державина“. „Журн. Минист. Юстиціи“ 1896 г. № 12.

составу, не может пользоваться доверіемъ народа и которое, состоя исключительно изъ лицъ, назначенныхъ верховною властью, не даетъ возможности обществу участвовать въ составленіи законовъ, выходящихъ изъ рукъ этого собранія. Съ другой стороны, давъ сенату значительныя права, императоръ связалъ бы себя руки и не могъ бы выполнить всего задуманнаго имъ на общую пользу, потому что въ невѣжествѣ этихъ людей встрѣтилъ бы себя помѣху, которая имѣла бы опасныя послѣдствія въ случаѣ борьбы между верховною властью и правительственными учрежденіями. По мнѣнію Новосильцова, слѣдовало предоставить сенату лишь судебную власть, но въ широкомъ размѣрѣ, съ полною независимостью отъ опеки генераль-прокурора. Когда нѣсколько позднѣе государь выразилъ желаніе предоставить сенату „охранительную“ власть, то члены неофициальнаго комитета замѣтили ему, что такая охранительная власть будетъ призрачною, что истинная охрана заключается въ организаціи политическаго строя и въ общественномъ мнѣніи. Но когда Новосильцовымъ былъ составленъ проектъ указа о правахъ сената, то государю не понравилась статья, предоставляющая сенату право повѣрять дѣйствія министровъ и, если бы они ввели въ заблужденіе государя, представлять ему о томъ даже и по утвержденіи доклада министра высочайшею подписью. Чарторыскій и Строгаповъ полагали, что права сената будутъ мнимы безъ отвѣтственности министровъ; къ этому мнѣнію присоединился и Кочубей. Наконецъ, и государь изъявилъ на это согласіе. Тѣмъ не менѣе вопросъ объ отвѣтственности министровъ предъ сенатомъ вновь возникъ въ неофициальномъ комитетѣ при обсужденіи проекта объ учрежденіи министерствъ, такъ какъ государь нашелъ что „такихъ правъ никогда не было предоставлено сенату“ ¹⁾.

Изъ неофициальнаго комитета проектъ указа о сенатѣ былъ переданъ въ совѣтъ, и, наконецъ, 8 сентября 1802 г. былъ обнародованъ именной указъ о правахъ и обязанностяхъ сената, которыми между прочимъ предоставлялось ему право дѣлать представленія, если бы оказались указы, неудобные для исполненія, неясные или не-

¹⁾ Въ засѣданіи неофициальнаго комитета въ началѣ 1802 г. было предложено на его обсужденіе предположеніе Державина предоставить выборъ кандидатовъ въ сенатъ изъ лицъ первыхъ четырехъ классовъ въ каждомъ уѣздѣ дворянамъ первыхъ восьми классовъ, а потомъ уже назначать сенаторовъ изъ общаго списка кандидатовъ. Это предположеніе было отвергнуто, во-1-хъ, потому, что лица 4-хъ классовъ недостаточно пзвѣстны набирателямъ для дѣльнаго выбора и во-2-хъ, дворянскіе выборы находятся въ сильной зависимости отъ произвола губернаторовъ. Комитетъ нашелъ, что подобныя мѣры въ Россіи еще не своевременны. *Богдановичъ*, „Исторія царствованія имп. Александра I“, т. 1. Приложенія, стр. 39—84.

согласные съ прочими узаконеніями ¹⁾. Но когда сенатъ попробовалъ воспользоваться этимъ правомъ въ слѣдующемъ году, то указъ 8 сентября былъ разъясненъ въ томъ смыслѣ, что это право относится лишь къ законамъ и указамъ, изданнымъ до 8 сентября 1802 г.

Въ одинъ день съ указомъ о правахъ сената появился и манифестъ объ учрежденіи министерствъ, въ которомъ министрамъ предписывалось подавать въ концѣ года черезъ правительствующій сенатъ письменные отчеты государю. Сенатъ, по сравненіи и соображеніи этихъ отчетовъ съ существующими законами и съ полученными имъ донесеніями, дѣлаетъ свои заключенія и вноситъ отчеты государю съ своимъ докладомъ. Если сенатъ и ранѣе года замѣтитъ какія-либо злоупотребленія, то долженъ требовать объясненія у министра. Именные указы должны были контрасигнироваться тѣми министрами, по докладу которыхъ они были составлены. (Это дѣлалось для утвержденія принципа отвѣтственности министровъ). Однако отвѣтственность министровъ осталась мертвою буквою.

По поводу изданія указа 1802 г. о правахъ и обязанностяхъ сената Чарторыйскій въ своихъ запискахъ замѣчаетъ: „лстили себя надеждою, что это первый шагъ на пути къ національному и представительному правленію“. По его словамъ, предполагалось современемъ сдѣлать сенатъ чѣмъ-то въ родѣ высшей палаты, присоединивъ къ нему депутатовъ отъ дворянства, которые вмѣстѣ съ сенатомъ или въ отдѣльномъ собраніи участвовали бы въ совѣщаніяхъ, имѣющихъ цѣлью представить государю точныя свѣдѣнія о томъ, какъ ведутъ дѣла его министры и насколько пригодны законы и общія постановленія, уже дѣйствующіе или лишь проектируемые. „Все это“, прибавляетъ Чарторыйскій, „не было осуществлено“.

Это свидѣтельство Чарторыйскаго напоминаетъ о мнѣніи Мордвинова (1802 г.) о сенатѣ. По его словамъ, сенатъ до тѣхъ поръ не будетъ имѣть власти и силы, пока онъ не будетъ „избранный“. „Желательно“, говорилъ онъ, „чтобы сенатъ сдѣлался тѣломъ политическимъ... Права политическія должны быть основаны на *знанномъ сословіи*, весьма уважаемомъ, дабы и самыя права воспріяли такое же уваженіе“. По его плану, сенатъ долженъ былъ состоять не только изъ лицъ, назначаемыхъ государемъ, но также и изъ избираемыхъ отъ губерній (по 2 чел.) губернскими собраніями. Послѣдніе состоятъ въ сенатѣ безъ жалованья, избираются на три года и должны заботиться объ интересахъ своихъ губерній ²⁾.

¹⁾ П. С. З., т. XXVII, № 20406, п. 9.

²⁾ Иконниковъ. „Графъ Н. С. Мордвиновъ“. Спб. 1878 г., стр. 58 — 59. Впрочемъ, въ томъ же году въ непремѣнномъ совѣтѣ Мордвиновъ утверждалъ,

Въ 1803 г. имп. Александръ поручилъ Сперанскому составить планъ устройства судебныхъ и правительственныхъ учреждений въ Россіи. Нужно замѣтить, что эта работа была возложена на него не прямо отъ государя, а чрезъ его тогдашняго начальника, министра внутреннихъ дѣлъ, Кочубея.

Этотъ незаданный трудъ Сперанскаго пока извѣстенъ лишь въ черновой редакціи. Такъ какъ никто изъ ученыхъ пока не изслѣдовалъ его содержанія, то мы считаемъ нужнымъ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

Въ „правильномъ монархическомъ государствѣ“ „государственный законъ“ рисуется Сперанскому въ слѣдующихъ чертахъ ¹⁾: „1) Всѣ состоянія государства, бывъ свободны, участвуютъ въ извѣстной мѣрѣ во власти законодательной. 2) Власть исполнительная вся принадлежитъ одному лицу, участвующему и утверждающему всякое законодательное дѣйствіе. 3) Есть общее мнѣніе, оберегающее законъ въ исполненіи его. 4) Есть независимое сословіе ²⁾ народа, коему исполнители отвѣтствуютъ. 5) Существуетъ система законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, принятая народомъ. 6) Судъ не лицомъ государя управляется, но избранными отъ народа и имъ утвержденными исполнителями, кои сами суду подвержены быть могутъ. 7) Всѣ дѣянія управленія публичны, исключая нѣкоторое число случаевъ опредѣленныхъ. 8) Существуетъ свобода тисненія въ извѣстныхъ, съ точностью опредѣленныхъ, границахъ. 9) Существуетъ въ народѣ довольный степень (sic) просвѣщенія и обиліе во всѣхъ снособахъ исполненія законовъ“.

Таковы общія черты „государственного закона“, какъ онъ рисовался Сперанскому въ 1803 г. Не знаемъ, былъ ли законченъ весь этотъ проектъ Сперанскаго (въ черновой рукописи онъ обрывается на недоконченной фразѣ), но во всякомъ случаѣ, если онъ даже и былъ представленъ государю, то приведеннаго мѣста въ окончательной редакціи быть не могло, такъ какъ все оно зачеркнуто. Что ни-

что сенатъ „присутственное мѣсто“, а не „политическій корпусъ“, и что поэтому онъ можетъ имѣть „не права“, а „должности“, достаточно опредѣленныя данными ему повелѣніями. „Архивъ Государств. Совѣта“, Сиб. 1878 г., т. III, ч. 1, стр. 18.

¹⁾ Авторъ проекта поясняетъ, что терминъ „государственный законъ“ принять имъ, „вмѣсто слова конституція, и означаетъ законъ, опредѣляющій первоначальныя права и отношенія всѣхъ классовъ государственныхъ между собою“.

²⁾ Слово „сословіе“ употреблялось тогда въ смыслѣ „учрежденія“ (срав. Коркуновъ. „Русское государство. право“, т. II, 1897 стр. 68). „Сословіе народа“ тутъ означаетъ законодательное учрежденіе, основанное на народномъ избраніи. (Сравни. п. 1 и 5 „государственного закона“).

будь одно: или самъ Сперанскій нашелъ неудобнымъ раскрывать исполнѣ свои взгляды, или его начальникъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Кочубей посоветовалъ ему удалить этотъ общій очеркъ конституціи, любонятный, по сравненію съ планомъ 1809 г., между прочимъ тѣмъ, что въ немъ упоминается о свободѣ печати, о которой ничего не сказано въ планѣ 1809 г., составляющемъ результатъ бесѣды Сперанскаго съ императоромъ Александромъ.

Весьма возможно, что самъ Сперанскій, еще не имѣвшій въ 1803 г. личныхъ докладовъ у государя, не рѣшился изложить основныя черты своего конституціоннаго плана не потому, что это казалось ему рискованнымъ (либеральныя взгляды государя могли быть ему извѣстны чрезъ Кочубея), но потому, что онъ самъ сомнѣвался въ возможности скорого осуществленія его основныхъ началъ при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находилась тогда Россія. Это предположеніе подтверждается слѣдующимъ дальнѣйшимъ мѣстомъ его проекта: „Надобно только сравнить“, говоритъ Сперанскій, „образъ управленія монархическаго съ управленіемъ нынѣ въ Россіи существующимъ, чтобы удостовѣриться, что никакая сила человѣческая не можетъ сего послѣдняго превратить въ первое, не призвавъ въ содѣйствіе время и постепенное всѣхъ вещей движеніе къ совершенству. Въ настоящемъ порядкѣ вещей мы не находимъ самыхъ первыхъ элементовъ, необходимо нужныхъ къ составленію монархическаго управленія въ самомъ дѣлѣ.“

„Какимъ образомъ можно основать монархическое управленіе по образцу, выше нами предложенному, въ странѣ, гдѣ половина населенія находится въ совершенномъ рабствѣ; гдѣ сіе рабство связано со всѣми почти частями политическаго устройства и съ воинскою системою и гдѣ сія воинская система необходима по пространству границъ и по политическому положенію? Какимъ образомъ можно основать монархическое управленіе безъ государственнаго закона и безъ уложеній ¹⁾? Какимъ образомъ можно постановить государственный законъ и уложеніе безъ отдѣленія власти законодательной отъ власти исполнительной? Какимъ образомъ отдѣлить власть законодательную безъ сословія независимаго, ее составляющаго, и безъ общаго мнѣнія, его поддерживающаго? Какимъ образомъ составить сословіе независимое безъ великаго и можетъ быть опаснаго превращенія всего существующаго порядка съ рабствомъ и безъ просвѣщенія? ²⁾ Какимъ образомъ установить ообщее мнѣніе, сотворить духъ

¹⁾ По объясненію Сперанскаго, „уложеніе означаетъ законъ гражданскій и уголовный (code civil et criminel)“.

²⁾ Первоначально было написано: „безъ великаго и можетъ быть *будущаго* превращенія всего существующаго порядка, *безъ истребленія рабства* и безъ просвѣщенія и почти безъ средствъ къ нему“.

народный безъ свободы тисненія? ¹⁾ Какимъ образомъ ввести или дозволить свободу тисненія безъ просвѣщенія? Какимъ образомъ установить истинную министерскую отвѣтственность тамъ, гдѣ отвѣчать некому и гдѣ отвѣчающій и вопрошающій составляютъ одно лицо и одну сторону? Какимъ образомъ безъ отвѣтственности могутъ быть охранены законы въ исполненіи? Какимъ образомъ можетъ быть обезпечено самое исполненіе безъ просвѣщенія и обилія въ исполнителяхъ? Всѣ сіи вопросы разрѣшить нужно прежде, нежели можно съ нѣкоторою основательностію предположить возможность превращенія настоящаго порядка въ монархическій. Я смѣю быть увѣреннымъ“, говоритъ Сперанскій, „что они не разрѣшны и что одно время разрѣшить ихъ можетъ“.

Поэтому, предлагая сохранить „настоящую самодержавную конституцію государства“, онъ считалъ, по крайней мѣрѣ, необходимымъ ввести „разныя установленія, которыя бы, постепенно раскрываясь, приготовляли истинное монархическое управленіе и приспособляли бы ²⁾ къ нему духъ народный“. Такими учрежденіями, по его мысли, должны были быть сенатъ законодательный и сенатъ исполнительный. Первый долженъ былъ состояться изъ сенаторовъ по назначенію государя; второй—сенатъ исполнительный—до времени раздѣляется на двѣ части—судную и управленія. Судная часть, состоящая изъ двухъ департаментовъ—гражданскаго и уголовнаго—должна была до времени оставаться „на тѣхъ правахъ“, на которыхъ она уже существовала; „часть управленія или сенатъ управляющій“ долженъ былъ состоять изъ министровъ.

Въ законодательномъ сенатѣ министры присутствуютъ только съ совѣщательнымъ голосомъ. Сперанскій говоритъ категорически, что при предлагаемомъ имъ устройствѣ высшихъ органовъ законодательства и управленія, „основанномъ на недѣлимости власти самодержавной“, „ни сенатъ законодательный, ни сенатъ исполнительный не могутъ сдѣлать никакого движенія безъ воли государя“, но онъ выражалъ надежду, что введеніе этой реформы послужитъ подготовкою къ болѣе серьезнымъ измѣненіямъ въ государственномъ строѣ.

„Сей образъ управленія“, говоритъ онъ, „со временемъ“ можетъ удобно „превратиться въ совершенную монархическую систему, приучая народъ взирать на законодательную власть въ нѣкоторомъ наружномъ отдѣленіи: онъ воспитываетъ, такъ сказать, духъ его къ другому порядку вещей. Когда приспѣетъ время, то есть когда развитіемъ просвѣщенія и сопряженіемъ многихъ обстоятельствъ, отъ времени зависящихъ, созрѣетъ возможность лучшаго управленія,

¹⁾ Далѣе зачеркнуто: „безъ публичности актовъ правительства“.

²⁾ Первоначально было написано: „приготовляли бы“.

тогда безъ всякой почти перемѣны и въ тѣ же, такъ сказать, рамы вмѣстится другое устройство, не на видимомъ порядкѣ, но на внутреннемъ и вещественномъ основанное. Тогда надобно только будетъ сенатъ законодательный составить на другой лучшей системѣ ¹⁾, переименовать сенатъ судный высшимъ судомъ и, основавъ его подобно прочимъ частямъ управленія на единствѣ, ввести съ ними въ параллельное положеніе; тогда все превратится въ истинную монархическую систему“.

Въ этомъ послѣднемъ разсужденіи всего интереснѣе зачеркнутое и приведенное нами въ примѣчаніи мѣсто: въ это время Сперанскій очевидно еще колебался, какой системѣ отдать предпочтеніе—болѣе демократической французской системѣ представительства или англійской системѣ съ верхнею палатою изъ наслѣдственныхъ перовъ.

Важнымъ подготовительнымъ шагомъ къ болѣе совершенному государственному устройству Сперанскій считалъ также и то, чтобы „всѣ дѣянія“ сената исполнительнаго „были публикованы; это есть черта не обряда“, поясняетъ онъ, „но монархической конституціи, которую нынѣ же принять можно. Пользы отъ сего установленія неисчислимы. Оно ознакомитъ народъ съ правительствомъ, родитъ общее мнѣніе, просвѣтитъ низшихъ исполнителей, приуготовитъ людей къ дѣламъ, поставитъ министровъ подъ судомъ общаго разума... Можно быть удостовѣреннымъ, что Россія скоро пожелаетъ знать, что дѣлаетъ для нея правительство“.

Какъ мы уже замѣтили, къ сожалѣнію, неизвѣстно, былъ ли представленъ имп. Александру этотъ любопытный трудъ Сперанскаго. Судя по тому, что въ черновой редакціи онъ не оконченъ, скорѣе приходится отрицательно отвѣтить на этотъ вопросъ.

Порученіе составить этотъ трудъ было дано Сперанскому въ 1803 г., а въ іюнѣ 1804 г., послѣ преобразованія комиссіи составленія законовъ, поставленному во главѣ ея лифляндцу, Розенкампу, было дано „прямое и положительное повелѣніе написать, разумѣется, въ тайнѣ отъ публики, проектъ конституціи для Россіи“, и онъ набросалъ „картъ органическаго статута“. Но содержаніе работы Розенкампа до сихъ поръ неизвѣстно.

Что имп. Александра продолжала въ это время сильно запирать мысль объ ограниченіи самодержавной власти, видно изъ письма къ нему проф. Паррота отъ 28 марта 1805 г. послѣ „долгаго разговора“ съ государемъ. „Вы хотите отказаться отъ принадлежащей Вамъ неограниченной власти и дать Вашему народу представительное правленіе“, писалъ Парротъ, стараясь отговорить имп. Александра отъ

¹⁾ Далѣе зачеркнуто: „представленія или первородства“.

исполненія этого намѣренія. Онъ доказывалъ, что Россія не подготовлена къ воспріятію политической свободы потому, что въ ней нѣтъ третьяго сословія, что у насъ не развито уваженіе къ законамъ и что народъ не достаточно просвѣщенъ. „Я убѣжденъ,—продолжаетъ Парротъ,—что Россія придетъ къ тому не ранѣе, какъ черезъ сто лѣтъ, если вообще это безтолковое скопище народовъ и народностей способно къ воспріятію представительнаго правленія“.

Съ осени 1808 г. императоръ Александръ вступилъ въ продолжительное совѣщаніе со Сперанскимъ о политическихъ реформахъ, необходимость которыхъ, какъ убѣжденъ былъ Сперанскій, достаточно назрѣла въ Россіи ¹⁾. Въ этихъ бесѣдахъ было условлено, что задача преобразованія должна состоять въ томъ, чтобы правительство, до

¹⁾ Обширный планъ государственнаго устройства, составленный Сперанскимъ въ 1809 г., къ сожалѣнію, до сихъ поръ не напечатанъ цѣликомъ. Въ печати мы имѣли только нѣкоторые извлеченія изъ него и изложеніе его содержанія, сдѣланныя въ переводѣ на французскій языкъ въ книгѣ Н. И. Тургенева „La Russie et les Russes“, т. III, стр. 292—328. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ хранится подлинная черновая рукопись Сперанскаго, озаглавленная „Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ“. Сравнивая ее съ тѣмъ, что напечатано у Н. Тургенева, мы находимъ, что въ его трудѣ (на стр. 292—296, подъ заглавіемъ: „Extraits de l'introduction au projet d'une organisation constitutionnelle de l'état“) приведены по-французски отрывки изъ этой рукописи (кромя § III, „Sur l'insuffisance et l'incertitude des lois existantes“, котораго въ рукописи нѣтъ). Затѣмъ, начиная со стр. 296, идутъ извлеченія изъ другого труда Сперанскаго, который Тургеневъ называетъ „Projet d'une organisation constitutionnelle de l'état“. Всей первой части этого произведенія („Considérations générales, стр. 296 — 309) мы не находимъ въ рукописи публичной библіотеки; вторая же часть, составляющая общій очеркъ государственныхъ реформъ (изложенная Тургеневымъ на стр. 309—328), опять находится въ рукописи публичной библіотеки. Такимъ образомъ, отсутствуетъ часть труда, которая, вѣроятно, была составлена нѣсколько позднѣе, такъ какъ и по своему направленію она представляетъ нѣкоторые отличія отъ „Введенія къ уложенію государственныхъ законовъ“: именно въ этой части, нѣизвестной намъ только изъ книги Тургенева, чувствуется уже сильное вліяніе англійскихъ аристократическихъ взглядовъ; тутъ рекомендуются и введеніе маіората. Такимъ образомъ, при изученіи личности Сперанскаго и его взглядовъ на государственныя преобразованія, нужно изучать отдѣльно его „Введеніе“ и то, что Тургеневъ называетъ „Проектомъ конституціонной организаціи государства“. Къ сожалѣнію, этого не сдѣлалъ г. Щегловъ въ своемъ трудѣ „Государственный совѣтъ въ Россіи“, т. I, Ярослав. 1892 г., несмотря на то, что онъ пользовался рукописями Сперанскаго,—и вслѣдствіе этого смѣшалъ взгляды Сперанскаго, принадлежащіе къ различнымъ эпохамъ. Г. Шильдеръ въ своемъ трудѣ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“ (1897 г.) изложилъ „Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ“ Сперанскаго (см. т. II, стр. 372—394), но къ сожалѣнію съ опущеніемъ весьма важныхъ мѣстъ и при томъ не по подлинной (хотя и черновой) рукописи, хранящейся въ Публичной Библіотекѣ, а по весьма несправному списку съ искажающими смыслъ ошибками.

тѣхъ поръ самодержавное, основать на непремѣнныхъ законахъ. Главныя черты этого преобразованія должны были состоять въ слѣдующемъ: 1) Законодательное собраніе не будетъ имѣть власти санкціонировать свои собственныя постановленія, но его мнѣнія, совершенно свободныя, должны быть точнымъ выраженіемъ народныхъ желаній. 2) Члены судебного сословія будутъ свободно выбираться народомъ, но надзоръ за соблюденіемъ судебныхъ формъ и охраненіе общественной безопасности будутъ лежать на правительствѣ. 3) Исполнительная власть должна принадлежать правительству, но, чтобы оно не могло исказить или уничтожить законъ, необходимо сдѣлать правительство отвѣтственнымъ передъ законодательнымъ собраніемъ ¹⁾.

Эти общіе принципы были развиты и мотивированы во Введеніи къ уложенію государственныхъ законовъ, составленномъ Сперанскимъ къ осени 1809 г. По плану Сперанскаго, политическія права принадлежать, подъ условіемъ владѣнія собственностью, дворянству и среднему состоянію; къ послѣднему принадлежатъ купцы, мѣщане, однодворцы и всѣ крестьяне, владѣющіе недвижимою собственностью въ извѣстномъ количествѣ. Низшее состояніе, къ которому принадлежатъ помѣщичьи крестьяне, мастеровые, ихъ работники и домашніе слуги, должно имѣть общія гражданскія права, но оно не имѣетъ правъ политическихъ. Переходъ изъ низшаго класса въ средній открытъ всѣмъ, кто пріобрѣлъ недвижимую собственность въ извѣстномъ количествѣ и исполнилъ повинности, которыми былъ обязанъ по прежнему состоянію.

Законодательное собраніе носить названіе „государственной думы“; составляется она слѣдующимъ образомъ.

Каждые три года въ волости изъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимой собственности составляется собраніе, — *волостная дума*, въ которую казенныя селенія посылаютъ одного старшину отъ 500 душъ. Эта волостная дума выбираетъ депутатовъ въ окружную думу

¹⁾ Финляндія, присоединенная къ Россіи въ 1809 г., сохранила свое государственное устройство; въ объявленіи 13/я марта сказано: „Мы пожелаемъ настоящимъ актомъ подтвердить религію и основныя законы страны, равно привилегіи и права, коими каждое сословіе въ названномъ великомъ княжествѣ въ частности и всѣ жители вообще высшаго и низшаго состоянія пользовались до настоящаго времени по конституціи; мы обѣщаемъ сохранить всѣ эти преимущества и законы твердо и неизмѣнно въ полной ихъ силѣ“. Въ 1809 г. на разсмотрѣніе сейма были предложены весьма важныя вопросы, но затѣмъ сеймъ при Александрѣ I болѣе не собирался. *Мехелинъ*. „Конституція Финляндіи“, 1888 г., стр. 88. Срав. бесѣду имп. Александра съ Армфельдомъ о превосходствѣ конституціоннаго порядка надъ неограниченнымъ самодержавіемъ у *Шильдера*, „Биограф. Слов.“, 233.

(губернія дѣлится на 2—5 округовъ). Окружная дума, кромѣ выборовъ членовъ окружнаго совѣта и окружнаго суда, выбираетъ депутатовъ въ губернскую думу, а эта послѣдняя, кромѣ членовъ губернскаго совѣта и губернскаго суда, выбираетъ депутатовъ въ государственную думу изъ обоихъ состояній, имѣющихъ политическія права. Государственная дума собирается ежегодно безъ всякаго созыва. Предложеніе и утвержденіе закона должно принадлежать одной державной власти, но ни одинъ законъ не могъ имѣть силы безъ разсмотрѣнія въ государственной думѣ ¹⁾. Участіе государственной думы требовалось также для изданія постановленій о налогахъ и общихъ повинностяхъ и для продажи и залога государственныхъ имуществъ. Дѣла предлагались государственной думѣ отъ имени державной власти однимъ изъ министровъ или членовъ государственнаго совѣта; но думѣ дозволялось возбуждать представленія о государственныхъ нуждахъ, объ отвѣтственности министровъ и о мѣрахъ правительства, нарушающихъ коренные законы.

Судебная власть была предоставлена въ первыхъ трехъ инстанціяхъ лицамъ выборнымъ. Даже и въ высшей инстанціи, въ сенатѣ, державная власть назначала членовъ не иначе, какъ изъ числа лицъ, внесенныхъ по выборамъ губернскихъ думъ въ государственный избирательный списокъ. Державная власть наблюдаетъ за исполненіемъ формъ и обрядовъ чрезъ предсѣдателей, которые въ двухъ низшихъ инстанціяхъ были выборные, но утверждались въ первой—министромъ юстиціи, а во второй—государственнымъ совѣтомъ, въ сенатѣ же назначались державною властью изъ кандидатовъ, выбранныхъ самимъ сенатомъ. Законъ долженъ былъ опредѣлить, какія дѣла подлежатъ суду присяжныхъ.

Что касается власти исполнительной, то, какъ мы видѣли, Сперанскій устанавливаетъ отвѣтственность министровъ предъ государственною думою ²⁾. Преданіе суду министра могло состояться только съ утвержденія державною властью постановленія о томъ большинства государственной думы. Судъ надъ министрами предоставлялся

¹⁾ „Учрежденія и уставы“ правительство могло издавать собственною властью, но съ отвѣтственностью въ томъ, что они не нарушаютъ закона.

²⁾ Упомянувъ о томъ, что сенатъ не сумѣлъ поддержать принципа отвѣтственности министровъ, какъ это онъ могъ бы сдѣлать на основаніи правъ, предоставленныхъ ему при учрежденіи министерствъ въ 1802 г., Сперанскій дѣлаетъ замѣчаніе, въ высшей степени любопытное для характеристики его тогдашнихъ взглядовъ: объ этомъ „жалѣть нельзя“, такъ какъ въ этомъ случаѣ „образовалось бы сословіе аристократическое, истиннымъ пользамъ Россіи, самому дузу правительства нашего совершенно противное“.

верховному суду, состоящему изъ трети всѣхъ сенаторовъ, изъ всѣхъ членовъ государственнаго совѣта, изъ всѣхъ министровъ и изъ известнаго числа депутатовъ государственной думы. Обязанности прокурора долженъ былъ исполнять министръ юстиціи.

Въ государственномъ совѣтѣ разсматриваются проекты законовъ, уставовъ и учрежденій.

Предполагалось осуществить этотъ планъ въ слѣдующей постепенности: 1 января 1810 г. открыть государственный совѣтъ въ новомъ видѣ, указавъ, какъ предложить къ его преобразованію, приготовленный новый проектъ гражданскаго уложенія и стѣсненное положеніе финансовъ. До 1 мая кончить всѣ преобразованія въ исполнительной части. 1 мая манифестомъ, подобнымъ тому, который былъ изданъ при Екатеринѣ II предъ собраніемъ комиссіи для составленія новаго уложенія, назначить выборъ депутатовъ въ государственную думу подъ предлогомъ разсмотрѣнія того же гражданскаго уложенія, опредѣливъ срокъ ихъ собранія на 15 августа. 1 сентября открыть государственную думу. Начавъ дѣйствія ея съ гражданскаго уложенія, испытать и подготовить известнымъ образомъ депутатовъ, и если не встрѣтятся какихъ-либо непреоборимыхъ препятствій, предложить имъ государственное уложеніе, признаніе котораго и утвердить общеою присягою. Когда такимъ образомъ дума займетъ мѣсто, предназначенное ей въ государственномъ порядкѣ, то приступить и къ устройству судебной части. Сперанскій выражалъ надежду, что если Богъ благословитъ всѣ эти начинанія, то къ 1811 году „Россія воспріимлетъ новое бытіе и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразится“.

1 января 1810 г. былъ открытъ въ преобразованномъ видѣ государственный совѣтъ. Въ манифестѣ по поводу его открытія, послѣ упоминанія о приготовляемомъ изданіи гражданскаго уложенія, императоръ обѣщалъ „по примѣрамъ древняго отечественнаго нашего законодательства, назначить порядокъ, коимъ уложеніе сіе *совокупнымъ разсмотрѣніемъ избраннѣйшихъ сословій* имѣетъ быть уважено (т.-е. обсуждено) и достигнетъ своего совершенства“. Въ государственномъ совѣтѣ должны были между прочимъ разсматриваться ежегодныя смѣты приходовъ и расходовъ и отчеты всѣхъ министерствъ.

Но далѣе не пошло исполненіе указанной выше программы Сперанскаго. При преобразованіи министерствъ въ 1811 году не были осуществлены предположенія Сперанскаго объ отвѣтственности министровъ.

Что касается сената, то Сперанскій предполагалъ образовать сенатъ правительствующій, одинъ для всей имперіи (изъ министровъ, ихъ товарищей и главныхъ начальниковъ отдѣльныхъ управленій) и сенатъ судебный изъ сенаторовъ *по выбору отъ дворянства*, который

долженъ былъ размѣститься по четыремъ судебнымъ округамъ. При разсмотрѣніи этого проекта въ государственномъ совѣтѣ слышались возраженія, что назначеніе сенаторовъ *по выбору* противорѣчитъ духу самодержавія, и этотъ проектъ былъ принятъ большинствомъ и утвержденъ государемъ, но осуществленъ не былъ.

Планы Сперанскаго встрѣтили со стороны многихъ энергическое противодѣйствіе, и выразителемъ мнѣній его противниковъ явился Карамзинъ въ своей „Запискѣ о древней и новой Россіи“, врученной государю 18 марта 1811 г. „Самодержавіе основало и воскресило Россію“, говоритъ Карамзинъ: „съ перемѣною государственнаго устава ея она... должна погибнуть“¹⁾; онъ утверждалъ, что государь не имѣетъ даже права ограничить свою власть, потому что Россія вручила его предку самодержавіе нераздѣльное.

Ровно черезъ годъ послѣ того, какъ Карамзинъ подалъ свою записку имп. Александру, врагамъ Сперанскаго удалось оклеветать его предъ государемъ, и онъ былъ отправленъ въ ссылку²⁾. Ссылка эта имѣла то вліяніе на политическіе взгляды Сперанскаго, что вмѣсто отвращенія къ преобладанію аристократіи, которое онъ положительно высказывалъ въ своемъ трудѣ 1809 г., онъ сталъ искать гарантій противъ произвола въ усиленіи аристократіи.

По этому новому взгляду Сперанскаго, правительство, опирающееся на основные законы, можетъ быть или ограниченою монархіею, или умѣренной аристократіею. Въ ограниченной монархіи необходимо, чтобы высшій классъ наблюдалъ за охраненіемъ закона. Народъ долженъ участвовать въ составленіи если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ законовъ; охраненіе же законовъ онъ ввѣряетъ аристократіи. Образцомъ для устройства этого класса онъ считалъ теперь англійскую аристократію и прямо утверждалъ, что нѣ основаніе его должно быть положено право первородства. При собраніи національнаго конгресса, первые четыре класса чиновъ составятъ верхнюю палату, а остальное дворянство должно засѣдать съ депутатами отъ народа, и одною изъ первыхъ мѣръ конгресса будетъ возстановленіе закона Петра Великаго о первородствѣ съ тѣмъ, чтобы этотъ законъ прилагался лишь ко вновь созданной аристократіи. Между тѣмъ въ своемъ трудѣ 1809 г. Сперанскій писалъ о петров-

¹⁾ Подобное же мнѣніе Карамзинъ высказывалъ въ 1818 г. въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому. „Старина и Новизна“, 1897 г., кн. I, стр. 60.

²⁾ Въ письмѣ къ имп. Александру изъ Нижняго (1812 г.) Сперанскій утверждаетъ, что составленный имъ планъ государственныхъ преобразованій „первая и единственная причина всего съ нимъ случившагося“, но тѣмъ не менѣе выражаетъ надежду, что „рано или поздно государь возвратится къ тѣмъ же основнымъ идеямъ“. *Шильдеръ*, „Биограф. Слов.“, 243.

скомъ законѣ слѣдующее: „По разуму того времени не было еще точнаго понятія о политической свободѣ. *Сие доказывается учрежденіемъ Петра В. (1714 г.) о правѣ первородства. Сие установленіе, совершенно феодалъное, могло бы уклонить Россію на нѣсколько ступей отъ настоящаго ея пути*“.

Слѣдуетъ замѣтить, что Мордвиновъ считалъ необходимыми еще болѣе энергическія мѣры для созданія въ Россіи богатой и могущественной аристократіи, а именно онъ желалъ, чтобы имп. Александръ „раздѣлилъ между знатнѣйшими русскими фамиліями *всѣ казенныя земли*“, слѣдовательно и населенныя. Тогда палата перовъ или лордовъ, составленная изъ членовъ этихъ семействъ, была бы, по мнѣнію Мордвинова, „могущественнымъ элементомъ для утвержденія конституціи“.

Въ одномъ письмѣ изъ Пензы въ маѣ 1818 г. Сперанскій, подобно Мордвинову, задаетъ вопросъ: „кто мететъ лѣстницу снизу?“ Затѣмъ онъ предлагаетъ, очистивъ административную часть, перейти къ свободѣ политической. Для выработки необходимыхъ реформъ Сперанскій совѣтуетъ учредить комитетъ изъ министра финансовъ Гурьева, двухъ-трехъ губернаторовъ (въ томъ числѣ и его самого) и двухъ-трехъ губернскихъ предводителей дворянства ¹⁾.

Но, вмѣсто вызова въ Петербургъ, Сперанскому пришлось отправиться генералъ-губернаторомъ въ Сибирь, и это вновь отразилось на его политическихъ мечтаніяхъ. Въ замѣткахъ, начатыхъ въ Пензѣ въ 1819 г. и оконченныхъ въ Сибири, онъ хотя и говоритъ, что польза законодательнаго сословія „можетъ состоять въ томъ, что правительство, поставивъ себя симъ учрежденіемъ впереди народныхъ желаній, станетъ внѣ опасности всякаго внезапнаго движенія“, но въ то же время признаетъ, что „возможность законодательнаго сословія, сильнаго и просвѣщеннаго, весьма мало представляетъ вѣроятности. Почему одно изъ двухъ: или сословіе сие будетъ простое политическое зрѣлище, или по недостатку свѣдѣній приметъ оно ложное направление“.

Приведемъ еще одно мѣсто изъ записки, составленной Сперанскимъ, по всей вѣроятности, во время пребыванія въ Пензѣ: „Въ монархіи два могутъ быть образа правильнаго гражданскаго законодательства. Одинъ производится содѣйствіемъ большаго *народнаго* совѣта, другой посредствомъ малаго *государственнаго* совѣта. Первый долженъ быть основанъ на публичномъ актѣ государственнаго уложенія и называться конституціоннымъ или представительнымъ, второй учреждается безъ государственнаго уложенія и составляетъ часть по-

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1869 г., стр. 1703.

рядка управления (legislation administrative). Первый образъ законодательства, безъ сомнѣнія, болѣе имѣетъ правильности и твердости, но для Россіи онъ весьма труденъ, а по мнѣнію многихъ, почти и невозможенъ въ исполненіи. Второй образъ законодательства представляетъ менѣе прочности и ручательствъ, но для Россіи онъ несравненно удобнѣе. Въ первомъ образѣ власть государя, дѣйствуя по началамъ и въ видѣ контракта подѣ присягою принятымъ, менѣе зависитъ отъ личныхъ его правилъ и способностей. Во второмъ власть сія, дѣйствуя по началамъ, на одномъ внутреннемъ убѣжденіи, на одной совѣсти государя основанномъ, есть ничто иное, какъ выраженіе или приложеніе личныхъ его правилъ¹⁾.

Несмотря на неувѣренность въ возможности введенія въ Россію конституціоннаго строя, мы все-таки видимъ здѣсь сочувствіе ему со стороны автора записки¹⁾.

Несмотря на отправление въ ссылку Сперанскаго, имп. Александръ не отказался отъ своихъ конституціонныхъ стремленій. По присоединеніи Польши онъ даровалъ ей въ 1815 г. свободу печати и конституцію, на основаніи которой съ монархомъ раздѣляли законодательную власть сенатъ, состоящій изъ членовъ, пожизненно назначаемыхъ государемъ, и камера депутатовъ, избираемыхъ дворянствомъ и городскими общинами²⁾.

¹⁾ Въ декабрѣ 1820 г., т.-е. уже изъ Сибиря, Сперанскій писалъ гр. В. П. Кочубею въ иномъ тонѣ: „Всѣ чувствуютъ трудности управленія какъ въ средоточіи, такъ и въ краяхъ его. Къ сему присовокупляется недостатокъ людей. Тутъ корень зла; о семъ прежде всего должно бы было подумать тѣмъ юнымъ законодателямъ, которые, мечтая о конституціяхъ, думаютъ, что это нововобрѣтенная какая-то машина, которая можетъ идти сама собою вездѣ, гдѣ ее пустать“. Это письмо было отвѣтомъ на письмо Кочубея, въ которомъ тотъ между прочимъ спрашивалъ: „Созрѣли ли мы достаточно, чтобы помышлять намъ о конституціяхъ? Вы лучше знаете теперь губерніи. Что за выборы, что за депутаты! Тутъ-то бы мы увидѣли пресмѣшное представительное собраніе!“ Кочубей еще въ Запискѣ 1814 г. о положеніи имперіи высказывалъ убѣжденіе, что самодержавная форма правленія „есть единая, которая на долгое время свойственна Россіи быть можетъ“. „Общ. Ист. Общ.“, т. 90, стр. 7.

²⁾ Въ депутаты могъ быть избираемъ каждый, платящій 15 р. с. податей, по достиженіи 30-лѣтняго возраста. Избирателями могли быть всѣ достигшіе 21 года собственники, ксензы, профессора и учителя въ общественныхъ заведеніяхъ, нѣвѣстные ученые и артисты. Сеймъ долженъ былъ созываться каждые два года на 30 дней для обсужденія предлагаемыхъ правительствомъ проектовъ законовъ; проекты, принятые обѣими камерами, представлялись на утвержденіе государя. Пять отвѣтственныхъ министровъ подѣ предсѣдательствомъ царскаго намѣстника, составляли совѣтъ управленія. Государственный бюджетъ, составленный совѣтомъ управленія и утвержденный государемъ, долженъ былъ имѣть силу, пока правительство не предложитъ новый.

Въ своей рѣчи, произнесенной на варшавскомъ сеймѣ 15 марта 1818 г., императоръ Александръ сказалъ, что онъ надѣется распространить „спасительное вліяніе“ „законосвободныхъ“ учреждений на всѣ страны, которыя Провидѣніе ввѣрило его попеченію ¹⁾. Черезъ нѣсколько времени государь поручилъ Новосильцову составить проектъ конституціи для Россіи ²⁾, и, подѣ сильнымъ вліяніемъ польской конституціи, имъ была составлена „Государственная уставная грамота Россійской имперіи“. На основаніи этого проекта конституціи народное представительство должно было явиться въ видѣ государственнаго сейма (государственной думы), состоящаго изъ государя и двухъ палатъ; первую, подѣ именемъ высшей палаты, составлялъ бы сенатъ изъ пожизненно-назначаемыхъ членовъ, а вторую, подѣ именемъ посольской палаты,—земскіе послы и депутаты окружныхъ городскихъ обществъ. Государственный сеймъ, по проекту Новосильцова, раздѣляется на частныя сеймы (думы) намістническихъ областей, созываемыя каждыя три года, и на общую государственную думу или сеймъ, созываемый каждыя пять лѣтъ; „законодательная власть заключается въ особѣ государя при содѣйствіи двухъ палатъ государственнаго сейма“, въ которомъ первую палату составляетъ сенатскій департаментъ, а членовъ второй назначаетъ государь изъ числа пословъ и депутатовъ, избранныхъ посольскою палатою каждой намістнической области, но въ количествѣ вдвое меньшемъ сравнительно съ тѣмъ, которое было выбрано. Общій государственный сеймъ разсматриваетъ проекты законовъ, касающихся всей имперіи, которые вносятся отъ имени государя въ государственный совѣтъ. Отъ воли государя зависитъ внести проектъ первона-

¹⁾ *Богдановичъ*, т. V, Прил., стр. 78. Переводъ этой рѣчи, сдѣланный кн. Вяземскимъ, былъ напечатанъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (1818 г. № 26), а затѣмъ и въ журналахъ.

Рѣчь эта произвела въ Россіи глубокое впечатлѣніе: „Варшавскія рѣчи“, писалъ Карамзинъ Н. И. Дмитріеву, „сильно отозвались въ молодыхъ сердцахъ. Спать и видать конституцію, судять, рѣшать, начинаютъ писать“. Въ одной запискѣ о внутреннемъ управленіи въ Россіи, представленной императору въ 1818 г., неизвѣстный авторъ говоритъ: „Многіе внутри государства..., справедливо восхищаясь благими наміреніями государя императора на сеймѣ варшавскомъ изъявленными, заключаютъ, что блаженство наше основано быть должно на тѣхъ конституціонныхъ правахъ, коимъ нѣкоторымъ образомъ Его Императорскимъ Величествомъ обѣщаны были“. „Сборн. историч. матер., извлеченныхъ изъ архива Собств. Его Величества канцеляріи“, вып. VII, изд. подѣ ред. Н. Ѳ. Дубровина. Сиб. 1895, стр. 116.

²⁾ Подѣ руководствомъ Новосильцова этимъ дѣломъ занялся бывшій при немъ французскій юристъ Deschamps; переложеніе французской редакціи на русскую было возложено на кн. Вяземскаго. „Полн. собраніе соч. кн. П. А. Вяземскаго“, II, 86—87.

чально въ сенатъ или посольскую палату, кромѣ проектовъ финансовыхъ законовъ, вносимыхъ прежде непременно въ палату земскихъ пословъ. Проектъ, принятый большинствомъ голосовъ въ одной палатѣ, поступаетъ въ другую, которая должна просто принять его или отвергнуть; проектъ, принятый обѣими палатами, чтобы стать закономъ, долженъ еще быть утвержденъ государемъ. Министры ответственны. Правомъ избранія депутатовъ въ посольскую палату намѣстническаго сейма пользуются только дворяне и городскія общества, но и то они не прямо становятся членами посольской палаты намѣстническаго сейма, а государь назначаетъ въ нее $\frac{2}{3}$ выбранныхъ пословъ и депутатовъ.

Проектъ Новосильцова отличается болѣе аристократическимъ характеромъ, чѣмъ планъ Сперанскаго 1809 г.: вмѣсто одной палаты, являются двѣ, свободное сельское состояніе не пользуется политическими правами. Кромѣ того, державной власти предоставлена возможность значительно вліять на самый составъ какъ общегосударственнаго, такъ и намѣстническихъ сеймовъ ¹⁾.

Конституціонныя теченія проявились не только въ высшихъ сферахъ, но и въ обществѣ, литературѣ и наукѣ. Подобно тому, какъ при Екатеринѣ II былъ изданъ переводъ сочиненія Монтескье „О духѣ законовъ“ и Вяземскаго „Истолкованіе англійскихъ законовъ“ (последнее по повелѣнію самой императрицы), въ царствованіе Александра I было переведено и издано въ 1806 г. съ высочайшаго соизволенія вышедшее въ 1771 г. по-французски сочиненіе Де-Лольма объ англійской конституціи; переводъ былъ посвященъ государю. Переводъ книги Монтескье вышелъ въ двухъ изданіяхъ. Книжки эти проникали даже въ глухіе провинціальныя города. Такъ, по свидѣтельству современника, въ одномъ уѣздномъ городѣ воронежской губерніи въ половинѣ десятихъ годовъ у многихъ жителей, даже куп-

¹⁾ Новосильцовъ прислалъ государю свой проектъ въ Петербургъ гѣ- томъ 1819 г. съ кн. Вяземскимъ, который въ своей „Исповѣди“ говоритъ о себѣ, что онъ былъ преданъ „началамъ законной свободы, началамъ конституціоннаго монархическаго правленія“. Въ бесѣдѣ съ нимъ кн. Александръ сказалъ, что доволенъ этимъ трудомъ, „что привезетъ съ собою доставленныя бумаги въ Варшаву и сообщитъ критическія свои замѣчанія Новосильцову, что надѣется привести непременно это дѣло къ желаемому окончанію, что на эту пору одинъ недостатокъ въ деньгахъ, потребныхъ для подобнаго государственнаго оборота, замедляетъ приведеніе въ дѣйствіе мысль, для него священную; что онъ знаетъ, сколько преобразование сіе встрѣтитъ затрудненій, препятствій, противорѣчій въ людяхъ, коихъ предубѣжденія, легкомысліе приписываютъ сему политическимъ пробѣламъ многія бѣдственныя событія современныя, когда, при безпристрастѣйшемъ изслѣдованіи, люди сіи легко могли бы убѣдиться, что сіи безпорядки истекаютъ отъ причинъ совершенно постороннихъ“. „Полю. Собр. Сочиненій кн. П. А. Вяземскаго“, II, 87—88.

цовъ и мѣщанъ, были коллекціи книгъ серьезнаго содержанія, въ томъ числѣ сочиненія Де-Лольма, Монтескье, Беккариа и Вольтера на русскомъ языкѣ; въ обществѣ живо обсуждались вопросы внѣшней и внутренней политики, и „иные до того увлекались либеральнымъ вѣяніемъ, что даже восхвалялись представительными формами правленія“.

Новыя политически-либеральныя теченія охватили и нѣкоторыхъ университетскихъ профессоровъ, какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ. Таковы были харьковскій профессоръ Шадъ, высланный изъ Россіи въ 1816 г., профессоръ царскосельскаго лицея, а затѣмъ и петербургскаго университета Куницынъ (авторъ запрещеннаго въ 1820 г. сочиненія „Право естественное“), удаленный изъ университета и лицея; наконецъ профессора петербургскаго университета Германъ и Арсеньевъ, обвинявшіеся въ 1821 г. въ томъ, что они отвергали законность верховной власти, вслѣдствіе того, что въ своихъ лекціяхъ они обнаружили нѣкоторое сочувствіе конституціонному образу правленія; они также лишились мѣста, и ихъ сочиненія было недозволено употреблять, какъ руководства въ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ журнальныхъ статьяхъ александровской эпохи также сказывались до поры до времени вѣянія политическаго либерализма. Въ „Санктпетербургскомъ Журналѣ“, официальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, печатались въ 1804—5 гг. между прочимъ статьи „О пользѣ обнародованія отчетовъ“ (изъ Бентама), „О свободѣ книгопечатанія“—изъ Бентама, гдѣ этотъ ученый защищалъ безусловную свободу печати, и многія другія статьи того-же автора, переводная статья „О общественномъ духѣ англичанъ“, гдѣ восхвалялась ихъ общественная свобода и дѣятельность и проч.

Въ 1818 г. въ „Сынѣ Отечества“ появилась статья проф. Куницына „О конституціи“, авторъ которой въ своемъ сочувственномъ отношеніи къ представительному образу правленія опирается на рѣчь государя, произнесенную въ томъ же году на варшавскомъ сеймѣ ¹⁾).

¹⁾ Статья Куницына, съ эпиграфомъ изъ Тита Ливія: „certe id firmissimum longe imperium est, quo obedientes gaudent“, начинается такъ: „Несчастныя опыты Франціи въ преобразованіи своего правительства самое слово Конституція сдѣлали страшнымъ, ибо съ понятіемъ онаго начали совокуплять понятіе о бунтахъ, объ испроверженіи властей законныхъ и о всякихъ неурядицахъ государства“. Въ концѣ статьи авторъ упоминаетъ о дарованіи имп. Александромъ Польшѣ конституціи и приводитъ слѣдующія слова государя изъ рѣчи при открытіи польскаго сейма: „Законосвободныя постановленія, коихъ священныя начала смѣшиваютъ съ разрушительнымъ ученіемъ, угрожающимъ въ наши времена паденіемъ общественному устройству, не суть

Статья Куницына появилась въ 18 № „Сына Отечества“ за 1818 г., вышедшемъ 3 мая, а 14 мая того же года въ предписаніи министра народнаго просвѣщенія было разъяснено, что „обо всемъ, касающемся правительства, можно писать только по волѣ самого правительства, которому лучше извѣстно, что и когда сообщить публикѣ; частнымъ же лицамъ не слѣдуетъ писать о политическихъ предметахъ ни за, ни противъ: и то, и другое нерѣдко бываетъ одинаково вредно, давая поводъ къ различнымъ толкамъ и заключеніямъ“. (Любопытно, что въ томъ же 1818 г. состоялось запрещеніе писать что-либо не только противъ, но и въ защиту крѣпостного права). Впрочемъ, статьи въ защиту неограниченной монархіи иной разъ и послѣ, хотя не всегда, пропускались. Въ 1824 г. запрещено было между прочимъ сочиненіе въ консервативномъ духѣ „Нѣчто о конституціяхъ“, какъ потомъ оказалось, написанное Магницкимъ.

Вольнолюбивыя мечты, бродившія въ обществѣ и особенно среди молодежи, нашли выраженіе въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Пушкина. Таковы: посланіе „къ Чаадаеву“ (1818 г.), „Сказки“ (Noël) (1819 г.), гдѣ авторъ скептически относится къ предположенію, высказанному имп. Александромъ въ Варшавѣ относительно дарованія Россіи конституціи, „Ода вольность“ (1820 г.), которая была одною изъ причинъ его ссылки, „Кинжалъ“ (1821 г.), „Андрей Шенье“ (1825 г.) и нѣкоторыя эпиграммы.

Гражданскіе мотивы были, какъ извѣстно, неотъемлемою принадлежностью и поэзіи Рылѣева. Наиболѣе для насъ интересна „Исповѣдь Наливайки“, напечатанная въ „Полярной Звѣздѣ“ 1825 г., гдѣ высказывается преобладающее настроеніе поэта за послѣднее время его жизни — готовность погибнуть въ борьбѣ за свободу родины ¹⁾).

Наряду съ либеральнымъ теченіемъ русской политической мысли существовало и теченіе консервативное. О запискѣ Карамзина „О древней и новой Россіи“ мы уже упоминали. Наиболѣе грубымъ и невѣжественнымъ представителемъ консервативнаго теченія былъ

мечты опасныя, но напротивъ такіа постановленія, когда приводятся въ исполненіе по правотѣ сердца и направляются съ чистымъ намѣреніемъ къ достиженію полезной и спасительной для человѣчества цѣли, то совершенно согласуются съ порядкомъ и общимъ содѣйствіемъ утверждаютъ истинное благосостояніе народовъ“. Авторъ заканчиваетъ статью слѣдующими словами: „истина проповѣдуется устами владыкъ міра и, подобно небесному свѣту, озаряетъ умы подданныхъ“.

¹⁾ „Сочиненія Рылѣева“, изд. 2-е, 1875 г., стр. 145; В. Якушкинъ. „Новые матеріалы для біографіи К. Ф. Рылѣева“, „Вѣстн. Евр.“ 1888 г., № 12, стр. 591.

масонъ Поздѣевъ. По поводу слуховъ о конституціи онъ написалъ въ 1814 г. записку, въ которой главнымъ образомъ протестуетъ противъ освобожденія крестьянъ, но между прочимъ также и противъ „конституціи“, которыя, по его мнѣнію, приводятъ къ анархіи.

Одинъ украинскій помѣщикъ въ запискѣ по поводу указа 1816 г. объ освобожденіи эстляндскихъ крестьянъ, выразилъ мысль, что „*репрезентація народа*—слово столь же безмысленное, какъ и самая вещь, было неизвѣстна нашимъ предкамъ“, хотя иногда и „собирали лучшихъ людей для совѣщанія о пользахъ царства“; они полагали, что власть должна быть наследственной во всѣхъ ея подраздѣленіяхъ. „Самодержавіе“, говоритъ авторъ, „наследственное самодержавіе отъ монарха и до отца, въ хижинѣ своей повелѣвающего дѣтьми, да будетъ залогомъ нашего блаженства, но да имѣетъ оно законы!“

Мы видимъ, что „непреложныхъ законовъ“ для Россіи требовалъ и Каразинъ въ запискѣ 1801 г., настаивая въ то же время на учрежденіи особаго совѣщательнаго собранія, при помощи котораго государь могъ бы знакомиться съ общественнымъ мнѣніемъ. Въ письмѣ 1801 г. онъ предлагалъ, чтобы эти „старцы“ избраны были всею Россіею. Въ послѣдующіе затѣмъ три—четыре года это собраніе представлялось ему въ видѣ „охранительнаго сената“, который можетъ не только дѣлать государю замѣчанія, но даже большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ останавливать его дѣйствія. Однако, современемъ желанія Каразина становятся неизмѣримо скромнѣе. Въ запискѣ 1820 г., поданной имъ чрезъ Кочубея императору Александру, онъ предлагаетъ составить собраніе, выражающее общественное мнѣніе, изъ дворянъ, имѣющихъ крупную недвижимую собственность, но въ то же время считаетъ преждевременнымъ предоставить дворянству выборъ членовъ этого собранія. Слѣдовательно, это собраніе (какъ и его развѣтвленія въ губерніяхъ) должно было бы составиться по назначенію государя; въ такомъ случаѣ къ нему прилагалось бы то же замѣчаніе, которое авторъ дѣлаетъ относительно государственнаго совѣта, считая его непригоднымъ, по самому его составу, для выраженія общественнаго мнѣнія. О правѣ такого собранія останавливать дѣйствія государя не было уже и рѣчи. Приглашеніе, такъ сказать, свѣдущихъ людей изъ крупнаго дворянства—вотъ къ чему до поры до времени сводились теперь всѣ политическія мечтанія Каразина (конституцій онъ рѣшительно не одобряетъ). При этомъ онъ желаетъ дозволенія всѣмъ дѣлать „въ рпоподданическія представленія“ и „скромно“ выражать свои мнѣнія въ печати. Уровень свободы печати, казавшійся Каразину дозволительнымъ, былъ весьма невысокъ, судя по тому, что онъ считалъ возмутительными и опасными либеральныя статьи, печатавшіяся въ журналахъ того вре-

мени. А между тѣмъ въ томъ-же 1820 г., когда была подана эта записка, ея авторъ былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость и потомъ сосланъ на житье въ деревню съ запрещеніемъ выѣзжать изъ нея и писать къ кому бы то ни было иначе, какъ черезъ мѣстнаго губернатора, что продолжалось до восшествія на престолъ имп. Николая. Императору Александру I могли не поправить-ся рѣзкіе отзывы о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ правительства, намеки на лицъ, приближенныхъ къ государю (напр. Аракчеева) и даже неодобреніе съ консервативной точки зрѣнія „ораторства съ престола“ (намекъ на рѣчь въ Варшавѣ ¹⁾).

Кромѣ лицъ, мечтавшихъ о немедленномъ введеніи конституціи въ Россіи, и такихъ, которыя совершенно отрицали ея необходимость, были люди, жаждавшіе политической свободы, но находившіе, что Россія для нея еще не созрѣла. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежалъ неизвѣстный авторъ отвѣта на записку полковника Фонъ-Визина о необходимости конституціи, составленнаго въ маѣ 1825 г.; впрочемъ, авторъ этого отвѣта вѣритъ, что Россія доживетъ до того времени, когда „младенческій возрастъ ея пройдетъ, силы и разумъ окрѣпнутъ... тогда сами цари даруютъ ей *основные законы*“. Какъ авторъ этого письма, такъ и Н. И. Тургеневъ выдвигали на первый планъ не политическія реформы, а крестьянскій вопросъ.

Какъ бы то ни было, либеральныя въ политическомъ отношеніи идеи быстро распространялись въ обществѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ масса русской военной молодежи побывала за границей въ 1813 — 1815 гг. Для нея очень многое въ современномъ бытѣ Россіи являлось доказательствомъ непригодности существовавшаго у насъ политическаго строя: и крѣпостное право, и тяжелое положеніе солдатъ, и существованіе военныхъ поселеній, и строгости цензуры. Важнымъ доказательствомъ въ этомъ направленіи было и печальное состояніе финансовъ, такъ наглядно обнаруживаемое низкимъ уровнемъ нашего курса. Съ этой послѣдней точки зрѣнія составлена около 1824 г. любопытная записка объ упадкѣ торговли и финансовъ въ Россіи, авторъ которой въ числѣ причинъ печальнаго состоянія нашего курса называетъ „недовѣріе публики къ распоряженіямъ правительства самодержавнаго“, старается доказать, что „са-

¹⁾ Впрочемъ, поводомъ къ аресту Каразина, какъ мы слышали, было подозрѣніе, что имъ составлена была рѣзкая прокламація, найденная въ семеновскомъ гвардейскомъ полку. Подробности о политическихъ взглядахъ Каразина см. въ нашей статьѣ „Нѣсколько словъ о В. Н. Каразинѣ“ въ „Вѣст. Евр.“ 1893 г., № 2.

модержавное правленіе неспособно къ внушенію общаго довѣрія" и утверждаетъ, что Россія могла бы принять „для блага своихъ народовъ форму утѣренной монархіи“.

Въ тайныхъ обществахъ, образовавшихся въ послѣдніе годы царствованія Александра I¹⁾, выдѣлялись два политическихъ теченія: въ сѣверномъ—склонялись къ ограниченной монархіи, въ южномъ—къ республикѣ; первое—теченіе выразилось въ конституціи Никиты Муравьева, второе въ Русской Правдѣ Пестеля. Конституція Муравьева была составлена подъ сильнымъ вліяніемъ англійской конституціи, и пользованіе политическими правами обуславливалось въ ней имущественнымъ цензомъ. Пестеля, напротивъ, не удовлетворяли конституціонныя учрежденія Англіи и Франціи и, какъ говоритъ онъ въ своемъ показаніи, такимъ конституціямъ онъ предпочиталъ даже самодержавіе, при которомъ неограниченность власти видна всѣмъ; въ конституціонныхъ же монархіяхъ, по его мнѣнію, существуетъ та же неограниченность, а обѣ палаты „служать лишь для покрывала“. „Мнѣ казалось“, говоритъ Пестель, „что главное стремленіе нынѣшняго вѣка состоитъ въ борьбѣ между массами народными и аристократіями всякаго рода, какъ на богатствѣ, какъ и на происхожденіи основанными“. Онъ полагалъ, что эти „аристократіи сдѣлаются наконецъ сильнѣе самого монарха, какъ въ Англіи, что онѣ составляютъ главное препятствіе государственному благоденствію и могутъ быть устранены однимъ лишь республиканскимъ строемъ правленія“²⁾.

Законодательная власть, по проекту Пестеля, принадлежала состоящему изъ депутатовъ народному вѣчу, исполнительная — державной думѣ изъ 5 депутатовъ. Кромѣ этихъ двухъ властей, въ „Русской Правдѣ“ Пестеля предполагалось еще „блюстительное сословіе“, называемое „верховнымъ соборомъ“ изъ 50 (по другимъ свѣдѣніямъ 120) членовъ, избираемыхъ народомъ на всю жизнь и называемыхъ *боярами*; они должны удерживать законодательную и исполнительную власти въ предѣлахъ законности. Никакой законъ, изданный народнымъ вѣчемъ, не можетъ быть приведенъ въ исполненіе державною думою безъ утвержденія верховнымъ соборомъ. Всѣ сословія уничтожаются и сливаются въ одно сословіе гражданъ. Земля въ волостяхъ раздѣляется на участки, и каждому гражданину

¹⁾ Еще въ 1821 г. въ запискѣ, составленной Бенкендорфомъ, государь имѣлъ самыя подробныя свѣдѣнія о тайныхъ обществахъ, но онъ сказалъ: „Я раздѣлялъ и поощрялъ эти плыви и заблужденія. Не мнѣ принимать суровыя мѣры“. Шильдеръ, „Биограф. Слов.“, 368, срав. 377, 380.

²⁾ *Богдановичъ*. „Истор. царств. Имп. Александра I“, т. VI, 446—449.

дается одинъ изъ участковъ, остающаяся же отъ раздачи земля составляетъ имущество всей волости и отдается въ наемъ, но не болѣе какъ на одинъ годъ. Изъ этого видно, что въ планахъ Пестеля былъ уже элементъ социалистическій.

Въ случаѣ успѣха возстанія 14 декабря предполагалось учредить временное правительство и затѣмъ созвать депутатовъ со всей Россіи.

Разсматривая взаимное отношеніе конституціонныхъ и аболіціонистскихъ стремленій въ царствованіе имп. Александра I, мы встрѣчаемъ, во-первыхъ, либераловъ, желающихъ введенія конституціи ранѣе освобожденія крестьянъ, но признающихъ и необходимость постепеннаго уничтоженія крѣпостного права. Самымъ виднымъ представителемъ этого направленія является Сперанскій, который протестовалъ противъ безземельнаго освобожденія крестьянъ безъ переходныхъ мѣръ въ смыслѣ ограниченія крѣпостного права. По мысли Сперанскаго, крестьянская реформа должна представлять два періода: въ первый—крестьяне, посредствомъ опредѣленія ихъ повинностей и нѣкоторыхъ другихъ мѣръ, превращаются изъ крѣпостныхъ въ прикрѣпленныхъ къ землѣ, и только во второй періодъ крестьянамъ возвращается ихъ древнее право свободного перехода. Ограниченіе крѣпостного права было, по мнѣнію Сперанскаго, въ пору наибольшаго его вліянія, дѣломъ не столь настоятельнымъ, какъ реформы политическія, но позднѣе, какъ мы видѣли, онъ разочаровался въ возможности этихъ послѣднихъ.

Въ царствованіе имп. Александра мы встрѣчаемъ много такихъ лицъ, которыя желали одновременно дарованія и конституціи, и свободы крестьянамъ; таковы были весьма многіе члены тайнаго общества, хотя далеко не всѣмъ имъ была ясна необходимость освобожденія крестьянъ съ землею.

Въ конституціи, найденной въ бумагахъ кн. Трубецкаго, упоминалось объ уничтоженіи крѣпостного права; предполагалось, что временное правительство выработаетъ основныя начала освобожденія крестьянъ. Декабристъ Якушкинъ думалъ освободить крестьянъ только съ усадьбою землею. Въ „Русской Правдѣ“ Пестеля мы встрѣчаемъ мысль объ освобожденіи крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ, который долженъ былъ быть достаточнымъ, судя потому, что онъ, повидимому, предполагалъ предварительное предоставленіе всей земли въ распоряженіе государства. Рылѣевъ также стоялъ за надѣленіе крестьянъ не только усадьбою, но и полевою землею. Что касается молодыхъ людей предыдущаго поколѣнія, а именно членовъ неофициальнаго комитета, то вмѣстѣ съ стремленіемъ къ политическимъ реформамъ они обнаруживали либеральныя мнѣнія и по кре-

стьянскому вопросу, причемъ особенно графъ Строгановъ доказывалъ неотложность мѣръ въ пользу крѣпостныхъ; но они не формулировали подробно своихъ мнѣній по крестьянскому дѣлу, указывая на первый случай лишь нѣкоторые мѣры для ограниченія крѣпостного права. Кочубей въ 1819 г. выражалъ желаніе общей перемѣны въ положеніи крестьянъ, но также не разъяснилъ своей мысли подробно. Если Новосильцовъ въ „Уставной грамотѣ“ не касается вопроса объ уничтоженіи крѣпостного права, то это объясняется, во первыхъ, тѣмъ, что по его проекту все сельское населеніе не пользуется политическими правами, и потому онъ могъ полагать, что ему нѣтъ повода касаться здѣсь этого вопроса, а во-вторыхъ, тѣмъ, что его „Уставная грамота“ была сколкомъ съ польской конституціи 1815 г., а въ Польшѣ въ это время крѣпостное право было уже уничтожено. Слѣдуетъ замѣтить, что въ концѣ второго десятилѣтія XIX вѣка было довольно распространено мнѣніе, обуславливавшее освобожденіе крестьянъ дарованіемъ конституціи.

Въ противоположность Сперанскому, мы встрѣчаемъ среди лицъ либеральнаго образа мыслей и такихъ, которыя, желая и политическихъ преобразованій, и освобожденія крестьянъ, отводили первое мѣсто крестьянской реформѣ, полагая, что самодержавная власть можетъ сослужить полезную службу народу въ дѣлѣ уничтоженія крѣпостного права, и что „недозволительно думать о политической свободѣ“ тамъ, гдѣ несчастные крестьяне „не знаютъ простой человеческой свободы“. Самымъ виднымъ и талантливымъ представителемъ этого направленія былъ Н. И. Тургеневъ. Предлагая рядъ мѣръ для ограниченія крѣпостного права, Тургеневъ желалъ совершеннаго его упраздненія, допуская, къ сожалѣнію, и безземельное освобожденіе крестьянъ. Онъ выдвинулъ на первый планъ крестьянскій вопросъ въ обществѣ декабристовъ.

Мы встрѣчаемъ однакоже и такихъ либераловъ-конституціоналистовъ, которые въ то же время были крѣпостниками: таковъ былъ Мордвиновъ. Онъ желалъ раздачи всѣхъ казенныхъ земель знатнѣйшимъ русскимъ фамиліямъ для созданія въ Россіи богатой и могущественной аристократіи, которая должна была, по его мнѣнію, положить предѣлы самодержавной власти; онъ протестовалъ противъ всякаго ограниченія крѣпостного права, допуская лишь назначеніе разнѣра выкупа за освобожденіе крестьянъ по одиночкѣ, но и то на крайне тяжелыхъ условіяхъ.

Рядомъ съ либералами разныхъ оттѣнковъ мы видимъ консерваторовъ, какъ въ политическомъ, такъ и въ социальномъ отношеніи. Карамзинъ въ „Запискѣ о древней и новой Россіи“ обнаружилъ самые крѣпостническіе взгляды и возставалъ даже противъ запре-

щенія торговли рекрутами, соглашались лишь на то, чтобы „подъ рукою“ были приняты мѣры для обузданія жестокихъ помѣщиковъ. Массонъ Поздѣвъ высказывается и противъ „конституцій“, и противъ малѣйшаго ослабленія помѣщичьей власти.

Были, наконецъ, и такія лица, которые, протестуя противъ введенія конституціи, желали не освобожденія крестьянъ, а ограниченія крѣпостного права; такъ В. Н. Каразинъ, политическія мнѣнія котораго мы характеризовали выше, желалъ обращенія крѣпостного права въ прикрѣпленіе къ землѣ, но предоставлялъ это усмотрѣнію самихъ помѣщиковъ и вооружался противъ ограниченія крѣпостного права мѣрами правительства. Напротивъ, неизвѣстный украинскій помѣщикъ, о которомъ мы также упоминали, желалъ общихъ правительственныхъ мѣръ въ пользу крѣпостныхъ, но рѣзко высказывался противъ безземельнаго освобожденія крестьянъ въ Эстляндіи, утверждая, что „земля есть собственность народа наравнѣ съ помѣщиками“, что „помѣщики были всегда только распорядителями земли“.

Что касается центральной фигуры всей этой эпохи—имп. Александра I, постоянно указывавшаго, особенно до 1815 г., на необходимость политическихъ реформъ въ Россіи, то относительно крестьянскаго вопроса онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что слѣдуетъ предпочесть: обращеніе крѣпостного права въ прикрѣпленіе къ землѣ или постепенное, по губерніямъ, безземельное освобожденіе крестьянъ.

Переходя къ обзору общаго хода развитія крестьянскаго вопроса въ Александровскую эпоху и отмѣчая въ немъ самыя выдающіяся черты, мы должны прежде всего замѣтить, что законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ 1803 г., несмотря на небольшое количество освобожденныхъ на основаніи его крестьянъ, имѣлъ въ высшей степени важное значеніе, такъ какъ преграждалъ помѣщикамъ возможность безземельнаго освобожденія крестьянъ цѣлыми вотчинами. Весьма важнымъ фактомъ въ исторіи крестьянскаго вопроса въ эту эпоху была задача вольнаго экономическаго общества на 1812 г. о сравнительной выгодности крѣпостного и вольнонаемнаго труда, поддержанная пожертвованіемъ имп. Александра I; она содѣйствовала распространенію среди помѣщиковъ мысли, что для нихъ самихъ можетъ быть при извѣстныхъ условіяхъ выгоднымъ уничтоженіе крѣпостного права.

Самую характерною чертою въ исторіи крестьянскаго вопроса въ эпоху имп. Александра I слѣдуетъ считать то, что мысль о выгоде для помѣщиковъ безземельнаго освобожденія крестьянъ значительно усиливается и во вторую половину этого царствованія

поддерживается примѣромъ Остзейскаго края. Лицъ, сознававшихъ, что необходимо освободить крестьянъ не иначе, какъ съ землею, было въ эту эпоху еще весьма немного. Въ виду этого нельзя не признать крайне вредными для развитія крестьянскаго вопроса цензурныя стѣсненія, а затѣмъ и окончательное запрещеніе въ 1818 г. печатать статьи и отдѣльныя сочиненія не только противъ, но и въ защиту крѣпостного права, тѣмъ болѣе, что даже написанныя съ консервативной точки зрѣнія статьи противъ безземельнаго освобожденія послужили бы на пользу крестьянъ. Для ослабленія крѣпостного права правительствомъ было сдѣлано весьма мало въ царствованіе Александра I; наиболѣе важными мѣрами въ этомъ отношеніи слѣдуетъ считать прекращеніе пожалованія населенныхъ имѣній въ полную собственность, указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ и запрещеніе помѣщикамъ отдавать своихъ крѣпостныхъ въ каторжную работу.

14-го декабря 1825 г. либеральныя мечтанія русскаго общества потерпѣли рѣшительное крушеніе. Императоръ Николай, въ противоположность своему старшему брату, не только никогда не выражалъ желанія ограничить самодержавіе въ Россіи, но и вообще высказывалъ полнѣйшее несочувствіе конституціонному образу правленія. Польская конституція послѣ возстанія 1831 г. была уничтожена; финляндскій сеймъ во все его царствованіе ни разу не собирався (какъ не собирався, впрочемъ, послѣ 1809 г. и въ царствованіе Александра I). Имп. Николай не разъ говорилъ, что онъ понимаетъ монархію и республику, но не можетъ понять конституціоннаго правленія.

Рѣзкое противорѣчіе своимъ взглядамъ имп. Николаю пришлось услышать лишь въ первые дни его царствованія во время перваго допроса декабристамъ, которые не боялись отстаивать предъ государемъ свои убѣжденія. Что касается сановниковъ-либераловъ, то они стали высказываться теперь совершенно въ иномъ тонѣ, чѣмъ прежде. Особенно любопытна въ этомъ отношеніи совершенная перемѣна взглядовъ Мордвинова. Въ обширной запискѣ, поданной имъ имп. Николаю, онъ между прочимъ говоритъ: „Въ Россіи умствованія и толки о конституціи происходили со стороны тѣхъ, кои, бывъ нѣсколько въ свѣтѣ и начитаны, полагали себя чрезвычайно умными, хотя и весьма далеко того не достигали, ибо, не имѣя никакихъ опытовъ, не умѣли ни мыслить здраво, ни судить о вещахъ глубоко, ниже примѣнить оныя къ обстоятельствамъ, образу мыслей, характеру жителей и мѣстному положенію“. Конституція въ такой обширной странѣ, какъ Россія, по мнѣнію Мордвинова, „образовала бы правленіе аристократическое, а изъ сего послѣдовала бы неминуемо

анархія, изъ коего послѣ разореніе общее и раздробленіе государства". Мордвиновъ полагалъ теперь, что *„ничего столь не вредно, какъ власть, данная аристократамъ; они закона не любятъ или желаютъ быть выше закона, гдѣ же поселать и распространять свою власть, тамъ государство должно прійти къ паденію... Подтверждается опытомъ цѣлаго міра и чрезъ многіе вѣка, что ни одно великое государство не можетъ держаться, а еще менѣе быть сильнымъ и могущественнымъ безъ самодержавной монархической власти“*. Рѣзкими нападками на конституціонные планы съ аристократическимъ отгѣнкомъ, которымъ Мордвиновъ еще недавно выражалъ горячее сочувствіе, онъ, вѣроятно, хотѣлъ уничтожить то подозрѣніе, которое могло быть вызвано его знакомствомъ съ нѣкоторыми декабристами, и тѣмъ сочувствіемъ, которое многіе изъ нихъ выражали къ его личности.

Главный представитель политическаго либерализма въ высшихъ сферахъ въ предшествующую эпоху, М. М. Сперанскій, какъ мы видѣли, сталъ еще во время генераль-губернаторства въ Сибири сомнѣваться въ осуществимости своихъ прежнихъ мечтаній. Теперь, въ царствованіе имп. Николая, онъ былъ уже совершеннымъ монархистомъ; въ немъ также исчезло и сочувствіе къ аристократіи. Въ одной изъ своихъ бесѣдъ „О законахъ“ съ наследникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ (въ началѣ 1836 г.), Сперанскій высказалъ, что „тамъ, гдѣ существуетъ чистая форма монархическая, нѣтъ никакихъ основательныхъ причинъ, нѣтъ матеріальныхъ выгодъ для народа переходить въ форму смѣшанную“ (т.-е. такую, гдѣ государь раздѣляетъ державную власть съ парламентомъ), „даже и тогда, когда бы переходъ сей могъ быть совершенъ безъ потрясенія. Частныя пользы нѣкоторыхъ классовъ народа“ (тутъ Сперанскій разумѣетъ „классъ родовой знаменитости, классъ промышленный, классъ наукъ и знаній“) не суть истинныя пользы всего народа и часто даже бываютъ имъ противоположны“.

Между тѣмъ какъ въ царствованіе Александра I либеральныя идеи были чрезвычайно распространены и громко высказывались въ обществѣ, въ царствованіе Николая I онѣ были какъ будто вовсе изъяты изъ обращенія. Но что идеи эти вовсе не были вырваны съ корнемъ, доказываетъ свидѣтельство академика Паррота, того самаго Паррота, который въ 1805 г. отговаривалъ Александра I отъ ограниченія самодержавной власти. Въ 1830 г. онъ писалъ имп. Николаю: „Я понимаю Ваше тяжелое положеніе и поводъ къ опасеніямъ: Вашъ народъ, по крайней мѣрѣ дворянство, военные и гражданскіе чины стремятся къ представительному правленію. И время то пришло гораздо скорѣе, чѣмъ я думалъ. Умоляю Васъ, Ваше Величество, во

имя человечества и Вашей безопасности, предупредите тотъ моментъ, когда отъ Васъ могутъ потребовать больше, чѣмъ Вы въ состояніи дать. Преобразуйте Государственный Совѣтъ на тѣхъ основаніяхъ, какъ я имѣлъ честь докладывать... Впрочемъ, благоденствіемъ была бы реформа Вашихъ министерствъ. Необходимо произвести революцію сверху, но постепенно и сообразуясь съ нравственными потребностями Вашего народа" ¹⁾).

Но внѣшніе условія были слишкомъ неблагоприятны для распространенія либеральныхъ идей въ царствованіе имп. Николая.

Уцѣлѣвшіе отъ погрома 1825 г. и сохранившіе свои прежніе взгляды представители русскаго политическаго либерализма не имѣли возможности высказываться въ русской печати, и потому ихъ либеральныя воззрѣнія могли пайти выраженіе лишь въ сочиненіяхъ, вышедшихъ за границей.

Впрочемъ, единственнымъ трудомъ, въ которомъ русскій политическій либерализмъ получилъ довольно полное выраженіе, было сочиненіе Н. И. Тургенева „La Russie et les Russes" (1847 г.).

Въ третьей части этого сочиненія, посвященной „будущему Россіи", авторъ протестуетъ, такъ же, какъ и въ эпоху Александра I, противъ дарованія политической свободы ранѣе освобожденія крестьянъ, а затѣмъ представляетъ обширный планъ реформъ, которыя раздѣляетъ на двѣ категоріи: 1) такихъ, которыя возможны при существованіи самодержавія, и 2) входящихъ въ составъ необходимыхъ, по его мнѣнію, политическихъ реформъ. Къ первой категоріи онъ относитъ освобожденіе крестьянъ, которое ставитъ на первомъ мѣстѣ; затѣмъ слѣдуютъ устройство судебной части со введеніемъ суда присяжныхъ и уничтоженіемъ тѣлесныхъ наказаній, устройство административной части на основѣ выборнаго начала съ установленіемъ децентрализаціи, расширеніе свободы печати и пр. Ко второй категоріи, т.-е. къ числу принциповъ, которые должны быть освящены основнымъ русскимъ закономъ, Тургеневъ относитъ равенство передъ закономъ, свободу слова и печати, свободу совѣсти, представительную форму правленія (причемъ онъ отдаетъ предпочтеніе установленію одной камеры и считаетъ совершенно несоотвѣт-

¹⁾ „Русская Стар." 1895 г., № 4, стр. 209. Бенкендорфъ въ 1832 г. такъ же „не отрицалъ, что въ Россіи существуетъ значительный запасъ либерализма". „Замѣтки Герлаха". Рус. Стар. 1892 г., № 4, стр. 71. По словамъ Никитенко (1880 г.), „въ образованной части общества все сильнѣе возникаетъ духъ противодѣйствія".

ствующими условіями нашего быта стремленія водворить у насъ аристократію); ко второй категоріи онъ причисляетъ также отвѣтственность министровъ и независимость судебной власти. Выборы въ „Народную думу“ Тургеневъ предполагаетъ устроить такимъ образомъ: онъ считаетъ достаточнымъ, чтобы при 50-ти миллионномъ населеніи Россіи былъ миллионъ избирателей, которые распредѣлялись бы между 200 избирательными коллегіями. Избирателями, по плану Тургенева, могутъ быть ученые и всѣ занимающіеся общественнымъ воспитаніемъ и обученіемъ, всѣ чиновники, начиная съ извѣстнаго разряда, всѣ занимающіе должности по выбору, офицеры, художники, имѣющіе мастерскія и учениковъ, купцы, фабриканты, наконецъ, ремесленники, имѣющіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мастерскую. Что касается права быть избирателемъ на основаніи владѣнія поземельною собственностью, то авторъ предполагаетъ установить извѣстный размѣръ ея, неодинаковый въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Дома извѣстной цѣнности также должны давать право быть избирателями. Объ участіи крестьянскихъ общинъ въ избраніи депутатовъ въ народную думу авторъ не упоминаетъ, но оговаривается, что духовенство не должно быть лишено избирательнаго права. Для того, чтобы быть избраннымъ, нужно имѣть извѣстный возрастъ, напр., не менѣе 25 лѣтъ.

Н. И. Тургеневъ, благодаря своему пребыванію за границей, сохранилъ свои прежніе либеральные взгляды, но большинство общества съ восшествіемъ на престолъ имп. Николая настроилось на иной ладъ. Это измѣненіе общественнаго настроенія отразилось и на нашемъ гениальномъ поэтѣ. Пушкинъ сохранялъ и въ это время сочувственное воспоминаніе о декабристахъ, со многими изъ которыхъ онъ былъ лично знакомъ, и это сочувствіе выражалось въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ начала николаевской эпохи ¹⁾, но въ то же время онъ желалъ, по его собственнымъ словамъ, „вполнѣ и искренно помириться съ правительствомъ“, и потому ему приходилось считаться съ новымъ настроеніемъ высшихъ сферъ. Признавая „необъятную силу правительства, основанную на силѣ вещей“, Пушкинъ полагалъ, что главную силу самодержавія въ Россіи составляло то, что наше правительство идетъ „впередъ“ общества „на поприщѣ образованія и просвѣщенія“. Кромѣ того, самую важную функцію самодержавія Пушкинъ считалъ смягченіе суровости закона. „Нужна высшая милость, смягчающая законъ“, а для того-то и нужно „чтобы одинъ изъ насъ сталъ выше всѣхъ и даже выше самого закона“, при

¹⁾ Сочиненія Пушкина, изд. Общ. для пособія нужд. литер., II, 3, 11, 15.

чемъ Пушкинъ упустилъ изъ виду, что и при конституціонной формѣ правленія государь пользуется правомъ помилованія ¹⁾).

Гоголь шелъ далѣе Пушкина, приписывая идеалу монарха „доблести высшія, приближающія человека прямо къ Богу“. По словамъ автора „Переписки съ друзьями“, „власть государя—явленіе безсмысленное, если онъ не почувствуетъ, что долженъ быть образомъ Божиимъ на землѣ“.

Жуковский вѣрилъ въ то, что „судьба Россіи заключается въ развитіи самодержавія,... самодержавія, которое, опираясь на Божию правду, вѣрнѣе всѣхъ бумажныхъ конституцій приведетъ народъ русскій безъ всѣхъ потрясеній, медлительнымъ путемъ законности, къ той цѣли, къ которой всѣ земные народы стремятся, къ свободѣ“, которая, по опредѣленію Жуковского, „не что иное, какъ личное благоденствіе *всѣхъ* и *каждою*, хранимое *властію*, не жертвуемое призраку благоденствія *общаю*, а его въ своемъ итогѣ производящее“.

Славянофилы, какъ извѣстно, были искренними защитниками самодержавія и отрицали конституціонную форму правленія. По извѣстному выраженію К. Аксакова, „гарантія не нужна! Гарантія есть зло... Вся сила въ идеалѣ... Что значать условія и договоры, какъ скоро нѣтъ силы внутренней?“ Но, полагая, что правительству должна принадлежать, по выраженію К. Аксакова, „сила власти“, неограниченное право дѣйствія и закона, славянофилы въ то же время утверждали, что землѣ должна быть всецѣло предоставлена „свобода мнѣнія и слова“. Отсюда ихъ горячее сочувствіе земскимъ соборамъ въ древней Руси, отсюда ихъ вдохновенные дириамбы свободному слову. „Полная свобода слова устнаго, письменнаго и печатнаго—всегда и постоянно, и земскій соборъ въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство захочетъ спросить мнѣнія страны“,—такъ кратко формулировалъ К. Аксаковъ свое *profession de foi* въ 1855 г.

Если политическій либерализмъ въ царствованіе имп. Николая почти совершенно утрачиваетъ прежнее общественное значеніе, за то постепенно усиливается другое, идущее съ запада, теченіе, а именно социалистическое. Весьма опредѣленные задатки социалистическаго міросозерцанія мы видѣли еще въ Пестелѣ. Уже въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ вліяніе сенъ-симонизма обнаружилось

¹⁾ Пушкинъ сочувствовалъ, однако, мысли о созваніи земскаго собора въ Россіи, но лишь послѣ освобожденія крестьянъ. „Я не за парламентаризмъ въ Россіи“, говоритъ онъ въ письмѣ Смирновыхъ, „а скорѣй за генеральныя штаты, отъ времени до времени; но всѣ преобразованія должны ожидать освобожденія крестьянъ: это пока единственная важная реформа, остальные придутъ послѣ, въ силу вещей“. Записки А. О. Смирновой въ „Сѣвер. Вѣстн.“ 1893 г., № 12, стр. 280.

въ юномъ кружкѣ, во главѣ котораго стоялъ Герценъ и въ которомъ участвовалъ Огаревъ, но взгляды его членовъ еще колебались между социализмомъ и политическимъ радикализмомъ. Къ началу сороковыхъ годовъ взгляды Герцена получаютъ окончательно социалистическую окраску; съ нимъ сближается по своимъ воззрѣніямъ и Вѣлинскій. Сочиненія Фурье, Луи-Блана и другихъ, болѣе или менѣе единомышленныхъ съ ними писателей усердно изучаются, какъ членами этого кружка, такъ и вообще петербургскою молодежью. Социалистическія вѣянія сказались также въ кружкѣ Петрашевскаго. Отрицательное отношеніе многихъ петрашевцевъ къ конституціонализму, подкрѣпляемое отсутствіемъ въ то время въ Европѣ всеобщей подачи голосовъ и высокимъ избирательнымъ цензомъ, выразилось и въ печати (въ „Карманномъ словарѣ иностранныхъ словъ“), и въ откровенныхъ бесѣдахъ между молодыми пріятелями. Въ „Словарѣ иностранныхъ словъ“, въ которомъ постоянно попадаются ссылки на сочиненія Овена, Сенъ-Симона, Вазара и Афанасена, Фурье, Каба и Прудона, мы встрѣчаемъ выходки противъ конституціонной формы правленія, которую составители называютъ „аристократіею богатства“. Въ откровенныхъ бесѣдахъ на собраніяхъ у Петрашевскаго, Кашкина и друг. одни изъ членовъ этихъ кружковъ прямо высказывались за республику, другіе допускали, какъ переходную форму, конституціонное правленіе, для третьихъ конечнымъ идеаломъ было совершенное исчезновеніе европейскаго государственнаго строя съ его министрами, государями, войскомъ и столицами и замѣна его небольшими общинами по плану Фурье ¹⁾).

Социалистическія вѣянія стали настолько усиливаться, что правительство нашло нужнымъ принять противъ нихъ свои мѣры. Кружокъ петрашевцевъ подвергся суровому разгрому, хотя весь социализмъ его членовъ, въ примѣненіи къ русской дѣйствительности, сводился къ требованію гласнаго судопроизводства, уничтоженія крѣпостного права и свободы печати. Социалистическія вліянія имѣлись въ виду и при учрежденіи въ 1848 г. особаго комитета для наблюденія за русскою печатью. М. А. Корфъ, входившій въ составъ его, нѣсколько позднѣе отзывался, что въ 1848 г. комитетъ „былъ необходимъ, чтобы оградить“ Россію „отъ социализма, прорывавшагося во многихъ выходкахъ и даже статьяхъ извѣстныхъ лицъ“. Наиболѣе ретивый членъ этого комитета, Бутурлинъ, выражалъ готовность, по

¹⁾ Подробности о кружкѣ петрашевцевъ см. въ моей книгѣ „Крестьянскій вопросъ въ Россіи“ т. II, стр. 370—385 и въ моей статьѣ „Крестьянскій вопросъ въ произведеніяхъ Салтыкова“ въ „Сборн. правовѣднія и общественныхъ знаній“, т. I, глава 1-я.

свидѣтельству Пирогова, наложить запрещеніе и на Евангеліе, если въ немъ найдется что-либо противоправительственное.

Соціализмъ вызывалъ, впрочемъ, не только правительственное противодѣйствіе, но и протесты какъ со стороны консерваторовъ, такъ и со стороны либераловъ. Жуковскому въ 1848 г. казалось, что теперь, „дѣло идетъ... просто объ уничтоженіи различія между *твоей* и *моей*, или правильнѣе сказать о превращеніи *твоего* въ *мое*“. Несочувствіе соціализму выражалось и въ либеральной средѣ. Такъ Герцену приходилось вести горячіе споры съ Граповскимъ, относившимся отрицательно къ соціалистическимъ ученіямъ и считавшимъ соціализмъ вреднымъ въ томъ отношеніи, что онъ приучаетъ отыскивать разрѣшеніе задачъ общественной жизни не на политической аренѣ, а въ сторонѣ отъ нея, чѣмъ и себя, и ее подрываетъ. Нѣкоторые члены западнаго кружка считали и теоретически односторонними, и практически вредными, несвоевременными горячія филиппики Герцена противъ буржуазнаго политическаго и общественнаго строя въ его „Письмахъ изъ Avenue Maigny“, напечатанныхъ въ „Современникѣ“ въ концѣ 1847 г.¹⁾ Въ томъ же самомъ году нашъ старый, заслуженный либераль Н. И. Тургеневъ, считавшій утопіею еще соціалистическія мечты Пестеля, сдѣлалъ въ своей книгѣ „La Russie et les Russes“ выходку противъ соціализма съ экономической точки зрѣнія въ защиту свободной конкуренціи и обозвалъ тѣхъ, которые стремятся къ „организаціи труда“, — „католиками промышленности“, потому что они, по его мнѣнію, желаютъ приложить къ промышленности католическіе принципы „власти и единообразія“.

Такимъ образомъ, кромѣ направленій консервативнаго и либеральнаго въ политическомъ смыслѣ, въ николаевскую эпоху явилось еще теченіе соціалистическое. Среди монархистовъ были люди самыхъ разнообразныхъ мнѣній по крестьянскому вопросу, отъ возведенія Уваровымъ крѣпостного права въ догматъ нашей политической религіи²⁾ и консерватизма Гоголя до искренняго желанія уничтоженія крѣпостного права. Либераль Н. И. Тургеневъ предъявлялъ весьма умѣренныя требованія въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Онъ готовъ былъ примириться даже съ дарованіемъ имъ одной личной свободы или, точнѣе сказать, съ надѣленіемъ крестьянъ одними усадѣбными землями. Правда, онъ допускалъ и освобожденіе съ землею, но предоставлялъ крестьянину лишь одну десятину на душу, т.-е. тотъ нищенскій надѣлъ, который, допущенный положеніемъ 19

¹⁾ Срав. взгляды В. П. Боткина въ книгѣ „Анненковъ и его друзья“, Спб. 1892 г. стр. 542, 551.

²⁾ Н. Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, т. IV, 98, IX, 306.

февраля, привелъ къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ. Только въ случаѣ появленія особыхъ обстоятельствъ, „настоятельно требующихъ“ быстрого и окончательнаго освобожденія крестьянъ, Н. И. Тургеневъ готовъ былъ допустить предоставленіе крестьянамъ трети или четверти помѣщичьихъ пахотныхъ земель и луговъ. Заслугу Тургенева для своего времени составляетъ то, что онъ доказываетъ невозможность вознагражденія помѣщиковъ ни за усадебныя земли крестьянъ, ни за отводимыя имъ небольшіе надѣлы въ случаѣ освобожденія съ землею; но нельзя не пожалѣть о совершенномъ непониманіи имъ важнаго значенія нашего общиннаго землевладѣнія.

Напротивъ, социалистъ Герценъ въ сочиненіяхъ, изданныхъ за границую до 1855 г., утверждалъ, что не только освобожденіе крестьянъ должно быть произведено не иначе, какъ съ надѣленіемъ ихъ землею, но что необходимо предоставить имъ всю ту землю, которою они теперь пользуются, и при томъ сохранить общинное землевладѣніе.

Обшій ходъ развитія крестьянскаго вопроса въ николаевскую эпоху обрисовывается слѣдующими чертами. Въ концѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ въ правительственныхъ сферахъ чувствовалось еще сильное вліяніе мысли о возможности безземельнаго освобожденія крестьянъ, рѣшительное осужденіе которой утверждается въ этихъ сферахъ лишь съ 1840 г., со времени представленія Киселевымъ обширной записки въ комитетъ, выработывавшій законъ объ обязанныхъ крестьянахъ. Въ этомъ, а также въ рѣшительной защитѣ общиннаго землевладѣнія и заключалась главная заслуга Киселева въ исторіи крестьянскаго вопроса. Между тѣмъ, какъ имп. Александръ I колебался между желаніемъ ограничить крѣпостное право и стремленіемъ освобождать крестьянъ по губерніямъ безъ земли, имп. Николай I полагалъ, что не настало еще время для ихъ освобожденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ убѣжденъ, что онъ долженъ серьезно подготовить окончательное рѣшеніе крестьянскаго дѣла; однако, онъ обнаружилъ мало энергіи въ этомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе нельзя не считать весьма важнымъ фактомъ въ исторіи крестьянскаго вопроса рѣшительное осужденіе государемъ въ 1842 г. остзейской системы безземельнаго освобожденія крестьянъ. Въ лицахъ, непосредственно его окружавшихъ, имп. Николай встрѣтилъ мало сочувствія своимъ стремленіямъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, и даже наслѣдникъ-цесаревичъ Александръ Николаевичъ высказывался въ царствованіе имп. Николая въ этомъ отношеніи въ консервативномъ смыслѣ. Понятно, что труды десяти „секретныхъ“, „келейныхъ“ и „особыхъ“ комитетовъ по крестьянскому дѣлу не привели ни къ какому серьезному практическому послѣдствію; только дѣятельность

десятаго комитета (о западныхъ губерніяхъ) вслѣдствіе болшей энергіи государя, по причинамъ политическимъ, въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ западной Россіи и содѣйствія генералъ-губернатора юго-западнаго края Бибікова, была не лишена полезныхъ до извѣстной степени результатовъ. Впрочемъ, законъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ, выработанный однимъ изъ этихъ комитетовъ, имѣлъ полезное вліяніе въ томъ отношеніи, что онъ усилилъ вниманіе къ крестьянскому дѣлу въ нашемъ провинціальномъ дворянствѣ и заставилъ болѣе интеллигентныхъ представителей этого сословія обсуждать вопросы объ измѣненіи отношеній между помѣщиками и крестьянами. Несмотря на почти совершенную безрезультатность дѣятельности многихъ секретныхъ комитетовъ, бюрократическій авторитетъ считался въ царствованіе имп. Николая достаточно сильнымъ, чтобы рѣшить крестьянскій вопросъ собственною властью безъ содѣйствія общества и печати. Учрежденіе мѣстныхъ комитетовъ изъ дворянъ по вопросу объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ обыкновенно не дозволялось правительствомъ; цензурный гнетъ мѣшалъ появленію въ печати литературныхъ произведеній, посвященныхъ обсужденію крестьянскаго вопроса или обвиненію крѣпостного права и такимъ образомъ замедлялъ выработку правильныхъ и гуманныхъ взглядовъ на это дѣло. Изъ всѣхъ мѣръ правительства въ царствованіе имп. Николая для ограниченія крѣпостного права самыми важными были: запрещеніе разлучать семейства при продажѣ, запрещеніе покупать крестьянъ безъ земли иначе, какъ съ припискою къ населеннымъ мѣстностямъ, и введеніе инвентарей въ юго-западномъ краѣ. Такимъ образомъ, и во второй четверти XIX-го вѣка, правительство далеко еще не выполнило требованій, высказанныхъ въ этомъ отношеніи лучшими представителями общества еще въ екатерининскую эпоху.

Несмотря на всѣ пренатствія, освободительныя идеи все болѣе распространялись среди дворянства, чему содѣйствовала сильная задолженность помѣщичьихъ имѣній, обязанность заботиться о продовольствіи крестьянъ въ неурожайные годы и нѣкоторые удачныя опыты хозяйствъ, основанныхъ на вольно-наемномъ трудѣ; важными факторами являются также гуманизирующее вліяніе литературы и усиленіе среди крестьянъ недовольства своимъ положеніемъ, выражавшееся цѣлымъ рядомъ волненій. Впрочемъ, наши помѣщики оказывались сплошь и рядомъ доступными освободительнымъ идеямъ лишь съ эгоистической точки зрѣнія. Многие изъ нихъ выражали въ царствованіе имп. Николая готовность освободить крестьянъ безъ земли или съ возможно малымъ ея количествомъ. Характерное выраженіе этихъ стремленій представляютъ проекты кружка тульскихъ

дворянъ (въ сороковыхъ годахъ). Однако, въ проектахъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ по крестьянскому вопросу, составленныхъ въ сороковыхъ и первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ, мы уже встрѣчаемъ, предложеніе освободить крестьянъ съ землею посредствомъ выкупа, основаннаго на кредитной операціи при содѣйствіи правительства. Вообще въ средѣ лучшихъ представителей общества и литературы въ николаевскую эпоху вырабатывается убѣжденіе, что прочное устройство быта освобожденныхъ крестьянъ должно опираться на два основныхъ устоя: земельный надѣлъ и общинное землевладѣніе.

Мы видимъ такимъ образомъ неукоснительное развитіе крестьянскаго вопроса: въ царствованіе императрицы Екатерины II дѣло идетъ преимущественно объ ограниченіи крѣпостного права; въ первую четверть XIX-го вѣка преобладаетъ мысль о безземельномъ освобожденіи крестьянъ; во вторую четверть нынѣшняго столѣтія и въ правительственныхъ сферахъ, и среди лучшихъ представителей общества и литературы вырабатывается убѣжденіе, что прочное устройство быта крестьянъ невозможно безъ надѣленія ихъ землею.

Мы видимъ, слѣдовательно, что живая и плодотворная мысль о необходимости ограниченія, а затѣмъ и совершеннаго уничтоженія крѣпостного права распространяется и развивается, несмотря на всѣ препятствія, даже и въ такіа эпохи, которыя съ перваго взгляда кажутся реакціонными.

Такимъ образомъ изученіе крестьянскаго вопроса въ теченіе столѣтія до его окончательнаго разрѣшенія, возбуждаетъ бодрость и даетъ вѣру въ то, что дѣятельность во имя дѣйствительныхъ интересовъ трудящихся классовъ никогда не останется безплодною, и что если извѣстная идея соответствуетъ потребностямъ общества и народа, то настанетъ время, когда она будетъ во что бы то ни стало осуществлена.

В. Семевскій.

**Изданія Историческаго Общества при Императорскомъ
С.-Петербургскомъ Университетѣ.**

„Историческое Обозрѣніе“. Цѣна за I томъ 2 р. 50 к.,
за II—VI по 2 р., за VII—1 р., за VIII—2 р.

Личные мемуары г-жи Роланъ. Переводъ съ француз-
скаго Н. Г. Вернадской. Цѣна 1 р.

Складъ изданій въ книжномъ магазинѣ типографіи М. М.
Стасюлевича (СПб., Вас. Остр., 5 л., д. 28).